

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел.: факс: 8 (495) 939-46-98

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. главного редактора, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Бабосов Евгений Михайлович — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru

Вельц Франк — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Водолянов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Джаннотти Андреа — доктор политических наук, профессор, Департамент политических наук, Университет Пизы (Италия), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Ильхам Мамед-Заде — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: lllham_mamedzade@mail.ru

Кеничи Охаша — профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккью, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyu.ac.jp

Михайленок Олег Михайлович — доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии РАН, e-mail: trudsocial@isras.ru

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Скворцов Николай Генрихович — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Смирнов Владимир Алексеевич — доктор социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, e-mail: kano_jgt@mail.ru

Тай-Лок Луи — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tlouklui@eduhk.hk

Фарро Антонио Луиджи — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

FOUNDER

**Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)**

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Managing Editor: Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Editor: Olga V. ILINIHI, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinihi@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Andrea Giannotti, PhD in Political Science, Professor, Department of Political Science, University of Pisa (Italy), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Maria M. Mchedlova, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN, e-mail: mchedlova_mmm@rudn.university

Oleg M. Mikhailenok, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department for the Study of Socio-Political Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: trudsociol@isras.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor of Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: kano_igt@mail.ru

Lui Tai-Lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tloklui@eduhk.hk

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 4 • Том 30 • 2024 •

ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Социологическое образование перед вызовами современности

- Осипова Н.Г.** Социологический факультет в системе социологического образования России: 35 лет лидерства. 7
- Зырянов В.В.** Социологическое образование в России: содержательное многообразие и институциональные ограничения 33
- Каневский П.С.** Публичная политика: на острие подготовки нового поколения политических экспертов 60
- Осипова Н.Г.** МГУ — любовь моя! 83

Современная социология — тренды XXI века

- Вершинина И.А.** Пространственная организация постиндустриального общества 95
- Лядова А.В.** Конструирование социальных представлений современной молодежи о здоровьесбережении: состояние и проблемы. 111
- Мартыненко Т.С.** Социальное неравенство в XXI в.: разрыв в доступе к ресурсам, технологиям и устойчивому будущему 130
- Смирнов В.А.** «Цифровизация» социологии: новые возможности и ключевые противоречия 145
- Гавриленко О.В.** Социальные технологии в управлении современным российским обществом. 164

<i>Антонов А.И., Синельников А.Б., Новосёлова Е.Н.</i> Социологические исследования в области семьи и демографии: отвечая на вызовы современности	188
<i>Барков С.А., Маркеева А.В., Осеев А.А.</i> Экономическая социология и менеджмент в спектре современных управленческих и экономических идей	207
Эмпирические исследования социологического факультета	
<i>Елишев С.О., Дорцева Е.В.</i> Социальная коммуникация в современном обществе: опыт эмпирического исследования	234
<i>Дорцева Е.В.</i> Представления российских студентов о сущности, видах и методах пропаганды: по результатам эмпирического исследования	264
<i>Белов А.А.</i> Медиатизация медицины и здоровья: дисфункциональные аспекты	278
<i>Цзо Ци.</i> Цифровое доверие в процессе цифровой трансформации Китая: методология и результаты эмпирического исследования	293

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

**N 4 • VOLUME 30 • 2024 •
OCTOBER — DECEMBER**

Four Issues per Annum

CONTENTS

Sociological education in the face of modern challenges

- Osipova N.G.** The Faculty of Sociology in the Russian sociological education system: 35 years of leadership 7
- Zyryanov V.V.** Sociological education in Russia: content diversity and institutional limitations 33
- Kanevsky P.S.** Public policy: at the forefront of training a new generation of political experts. 60
- Osipova N.G.** MSU — my love! 83

Modern sociology — trends of the 21st century

- Vershinina I.A.** Spatial organization of post-industrial society 95
- Liadova A.V.** Forming of modern Russian youth's social representations about maintaining health: condition and problems 111
- Martynenko T.S.** Social inequalities in the twenty-first century: gaps in access to resources, technology and a sustainable future 130
- Smirnov V.A.** The “digitalization” of sociology: new opportunities and key contradictions. 145
- Gavrilenko O.V.** Social technologies in management of modern Russian society 164

Antonov A.I., Sinelnikov A.B., Novoselova E.N. Sociological research in the field of family and demography: responding to the challenges of our time	188
Barkov S.A., Markeeva A.V., Oseev A.A. Economic Sociology and Management in the spectrum of modern managerial and economic ideas	207
Empirical research of the Faculty of Sociology	
Elishev S.O., Dortseva E.V. Social communication in modern society: experience of empirical research	234
Dortseva E.V. Ideas of Russian students about the essence, types and methods of propaganda: based on the results of empirical research	264
Belov A.A. Mediatization of medicine and health: dysfunctional aspects.	278
Zuo Qi. Digital trust in China's digital transformation process: methodology and results of an empirical research.	293

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-7-32

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ В СИСТЕМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ: 35 ЛЕТ ЛИДЕРСТВА

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В настоящей статье отражены достижения социологического факультета Московского государственного университета, который уже свыше 35 лет является признанным лидером в системе социологического образования России и готовит профессиональных социологов, очень востребованных на современном рынке труда. За последние пять лет путевку в профессиональную жизнь получили 1287 российских студентов (816 бакалавров и 471 магистр), а также 368 студентов-иностранцев, приток которых постоянно растет.

Автор отмечает, что особенностью обучения является гармоничное сочетание фундаментального и прикладного знания, теоретического и эмпирического умений, что характерно для классического университетского образования. В своей образовательной и научной деятельности социологический факультет МГУ опирается на сочетание фундаментальных научных знаний и эмпирических навыков, которые позволяют студентам быть не только практиками, способными обрабатывать и анализировать данные, но и теоретиками, понимающими глубинные социальные процессы. Система образования социологического факультета постоянно модернизируется, чтобы отвечать вызовам и требованиям современности. В данной связи особое внимание на социологическом факультете уделяется внедрению новых образовательных технологий, в том числе сетевой формы реализации образовательных программ, проектного обучения, дистанционных образовательных технологий, электронного обучения.

В статье в систематизированном виде представлены достижения кафедр социологического факультета, а также итоги научной деятельности всего факультета, которые отражены в многочисленных монографических изданиях, публикациях статей, а также в докладах на международных и общероссийских конференциях. Многие монографии, опубликованные сотрудниками факультета, стали бестселлерами. В их числе: монография Н.Г. Осиповой

* Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: ngo@socio.msu.ru

и С.О. Елишева «Революции и государственные перевороты: теория, история и практика», монография Н.Г. Осиповой и С.О. Елишева «Историческая Россия: территории и перспективы», монографии С.О. Елишева «Социология религии в имперской России» и «Имперская государственность — судьба и миссия России», коллективная монография сотрудников кафедры современной социологии «Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России», коллективные монографии кафедры экономической социологии и менеджмента «Старшее поколение в постиндустриальных реалиях» и «Артефакты организационной культуры».

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова принимает активное участие в совместном развитии Инновационного научно-технологического центра МГУ «Воробьевы горы», способствовал запуску переговоров между ИНТЦ МГУ и крупными представителями реального сектора экономики. Большое внимание он уделяет сохранению культурно-исторического наследия России, популяризации традиционных для российского менталитета ценностей. Знаковой площадкой для реализации этого направления стал Введенский ставропигиальный мужской монастырь «Оптина Пустынь», в духовно-просветительском центре которого профессора факультета Н.Г. Осипова и С.О. Елишев выступали с публичными лекциями.

Автором детально освещены направления международного сотрудничества социологического факультета и мероприятия, способствующие привлечению абитуриентов.

Ключевые слова: социология, социологический факультет, социологическое образование, направления подготовки, проектное обучение, кафедры социологического факультета, монографические издания, инициативные разработки.

THE FACULTY OF SOCIOLOGY IN THE RUSSIAN SOCIOLOGICAL EDUCATION SYSTEM: 35 YEARS OF LEADERSHIP

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

This article reflects the achievements of the Sociology Faculty of Moscow State University, which has been a recognized leader in the Russian sociological education system for over 35 years and trains professional sociologists who are in great demand in the modern labor market. Over the past 5 years, 1,287 Russian students (816 bachelors and 471 masters), as well as 368 foreign students, whose influx is constantly growing, have received a start in professional life. The author notes that the feature of learning is a harmonious combination of fundamental and applied knowledge, theoretical and empirical skills, which is typical for classical university education. In its educational and scientific activities, the Faculty of Sociology of Moscow State University relies on a combination of fundamental scientific knowledge and empirical skills that allow stu-

dents to be not only practitioners capable of processing and analyzing data, but also theorists who understand deep social processes. The education system of the Faculty of Sociology is constantly being modernized to meet the challenges and requirements of modernity. In this regard, special attention is paid at the Faculty of Sociology to the introduction of new educational technologies, including the network form of educational programs, project-based learning, distance learning technologies, and e-learning. The article presents in a systematic form the achievements of the departments of the Faculty of Sociology, as well as the results of the scientific activities of the entire faculty, which are reflected in numerous monographic publications, publications of articles, as well as in reports at international and all-Russian conferences. Many monographs published by faculty members have become bestsellers. Among them: a monograph by N.G. Osipova and S.O. Elishev "Revolutions and coups d'état: theory, history and practice", a monograph by N.G. Osipova and S.O. Elishev "Historical Russia: territories and prospects", monographs by S.O. Elisheva "Sociology of Religion in Imperial Russia" and "Imperial Statehood — the fate and mission of Russia", a collective monograph by the staff of the Department of Modern Sociology "Social inequality in the modern world: new forms and features of their manifestation in Russia", collective monographs of the Department of Economic Sociology and Management "The older generation in post-industrial realities" and "Artifacts of organizational culture". The Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University takes an active part in the joint development of the Innovative Scientific and Technological Center of Moscow State University "Vorobyovy Gory", contributed to the launch of negotiations between the INTC of Moscow State University and major representatives of the real sector of the economy. He pays great attention to the preservation of the cultural and historical heritage of Russia, the popularization of traditional values for the Russian mentality. A landmark platform for the implementation of this direction was the Vvedensky Stavropol Monastery "Optina Pustyn", in the spiritual and educational center of which professors of the faculty N.G. Osipova and S.O. Elishev gave public lectures. The author highlights in detail the directions of international cooperation of the Faculty of Sociology and activities that help attract applicants.

Key words: sociology, Faculty of Sociology, sociological education, training areas, project training, departments of the Faculty of Sociology, monographic publications, initiative developments.

Социология — наука, ставящая целью раскрытие причинно-следственных связей, возникающих между индивидами и группами в процессе социальных отношений. Это базовая общественная наука, которая изучает социальную реальность, характер и содержание социальных действий человека, а также процессы взаимодействия людей во всех сферах общественной жизни — политике, экономике, культуре и т.п. Социология дает убедительные, обоснованные с помощью современного научного знания, ответы на новые вызовы общественного и технологического развития, позволяет эффективно и целенаправленно управлять социальными действиями людей и, тем самым, преобразовывать общество. При этом социология

применяет к исследованию общества точные методы социального познания, которые доказали свою плодотворность в естественных и технических науках.

Во всех основных сферах жизнедеятельности человеческого общества присутствуют социальные факты, — “категория фактов, отличающаяся весьма специфическими свойствами; ее составляют способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются”¹ и которые изучает исключительно социология.

Сегодня, несмотря на многочисленные дискуссии, которые ведутся по поводу объекта и предмета социологии, общепринятой является точка зрения о том, что объектом социологии является не общество, которое служит объектом многих общественных наук, а социальная реальность. Социальная реальность — это “все то, что создано человеком и является объективированным результатом его субъективной деятельности”². Все законы общественного развития действуют в той объективной реальности, которую создал человек. Социальная реальность — это аналитически вычленяемая из всех явлений, охватывающих жизнедеятельность людей, система действий и взаимодействий между людьми. Социальная реальность представляет собой особую систему, развивающуюся по особым законам. С одной стороны, социальная реальность — это во многом невидимый, мысленно вычленяемый мир. С другой стороны, это сеть взаимоотношений между реальными социальными акторами (межчеловеческий мир), пронизывающая реально осязаемый мир. В целом, социальная реальность создается в процессе социальных взаимодействий субъектов, является результатом как их сознания, так и жизнедеятельности в определенном ограниченном территориальном и временном (историческом) пространстве. Она может фиксироваться и в поведении людей, и в характере их ценностных ориентаций, и в формах организации жизни, и в ролевом поведении³.

Объективные знания о социальной реальности, о происходящих в ней явлениях и процессах, теоретически систематизируются и могут быть осмыслены только в рамках научного творчества профессиональных социологов, которые давно занимают прочные и высокие позиции в системе профессионального разделения тру-

¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 2008. С. 70–71.

² Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М., 2010. С. 274.

³ Там же.

да современного мира. Подготовку профессиональных социологов осуществляют учреждения высшего образования, в рамках которых созданы специальные социологические факультеты и отделения. В России их общепризнанным лидером с 1989 г. является социологический факультет Московского государственного университета, учебу в котором охотно выбирают абитуриенты.

Уже более 35 лет социологический факультет МГУ готовит профессиональных социологов, очень востребованных на современном рынке труда. За последние пять лет путевку в профессиональную жизнь получили 1287 российских студентов (816 бакалавров и 471 магистр), а также 368 студентов-иностранцев, приток которых постоянно растет. Дело в том, что на социологическом факультете очень интересно учиться. Отличительной особенностью обучения является гармоничное сочетание фундаментального и прикладного знания, теоретического и эмпирического умений, что характерно для классического университетского образования.

Сегодня социологический факультет осуществляет набор и обучение студентов бакалавриата по двум направлениям. Подготовка в рамках первого направления, “Социология”, осуществляется по образовательным стандартам ОС МГУ под ФГОС 3++ для реализуемых ОПОП ВО по направлению подготовки 39.03.01 “Социология” (уровень бакалавриата) и ОС МГУ под ФГОС 3++ для реализуемых ОПОП ВО по направлению подготовки 39.04.01 “Социология” (уровень магистратуры). Данное направление ориентировано на подготовку экспертов, осуществляющих социальную экспертизу решений, принимаемых в различных сферах общественной жизни. Это создает условия для формирования уникальной и выгодно отличающейся от аналогов образовательной программы по социологии в других вузах и подразделениях МГУ, в частности — Высшей школы социальных наук, а учебный план содержит очень перспективные и востребованные дисциплины. Эксперт — это компетентный специалист, дающий решающее — экспертное заключение при рассмотрении какого-либо актуального вопроса. Сегодня эксперт — очень влиятельная фигура в политическом, экономическом и общественном пространстве, способная активно воздействовать на общественное мнение.

В 2019 г. на социологическом факультете началась подготовка бакалавров по второму, быстро ставшему популярным направлению — 41.03.06 “Публичная политика и социальные науки” профиль “Экспертная деятельность в управлении социально-политическими проектами”. Подготовка в рамках этого направления осуществляется по ФГОС ВО 3++ по направлению подготовки 41.03.06

“Публичная политика и социальные науки” (уровень бакалавриата). Выпускники этого направления получают квалификацию “Политолог”, а его профиль (специализация) — “Экспертная деятельность в управлении социально-политическими проектами”, предполагает комплексное изучение политологии и связанных с ней дисциплин и конечно, публичной политики с использованием новейших теоретических знаний и методов анализа социально-политической реальности, овладение практическими навыками организационно-управленческой, проектно-аналитической, социально-коммуникативной и научно-исследовательской деятельности в области социальных наук.

Социологический факультет имеет интересную программу обучения в магистратуре. Вниманию абитуриентов предлагаются следующие магистерские программы: “Современная социология”, “Массовые коммуникации и публичная политика”, “Системный анализ государственного управления социальной динамикой”, “Социальные технологии современного управления”, “Коммуникационное пространство современного мегаполиса”, “Системная аналитика и социоинженерная деятельность”.

Особой популярностью у абитуриентов пользуются такие магистерские программы, как “Современная социология” и “Массовые коммуникации и публичная политика”, открытая недавно. Первая программа обеспечивает подготовку специалистов, владеющих базовыми компонентами современного социологического знания. Учебные дисциплины, изучаемые в ходе освоения этой магистерской программы, раскрывают и концептуализируют широкий спектр проблем современного социально-институционального порядка, социальных структур и процессов, протекающих в современных обществах; роль личности в системе современных социальных отношений; современные социальные конфликты, другие новейшие явления современного социального мира (оформление глобального порядка, сетевых структур, интернета и т.д.) Успешное овладение магистерской программой позволяет выпускникам работать в научно-исследовательских учреждениях в качестве научных сотрудников и преподавателей различных социологических дисциплин в системе высшего профессионального образования.

Вторая магистерская программа “Массовые коммуникации и публичная политика” обеспечивает подготовку специалистов, владеющих современными инструментами и технологиями социологического и политического анализа. Программа сочетает фундаментальную теоретическую подготовку в области современной теоретической и эмпирической социологии с развитием практиче-

ских навыков управления коммуникационными процессами, диагностики, экспертизы и решения проблем в сфере публичной политики. Особое внимание уделяется актуальным аспектам социологии и психологии массовых коммуникаций, в том числе трансформации систем массовой коммуникации в цифровом обществе, а также их влиянию на массовое сознание и индивидуальное поведение. Важное место занимает анализ различных аспектов социального управления публичной сферой, особенно с помощью манипулятивных методов и технологий, а также искусству публичной риторики и политической пропаганды.

Формируемый в рамках магистерской программы набор компетенций, знание актуальных концептуальных подходов и лучших практик коммуникационного управления, а также критические, аналитические и исследовательские навыки, формируемые при обучении по магистерской программе, обеспечивают готовность выпускников к работе в аналитических социологических центрах, государственных и муниципальных управленческих структурах, аппаратах политических партий, PR и GR-подразделениях, международных и российских некоммерческих организациях, осуществляющих аналитическую, экспертную и консалтинговую деятельность в сфере современной публичной политики.

В своей образовательной и научной деятельности социологический факультет МГУ опирается на сочетание фундаментальных научных знаний и эмпирических навыков, которые позволяют студентам быть не только практиками, способными обрабатывать и анализировать данные, но и теоретиками, понимающими глубинные социальные процессы. Система образования социологического факультета постоянно модернизируется, чтобы отвечать вызовам и требованиям современности.

В данной связи особое внимание на социологическом факультете уделяется внедрению новых образовательных технологий, в том числе сетевой формы реализации образовательных программ, проектного обучения, дистанционных образовательных технологий, электронного обучения. Так, в последние годы на социологическом факультете активно применялись различные формы проектного обучения (ситуационные задания, решения кейсов, деловые игры, учебные проекты и др.). Для реализации проектного обучения эффективно использовались цифровые платформы, позволяющие формировать как индивидуальные проекты, так и парные или групповые проектные коллективы, активно применять возможности создания совместных файлов/баз данных для организации проекта, оперативно отслеживать выполнение этапов проектов и осуществ-

влять обратную связь, применять технологии взаимного оценивания студентами проектов.

Организация практических (семинарских) занятий по дисциплинам, обеспечиваемым кафедрами социологического факультета для студентов бакалавриата по направлениям “Социология” и “Публичная политика и социальные науки”, студентов магистратуры также включает в себя индивидуальные и групповые проекты. При этом используются разные типы проектов – одни направлены на стимулирование креативности (творческой инициативы); другие — основаны на реальных данных (статистических или социологических) и нацелены на решение практической задачи в условиях, близких к реальной жизни. Важной составляющей реализуемых проектов являются: случайный способ отбора участников в группы (при групповых проектах), персонализация задания (с учетом научных интересов группы и специфики аудитории), выставление требований по поиску и систематизации информации для обоснования выводов, а также привлечение студентов к обсуждению и оценке результатов проектов, организация внутрикомандной рефлексии. На этапе презентации результатов проектов студенты оттачивают навыки ораторского искусства, учатся устанавливать контакт с аудиторией, удерживать ее внимание.

Проектное обучение применяется на социологическом факультете и в рамках освоения теоретических (фундаментальных) дисциплин. Так, на практических занятиях по истории и теории социологии используются разные игровые формы, помогающие лучше закреплять сложный материал: студенты делятся на команды и проводят анализ кейсов с точки зрения разных социологических теорий, составляют кроссворды/ребусы из ключевых понятий, проводят “тренинги”, т.е. студенты сами готовят короткий опрос по всем пройденным темам.

Как уже было показано выше, социологический факультет готовит специалистов, способных к осуществлению экспертной деятельности. Экспертная деятельность предполагает как умение публично представлять результаты экспертизы (т.е. умение донести свое мнение, правильно представить), так и навыки работы с публичным пространством (защитить свое мнение, на основе экспертизы показать актуальность или важность отдельной проблемы и уметь активно продвигать свои идеи, воздействовать на восприятие/принятие этой идеи в общественной среде/общественном сознании). В качестве примера проектного обучения, направленного на формирование навыков по проведению социологической экспертизы, можно привести групповые проекты по дисциплине “Социальные

технологии”, в числе которых проведение социальной экспертизы “Ускоренная цифровизация в сфере N и ее последствия для занятости персонала”. Студенты проводили социальную экспертизу и выделяли риски/социальные последствия для занятости персонала в этих какой-то сфере — сокращения персонала, снижение заработной платы, необходимость переквалификации, появления новых профессий и отмирания старых и др. — в условиях активного внедрения технологий автоматизации, роботизации, ИИ, машинного обучения и др. Выводы базировались на надежной информации: материалах официальной статистики, отчетах профильных министерств и ведомств, форсайтах, данных социологических исследований, экспертных заключениях и т.п.)⁴.

За последние пять лет на социологическом факультете значительно расширился перечень программ дополнительного образования и повышения квалификации, отвечающих актуальным современным трендам. Так в 2024 г. запущена реализация двух программ, связанных с искусственным интеллектом и новыми прикладными навыками — “Извлечение, обработка и анализ цифровых данных (с использованием языка программирования Python)”, “Модели и технологии искусственного интеллекта в контексте цифрового общества”.

Самыми популярными дополнительными общеобразовательными программами на социологическом факультете за последние пять лет стали “Как провести социологический опрос: десять необходимых шагов” и “Социально-демографические проблемы в свете новых вызовов”, а наибольший интерес среди программ повышения квалификации у слушателей вызвали “Качественные методы в социологических исследованиях”, “Управление кадровым потенциалом: эффективные технологии и социологическое обеспечение”, “Конфликт: способы предупреждения и разрешения”, “Качественный анализ данных и Mix-method в программе MaxQDA”.

В рамках повышения квалификации социологический факультет активно сотрудничает с известными компаниями, например, с ОАО “РЖД”. В 2023 г. сотрудники ОАО “РЖД” с 26 октября по 4 декабря 2023 г. прошли повышение квалификации по программе “Качественные методы в социологических исследованиях” на социологическом факультете. По данной программе было обучено 20 сотрудников компании ОАО “РЖД”, занимающих должности

⁴ См. подробнее: *Осипова Н.Г., Гавриленко О.В., Прончев Г.Б., Дорцева Е.В.* Социологическое образование перед вызовами пандемии: новые образовательные технологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. № 2.

социологов I категории, психологов I категории, ведущих специалистов по управлению персоналом, специалистов по управлению персоналом центров оценки, мониторинга персонала и молодежной политики железной дороги. Осенью же 2023 г. для сотрудников ОАО “РЖД” была успешно реализована программа повышения квалификации “Управление кадровым потенциалом: эффективные технологии и социологическое обеспечение”. Повышение квалификации проходило 16 сотрудников компании ОАО “РЖД”, занимающие должности начальника/заместителя начальника центров оценки, мониторинга персонала и молодежной политики железной дороги. Всеми слушателями был отмечен высокий уровень профессионализма преподавателей, их личные качества, умение доступно и оригинально преподнести излагаемый материал.

Сотрудники социологического факультета также с необходимой периодичностью проходят повышение квалификации. За последние пять лет сотрудники обучались по таким программам повышения квалификации как “Цифровая педагогика современного университета”, “Современные психолого-педагогические технологии обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья”, «Пакет офисных приложений “МойОфис Стандартный” в профессиональной деятельности», “Электронные ресурсы МГУ имени М.В. Ломоносова”, “Разработка стратегии интернационализации и развития международной деятельности высшего учебного заведения”, “Методика преподавания основ российской государственности”, “Психолого-педагогическая коррекция и обучение детей с расстройством аутистического спектра”, “Школа анализа больших данных в социогуманитарных науках” и др.

Специализированными подразделениями социологического факультета являются его кафедры, которые охватывают важнейшие предметные области фундаментальной и прикладной социологии.

С момента основания социологического факультета ведущее место среди его подразделений традиционно занимала кафедра истории и теории социологии, возглавляемая основателем социологического факультета и его первым деканом, профессором В.И. Добренковым. И сегодня эта кафедра дает студентам самую разностороннюю социологическую подготовку в области истории социологической мысли и фундаментальной социологии. Преподаватели кафедры, сочетая исследовательский интерес к социологическому наследию и новейшим достижениям социальной теории, читают курсы и руководят исследовательской работой студентов в области зарубежной и отечественной социологии и теоретических проблем социологии и социальной философии.

В настоящее время основным учебно-научным структурным подразделением социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова является кафедра современной социологии, основанная в 2015 г. деканом социологического факультета, профессором Н.Г. Осиповой. Деятельность этой кафедры охватывает все сферы современного социологического знания, при этом приоритет отдается новейшим теоретическим подходам, их методологическим основам, методам практического подтверждения их базовых посылок. Целью кафедры является организация на высоком уровне учебной и научной работы для подготовки квалифицированных социологов, пользующихся повышенным спросом на современном рынке труда. Под руководством декана социологического факультета, доктора социологических наук, заслуженного профессора МГУ кафедра современной социологии за последние пять лет кафедра подтвердила свой статус лидера и системообразующего подразделения социологического факультета. Ее сотрудниками кафедры были опубликованы 172 статьи в журналах ядра РИНЦ, 308 статей в журналах из списка ВАК РФ, 24 монографии. В их числе “Молодёжь в системе социально-гуманитарных наук”⁵, “Религия: социологический анализ”⁶, “Социальные отношения в большом городе”⁷, “Медицина и общество: солидарность и конфликт”⁸. По дисциплинам, читаемым преподавателями кафедры издано 15 учебников и учебных пособий. Наиболее значимыми среди них являются учебник Н.Г. Осиповой “Современная социологическая теория” в 2-х частях⁹, а также недавно ею же изданный учебник “Социология”¹⁰, учебные пособия “Социология здоровья”¹¹ “Современная социология”¹².

Преподаватели кафедры более 400 раз выступили на российских и международных конференциях, приняли непосредственное участие в организации и соорганизации более чем 40 конференций. Они же выиграли конкурсы на получение трех грантов: “Но-

⁵ Осипова Н.Г., Елишев С.О. Молодёжь в системе социально-гуманитарных наук. М., 2022.

⁶ Осипова Н.Г., Елишев С.О. Религия: социологический анализ. М., 2022.

⁷ Вершинина И.А. Социальные отношения в большом городе. М., 2024.

⁸ Семина Т.В. Медицина и общество: солидарность и конфликт. М., 2020.

⁹ Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. Ч. 1. М., 2019; Она же. Современная социологическая теория. Ч. 2. М., 2020.

¹⁰ Осипова Н.Г. Социология. М., 2024.

¹¹ Лядова А.В. Социология здоровья. М., 2023.

¹² Современная социология: Уч. пособ. для вузов / Под общ. ред. Н.Г. Осиповой. М., 2023.

вые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России” (руководитель — профессор Н.Г. Осипова), “Социальное конструирование здоровья молодежи в условиях цифровизации” (руководитель — профессор Н.Г. Осипова), “Экологический неокOLONиализм XXI века и экологическая безопасность современной России” (руководитель — доцент И.А. Вершинина).

“Реорганизацию длиною в жизнь”¹³ пережила кафедра экономической социологии и менеджмента под руководством доктора социологических наук, профессора С.А. Баркова. Сегодня это одна из самых востребованных и эффективных кафедр социологического факультета, визитной карточкой которой являются грантовые исследования, научно-образовательные проекты и инициативные разработки.

Ярким примером является совместный грант при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00020 “Особенности занятости и социализации лиц пенсионного возраста в Республике Беларусь и Российской Федерации: компаративистский социологический анализ” (2020–2022), при реализации которого были решены следующие важные задачи: теоретически концептуализированы проблемы социализации и трудоустройства лиц, достигших пенсионного возраста; осуществлен сравнительный социологический анализ особенностей трудоустройства лиц, достигших пенсионного возраста в Республике Беларусь и Российской Федерации, выявлены ключевые факторы мотивации и карьерных предпочтений пенсионеров и определены возможности и направления организации занятости представителей старших возрастов в Беларуси и России, включая как традиционные, так и новые формы, для служб занятости и HR-подразделений разработаны рекомендации по содействию трудовой и профессиональной социализации лиц старших возрастов.

В 2019–2022 гг. кафедрой были реализованы несколько этапов совместного научно-образовательного проекта с Университетом Прикладных трудовых исследований Федеральной службы занятости Германии (проект реализуется с 2017 г.). Проект был направлен на осуществление научного студенческого обмена, развитие опыта межкультурного и командного взаимодействия; проведение сравнительных исследований с целью выявления страновой специфики на рынках труда России и Германии и выявление лучших практик

¹³ Барков С.А., Осеев А.А. История кафедры экономической социологии и менеджмента – реорганизация длиною в жизнь // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 4. С. 52–76.

для возможного последующего внедрения в практику служб занятости России и Германии. Общие темы исследований за 2019–2022 гг.: “Будущее труда” (в том числе, деградация труда (деквалификация) работников в эпоху автоматизации; вовлечение пожилых людей в активную трудовую деятельность; влияние социальных сетей на занятость; аутсорсинг как фактор, определяющий карьеру в постиндустриальном обществе), “Безработица в России и Германии” (в том числе, безработица и авантюризм; образ безработных в социальных медиа; влияние потери работы на отношения в семье (любовь, дети и др.)). Проект был отмечен Премией в рамках Программы развития МГУ (2021).

На основе инициативных кафедральных разработок, осуществленных за 2019–2022 гг. создана оригинальная типология организационных культур на основе представленности в них артефактов или бытовых элементов, выделены тенденции, описывающие направления развития этих составляющих организационной культуры в современных условиях. Представленная типология, органически дополняя существующие управленческие и национально-ориентированные типологии, формирует иное воспринятое организационной культуры.

Сотрудниками кафедры выявлены особенности и направления трансформации института образования в современных условиях. Еще до начала объявленной реформы российского высшего образования обоснована необходимость перехода (возврата) к специалитету, а также доказана необходимость реализации институционального подхода к управлению высшим образованием (подхода, ориентированного не на административные приказы и достижение формальных целей, а на установление норм и правил для саморазвития системы образования), активного применения принципов и технологий постиндустриального менеджмента в системе образования. В рамках исследований определены также ключевые барьеры и направления адаптации системы высшего образования к запросам лиц среднего и старшего возрастов.

Над уточнением проблемного поля социологии коммуникаций с учетом реалий цифровой трансформации активно работает кафедра социологии коммуникативных систем, которую возглавляет доктор социологических наук, профессор А.К. Мамедов.

Сотрудниками кафедры разработаны методологические подходы исследования коммуникативного пространства, определены новые акторы коммуникативного взаимодействия, выявлены новые ограничения и функциональные параметры, а в опубликованных в рейтинговых журналах работах апробированы новые подходы.

Ими расширена проблематика коммуникативных исследований, так, в частности, введены в научный оборот такие темы как роскошь, чистота, экология коммуникативного пространства. Например, инновационный подход к проблеме социального поля актуализирован в концепции запахов как типе коммуникативного взаимодействия¹⁴. Значительный вклад кафедра внесла в разработку методологии социального познания. Опубликованы книги из серии “Классики социальной науки”, в которых оригинально представлено творчество К.Г. Юнга и Эриха Фромма. Следует отметить, что кафедра активно взаимодействует с республикой Беларусь, с которой ежегодно проводятся научные конференции, публикуются совместные монографии и сборники. При этом от радно, что помимо преподавателей в белорусских журналах публикуются и студенты. Кафедра активно участвует в научной деятельности Фонда Гейдара Алиева и является соорганизатором Международных Алиевских Чтений, а ее методические и научные материалы передаются в университеты Азербайджана (филиал МГУ) и Минский государственный университет.

Кафедра социальных технологий была создана на социологическом факультете в 2013 г. Первым заведующим кафедры социальных технологий стал Д.В. Мантуров, выпускник социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, который в настоящее время занимает пост Первого заместителя председателя правительства РФ. Сегодня руководит кафедрой социальных технологий кандидат социологических наук, доцент, выпускница социологического факультета МГУ О.В. Гавриленко. Сотрудники кафедры ведут свою научную деятельность в рамках следующих основных тем приоритетного направления: “Цифровизация социального управления и социального контроля”, “Социальные технологии социокультурной, экономической и политической модернизации российского общества”, “Социальные технологии трансформации социальных институтов”. Научно-преподавательская деятельность кафедры основана на том, что социальные технологии сегодня — это не только динамично развивающаяся отрасль социологического знания, но и отдельная область социальной практики¹⁵. Социальные технологии являются инструментом социального управления и претендуют на целенаправленное и эффективное воздействие субъектов управ-

¹⁴ Мамедов А.К., Горлач М.Е. Запахи в системе социальных взаимодействий: Уч. пособ. М., 2023.

¹⁵ Гавриленко О.В. Социальные технологии как исследовательское поле и инструмент социальных преобразований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 4. С. 77–94.

ления на социальные объекты (институты, организации), процессы их развития. В данной связи приоритетным направлением научных исследований кафедры социальных технологий являются социальные технологии в управлении обществом.

Кафедра социологии семьи и демографии, которой руководит доктор философских наук, профессор А.И. Антонов, была создана в августе 1991 г. и имеет огромный спектр научно-практических достижений, которые обусловлены новаторским решением проблем в рамках парадигмы фамилизма-натализма и на базе материалов социолого-демографических исследований. С середины 1990-х гг. по настоящее время кафедрой проведено свыше 20 выборочных межрегиональных исследований по грантам РГНФ, РФФИ, РНФ и др. Результаты исследований кафедры используются ее сотрудниками постоянно в общественной работе и деятельности в разного рода научно-практических комиссиях и экспертных группах при Правительстве РФ, Государственной Думе и Совете Федерации. В настоящее время заведующий кафедрой А.И. Антонов является членом Президиума Экспертного совета (по проблемам демографии) Совета Федерации, а также членом межведомственной рабочей группы по подготовке проекта “Стратегии семейной и демографической политики Российской Федерации”. По итогам анализа эмпирических данных опубликован ряд авторских и коллективных монографий¹⁶, а также учебное пособие¹⁷.

Для обсуждения научных достижений и налаживания контактов коллегами кафедрой постоянно проводится научно-организационная работа. В последние годы была организована ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием “Социальная динамика населения и устойчивое развитие”, а также Всероссийский конкурс социальной рекламы “Семья RUлит”. В “Год Семьи” сотрудники кафедры интенсивно, в рамках публичной политики, пропагандируют с научной точки зрения цели и задачи семейно-демографической политики, а также достижения Московского университета в СМИ.

Кафедра социологии государственного управления, первоначальное название которой “Государственное и муниципальное управление”, начала свою деятельность с 1 сентября 1999 г. Традиционно кафедра работала по направлениям подготовки специалистов

¹⁶ См., например: *Новоселова Е.Н.* Здоровье как ценность и практика: общество, семья, личность. М., 2021.

¹⁷ *Синельников А.Б.* Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ. Уч. пособ. М., 2022.

как в области социологии, так и в области менеджмента организации, а в 2014 г. был задан новый вектор в развитии кафедры, направленный на сочетание социологической теории, практической социологии и управления.

Социальные практики в России и других странах выдвинули целый ряд новых феноменов и проблем общественной динамики, которые требовали нового подхода к анализу роли государства, осмысления и трансляции в учебный процесс нового государственного сознания. Модернизация государственного управления, его соответствие интересам общества, формирование среднесрочных и долгосрочных целей социальной динамики стали логичными направлениями деятельности кафедры. В последнее время научные исследования и учебная работа кафедры социологии государственного управления трансформировались, когда был осуществлен логичный переход от тематики государственного и муниципального управления к доминанте проблем социального государства и социальной политики. Это новое направление позволило более широко предметно исследовать и добавлять компетенции в учебном процессе студентам в области социальных изменений, социальной динамики на основе социологического знания, многочисленных дискуссий о долгосрочном тренде социального развития России, что нашло отражение в классических кафедральных учебниках, материал которых постоянно обновляется¹⁸.

Следует отметить, что кафедрой разработана новаторская магистерская программа “Системный анализ государственного управления социальной динамикой”, которая ориентирована на подготовку высококвалифицированных специалистов в области социологии государственного управления. Эта программа представляет собой уникальный синтез теоретических и прикладных дисциплин, ориентированных на исследование современных направлений социальной динамики, складывающихся трендов развития в условиях инновационной деятельности. Образовательные приоритеты программы состоят в формировании навыков и компетенций профессиональных аналитиков, способных в условиях динамичных социальных изменений формировать научно обоснованную стратегию социального развития, обеспечивая достижение гармонизации интересов различных социальных слоев и групп. Практическая ориентация программы обеспечивает готовность выпускников к работе в государственных, муниципальных и корпоративных управленческих структурах,

¹⁸ См., например: *Васильев В.П.* Государственное регулирование экономики. Уч. и практикум для вузов. М., 2024.

включая GR, службах обеспечения социальной поддержки населения в аналитических социологических центрах, структурах политических партий и социально ориентированных НКО.

Социологический факультет ведет активную научную жизнь, постоянно расширяет научные связи и партнерские отношения с отечественными и зарубежными вузами, профессиональными организациями социологического и несоциологического профиля. Научные достижения факультета отражены в многочисленных монографических изданиях, публикациях статей, а также в докладах на международных и общероссийских конференциях.

Многие монографии, опубликованные сотрудниками факультета, стали бестселлерами. В их числе: монография Н.Г. Осиповой и С.О. Елишева “Революции и государственные перевороты: теория, история и практика”¹⁹, монография Н.Г. Осиповой и С.О. Елишева “Историческая Россия: территории и перспективы”²⁰, монографии С.О. Елишева “Социология религии в имперской России” и “Имперская государственность — судьба и миссия России”²¹, коллективная монография сотрудников кафедры современной социологии “Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России”²², коллективные монографии кафедры экономической социологии и менеджмента “Старшее поколение в постиндустриальных реалиях” и “Артефакты организационной культуры”²³.

За последние пять лет сотрудниками факультета опубликовано 389 статей в журналах из списка ядра РИНЦ, 850 статей в журналах из списка ВАК РФ. За шесть неполных лет преподаватели и научные сотрудники опубликовали 101 монографию, 62 учебника и учебных пособий, а всего — 1402 работы, не считая публикаций в материалах конференций. Сумма импакт-факторов по международным базам цитирования составляет 170,952. Средний индекс Хирша (РИНЦ) по факультету составляет 9. Общее число цитирований сотрудников факультета (РИНЦ) составляет 45967.

¹⁹ Осипова Н.Г., Елишев С.О. Революции и государственные перевороты: теория, история и практика. М., 2024.

²⁰ Осипова Н.Г., Елишев С.О. Историческая Россия: территории и перспективы. М., 2020.

²¹ Елишев С.О. Социология религии в имперской России. М., 2023; *Он же*. Имперская государственность – судьба и миссия России. М., 2023.

²² Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России / Под общ. ред. Н.Г. Осиповой. М., 2021.

²³ Старшее поколение в постиндустриальных реалиях / Под общ. ред. С.А. Баркова, И.В. Кузнецовой, А.В. Маркеевой. М., 2022; Артефакты организационной культуры. М., 2024.

Главной научной конференцией, которая ежегодно организуется социологическим факультетом и имеет статус международной, являются “Сорокинские чтения”, проведение которых не прерывалось и в годы пандемии. Партнерами конференции традиционно выступают ведущие научно-исследовательские центры и организации, а на пленарных заседаниях выступают признанные ученые и специалисты. С 2019 по 2024 гг. было проведено 6 конференций “Сорокинские чтения”, посвященных актуальным проблемам общества и социологической науки. В их числе: “Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина”, “Традиционные и новые социальные конфликты в XX веке”, “Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности”, “Искусственный интеллект и общественное развитие: новые возможности и преграды”, “Роль социологии в конструировании России будущего (на пути к 270-летию Московского университета)”, “Классический университет: современные тенденции и векторы развития (на пути к 270-летию Московского университета)”.

Факультет также выступил организатором и со-организатором 32 конференций, проходивших в МГУ и прочих университетах в России и за рубежом. В частности, совместно с Национальным медицинским исследовательским центром сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева социологический факультет выступает соорганизатором секции “Социология и юриспруденция в современном здравоохранении” в рамках ежегодных сессий и съездов ССХИМ. А.Н. Бакулева. Сотрудники факультета периодически участвуют в работе основных российских социологических конференциях и конгрессах, включая “Ковалевские чтения” (СПбГУ), “Грушинскую конференцию” (ВЦИОМ), “Ядовский семинар” (Институт социологии РАН), “Дыльновские чтения” (СГУ) и пр.

На социологическом факультете постоянно проходят периодические тематические круглые столы и научные семинары. Помимо этого, социологический факультет традиционно поддерживает молодежную науку, организуя секцию “Социология” в рамках форума “Ломоносов”, которая ежегодно привлекает сотни участников.

С 2019 г. на факультете реализовывалось шесть грантов РНФ и РФФИ, посвященных новым формам социального неравенства, вопросам жизненных стратегий семей, семейным ценностям и ориентациям, конструированию здоровья молодежи в условиях цифровизации, экологическому неокOLONIALИЗМУ, занятости и социализации лиц пенсионного возраста, качеству жизни россиян.

Общая сумма полученных средств от грантов составила 15 миллионов рублей.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова принимает активное участие в совместном развитии Инновационного научно-технологического центра МГУ “Воробьевы горы” (далее — ИНТЦ МГУ). ИНТЦ МГУ создан в соответствии с Федеральным законом от 29 июля 2017 № 216-ФЗ и постановлением Правительства Российской Федерации от 28 марта 2019 года № 332. Основная идея создания ИНТЦ МГУ заключается в формировании на новой территории Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова инновационной экосистемы мирового уровня в целях реализации приоритетов научно-технологического развития России.

На настоящий момент социологический факультет способствовал запуску переговоров между ИНТЦ МГУ и крупными представителями реального сектора экономики. В их числе одно из крупнейших системообразующих автомобильных государственных предприятий в Китае “Дунфэн Мотор”, входящая в структуры Ростеха, российская компания по производству автомобилей, запасных частей для дизельных и электрических двигателей, предприятий железнодорожного транспорта и судоходства “Мотор-инвест”; одна из крупнейших компаний страны в области проектирования и строительства жилой недвижимости и разработки IT-решений в недвижимости группа “Самолет”; инновационный проект, направленный на создание современных систем управления персоналом “СППУР” (Автоматизированные системы для бизнеса и управления персоналом).

Социологический факультет ежегодно принимает активное участие в работе Фестиваля науки. С 2019 г. факультет организовал пять научно-популярных выставок на Фестивале, направленных на привлечение молодой аудитории к проблемам социологии и повышение заинтересованности к социологическому образованию. В рамках Фестиваля сотрудники факультета постоянно выступают с лекциями и мастер-классами перед посетителями.

Важным направлением популяризации науки и достижений социологического факультета являются выступления в СМИ. Так, в 2019–2024 гг. сотрудники более тысячи раз выступали в средствах массовой информации, включая ведущие федеральные СМИ — “Первый канал”, канал “Культура”, канал “Россия”, канал “РЕН ТВ”, “Царьград”, “Звезда”, РБК, “Российская газета”, “Независимая газета”, “Комсомольская правда”, РИА “Новости” и пр.

Большое внимание социологический факультет уделяет сохранению культурно-исторического наследия России, популяризации традиционных для российского менталитета ценностей. Знаковой площадкой для реализации этого направления стал Введенский ставропигиальный мужской монастырь “Оптина Пустынь”, в духовно-просветительском центре которого профессора факультета Н.Г. Осипова и С.О. Елишев выступали с публичными лекциями, а также докладами на Всероссийской научно-практической конференции “Славянофилы и современная Россия”²⁴. Они же внесли существенный вклад в организацию Всероссийского съезда учителей и преподавателей обществознания (Москва, 21–22 апреля 2023 г.) и Всероссийской научной конференции МГУ, посвященной 100-летию со дня смерти Льва Александровича Тихомирова “Лев Тихомиров: его время и творческое наследие”.

Сотрудники социологического факультета ведут активную работу по привлечению абитуриентов. Так, по направлению “МГУ — школе” для усиления профориентационной работы для школьников десятых классов в рамках сотрудничества со школами г. Москвы на факультете традиционно проходит летняя практика, когда учащиеся разбиваются на группы и с кураторами от факультета работают над выбранными темами исследовательских проектов. По итогам практики на факультете проводится научная конференция, на которой школьники выступают с докладами по итогам проведенных исследований. Школьники развивают исследовательские навыки, приобретают ценный опыт выступления перед аудиторией, знакомятся с профессией социолога и социологическим факультетом.

Социологический факультет также принимает активное участие в университетских мероприятиях образовательно-просветительского проекта “Университетские субботы”. Так, социологический факультет МГУ в сентябре 2022 г. организовал и провел для школьников 9–11-х классов г. Москвы экскурсию с элементами квеста “История Москвы в архитектуре”, которая проводилась в непосредственной близости от Денежного переулка в районе Арбат, где представлены здания, отражающие разные периоды в истории города.

Социологический факультет продолжает развивать серьезное международное сотрудничество, которое переориентировано на Восток. В частности, была проведена серия онлайн и очных встреч с представителями Шаньдунского университета и Китайской академии общественных наук в результате которых был заключен

²⁴ Славянофилы и современная Россия. Всероссийская научно-практическая конференция г. Козельск, Введенский ставропигиальный мужской монастырь “Оптина Пустынь”. 20 января 2024.

рамочный договор о сотрудничестве между социологическим факультетом и школой марксизма Шандьунского университета. В рамках сотрудничества с Шаньдунским университетом и Китайской академией общественных наук в 2023 г. была издана коллективная монография “Москва-Пекин. Сборник к столетию образования Союза ССР”²⁵, имевшая широкий успех в российских и китайских научных кругах. В целях укрепления российско-китайского научного и культурного сотрудничества с 2023 г. на социологическом факультете работает “Российско-китайский культурный центр”, который служит местом организации встреч и укрепления взаимодействия с китайскими учеными и студентами.

Для иностранных слушателей осенью 2023 г. на социологическом факультете МГУ были запущены программы повышения квалификации в форме стажировки по индивидуальному плану. С октября 2023 г. такую стажировку на факультете прошли три аспирантки из КНР: Цзяо Минь, аспирантка Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (научный руководитель стажировки – декан социологического факультета, профессор Н.Г. Осипова), Ян Сюенань и Ян Цяньвэнь, аспирантки Пекинского университета иностранных языков (научный руководитель — заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем, профессор А.К. Мамедов). В ходе стажировок в российско-китайском центре социологического факультета проходили встречи со стажерами из Китая декана социологического факультета, профессора Осиповой Н.Г. Стажеры посещали лекции и семинары на социологическом факультете, которые были необходимы для успешного выполнения индивидуальных планов по вышеуказанным темам.

Социологический факультет принимает активное участие в подготовке и проведении мероприятий, посвященных 270-летию юбилею Московского университета.

В частности, в 2023–2024 гг. 270-летию МГУ были посвящены две главные ежегодные конференции, организуемые социологическим факультетом — “Сорокинские чтения”. В 2023 г. проходила под названием “Роль социологии в конструировании России будущего”, а в 2024 г. было решено посвятить конференцию теме “Классический университет: современные тенденции и векторы развития”. Обе конференции обозначили векторы развития социологии и университетского образования в целом, а также те вызовы, которые стоят перед российским научным и университетским сообществом.

²⁵ Москва-Пекин. Сборник к 100-летию образования союза ССР / Гл. ред. Чэн Эньфу, Н.Г. Осипова. М., 2023.

Кроме того, в 2023 и 2024 гг. была проведена секция “Социология” конференции “Ломоносовские чтения”, посвященная 270-летию Московского университета. В 2024 г. секция “Социология” международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов” также была приурочена к знаменательной дате.

Коллективом сотрудников во главе с деканом, профессором Н.Г. Осиповой в 2023 г. было проведено социологическое исследование “МГУ глазами студентов социологического факультета”. Цель исследования заключалась в том, чтобы на базе анализа мнений студентов о критериях выбора вуза для получения высшего образования, о различных аспектах собственно образовательного процесса и перспективах трудоустройства, создать целостное представление об отношении обучающихся к Московскому университету, о его миссии в развитии России и российской науки, а также об их собственных жизненных траекториях²⁶. Также, в систематизированном виде, в специальном издании были опубликованы эссе студентов социологического факультета²⁷.

Сотрудниками факультета запущена серия “Знание, общество, власть”, приуроченная к 270-летию МГУ и уже увидели свет две монографии “Революции и государственные перевороты: теория, история и практика” (авторы Н.Г. Осипова и С.О. Елишев), “Социология религии в имперской России” (автор С.О. Елишев) и учебник Н.Г. Осиповой “Социология”, быстро ставшие востребованными широкой общественностью. Преподавателями кафедры были изданы учебные пособия с грифом факультета, приуроченные к 270-летию Московского университета: “Современная социология” (учебное пособие для вузов под общей редакцией Н.Г. Осиповой) и “Социология здоровья” (учебник, автор А.В. Лядова).

Кроме того, в рамках серии “Классический университетский учебник”, приуроченной к 270-летию Московского университета, целый ряд научных изданий был отобран для публикации Редакционно-издательским советом МГУ. В их число вошли следующие учебники: уже увидевшая свет “Социология религии” (авторы Н.Г. Осипова, С.О. Елишев)²⁸, а также “Общая социология: основы современной социологической теории” (автор Н.Г. Осипова); “Эко-

²⁶ Осипова Н.Г., Елишев С.О., Каневский П.С. Образ Московского университета в сознании студентов: опыт эмпирического исследования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. № 2. С. 32–53.

²⁷ МГУ — любовь моя (анализ эссе студентов социологического факультета “Мой университет”). М., 2024.

²⁸ Осипова Н.Г., Елишев С.О. Социология религии: Уч. М., 2024.

номическая социология” (научный редактор С.А. Барков); “Социология города и урбанизации” (автор И.А. Вершинина); “Социология населения: введение в основы анализа социально-демографических проблем” (научный редактор А.И. Антонов).

В 2023 г. была проведена серия мероприятий по линии студенческого актива, приуроченных к 270-летию МГУ, включая студенческую конференцию “Sociologos” и круглый стол “Социодикурс”. Также была расширена экспозиция музея социологической науки и образования факультета, организована отдельная экспозиция, приуроченная к становлению и развитию Московского университета, а также тематическая выставка “Моя Россия”, отражающая региональную самобытность нашей страны.

Если вести речь о трудоустройстве выпускников факультета, то после его окончания легко найти интересную, престижную и достойно оплачиваемую работу. Так, многие студенты успешно проходят производственную практику в Государственной думе и Совете Федерации Федерального собрания Российской Федерации, подразделениях Администрации Президента РФ. Другими организациями — базами производственной практики студентов и потенциальными работодателями являются: государственные учреждения, компании научно-исследовательского профиля, международные компании, агентства социальных и маркетинговых исследований, компании информационно-рекламного, PR, коммуникационного и медийного направления, банки, страховые, консалтинговые и компании HR профиля.

Заслуженная популярность выпускников социологического факультета у работодателей, прежде всего, связана с тем, что преподаватели, студенты и выпускники социологического факультета МГУ — люди с активной жизненной позицией, неравнодушные ко всему, что происходит за пределами рамок их собственной жизни, обладающие тонкой интуицией и аналитическим умом. Они всегда очень быстро включаются в управление процессами глобального инновационного развития, а также в реализацию исследований на базе новейших уникальных технологий, что, безусловно, служит укреплению позиций России на мировой арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артефакты организационной культуры. М., 2024.

Барков С.А., Осеев А.А. История кафедры экономической социологии и менеджмента — реорганизация длиною в жизнь // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 4. С. 52–76.

- Васильев В.П.* Государственное регулирование экономики. Уч. и практикум для вузов. М., 2024.
- Вершинина И.А.* Социальные отношения в большом городе. М., 2024.
- Гавриленко О.В.* Социальные технологии как исследовательское поле и инструмент социальных преобразований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 4. С. 77–94.
- Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 2008.
- Елишев С.О.* Имперская государственность — судьба и миссия России. М., 2023.
- Елишев С.О.* Социология религии в имперской России. М., 2023.
- Лядова А.В.* Социология здоровья. М., 2023.
- Мамедов А.К., Горлач М.Е.* Запахи в системе социальных взаимодействий: Уч. пособ. М., 2023.
- МГУ — любовь моя (анализ эссе студентов социологического факультета “Мой университет”). М., 2024.
- Москва-Пекин. Сборник к 100-летию образования союза ССР / Гл. ред. Чэн Эньфу, Н.Г. Осипова. М., 2023.
- Новоселова Е.Н.* Здоровье как ценность и практика: общество, семья, личность. М., 2021.
- Осипов Г.В.* Введение в социологическую науку. М., 2010.
- Осипова Н.Г.* Современная социологическая теория. Ч. 1. М., 2019.
- Осипова Н.Г.* Современная социологическая теория. Ч. 2. М., 2020.
- Осипова Н.Г.* Социология. М., 2024.
- Осипова Н.Г., Гавриленко О.В., Прончев Г.Б., Дорцева Е.В.* Социологическое образование перед вызовами пандемии: новые образовательные технологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. № 2.
- Осипова Н.Г., Елишев С.О.* Историческая Россия: территории и перспективы. М., 2020.
- Осипова Н.Г., Елишев С.О.* Молодёжь в системе социально-гуманитарных наук. М., 2022.
- Осипова Н.Г., Елишев С.О.* Революции и государственные перевороты: теория, история и практика. М., 2024.
- Осипова Н.Г., Елишев С.О.* Религия: социологический анализ. М., 2022.
- Осипова Н.Г., Елишев С.О.* Социология религии: учебник. М., 2024.
- Осипова Н.Г., Елишев С.О., Каневский П.С.* Образ Московского университета в сознании студентов: опыт эмпирического исследования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. № 2. С. 32–53.
- Семина Т.В.* Медицина и общество: солидарность и конфликт. М., 2020.
- Синельников А.Б.* Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ. Уч. пособ. М., 2022.
- Современная социология: Уч. пособ. для вузов / Под общ. ред. Н.Г. Осиповой. М., 2023.
- Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России / Под общ. ред. Н.Г. Осиповой. М., 2021.
- Старшее поколение в постиндустриальных реалиях / Под общ. ред. С.А. Баркова, И.В. Кузнецовой, А.В. Маркеевой. М., 2022.

REFERENCES

MGU — lyubov' moya (analiz esse studentov sociologicheskogo fakul'teta "Moj universitet") [Moscow State University – my love (analysis of essays by students of the sociological faculty "My University")]. M., 2024 (in Russian).

Artefakty organizacionnoj kul'tury [Artifacts of organizational culture]. M., 2024 (in Russian).

Barkov S.A., Oseev A.A. Istoriya kafedry ekonomicheskoy sociologii i menedzhmenta — reorganizaciya dlinnouy v zhizn' [History of the Department of Economic Sociology and Management — a Life-long Reorganization] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. N 4. S. 52–76 (in Russian).

Dyurkgejm E. Sociologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Its subject, method, purpose]. M., 2008 (in Russian).

Elishev S.O. Imperskaya gosudarstvennost' – sud'ba i missiya Rossii [Imperial statehood — the fate and mission of Russia]. M., 2023 (in Russian).

Elishev S.O. Sociologiya religii v imperskoj Rossii [Sociology of religion in imperial Russia]. M., 2023 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Social'nye tekhnologii kak issledovatel'skoe pole i instrument social'nyh preobrazovanij [Social technologies as a research field and instrument of social transformation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. N 4. S. 77–94 (in Russian).

Lyadova A.V. Sociologiya zdorov'ya [Sociology of health]. M., 2023 (in Russian).

Mamedov A.K., Gorlach M.E. Zapahi v sisteme social'nyh vzaimodejstvij: Uch. posob. [Smells in the system of social interactions: Study guide]. M., 2023 (in Russian).

Moskva-Pekin. Sbornik k 100-letiyu obrazovaniya soyuza SSR [Moscow-Beijing. Collection for the 100th anniversary of the formation of the USSR] / Gl. red. CHen En'fu, N.G. Osipova. M., 2023 (in Russian).

Novoselova E.N. Zdorov'e kak cennost' i praktika: obshchestvo, sem'ya, lichnost' [Health as a value and practice: society, family, personality]. M., 2021 (in Russian).

Osipov G.V. Vvedenie v sociologicheskuyu nauku [Introduction to Sociological Science]. M., 2010 (in Russian).

Osipova N.G. Sovremennaya sociologicheskaya teoriya [Modern Sociological Theory]. CH. 1. M., 2019 (in Russian).

Osipova N.G. Sovremennaya sociologicheskaya teoriya [Modern Sociological Theory]. CH. 2. M., 2020 (in Russian).

Osipova N.G. Sociologiya [Sociology]. M., 2024 (in Russian).

Osipova N.G., Gavrilenko O.V., Pronchev G.B., Dorceva E.V. Sociologicheskoe obrazovanie pered vyzovami pandemii: novye obrazovatel'nye tekhnologii [Sociological Education in the Face of the Challenges of the Pandemic: New Educational Technologies] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2022. N 2 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O. Istoricheskaya Rossiya: territorii i perspektivy [Historical Russia: Territories and Prospects]. M., 2020.

Osipova N.G., Elishev S.O. Molodyozh' v sisteme social'no-gumanitarnykh nauk [Young People in the System of Social and Humanitarian Sciences]. M., 2022 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O. Revolyucii i gosudarstvennye perevoroty: teoriya, istoriya i praktika [Revolutions and Coups d'état: Theory, History, and Practice]. M., 2024 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O. Religiya: sociologicheskij analiz [Religion: Sociological Analysis]. M., 2022 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O. Sociologiya religii: uchebnik [Sociology of Religion: Textbook]. M., 2024 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Kanevskij P.S. Obraz moskovskogo universiteta v soznanii studentov: opyt empiricheskogo issledovaniya [The Image of Moscow University in the Minds of Students: An Empirical Study] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2024. N 2. S. 32–53 (in Russian).

Semina T.V. Medicina i obshchestvo: solidarnost' i konflikt [Medicine and society: solidarity and conflict]. M., 2020 (in Russian).

Sinel'nikov A.B. Braki i razvody v sovremennom obshchestve: sociologicheskij analiz [Marriages and divorces in modern society: sociological analysis. Study guide]. Uch. posob. M., 2022 (in Russian).

Sovremennaya sociologiya [Modern sociology]: Uch. posob. dlya vuzov / Pod obshch. red. N.G. Osipovoj. M., 2023 (in Russian).

Social'noe neravenstvo v sovremennom mire: novye formy i osobennosti ih proyavleniya v Rossii [Social inequality in the modern world: new forms and features of their manifestation in Russia] / Pod obshch. red. N.G. Osipovoj. M., 2021 (in Russian).

Starshee pokolenie v postindustrial'nyh realiyah [The older generation in post-industrial realities] / Pod obshch. red. S.A. Barkova, I.V. Kuznecovoj, A.V. Markeevoj. M., 2022 (in Russian).

Vasil'ev V.P. Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki. Uch. i praktikum dlya vuzov. [State regulation of the economy. Tutorial and practical workshop for universities]. M., 2024 (in Russian).

Vershinina I.A. Social'nye otnosheniya v bol'shom gorode [Social relations in the big city]. M., 2024 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-33-59

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

В.В. Зырянов, канд. экон. наук, доц., доц. кафедры социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Социологическое образование в России продолжает развиваться в условиях постоянных изменений, происходящих как на его внешнем контуре, так и внутри социологического образовательного сообщества.

Статистические данные позволяют утверждать, что падение контрольных цифр приема (КЦП) и численности обучающихся в последние пять лет прекратилось, более того, наблюдается рост контингента студентов-социологов. Отмечено резкое сокращение социологического образования в негосударственных вузах, по очно-заочной форме и на договорной основе. Соотношение очного и заочного обучения в бакалавриате составило – 86 и 14%, соответственно, в магистратуре 88 и 12%.

Специальное внимание уделено наиболее острой проблеме, связанной с разработкой проектов ФГОС ВО 4 и вероятным переходом на него в ближайшее время. В самых неблагоприятных прогнозах социологическому образованию серьезно угрожает потеря идентичности.

Для понимания наиболее острых проблем, мешающих позиционировать социологическое образование как цельный, сложившийся образовательный процесс, изучены учебные планы 49 университетов, реализующих программы подготовки социологов. В выборку вошли вузы из рейтингов RAEX – предметного по социологии и топ-100 лучших вузов России, а также из рейтинга “Интерфакс” топ-100 вузов России. Соотнесение заявленных вузами профилей с их предметной наполненностью, а также блоков общесоциологических и специальных социологических дисциплин с блоками выделенных инструментальных дисциплин позволило выявить ряд особенностей и тенденций реализации образовательных программ подготовки социологов. В результате были выявлены две тенденции: одна – появление признаков складывающейся унификации образовательных программ по социологии, которая происходит при реализации профиля “Социология” в классических университетах, другая – массовая реализация несбалансированных образовательных программ, содержащих явные перекосы в сторону

* **Зырянов Владимир Викторович**, e-mail: vvzyryanov@gmail.com, zyryanovvv@my.msu.ru

какого-либо блока дисциплин и не обеспечивающих полноценную реализацию заявленного профиля.

Ключевые слова: социологическое образование, образовательные стандарты, бакалавриат, магистратура, профили образовательных программ, учебные планы, компетенции.

SOCIOLOGICAL EDUCATION IN RUSSIA: CONTENT DIVERSITY AND INSTITUTIONAL LIMITATIONS

Zyryanov Vladimir V., PhD in Economics, Associate Professor of the Department of the Social Technologies, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vzzyryanov@gmail.com, zyryanovvv@my.msu.ru

Sociological education in Russia continues to develop under the conditions of constant changes occurring both on its external contour and within the sociological educational community.

Statistical data allow us to assert that the decline in SCC and the number of students has stopped in the last five years; moreover, there has been an increase in the contingent of sociology students. There has been a sharp decline in sociological education in non-state universities, the share of students studying on a part-time and contractual basis. The ratio of full-time and part-time education in Bachelor's degree amounted to 86 and 14%, respectively, in Master's degree 88 and 12%.

Special attention is paid to the most acute problem related to the development of draft FSES HE 4 and the probable transition to it in the near future. In the most unfavorable forecasts, sociology education is seriously threatened by the loss of identity.

In order to understand the most acute problems that prevent sociological education from being positioned as an integral, established educational process, the curricula of 49 universities that implement sociology training programs were studied. The sample included universities from the RAEX ratings — the subject rating for sociology and the top-100 best universities in Russia, as well as from the Interfax rating of the top-100 universities in Russia. Correlation of the profiles declared by universities with their subject content, as well as blocks of general sociological and special sociological disciplines with blocks of selected instrumental disciplines, practices, socio-humanities and general professional disciplines allowed us to identify a number of features and trends in the implementation of educational programs for training sociologists. As a result, two tendencies were revealed: one is the emergence of signs of the emerging unification of educational programs in sociology, which occurs in the implementation of the profile "Sociology" in classical universities, and the other is the mass implementation of unbalanced educational programs that contain obvious bias towards a certain block of disciplines and do not provide a full-fledged implementation of the declared profile.

Key words: sociological education, educational standards, Bachelor's degree, Master's degree, profiles of educational programs, curricula, competencies.

В 2024 г. социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова отмечает свое 35-летие. Это важная веха в развитии социологического образования и российской науки в целом, так как с этого момента начинается новый отсчет в развитии социологии в России. Именно Московский университет, отмечающий в 2025 г. свое 270-летие, стал в 1989 г. флагманом в процессе становления социологии в нашей стране. За это время многое успело измениться в российской социологической науке. Российская система образования прошла через несколько этапов реформ, в социологическом мире возникли новые школы, произошли парадигмальные сдвиги, однако одно осталось неизменным — социологический факультет по-прежнему занимает лидирующие позиции в подготовке социологических кадров, реагируя на те изменения, которые происходят в образовательной среде и отвечая на те вызовы, которые диктует время.

Вместе с тем, сегодня полезно оглянуться назад, посмотреть на пройденный социологией путь, оценить проблемы, с которыми сталкивается социологическое сообщество и определить траектории дальнейшего развития социологического образования. Как отмечает академик М.К. Горшков, среди современных проблем социологического образования выделяются “две группы — общие, характерные ... для всего высшего образования в стране в целом, и специфические, дисциплинарные, связанные именно с социологией”¹. Не претендуя на всестороннее представление масштабов, проблем, задач и векторов развития социологического образования, считаем необходимым показать наиболее значимые параметры его реализации и вызовы, как сформировавшиеся внутри образовательного социологического сообщества, так и появившиеся в сфере высшего образования России.

Надо отметить, что в части общих проблем высшего образования, выделенных нами² в преддверии 35-летия социологического образования, за прошедшие годы, отмеченные пандемией COVID-19 и началом СВО на Украине, произошли как позитивные, так и негативные изменения.

¹ Горшков М.К. Вступительное слово на заседании научно-отраслевой секции “Социологические науки” в рамках Шестого профессорского форума “Наука и образование как основа развития России. Кадры для инновационной экономики” // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 9.

² Скворцов Н.Г., Зырянов В.В. Социологическое образование: между стандартами и реалиями // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 31.

Среди позитивных изменений можно отметить демографическую динамику. Если в предыдущие годы наблюдался демографический спад, то с 2024 г. для высшего образования наступает более благоприятный период. С этого года в вузы будут поступать “рождённые в 2007 г., с которого начался всплеск рождаемости, продлившийся вплоть до 2016-го”³. По данным Минобрнауки, приведённым в 2020 г., количество выпускников 11-х классов в России увеличится на 40% за десять лет. “К 2030 году, по нашим оценкам, численность выпускников 11-х классов увеличится более чем на 40% по сравнению с 2020 годом”⁴.

К позитивным изменениям относятся и меняющиеся в лучшую сторону контрольные цифры приема. Если в 2015–2016 учебном году социологическое образование в бакалавриате и магистратуре получал 16131 студент, в 2017–2018 учебном году 14667⁵, то на начало 2023 г. численность студентов-социологов выросла до 17272⁶ (Форма № ВПО-1).

Для того, чтобы говорить дальше о проблемах социологического образования, следует показать его текущие количественные и организационные параметры. Определенная инерционность образовательного процесса и факторы последних лет в совокупности несколько обновили конфигурацию социологического образования. Ниже представим размеры и структуру социологического образования по уровням образования и формам обучения, составленные на основе официальных сведений Минобрнауки⁷ (табл. 1).

³ Поступить в вуз станет сложнее из-за роста числа абитуриентов. URL: https://octagon.media/istorii/postupit_v_vuz_stanet_slozhnee_iz_za_rosta_chisla_abiturientov.html (дата обращения: 30.05.2024).

⁴ В Минобрнауки заявили, что число выпускников 11-х классов увеличится на 40% за 10 лет. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8095895> (дата обращения: 29.05.2024).

⁵ Сворцов Н.Г., Зырянов В.В. Социологическое образование: между стандартами и реалиями // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 32.

⁶ Форма № ВПО-1 “Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры” Сведения за 2023 г. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 01.06.2024).

⁷ Там же.

Прием по направлению подготовки Социология по уровням образования и формам обучения, на начало 2023–2024 учебного года

№	Федеральные округа	Набор в 2023 г. (человек)							
		Бакалавриат				Магистратура			
		очное	очно/з	заоч	всего	очное	очно/з	заоч	всего
1	Всего по РФ	3241	79	545	3865	1379	41	197	1617
2	Центральный	1377	37	149	1563	717	20	81	818
3	Северо-Западный	482	7	–	489	219	–	–	219
4	Южный	207	–	64	271	43	21	–	64
5	Северо-Кавказский	65	–	15	80	46	–	–	46
6	Приволжский	445	–	187	632	194	–	73	267
7	Уральский	197	35	–	232	56	–	–	56
8	Сибирский	364	–	130	494	67	–	43	110
9	Дальневосточный	104	–	–	104	37	–	–	37

Нельзя не обратить внимание на то, что в социологическом образовании совсем незначительную долю стала занимать очно-заочная форма обучения — в бакалавриате всего 2%, в магистратуре — 2,5%. В бакалавриате она культивируется практически только в ЦФО и Уральском ФО, а в магистратуре — только в ЦФО и Южном ФО. Хотя, если посмотреть на расписание, которое большая часть вузов составляет для магистрантов, и то, что 63% из них имеют постоянную трудовую занятость и ещё 17% временную⁸, то окажется, что на самом деле именно они находятся в режиме классического очно-заочного обучения. Поэтому некоторые вузы в ЦФО и ЮФО сразу приняли на обучение магистрантов на очно-заочную форму.

⁸ Совмещение учебы в университете и работы: от бакалавриата до аспирантуры. Информационный бюллетень. М., 2022. С. 12.

Кроме того, обращает на себя внимание сокращение представленности социологического образования в негосударственных вузах. Мы отмечали эту тенденцию в 2018 г.⁹, сейчас же весь прием свелся к 15 местам в бакалавриате, находящимся в Москве и СПб, и 29 в магистратуре.

Отдельно стоит обратиться к реализации образовательных программ в форме заочного обучения — на него приходится сегодня 14% приема в бакалавриате и 12% в магистратуре.

Таблица 2

Структура приема по направлению подготовки Социология по уровням образования и источникам финансирования обучения, на начало 2023–2024 учебного года (в %)

№	Федеральные округа	Набор в 2023 г. (человек)							
		Бакалавриат				Магистратура			
		очное		заочное		очное		заочное	
		бюдж.	вн/б	бюдж.	вн/б	бюдж.	вн/б	бюдж.	вн/б
1	Всего по РФ	67	33	57	43	81	19	86	14
2	Центральный	65	35	67	33	77	23	85	15
3	Северо-Западный	55	45	–	–	75	25	–	–
4	Южный	81	19	66	34	100	–	–	–
5	Северо-Кавказский	94	6	100	–	98	2	–	–
6	Приволжский	82	18	50	50	95	5	86	14
7	Уральский	53	47	–	–	96	4	–	–
8	Сибирский	70	30	45	55	97	3	86	14
9	Дальневосточный	95	5	–	–	92	8	–	–

⁹ Сворцов Н.Г., Зырянов В.В. Социологическое образование: между стандартами и реалиями // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 33.

Дополнительную информацию, характеризующую социологическое образование, дает структура приема по источникам финансирования обучения. В целом по России для получения социологического образования за счет средств государственного бюджета на первый курс 2023–2024 учебного года принято 67% обучающихся в бакалавриате и 80% в магистратуре.

Если сравнивать доли, приходящиеся на столичные и региональные вузы в высшем образовании в целом и конкретно в социологическом, то на все направления подготовки на 2023–2024 учебный год Минобрнауки выделил 590 101 бюджетное место. Более 73% из них получили образовательные организации, расположенные в регионах¹⁰. В социологическом образовании картина выглядит несколько иначе: на долю региональных вузов приходится 59% приема в бакалавриате и магистратуре вместе, т.е. концентрация социологического образования в столицах, отмеченная нами в 2018 г., сохраняется¹¹.

Остановимся более подробно на региональной дифференциации социологического образования. Ниже представлен список топ-10 регионов, имеющих приемы в бакалавриат не менее 50 студентов (табл. 3).

Таблица 3

Топ-10 регионов с наибольшими приемами в бакалавриат на очную форму обучения на начало 2023–2024 учебного года (человек)

№	Субъекты РФ	Количество студентов
1	Новосибирская обл.	181
2	Нижегородская обл.	93
3	Республика Татарстан	82
4	Тюменская обл.	80
5	Свердловская обл.	78
6	Самарская обл.	76
7	Краснодарский край	62
8	Ростовская обл.	53
9	Волгоградская обл.	53
10	Калининградская обл.	51
	Итого	809

¹⁰ Минобрнауки России подвело итоги распределения бюджетных мест вузам и научным организациям на 2023–2024 учебный год. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/50956/> (дата обращения: 29.05.2024).

¹¹ Скворцов Н.Г., Зырянов В.В. Социологическое образование: между стандартами и реалиями // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 33.

Если сопоставить их долю с приемами в бакалавриат на дневное отделение в Москве и Санкт-Петербурге, то получится, что на долю столицы приходится 31,5%, СПб занимает 11,5%, доля топ-10 составляет 25%, что в сумме дает 68% или две трети от всего приема. Оставшаяся треть приема распределена между 46 регионами РФ. Еще в 25 субъектах РФ социологическое образование не представлено. При этом, если в ряде небольших по численности населения республиках, автономных округах и областях Сибири, Дальнего Востока и Северного Кавказа социологического образования никогда не было, то прекращение подготовки социологов в Хабаровском крае, Сахалинской, Магаданской и Курганской областях вряд ли можно расценивать позитивно. А если обратить внимание, что три из этих регионов находятся на Дальнем Востоке, то окажется, что социологов для этого региона готовят только в Приморском крае и Амурской обл., а также в Забайкальском крае и Республике Бурятия, которые были присоединены к ДВФУ только в 2018 г. и географически находятся в Восточной Сибири.

Ниже представлен список топ-6 регионов, имеющих приемы в магистратуру не менее 25 студентов (табл. 4).

Таблица 4

Топ-6 регионов с наибольшими приемами в магистратуру на очную форму обучения на начало 2023–2024 учебного года (человек)

№	Субъекты РФ	Количество студентов
1	Республика Татарстан	52
2	Самарская обл.	45
3	Ставропольский край	30
4	Нижегородская обл.	27
5	Свердловская обл.	26
6	Приморский край	25
	Итого	205

В то же время произошло снижение уровня готовности платить за обучение. В 2015–2016 учебном году на всех формах обучения и уровнях образования на договорной основе обучалось 43% студентов-социологов, а на начало 2023 г. уже только 29%.

Далее обратимся к проблемам, которые в явной или латентной форме присутствуют в современном социологическом образовании. Все, кто так или иначе связан с социологическим образованием, после выхода приказа Минобрнауки России от 01.02.2022

№ 89 “Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки”¹² и последовавшими за этим действиями Минобрнауки России, инициирующими разработку ФГОС ВО нового поколения (ФГОС ВО 4), пребывают в самом тревожном состоянии за все 35 лет социологического образования в современной России. Причина в совершенно явной угрозе для социологического образования потерять свою идентичность.

Тревога в научно-образовательной социологической среде достигла такого уровня, что вылилась в конце 2023 г. в весьма представительное обсуждение надвигающихся проблем на заседании научно-отраслевой секции “Социологические науки” в рамках Шестого профессорского форума “Наука и образование как основа развития России. Кадры для инновационной экономики” и публикацию его результатов¹³. Участники обсуждения констатировали, что “впервые система подготовки социологов сталкивается со столь сложными вызовами и рисками полной или частичной утраты своей идентичности и дееспособности”¹⁴.

Эти риски участники сессии сформулировали вполне однозначно: приоритет не социологической, а политологической направленности в подготовке социологов; сокращение объема принципиально важных для подготовки социологов дисциплин; сложность освоения за два года тех специальных социологических дисциплин и формирования профессиональных компетенций, которые сегодня студенты осваивают в течение четырех лет; отрыв от профессиональной подготовки в первые два года обучения, лишение ее предметности; неясные перспективы штатного профессорско-преподавательского состава социологических кафедр, особенно

¹² Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 01.02.2022 № 89 “Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки” (Зарегистрирован 03.03.2022 № 67610). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203030033> (дата обращения: 01.06.2024).

¹³ Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1.

¹⁴ Образцов И.В. Социолог 4.0: вызовы и риски реформирования профессионального социологического образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 113.

в региональных вузах¹⁵. О каком осознанном выборе направления подготовки можно говорить после двух лет общего образования, если за эти годы никаких дисциплин, хоть как-то намекающих на профессиональную специфику, преподавать не планируется?¹⁶

Вопрос второй — зачем вообще нужно это объединение в УГН, зачем укрупнять, ведь изначально УМО создавалось под специальности — например, УМО по социологии (потом уже ему вменили курировать социальную антропологию, а затем еще и организацию работы с молодежью). Это укрупнение (УГСН) можно понять только в логике подготовки в течение года или двух по единым для этой группы стандартам. Но тогда это должны быть близкородственные специальности или подотрасли какой-то фундаментальной специальности.

Эксперты ФУМО всех отраслей знаний считают, что единственно правильным условием реального развития всех специальностей и направлений подготовки может быть образовательный стандарт на каждое самостоятельное направление или специальность, а не на УГСН. Другими словами, пока не допущена очередная ошибка и продолжается обсуждение проблемы, лучше “вернуться к стандарту по каждому направлению подготовки”, но уже не в формате бакалавриата, а базового высшего образования¹⁷.

Как верно отмечает М.К. Горшков, говоря о проблемах, которые относятся непосредственно к российскому социологическому образованию, “оно развивается на фоне споров вокруг структуры, содержания, целей, задач и общественного предназначения профессиональной социологии. Отчасти эти дискуссии — следствие полипарадигмального характера социологической теории и существующих методологических расхождений”¹⁸. Отсюда и проекция

¹⁵ Троцук И.В. Новый ФГОС и социологическое воображение: несколько слов о бедном социологическом (а не демоскопическом) образовании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 104; Темнова Л.В. Модель подготовки социолога в свете разработки Федерального государственного образовательного стандарта четвертого поколения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 92–94.

¹⁶ Новые перечни специальностей и направлений подготовки высшего образования повысят гибкость образовательных программ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/48034/> (дата обращения: 30.05.2024).

¹⁷ Темнова Л.В. Модель подготовки социолога в свете разработки Федерального государственного образовательного стандарта четвертого поколения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 95–96.

¹⁸ Горшков М.К. Вступительное слово на заседании научно-отраслевой секции “Социологические науки” в рамках Шестого профессорского форума “Наука и образование как основа развития России. Кадры для инновационной экономики” // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 10.

теоретико-методологических предпочтений каждого преподавательского коллектива на проектирование учебных планов. “Как следствие, несмотря на то что учебные планы должны соответствовать государственному образовательному стандарту, каждый вуз в определенных пределах самостоятельно варьирует количество часов и набор дисциплин. Тем самым вопрос о том, существует ли общий институциональный дизайн профессионального социологического образования в России, остается открытым”¹⁹. Эта проблема поднималась нами регулярно²⁰ — обобщения параметров учебных планов вузов, реализующих программы подготовки социологов, проводились на протяжении периода, в течение которого социологическое образование функционировало на базе всех версий ФГОС третьего поколения (ФГОС 3, 3+ и 3++), а также подготовки и принятия Профессионального стандарта. Однако поиск “общего институционального дизайна социологического образования” по-прежнему актуален. Более того, на наш взгляд, это ключевая проблема как развития социологического образования, так и, соответственно, того, что считается профессиональной деятельностью социолога.

Для представления о динамике изменений, произошедших за период 2017–2024 гг. мы решили в целом сохранить подход, примененный в 2017–2018 гг.²¹, несколько подкорректировав отдельные позиции с учетом терминологии и подходов ФГОС ВО (3++) и Профессионального стандарта.

Во-первых, выбранные вузы мы характеризовали следующими признаками: а) статусом в современной иерархии высшего образования: федеральные университеты (ФУ), национальные исследовательские (НИУ), опорные (ОУ), другие; б) профилем преимущественной подготовки выпускников для работы в определенных сферах деятельности: экономические, социально-гуманитарные,

¹⁹ Там же. С. 10–11.

²⁰ Зырянов В.В. Квалификация одна, учебные планы — разные // Аккредитация в образовании. 2013. № 2(62); Он же. Подготовка социологов в университетах России на основе ФГОС 3+ в ракурсе вариативности учебных планов // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы. Мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф. В 2-х ч. Москва, 20–21 апреля 2017 года / Науч. ред. В.И. Казаренков. Ч. 1. М., 2017; Он же. Проблемы идентичности в подготовке социологов в университетах России // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы. Мат-лы XI Междунар. науч.-практ. конф. В 2-х ч. Москва, 30 марта 2018 года / Науч. ред. В.И. Казаренков. Ч. 1. М., 2018; Он же. Социальная статистика в социологическом образовании // Социологические исследования. 2022. № 2.

²¹ Зырянов В.В. Проблемы идентичности в подготовке социологов в университетах России.

технические, классические, многопрофильные; в) месторасположением в столицах, в административных центрах федеральных округов, в центрах субъектов РФ.

Во-вторых, источниками информации явились актуальные учебные планы, находящиеся в открытом доступе на сайтах университетов во вкладке “Сведения об образовательной организации”, которые на наш взгляд, объективно отражают текущее состояние практически всех ключевых сторон образовательной программы. В них представлено содержание образовательной программы (дисциплины, их объемы и место в структуре образовательного процесса); логика формирования компетенций, отражаемая переходами от дисциплины к дисциплине или практике и т.д.; межпредметные связи; акценты образовательной программы, формулируемые сигналами и запросами общества, государства, экономики, рынка, общественного мнения (мода, мифы, стереотипы); наконец, ограниченность, вызванная кадровыми и материальными возможностями университета, а также приоритетами, определяемыми прежними научно-педагогическими наработками и профилем университета (классический, технический и т.д.). Актуальность учебных планов проявляется в отражении в них новаций в жизни общества и науки, изменений правового поля и экономических условий реализации образовательных программ²².

В-третьих, наше ознакомление с учебными планами опирается на положения ФГОС ВО (3++) о том, что в рамках программы бакалавриата выделяются обязательная часть и часть, формируемая участниками образовательных отношений. К обязательной части программы бакалавриата относятся дисциплины (модули) и практики, обеспечивающие формирование общепрофессиональных компетенций, определяемых ФГОС ВО. Дисциплины (модули) и практики, обеспечивающие формирование универсальных компетенций, определяемых ФГОС ВО, а также профессиональных компетенций, определяемых вузами самостоятельно, могут включаться в обязательную часть программы бакалавриата и (или) в часть, формируемую участниками образовательных отношений. Объем обязательной части, без учета объема государственной итоговой аттестации, должен составлять не менее 50 процентов общего объема программы бакалавриата (пункт 2.9 ФГОС ВО).

Другими словами, актуальный ФГОС ВО предписывает сконцентрировать в обязательной части программы дисциплины

²² Зырянов В.В. Социальная статистика в социологическом образовании. С. 129–130.

и практики, призванные формировать общепрофессиональные компетенции и, по усмотрению организации, универсальные и профессиональные. По объему обязательная часть, без учета объема государственной итоговой аттестации, должна составлять не менее 50% общего объема программы бакалавриата, т.е. не менее 116 з.е. Таким образом, в части, формируемой участниками образовательных отношений, должны находиться дисциплины и практики, ориентированные на формирование универсальных и профессиональных компетенций.

В-четвертых, все университеты в учебном плане более или менее явно выделяют несколько дисциплинарных блоков: базовые социологические; специальные социологические; математические; информационные (цифровые) технологии; иностранный язык; общепрофессиональные; социально-гуманитарные и мировоззренческие.

Если отталкиваться от компетенций, на формирование которых направлены образовательные программы, то, на наш взгляд, общепрофессиональные и профессиональные компетенции главным образом формируются в процессе освоения базовых и специальных социологических дисциплин, а также дисциплин, называвшихся в прежних версиях ФГОС общепрофессиональными (социальная психология, социальная статистика и др.). Именно их отсутствие или небольшой объем критичны для установления соответствия образовательной программы ФГОС ВО и Профессиональному стандарту. Что касается универсальных компетенций, то они формируются в двух блоках: дисциплины инструментальные (математика, информатика, иностранный язык) и общекультурные (социально-гуманитарные и мировоззренческие).

По сути, возможность формирования указанных групп компетенций можно оценить посредством сбалансированности учебных планов по группам дисциплин, которые призваны подготовить: а) профессионала в определенной области, т.е. того, что отличает выпускника-социолога от философа, психолога, лингвиста и др.; б) специалиста, владеющего общенаучными методами, подходами, научными инструментами, способного коммуницировать в российском и международном социологическом пространстве; в) просвещенного человека, гражданина, соответствующего уровню высшего образования.

Для эмпирической оценки «общего институционального дизайна профессионального социологического образования в России» мы обобщили сведения, полученные из учебных планов большей части вузов, ведущих подготовку социологов. Выборочную совокупность составили университеты, вошедшие в три рейтинга. Во-первых, это

вузы, включенные в Топ-20 предметного рейтинга по социологии. Его проводит рейтинговое агентство RAEX²³ ежегодно с 2022 г. За прошедшие три года в него попадали 25 вузов: 14 из них присутствовали в Топ-20 все три года, еще семь — два года и четыре — по одному разу. Во-вторых, это вузы, вошедшие в Топ-100 в рейтинге того же агентства²⁴ и ведущие подготовку по программам социологии, помимо тех, которые вошли Топ-20 предметного рейтинга 2024 г. Таких вузов оказалось 24. В-третьих, это университеты, из XV ежегодного Национального рейтинга университетов (НРУ) за 2024 г., представленного агентством Интерфакс²⁵, также ведущих подготовку социологов и не вошедших в указанные выше рейтинги RAEX. Таких вузов оказалось восемь.

Таким образом, в поле нашего исследования попали 52 университета. Стоит пояснить, что вузы, которые в разные годы присутствовали в Топ-20 предметного рейтинга, но не вошедшие в его версию 2024 г., тем не менее присутствуют в числе 52 отобранных, так как оказались в Топ-100 (RAEX и/или Интерфакс). Иными словами, практически все заметные в социологическом образовании вузы, представляющие все федеральные округа РФ, попали в нашу выборочную совокупность. Далее, поскольку единицей наблюдения у нас является образовательная программа, реализуемая на уровне бакалавриата или магистратуры, то для дальнейших обобщений и выводов мы оставили в списке только вузы, которые на своих официальных сайтах разместили обновленные учебные планы (бакалавриата и/или магистратуры). Так, в рассмотрение не попали учебные планы магистратуры и/или бакалавриата РАНХиГС, ГУУ, РГПУ имени А.И. Герцена, Сибирского ФУ, УрФУ, Университета “Дубна”, Кубанского ГУ, Пермского НИПУ, Владимирского ГУ. В итоге в исследовании остались 49 университетов, в том числе 44 — реализующих программы бакалавриата и 37 — магистратуры. Из них имеют программы двух уровней 33 университета.

Сначала обратимся к образовательным программам бакалавриата. Всего вузами заявлено 52 программы, так как шесть из них объявили наборы на несколько бакалаврских программ. Так, НИУ

²³ Предметные рейтинги вузов: социология (2024 год). URL: https://raex-rr.com/education/subject_ranking/Sociology/2024/ (дата обращения: 03.06.2024).

²⁴ Рейтинг лучших вузов России RAEX-100, 2024 год. URL: https://raex-rr.com/education/russian_universities/top-100_universities/2024/ (дата обращения: 03.06.2024).

²⁵ Группа “Интерфакс” представила XV ежегодный Национальный рейтинг университетов (НРУ) за 2024 год. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=1&year=2024&page=1> (дата обращения: 03.06.2024).

ВШЭ и Тюменский ГУ предлагают по три программы, Финансовый университет, Новосибирский ГТУ, Кубанский ГУ и СПбГУ — по две. Наиболее массовой остается программа по общему профилю, которая называется либо напрямую “Социология”, либо “Социальная теория и прикладное социальное знание”. Вторым по численности является профиль “Прикладные методы социологических исследований” (в нескольких вариациях названия) — 10 программ. Продолжают оставаться популярными профили, ориентированные на социологию маркетинга, социологию коммуникаций, экономическую социологию — по три программы. Социологию управления определили для реализации два университета.

В течение последних пяти лет мы мониторили рефлексию социологического образования на цифровизацию общества, делая замеры в 2019²⁶ и в 2023 гг.²⁷ В отобранных 44 университетах цифровые тенденции в жизни общества отразили в названии программ пять вузов, т.е. 11%, тогда как в год назад их было семь (16%). Так, Университет “Дубна” и Алтайский ГУ отказались от реализации программы цифровой направленности. Что касается программ магистратуры, то в 37 вузах реализуется 11 “цифровых” программ, т.е. 30%, тогда как годом раньше эта доля составляла 26%. Иными словами, наметившийся было тренд пока не обретает устойчивость в бакалавриате, но вполне заметен в магистратуре, что представляется вполне оправданным, так как цифровая реальность общества становится все более явной, а реагировать на нее гораздо удобнее в специализированных двухлетних программах магистратуры.

Другим показательным моментом является то, что из 19 вузов, выбравших “общий” профиль, 18 — это классические университеты. Та же тенденция сохраняется с профилем “Методы социологических исследований”: восемь из 10, выбравших его, — классические университеты. А вот отраслевые вузы более склонны к привязке профиля программы к соответствующим отраслям. Так, понятен выбор НИУ ВШЭ и Финансовым университетом профиля “Экономическая социология”, или выбор МГТУ им. Н.Э. Баумана профиля “Социология техники и инженерной деятельности”, равно как и выбор МГЛУ и МГИМО профиля “Социология коммуникаций. Много лет не изменяет себе РГСУ, где реализуется профиль “Социология

²⁶ Зырянов В.В., Ладыжец Н.С., Темнова Л.В. Социологическое образование в России: итоги 30 лет // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 154.

²⁷ Зырянов В.В. Цифровая трансформация общества: рефлексия социологического образования // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7. Вып. 4.

социальной жизни”. В то же время вузы, например, определяющие для реализации социологию маркетинга и рекламы, своей отраслевой принадлежностью никак не связаны с указанными сферами, скорее это ход администрации, желающей привлечь абитуриентов модным названием.

Далее перейдем к указанным в ФГОС ВО, а также выделенным нами элементам учебного плана и его блокам.

Сначала обратим внимание на государственную итоговую аттестацию. Ознакомление с учебными планами показало, что 27 университетов из 44 (бакалавриат) в результате обучения проводят ГИА в форме только защиты ВКР еще 16 вузов организуют и защиту ВКР, и сдачу гос. экзамена, а МГИМО проводит три испытания: кроме ВКР и гос. экзамена, выпускники сдают еще государственный экзамен по иностранному языку. При этом на государственный экзамен вузами отводится, как правило, 3 з.е., исключение составляет только РУДН, где этот объем увеличен до 6 з.е. Что касается защиты ВКР, то здесь наблюдается значительно больше вариантов — по 3 з.е. в НИУ ВШЭ, МГИМО, 4 з.е. в ННГУ, еще в 34 вузах по 6 з.е., в Технологическом университете (г. Королёв) — 7 з.е. и, наконец, еще в шести университетах — по 9 з.е., что наводит на мысль о довольно формальном восприятии этого важнейшего элемента учебного процесса его организаторами. Дело в том, что требования к ВКР в различных университетах должны быть достаточно близкими по сложности, содержанию, структуре и объемам текста. Остается непонятным, почему трудоемкость подготовки и защиты ВКР оценивается так по-разному.

Перейдем к представленности в учебных планах предметных блоков (табл. 5).

Таблица 5

**Распределение вузов, реализующих программы по социологии,
по учебной нагрузке на иностранный язык**

Группы вузов (по з.е.)	Число вузов
4–6	52
8–11	45
12–18	30
Итого	27

Наибольшее время на изучение иностранного языка ожидаемо отвели РУДН — 25 з.е., МГИМО — 66 з.е. и МГЛУ — 81 з.е. Диапазон от 4 з.е. до 81 з.е. впечатляет.

Обратимся теперь к математической в широком смысле, подготовке социологов. Если еще 10–15 лет назад учебные планы содержали, по сути, только высшую математику, анализ данных, теорию изменений, математическую статистику и теорию вероятностей, а также информатику и SPSS, то теперь программы дополнились такими предметами как системы искусственного интеллекта, язык Python, искусственный интеллект и статистика больших данных, digital-исследования, анализ данных (Python, R), кибербезопасность (табл. 6).

Таблица 6

Распределение вузов, реализующих программы по социологии, по учебной нагрузке на дисциплины блоков “математика” и “информатика”

Группы вузов (по з.е.)	Число вузов
5–10	5
11–16	11
17–22	12
23–28	10
29–32	5
Всего	43

В таблицу не попало значение НИУ ВШЭ, равное 47 з.е., так как оно резко отличается даже от самого крупного из остальных — по 32 з.е. в Новосибирском ГТУ и Технологическом университете (г. Королёв).

Чтобы зафиксировать, насколько велика разница между самым маленьким вниманием к блоку математики и информатики и самым большим, укажем здесь, что минимальные показатели составили 5 и 7 з.е. (Волгоградский ГУ и ДВФУ соответственно). То есть размах вариации R здесь оказался равен 42 з.е. Если мы посчитаем явными выбросами указанные выше максимальные и минимальные значения и уберем их из оставшейся совокупности, то R получится равным 25 з.е., что все равно говорит о весьма значительной вариации. Медианный же показатель объема, отводимого в 44 обследованных учебных планах на изучение математических дисциплин, информатики, статистических пакетов анализа данных, ИИ и программирования получилось равным 19 з.е.

Еще больше информации, на наш взгляд, можно получить, если оценить долю учебного времени, которое вузы отводят на “инструментальный” блок дисциплин (математика, информатика

и иностранный язык), формирующего, кстати, только часть общепрофессиональных компетенций. Крайние позиции занимают Волгоградский ГУ — 10 з.е. (4,2% от 240 з.е., т.е. всей программы бакалавриата) и МГЛУ — 112 з.е. (46,6%), т.е. больше, чем в 10 раз. Кроме того, незначительной долей отмечен этот блок в ДВФУ. В то же время на другой стороне, кроме МГЛУ, находятся также МГИМО — 77 з.е., НИУ ВШЭ — 63 з.е. и Технологический университет (г. Королёв) — 50 з.е. Если убрать из рассмотрения эти вузы, то объемы “инструментального” блока распределились следующим образом (табл. 7).

Таблица 7

Распределение вузов, реализующих программы по социологии по учебной нагрузке на дисциплины инструментальных блоков

Группы вузов (по з.е.)	Число вузов
17–25	12
26–35	17
36–45	9
Всего	38

Другими словами, в первой группе доля инструментальных дисциплин в общем объеме программы составила от 7 до 10,5%, во второй — до 15% и в третьей — до 19%.

Наконец, обратимся к собственно социологической подготовке, основные параметры которой прописаны во ФГОС ВО 3++, в разделе “Общепрофессиональные компетенции”, и в образовательных программах вузов в разделах “Профессиональные компетенции”. Изначально понятно, что профессиональные компетенции не могут быть совершенно одинаковыми во всех образовательных программах в силу того, что вузами заявлены не одинаковые профили и, соответственно, выпускники могут готовиться к решению задач профессиональной деятельности типов, указанных во ФГОС ВО 3++, а именно: научно-исследовательский, социально-технологический, проектный, организационно-управленческий.

На наш взгляд, самую первую оценку “социологичности” рассмотренных программ можно сделать посредством определения доли социологических дисциплин (базовых и специальных) в общем объеме блока 1 ФГОС ВО (дисциплины). При этом если ФГОС ВО 3++ устанавливает объем обязательной части программы, в которой должны находиться дисциплины и практики, формирующие общепрофессиональные компетенции, не менее 50% от блока 1 (дисциплины), плюс в этой части, а также в части устанавливаемой

университетом должны находиться и специальные социологические дисциплины, то вряд ли доля всех социологических дисциплин в программе должна быть меньше 50%. Кроме того, мы еще в 2018 г. для сравнения познакомились с учебными планами по такому классическому направлению подготовки, как история. В них исторические дисциплины занимают от 70% (Ярославский ГУ) до 55% (МПГУ)²⁸. В этот раз мы проанализировали актуальные учебные планы подготовки бакалавров по философии. Получилось, что в Казанском (Приволжском) ФУ философские дисциплины составили 63% от всех дисциплин программы, в Воронежском ГУ — 61%, в УрФУ — 57%, в НИУ ВШЭ и РГГУ по 51%. Думается, что этих результатов достаточно, чтобы утвердиться во мнении, что 50% дисциплин, формирующих общепрофессиональные и профессиональные компетенции, — это тот предел, ниже которого нецелесообразно опускаться без риска что-то упустить в подготовке профессионала по конкретному направлению подготовки.

Из 44 вузов, реализующих программы бакалавриата, только 17 перешли рубеж 50%. Из них максимальный показатель 62–63% зафиксирован в учебных планах трех университетов: в РГСУ, Белгородском ГУ и Волгоградском ГУ. Еще у 18 вузов эта доля находится между 40 и 50%. Наконец, девять имеют показатели ниже 35%, в том числе 20% у Технологического университета (г. Королёв), 28% — у МГПУ и 29% у МГИМО.

При этом из 17 вузов, представляющих предметный рейтинг RAEX, только пять преодолели планку в 50%. На первый взгляд это выглядит парадоксально, ведь рейтинг призван оценивать качество социологического образования. Однако при ознакомлении с методикой проведения рейтинга²⁹ становится понятным, что к качеству именно социологического образования он отношения не имеет. Из 26 критериев нет ни одного хотя бы как-то намекающего на направление подготовки. Приведем самые значимые по весу критерии — средний балл ЕГЭ, численность ППС в расчёте на 100 студентов, объем финансирования, количество индексируемых в базе Web of Science Core Collection публикаций, доля НПП, имеющих ученую степень и т.д. Другими словами, место в этом рейтинге что-то говорит о возможностях образовательной организации реализовывать ту или иную программу, но ничего не говорит о самой программе.

²⁸ Зырянов В.В. Проблемы идентичности в подготовке социологов в университетах России.

²⁹ Предметные рейтинги вузов: социология (2024 год). URL: https://raex-rr.com/education/subject_ranking/Sociology/2024/methods/ (дата обращения: 03.06.2024)..

Получается, что попытка найти связь места вуза в предметном рейтинге и тем, как он готовит социологов, смысла не имеет. Поэтому попытаемся найти другие, более значимые объяснения той значительной разнице в “социологичности” программ, которая фактически наблюдается в социологическом образовательном пространстве.

Соотнесем социологичность программ с отраслевой принадлежностью университета. Из 44 университетов классическими являются 31. Из них только в программах ТюмГУ, Балтийского ФУ и Северного (Арктического) ФУ допущены значения 31–32%, т.е. меньше 10%, тогда как у остальных (“неклассических” университетов) 13 вузов уровень социологичности учебных планов ниже 35%, присущ шести, т.е. почти половине. Получается, что вузы с технической, педагогической и др. отраслевой спецификой обращаются с социологическим образованием гораздо более вольно, чем классические. Выше мы уже отмечали, что, например, МГЛУ 81 з.е., т.е. треть от всего объема программы (а не от объема дисциплин и практик), отводит на изучение иностранных языков, естественно жертвуя при этом объемами не только математических и социогуманитарных дисциплин, но и социологических, причем чаще всего специальных. Вряд ли надо приводить какие-то дополнительные аргументы в пользу того, что без изучения этих дисциплин у студента не может сформироваться представление об институциональном разнообразии современного общества, особенностях его сфер, социальных общностях и процессах, протекающих в них и т.д.

Следующий элемент учебного процесса — практики. Они тоже отмечаются довольно значительной дифференциацией суммарных объемов. ФГОС предписывает, чтобы практики были не меньше 9 з.е., но в действительности ни один вуз не установил их объем меньше 12 з.е. По этому показателю вузы распределились таким образом (табл. 8).

Таблица 8

Распределение вузов, реализующих программы по социологии по объему практик

Объем практик (з.е.)	Число вузов
12–17	14
18–24	14
25–32	13
36–44	3

Наибольшие объёмы практик реализуют НИУ ВШЭ и Тюменский ГУ — по 44 з.е., Уфимский университет науки и технологий — 36 з.е. Большие объёмы практик могли бы говорить о приверженности организаторов образовательной программы подготовке социологов-исследователей (практиков). Другим логичным условием реализации программы с соответствующим профилем можно было бы ожидать значительное число дисциплин, посвящённых изучению методов социологических исследований и их повышенный общий объём. Таких программ, как мы отметили выше в нашей выборке, 10. После группировки получилось следующее распределение вузов по суммарному объёму практик и дисциплин по методам социологических исследований (табл. 9).

Таблица 9

Распределение вузов, реализующих программы по социологии, по учебной нагрузке на практику и дисциплины по методам социологических исследования

Группы вузов (по з.е.)	Число вузов
21–30	11
31–40	19
41–64	12
Итого	42

За рамками распределения остались вузы с самыми большими суммами з.е. на практику и дисциплинам по методам — Волгоградский ГУ (профиль “Социологическая теория и практика”) — 74 з.е. и РГСУ (профиль “Социология социальной жизни”) — 76 з.е. С другой стороны, мы видим, что у двух третей вузов эта доля не превышает 40%. Но, среди них МГПУ, отводящий при реализации профиля “Прикладные исследования и анализ данных” только 24 з.е. на практики и дисциплины по методам, РЭУ имени Г.В. Плеханова — профиль “Социологические исследования” (21 з.е.), Кубанский ГУ — профиль “Прикладные методы социологических исследований” (28 з.е.). Таким образом, и здесь мы видим значительную и зачастую необоснованную дифференциацию в объёмах нагрузки на важнейшие части образовательной программы.

Кроме отмеченного разнообразия в компоновке учебных планов, следует отметить, что социологическое образование отличается чрезвычайно широким предметным полем, которое отражается в многочисленных специальных социологических теориях. Вузы должны отражать это социальное многообразие. Тем самым в про-

цессе создания учебного плана, который отражает образовательную концепцию вуза, возникает дилемма. Первый путь — сначала вводить студентов в конкретные предметные зоны, т.е. рассказывать, что такое, например, образование, семья, государство, религия, управление, молодежь и т.д., а затем давать их социологическую трактовку, т.е. преподавать социологию образования, социологию семьи и т.д. Второй — давать сразу специальные социологические теории, помещая в них общую (по сути не социологическую) информацию об объекте теории. Отсюда выбор: либо дать больше часов на специальные социологические дисциплины, либо расширить блок дисциплин социально-гуманитарного содержания. Второй путь представляется более правильным, так как в этом случае у студентов формируется понимание разных предметных зон, более точно и акцентированно складывается представление об особенностях социологического знания.

Почему же образовательным программам по социологии присущи столь резкие структурные отличия? Думается, что, во-первых, это следствие молодости социологии как науки, во-вторых, небольшого по историческим меркам периода культивирования социологического образования в России. Кроме того, выработке консолидированных подходов в социологическом образовании не способствовали и процессы, происходящие в высшем образовании в целом. Отметим введение двухступенчатой модели: за четыре года невозможно сделать того, что делалось за пять, а магистратура не только не стала заменой пятого года, но и, более того, подорвала стимул к обучению у более чем половины магистрантов, предпочитающих в эти годы работать, а не учиться. Ещё одним фактором флуктуации стала “вольница” от ФГОС 3, где можно было конструировать образовательную программу по принципу “я так вижу”. Свою лепту внесло и подушевое финансирование, которое не позволяет делать естественный отсев студентов в процессе обучения. Наконец, приходится констатировать, что в современном российском высшем образовании нет документа, который бы определял профессиональную идентичность выпускника, например — социолога. ФГОС — слишком рамочный, профессиональный стандарт, слишком узкий. Даже государственный экзамен проводят не все вузы, а если они его проводят, то по программам, которые устанавливают сами же вузы.

Подводя итог, можно отметить, что социологическое образование продолжает флуктуации как в структурном, так и в содержательном аспекте. Непредвзятый анализ сложившейся практики реализации социологического образования в нашей стране позво-

ляет увидеть две тенденции. С одной стороны, можно констатировать появление признаков постепенной, стихийной унификации образовательных программ по социологии, которая происходит при реализации общего профиля в классических университетах, где в значимом числе вузов складывается следующая структура учебного плана: доля социологических дисциплин в пределах 40–50% от всей программы, доля инструментальных дисциплин — 10–15%, социально-гуманитарных и общепрофессиональных — 20–30%, мировоззренческих — 5–8% и практик — 8–15%. С другой стороны, реализуются неоднозначные образовательные программы, в которых содержание не стыкуется с названием профиля, доля социологических дисциплин занижена до 20% от общего объема программы бакалавриата, доля инструментальных дисциплин достигает почти половины трудоемкости программы и т.д.

В этих условиях, когда внешние формальные факторы регулируют социологическое образование очень мало, приходится больше уповать на то, что со временем его ключевые параметры примут статус принципов, общепринятых позиций, а вариативность в подготовке социологов будет продиктована исключительно разнообразием задач социологии в развитии науки и общества. Нет сомнений, что Московский университет и социологический факультет продолжат оставаться флагманами в развитии социологического образования в России, преодолеют все трудности, с которыми мы сегодня сталкиваемся и удержат социологию на переднем крае подготовки кадров нового поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

В Минобрнауки заявили, что число выпускников 11-х классов увеличится на 40% за 10 лет. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8095895> (дата обращения: 29.05.2024).

Горшков М.К. Вступительное слово на заседании научно-отраслевой секции “Социологические науки” в рамках Шестого профессорского форума “Наука и образование как основа развития России. Кадры для инновационной экономики” // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-7-12.

Группа “Интерфакс” представила XV ежегодный Национальный рейтинг университетов (НРУ) за 2024 год. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=1&year=2024&page=1> (дата обращения: 03.06.2024).

Зырянов В.В. Квалификация одна, учебные планы — разные // Аккредитация в образовании. 2013. № 2(62).

Зырянов В.В. Подготовка социологов в университетах России на основе ФГОС 3+ в ракурсе вариативности учебных планов // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы. Мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф. В 2-х ч. Москва, 20–21 апреля 2017 года / Науч.ред. В.И. Казаренков. Ч. 1. М., 2017.

Зырянов В.В. Проблемы идентичности в подготовке социологов в университетах России // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы. Мат-лы XI Междунар. науч.-практ. конф. В 2-х ч. Москва, 30 марта 2018 года / Науч. ред. В.И. Казаренков. Ч. 1. М., 2018.

Зырянов В.В., Ладыец Н.С., Темнова Л.В. Социологическое образование в России: итоги 30 лет // Социологические исследования. 2020. № 1. DOI: 10.31857/S013216250008335-1.

Зырянов В.В. Социальная статистика в социологическом образовании // Социологические исследования. 2022. № 2. DOI: 10.31857/S013216250017138-4.

Зырянов В.В. Цифровая трансформация общества: рефлексия социологического образования // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7. Вып. 4. DOI: 10.35634/2587-9030-2023-7-4-435-444.

Минобрнауки России подвело итоги распределения бюджетных мест вузам и научным организациям на 2023–2024 учебный год. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/50956/> (дата обращения: 29.05.2024).

Новые перечни специальностей и направлений подготовки высшего образования повысят гибкость образовательных программ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/48034/> (дата обращения: 30.05.2024).

Образцов И.В. Социолог 4.0: вызовы и риски реформирования профессионального социологического образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-112-124.

Поступить в вуз станет сложнее из-за роста числа абитуриентов. URL: https://octagon.media/istorii/postupit_v_vuz_stanet_slozhnee_iz_za_rosta_chisla_abiturientov.html (дата обращения: 30.05.2024).

Предметные рейтинги вузов: социология (2024 год). URL: https://raex-rr.com/education/subject_ranking/Sociology/2024/ (дата обращения: 03.06.2024).

Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 01.02.2022 № 89 “Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки” (Зарегистрирован 03.03.2022 № 67610). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203030033> (дата обращения: 01.06.2024).

Рейтинг лучших вузов России RAEX-100, 2024 год. URL: https://raex-rr.com/education/russian_universities/top-100_universities/2024/ (дата обращения: 03.06.2024).

Сергей Нарышкин прокомментировал формирование УГСН “Исторические науки”. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/utverzhdeny-novye-perechni-spetsialnostej-vysshego-obrazovaniya.html> (дата обращения: 05.06.2024).

Скворцов Н.Г., Зырянов В.В. Социологическое образование: между стандартами и реалиями // Социологические исследования. 2018. № 7. DOI:10.31857/S013216250000190-2.

Совмещение учебы в университете и работы: от бакалавриата до аспирантуры. Информационный бюллетень. М., 2022.

Темнова Л.В. Модель подготовки социолога в свете разработки Федерального государственного образовательного стандарта четвертого поколения //

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-87-100.

Троцук И.В. Новый ФГОС и социологическое воображение: несколько слов о бедном социологическом (а не демоскопическом) образовании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-101-111.

Форма № ВПО-1 “Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры”. Сведения за 2023 год. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 01.06.2024).

REFERENCES

Forma N VPO-1 “Svedeniya ob organizacii, osushchestvlyayushchej obrazovatel’nyyu deyatel’nost’ po obrazovatel’nym programmam vysshego obrazovaniya — programmam bakalavriata, programmam specialiteta, programmam magistratury”. Svedeniya za 2023 god [Form No. VPO-1 “Information on the organization carrying out educational activities under higher education programs - bachelor’s degree programs, specialist degree programs, master’s degree programs”. Information for 2023]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (data obrashcheniya: 01.06.2024) (in Russian).

Gorshkov M.K. Vstupitel’noe slovo na zasedanii nauchno-otraslevoj sekcii “Sociologicheskie nauki” v ramkah SHeStogo professorskogo foruma “Nauka i obrazovanie kak osnova razvitiya Rossii. Kadry dlya innovacionnoj ekonomiki” [Opening remarks at a meeting of the scientific and industry section “Sociological Sciences” within the framework of the Sixth Professorial Forum “Science and Education as the Basis for Russia’s Development. Personnel for an Innovative Economy”] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya. 2024. T. 24. T 1. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-7-12 (in Russian).

Gruppa “Interfaks” predstavila XV ezhegodnyj Nacional’nyj rejting universitetov (NRU) za 2024 god [The Interfax Group presented the XV annual National University Ranking (NRU) for 2024]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=1&year=2024&page=1> (data obrashcheniya: 03.06.2024) (in Russian).

Minobrnauki Rossii podvelo itogi raspredeleniya byudzhetnyh mest vuzam i nauchnym organizacijam na 2023–2024 uchebnyj god [The Ministry of Education and Science of the Russian Federation has summed up the results of the distribution of budget places to universities and research organizations for the 2023–2024 academic year]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/50956/> (data obrashcheniya: 29.05.2024) (in Russian).

Novye perechni special’nostej i napravlenij podgotovki vysshego obrazovaniya povysyat gibkost’ obrazovatel’nyh program [New lists of specialties and areas of training in higher education will increase the flexibility of educational programs]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/48034/> (data obrashcheniya: 30.05.2024) (in Russian).

Obrazcov I.V. Sociolog 4.0: vyzovy i riski reformirovaniya professional’nogo sociologicheskogo obrazovaniya [Sociologist 4.0: challenges and risks of reforming professional sociological education] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby

narodov. Seriya: Sociologiya. 2024. T. 24. N 1. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-112-124 (in Russian).

Postupit' v vuz stanet slozhnee iz-za rosta chisla abiturientov [It will become more difficult to enter a university due to the increase in the number of applicants]. URL: https://octagon.media/istorii/postupit_v_vuz_stanet_slozhnee_iz_za_rosta_chisla_abiturientov.html (data obrashcheniya: 30.05.2024) (in Russian).

Predmetnye rejtingi vuzov: sociologiya (2024 god) [Subject rankings of universities: sociology (2024)]. URL: https://raex-rr.com/education/subject_ranking/Sociology/2024/ (data obrashcheniya: 03.06.2024) (in Russian).

Prikaz Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii ot 01.02.2022 N 89 "Ob utverzhenii perechnya special'nostej i napravlenij podgotovki vysshego obrazovaniya po programmam bakalavriata, programmam specialiteta, programmam magistratury, programmam ordinatury i programmam assistentury-stazhirovkii" (Zaregistririvan 03.03.2022 N 67610) [Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated 01.02.2022 No. 89 "On approval of the list of specialties and areas of training in higher education for bachelor's programs, specialist programs, master's programs, residency programs and assistant-internship programs" (Registered on 03.03.2022 No. 67610)]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203030033> (data obrashcheniya: 01.06.2024) (in Russian).

Rejting luchshih vuzov Rossii RAEX-100, 2024 god [Ranking of the best universities in Russia RAEX-100, 2024]. URL: https://raex-rr.com/education/russian_universities/top-100_universities/2024/ (data obrashcheniya: 03.06.2024) (in Russian).

Sergej Naryshkin prokomentiroval formirovanie UGSN "Istoricheskie nauki" [Sergej Naryshkin commented on the formation of the UGSN "Historical Sciences"]. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/utverzheny-novye-perechni-spetsialnostej-vysshego-obrazovaniya.html> (data obrashcheniya: 05.06.2024) (in Russian).

Skvorcov N.G., Zyryanov V.V. Sociologicheskoe obrazovanie: mezhdru standartami i realiyami [Sociological education: between standards and realities] // Sociologicheskie issledovaniya. 2018. N 7. DOI:10.31857/S013216250000190-2 (in Russian).

Sovmeshchenie ucheby v universitete i raboty: ot bakalavriata do aspirantury. Informacionnyj byulleten' [Combining University Study and Work: From Bachelor's to Postgraduate Studies. Information Bulletin]. M., 2022 (in Russian).

Temnova L.V. Model' podgotovki sociologa v svete razrabotki Federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta chetvertogo pokoleniya [Model of Sociologist Training in Light of the Development of the Fourth Generation Federal State Educational Standard] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya. 2024. T. 24. N 1. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-87-100 (in Russian).

Trocuk I.V. Novyj FGOS i sociologicheskoe voobrazhenie: neskol'ko slov o bednom sociologicheskom (a ne demoskopicheskom) obrazovanii [New Federal State Educational Standard and Sociological Imagination: A Few Words about Poor Sociological (Not Demographic) Education] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya. 2024. T. 24. N 1. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-101-111 (in Russian).

V Minobrnauki zayavili, chto chislo vypusknikov 11-h klassov uveli-chitsya na 40% za 10 let [The Ministry of Education and Science announced that the number

of 11th grade graduates will increase by 40% over 10 years]. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/8095895> (data obrashcheniya: 29.05.2024) (in Russian).

Zyryanov V.V. Kvalifikaciya odna, uchebnye plany – raznye [One qualification, different curricula] // Akkreditaciya v obrazovanii. 2013. N 2(62) (in Russian).

Zyryanov V.V. Podgotovka sociologov v universitetah Rossii na osnove FGOS 3+ v raketse variativnosti uchebnyh planov [Training of sociologists in Russian universities based on FSES 3+ in the context of curriculum variability] // Vysshaya shkola: opyt, problemy, perspektivy. Mat-ly H Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. V 2-h ch. Moskva, 20–21 aprelya 2017 goda / Nauch.red. V.I. Kazarenkov. CH. 1. M., 2017 (in Russian).

Zyryanov V.V. Problemy identichnosti v podgotovke sociologov v universitetah Rossii [Problems of identity in the training of sociologists in Russian universities] // Vysshaya shkola: opyt, problemy, perspektivy. Mat-ly XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. V 2-h ch. Moskva, 30 marta 2018 goda / Nauch. red. V.I. Kazarenkov. CH. 1. M., 2018 (in Russian).

Zyryanov V.V. Social'naya statistika v sociologicheskom obrazovanii [Social statistics in sociological education] // Sociologicheskie issledovaniya. 2022. N 2. DOI: 10.31857/S013216250017138-4 (in Russian).

Zyryanov V.V. Cifrovaya transformaciya obshchestva: refleksiya sociologicheskogo obrazovaniya [Digital transformation of society: reflection of sociological education] // Vestn. Udm. un-ta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. T. 7. Vyp. 4. DOI: 10.35634/2587-9030-2023-7-4-435-444 (in Russian).

Zyryanov V.V., Ladyzhec N.S., Temnova L.V. Sociologicheskoe obrazovanie v Rossii: itogi 30 let [Sociological education in Russia: results of 30 years] // Sociologicheskie issledovaniya. 2020. N 1. DOI: 10.31857/S013216250008335-1 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-60-82

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА: НА ОСТРИЕ ПОДГОТОВКИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТОВ

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена всестороннему анализу публичной политики как научной категории и как направления высшего образования. Публичная политика является одним из наиболее быстро развивающихся научных и образовательных направлений в XXI в. Данную тенденцию не стоит рассматривать исключительно как дань моде, при грамотном подходе публичная политика может стать краеугольным камнем в изучении политического процесса и в подготовке нового поколения экспертов в сфере политического управления и принятия решений. Московский университет является одним из флагманов развития данного направления, внедряя направление публичной политики как на уровне бакалавриата, так и магистратуры. В статье рассматривается история становления категории публичной политики, показаны основные теоретико-методологические предпосылки ее изучения, причины институционализации в разных странах мира. Показано, что публичная политика — это многогранная категория, понимание которой варьируется в зависимости от теоретических, управленческих и идеологических ракурсов. Вместе с тем, это важнейшее образовательное и исследовательское направление, которое связано с фундаментальными основами функционирования государства, вопросами повышения эффективности государственного управления, гармонизации интересов государства и общества. Автор доказывает точку зрения, что университеты, вовлеченные в организацию подготовки экспертов публичной политики, находящаяся сегодня на острие процессов модернизации и повышения эффективности всего политико-управленческого аппарата. Эксперты публичной политики, подготавливаемые российскими вузами в целом и Московским университетом в частности — это будущие многопрофильные профессионалы, способные управлять сложными социально-политическими процессами, повышать эффективность государственного аппарата, выстраивать грамотный баланс между государственными и общественными интересами.

Ключевые слова: публичная политика, публичная сфера, публичная власть, государственное управление, гражданское общество, процесс принятия политических решений.

* Каневский Павел Сергеевич, e-mail: baggio-18@yandex.ru

PUBLIC POLICY: AT THE FOREFRONT OF TRAINING A NEW GENERATION OF POLITICAL EXPERTS

Kanevsky Pavel S., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: baggio-18@yandex.ru

The article is devoted to a comprehensive analysis of public policy as a scientific and academic category. Public policy is one of the fastest growing scientific and educational areas in the 21st century. This trend should not be considered solely as a tribute to fashion; with the right approach, public policy can become the cornerstone in the study of the political process and in training a new generation of experts in the field of political management and decision-making. Moscow University is one of the leaders in the development of this area, introducing public policy at both the undergraduate and graduate levels. The article examines the history of public policy, shows the main theoretical and methodological prerequisites for its study, and the reasons for its institutionalization in different countries of the world. It is shown that public policy is a multifaceted category, the understanding of which varies depending on theoretical, managerial and ideological perspectives. At the same time, it is the most important educational and research area, which is associated with the fundamental principles of the functioning of the state, issues of increasing the efficiency of public administration, and harmonizing the interests of the state and society. The author proves the point of view that universities involved in organizing the training of public policy experts are today at the forefront of the processes of modernization and increasing the efficiency of the entire political and administrative apparatus. Public policy experts trained by Russian universities in general and Moscow University in particular are future multidisciplinary professionals capable of managing complex socio-political processes, increasing the efficiency of the state apparatus, and building a competent balance between state and public interests.

Key words: public policy, public sphere, public power, public administration, civil society, political decision-making process.

Публичная политика в последние годы становится одним из наиболее быстро развивающихся междисциплинарных направлений в системе высшего образования и в научной среде. В университетах по всей России открываются учебные программы по публичной политике на разных уровнях обучения, у абитуриентов и студентов растет интерес к данному направлению. Термин “публичная политика” за последние годы активно внедряется как в науку, так и в российскую политико-правовую систему.

Понятие публичной политики является относительно новым для российских общественных наук, по-настоящему проработать в нашей стране его начали лишь в 2010-е гг. Следует отдать

должное российским авторам, которые внесли важный вклад в осмысление публичной политики, попытались адаптировать данный заимствованный из-за рубежа термин к российским реалиям. Научные коллективы, изучающие публичную политику, в разное время складывались в МГУ, СПбГУ, РАНХиГС, НИУ ВШЭ, Кубанском государственном университете. За последние 15 лет вышло несколько крупных коллективных монографий¹ и учебников² по публичной политике. Важной вехой развития данного направления в Московском университете стало открытие в 2019 г. на социологическом факультете МГУ образовательной программы для бакалавров “Публичная политика и социальные науки”, инициированное деканом, профессором Н.Г. Осиповой. В 2022 г. на социологическом факультете последовало появление магистерской программы “Массовые коммуникации и публичная политика”.

Публичная политика — это многогранная категория, понимание которой варьируется в зависимости от теоретических, управленческих и идеологических ракурсов. Вместе с тем, это важнейшее образовательное и исследовательское направление, которое связано с фундаментальными основами функционирования государства, вопросами повышения эффективности государственного управления, гармонизации интересов государства и общества. Будучи изначально детищем качественных изменений политической жизни и активного включения граждан в политические процессы во второй половине XX в., концептуальная рамка публичной политики помогла исследователям, политикам, бюрократам и гражданам иначе взглянуть на то, каким образом возможно выстраивать коммуникацию между государством и обществом, как сделать процесс принятия решений более проблемно ориентированным и приближенным к реальной жизни людей. Представляется, что в России, где так много говорится о необходимости повышения качества государственного управления, об учете гражданских интересов при выработке государственных решений, публичная политика является важнейшим практическим и теоретическим направлением, которое требует дальнейшего осмысления.

¹ Данилов Н.Ю., Гуров О.Ю., Жидков Н.Г. Публичная политика: от теории к практике. СПб., 2008; Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия / Под ред. А.Ю. Сунгурова. М., 2008; Политическое управление и публичная политика XXI века / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М., 2008; *Сморгунов Л.В.* Публичная политика: институты, цифровизация, развитие. Коллективная монография. М., 2018.

² *Сморгунов Л.В.* Сетевой анализ публичной политики. М., 2013; Трансформации публичной политики в современной России: Уч. пособ. / Под ред. И.В. Радикова. М., 2022.

Актуальность публичной политики как направления подготовки экспертов нового поколения в России связано с качественными изменениями, которые происходят в стране и в мире. Усложнение процессов и цепочек принятия решений, цифровизация, появление новых рисков и угроз требуют новых подходов в управлении государством и обществом. Когда социологический факультет МГУ приступил к подготовке собственного направления подготовки “Публичная политика и социальные науки”, была поставлена задача оттолкнуться от передового мирового опыта в развитии данного направления и в тоже время наполнить его содержанием, которое представляло бы актуальность для современной России, адекватно отражало бы запрос государства и общества на такого рода экспертов, которые могли бы играть ключевую роль в коммуникации между государством, обществом, бизнесом и некоммерческим сектором.

В конечном счете, направление публичной политики предполагает подготовку экспертов в области управления социально-политическими проектами и предлагает комплексное изучение публичной политики с использованием новейших теоретических знаний, практических навыков и методов анализа. Мы исходили из того, что данное направление должно быть построено на сочетании фундаментальных знаний и прикладных навыков, которые могут быть применены как в государственном, так и в частном и некоммерческом секторах.

Публичная политика — это деятельность и способ коллективного решения проблем, построенных на многоуровневой и многофакторной коммуникации между государством, частным сектором, гражданским обществом, различными группами и слоями населения, целью которой является реализация общественных, частных и государственных интересов, поиск оптимальных решений и эффективное распределение ресурсов. Публичная политика является практическим преломлением публичной сферы общества, предполагающей взаимопроникновение общественных и государственных интересов, открытый диалог по поводу принимаемых решений и реализации политики, критическое осмысление общественных и частных интересов.

Со стороны органов власти, бизнеса, аналитических центров, гражданских организаций, СМИ сегодня объективно растет спрос на профессионалов, способных осуществлять многовекторную коммуникацию, управлять сложными социально-политическими проектами, уметь формировать, реализовывать и сопровождать политико-управленческие решения.

Вместе с тем, дискуссия о содержании направления публичной политики не закончена, что является нормальным состоянием для любой динамично развивающейся области в высшей школе. Если взглянуть как понимают публичную политику разные авторы, мы увидим, что они порой отталкиваются от разных точек отсчета, используют отличающиеся по смыслу категории и понятия. Одни рассматривают публичную политику через переосмысление базовых функций и анализ эффективности государственного и муниципального управления³, другие выводят на первый план роль гражданского общества и некоммерческого сектора⁴, третьи рассматривают экспертное и академическое сообщество как ключевых субъектов публичной политики⁵, наконец, существует отдельное направление изучения лоббистских отношений через призму корпоративной публичной политики⁶. Сверх того, происходит достаточно хаотичное наложение зарубежного опыта в изучении публичной политики, что порой не облегчает, а, напротив, усложняет понимание данного феномена в России.

Основная концептуальная трудность изучения публичной политики в том, что это междисциплинарное направление, которое обладает крайне широкой предметной областью. Как верно заметила И.В. Мирошниченко, «на сегодняшний день публичная политика представляет собой зонтичную концепцию, кроющую под собой многие измерения политического»⁷. В этом отношении российские

³ *Сморгунов Л.В.* Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой // Политическая наука. 2022. № 3; *Брянцев И.И., Евстифеев Р.В.* Проблемы оценки эффективности институтов государственно-общественного управления (на примере Общественных палат Владимирской и Саратовской областей) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 1; *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Введение в предметное поле муниципальной публичной политики // Социально-политические исследования. 2019. № 4 (5).

⁴ *Мерсиянова И.В., Иванова Н.В.* Партнерство государства и благотворительных фондов как стратегия повышения ресурсной обеспеченности некоммерческих организаций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 1.

⁵ Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики / Под ред. Н.Ю. Беляевой. М., 2012; *Бабинцев В.П., Надуткина И.Э., Сапрыка В.А.* Экспертное сообщество как субъект гражданского участия в регионе // Власть. 2014. № 7.

⁶ *Сморгунов Л.В.* Взаимодействие государства и бизнеса в России: от лоббирования к корпоративной публичной политике // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 4 (71); *Устинович Е.С., Сергеев Н.В.* Публичная политика государственной корпорации (на примере ПАО «ФСК ЕЭС») // Социальная политика и социальное партнерство. 2019. № 8.

⁷ *Мирошниченко И.В.* Публичная политика как зонтичная концепция политической науки // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 47. С. 354.

авторы не одиноки в своем концептуальном поиске предмета, цели и основных категорий публичной политики, данная дискуссия идет во всем мире. Это, впрочем, не должно быть индульгенцией от чрезмерного размывания предмета публичной политики, потому что, в противном случае, он потеряет концептуальную стройность, а это затруднит его дальнейшее изучение и практическое применение.

Говоря о предметной области публичной политики, одни исследователи ставят на первое место роль государства как базового института публичной власти и, следовательно, публичная политика рассматривается больше в разрезе государственного управления. Другие же выводят на первое место роль публичной сферы и гражданского общества. Между данными взглядами существует множество пересечений, они не взаимоисключают друг друга. Однако следует четче понять, в чем причина этих концептуальных различий. Как будет показано ниже, они носят не только теоретический, но и идеологический характер.

Открытым также остается вопрос, как соотносится публичная политика с прочими политическими науками и смежными понятиями: политологией, политической социологией, государственным управлением, теорией рационального выбора, институционализмом и неинституционализмом, сетевыми теориями? Многие исследователи считают, что публичная политика вбирает в себя элементы разных научно-исследовательских областей, являясь по своей природе интегративным направлением. Однако пропорции данного смешивания и конкретные ингредиенты различаются. Например, А.Ю. Сунгуров предлагает рассматривать публичную политику как научное направление, расположившееся между традиционной политической наукой, государственным и муниципальным управлением и граничащее с социологией и политической философией⁸.

Хотя публичная политика, несомненно, вбирает в себя отдельные категории и методы различных научных областей, остается не до конца раскрытым вопрос, каким именно образом, а главное, для чего мы смешиваем эти науки, чтобы получить в итоге новый гибрид. Ситуация усугубляется еще и сложностями перевода, так как в русском языке нет традиции разделения политики на *politics* и *policy*, а потому понятие публичной политики (как *public policy*) в российском контексте порой приобретает немного искаженные черты. Ведь в понимании *policy* речь идет не о политике, как борьбе

⁸ Сунгуров А.Ю. Публичная политика: развитие зарубежных и российских исследований // Политическая наука. 2022. № 3. С. 87.

за власть, а о политике как программе действий, направленной на решение конкретных задач.

Наконец, важно говорить о практической значимости публичной политики. В странах Запада развитие публичной политики как академической дисциплины стало результатом параллельных запросов на открытость и большую инклюзивность политического процесса со стороны государства и гражданского общества. Для России как сложноустроенного государства ряд вопросов, которые поднимаются в рамках данной дисциплины, также имеют значение как для органов власти, так и для граждан. Однако особенности механизма власти, специфика подготовки и принятия решений, политическая культура вносят свои корректировки в базовые смыслы публичной политики. В конечном счете, как для общества, так и для государства публичная политика зачастую предстает фантомом, который обернут в красивые слова, но за которым трудно разглядеть практический смысл.

Представляется, что сегодня назрела необходимость в более целостной дискуссии по поводу содержания и целей публичной политики в России. Данная дискуссия нужна не только академическому сообществу, но и государству, которое должно лучше понимать, в чем ценность данного направления — кем на выпуске из вузов должен быть эксперт публичной политики, как правильно интегрировать общественные запросы и интересы в процесс принятия решений, как выстраивать приоритеты при планировании государственной политики?

Сегодня становится очевидным, что университеты должны готовить не просто администраторов, управленцев, но профессионалов широкого профиля, понимающих не только специфику именно внутреннего государственного механизма принятия решений, но и огромного количества внешних факторов, влияющих на принятие этих решений. В современном мире происходят значительные изменения и сегодня такого рода широкие специалисты востребованы как никогда. Тому много причин. Во-первых, публичная политика касается не только государства, но и различного рода бизнес организаций, некоммерческих организаций, которые зависят от государственных решений, должны понимать суть государственных, политических и, шире, социальных процессов, чтобы эффективно реагировать на принимаемые решения, либо напрямую влиять на них. Произошло невероятное взаимопроникновение государства и общества в самых разных сферах. Согласно агентству Маккинси, связи с органами власти обеспечивают до 30% прибыли для индустриальных компаний и до 50%

для банковского сектора⁹. Взаимодействие с государством стало стратегическим направлением коммуникации для любой крупной современной организации.

Во-вторых, само пространство публичной политики сегодня зависит от грамотного управления коммуникационными и информационными потоками. Поэтому эксперты в области публичной политики должны не только управлять, но и формировать это пространство, формировать социально-политический фон принимаемых решений. А это, в свою очередь напрямую связано с функционированием общественного мнения, СМИ, умением грамотно проводить публичные и медийные кампании.

Компетенции экспертов публичной политики предполагают умение выстраивать коммуникацию между государством, бизнесом и некоммерческим сектором, глубинное понимание современных социальных процессов, PR и GR деятельности, разработки и реализации управленческих стратегий, переговорного процесса, политического консультирования, сбора и обработки данных, специфику работы с различными социальными группами.

Впрочем, любой разговор о публичной политике предполагает более четкое понимание ее места и роли в системе научного знания, а это невозможно без представления о том, как данная дисциплина развивалась исторически. Ведь без этого будет затруднено понимание того, в чем заключался изначальный смысл термина, позаимствованный российскими исследователями и в чем заключаются основные цели его адаптации к российским условиям.

Публичная политика, по крайней мере в том виде, в котором данный концепт изначально задумывался, должна быть направлена на то, чтобы через эффективное взаимодействие между государством и обществом повышать эффективность государственного управления. Однако вопрос в том, кто именно становится участником этого взаимодействия и какие существуют риски, что за фасадом открытости и инклюзивности преимущества будут получать те, кто имеет больше ресурсов и связей с центрами принятия решений.

Именно в этом русле рассуждали европейские исследователи второй половины XX в. В трудах таких ученых как Ю. Хабермас, Х. Арендт, К. Шмидт на первое место выходит понятие публичной сферы, как пространства для диалога между обществом и государ-

⁹ *Musters R., Parekh E.-J., Ramkumar S. Organizing the Government-affairs Function for Impact // McKinsey Quarterly. 2013. Nov. URL: <http://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/organizing-the-government-affairs-function-for-impact> (accessed: 23.08.2024).*

ством. В рамках данной традиции акцент делается в первую очередь на роли гражданского общества в поддержании двусторонней коммуникации между центрами принятия решений и гражданами.

В таком ракурсе рассматривает публичную сферу Ю. Хабермас, который связывает феномен коммуникативного действия с понятием публичности. Вовлечение граждан в процесс принятия решений происходит посредством выработки ими собственной позиции, которая может быть как ответом на действия государства, так и самостоятельно проработанными предложениями, направленными на улучшение тех или иных сфер общественной жизни. Для Ю. Хабермаса идеальная модель взаимодействия общества и государства построена на идее коммуникативного действия. Коммуникативное действие по Ю. Хабермасу – это “действие, ориентированное на достижение взаимопонимания и согласия”¹⁰. Гражданское общество, будучи ядром публичной сферы, есть рационально организованное пространство, включающее в себя ассоциации, движения, организации, которые резонируют с тем, что происходит в частной сфере и посылают обработанные сигналы и предложения в публичную сферу¹¹. Тем самым Ю. Хабермас, как и Х. Арндт, демонстрирует тесную взаимосвязь между приватным и публичным, а коммуникативная структура публичной сферы сохраняется исключительно благодаря активному гражданскому обществу¹².

Х. Арндт также рассуждала о том, каким образом должен быть устроен диалог между государством и обществом, как сделать публичные дискуссии более рациональными. Публичное пространство для нее является местом, в котором выражают свои мнения и стремятся к тому, чтобы быть услышанными. В публичном пространстве возникает власть, возможны суждения и действия, поскольку в нем возможно проявление человеческой множественности. При этом, согласно Х. Арндт, важнейшим условием существования настоящей публичной сферы является свобода, так как только свободные люди способны к открытым и по-настоящему влияющим на что-либо дискуссиям¹³.

Публичная сфера, таким образом, выступает в качестве особой области социально-политической жизни, в которой постоянный

¹⁰ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 12.

¹¹ Habermas J. Between norms and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy. Cambridge, 1996.

¹² Ibid. P. 369.

¹³ Арндт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб., 2000. С. 69.

диалог между гражданами и государством способствует выработке более солидарной и инклюзивной политики. Здесь важен коммуникативный аспект, культура диалога и роль общественного мнения, как ключевого инструмента контроля государства со стороны общества. Как пишет А.Д. Трахтенберг, “публичная сфера представляет собой пространство рациональной дискуссии, основанной на принципах открытости и равенства сторон... Именно в публичной сфере в процессе свободной от внешнего контроля дискуссии и обмена информацией вырабатывается то, что можно назвать общественным мнением”¹⁴.

В модели публичной сферы Ю. Хабермаса на первое место выходит просвещенная публика, своего рода интеллектуальная и в то же время политически активная элита общества. Поэтому общественное мнение в рамках данной модели – это не просто совокупность мнений всех граждан, это мнение прежде всего активной публики, которая способна рефлексировать и выстраивать диалог с государством во имя достижения общественно значимых целей.

Х. Арендт и Ю. Хабермас объединяло то, что они предлагали модели более инклюзивного политического процесса, в основании которого находилось активное гражданское общество. Они считали, что государство при принятии решений должно в первую очередь консультироваться с гражданами посредством четко выстроенной коммуникации. При этом данная модель должна работать таким образом, чтобы учитывать максимально возможное количество общественных интересов, она не должна замыкаться на интересах лишь избранных групп.

Другая важная школа, в рамках которой происходило развитие направления публичной политики, была представлена работами американских исследователей, которые были ориентированы в большей степени на практическое применение идей публичности в государственном управлении.

Появление данной школы было спровоцировано резким усилением активности социальных движений в Америке 1960–1970-х гг., а также бурным развитием гражданского общества, радикализацией политики, публичными политическими скандалами вкупе с активным развитием СМИ. Все это поставило перед политическими исследователями и самими лицами, принимающими решения, абсолютно новые дилеммы. Как взаимодействовать с гражданами, меняющих свои роли с пассивных избирателей на активных участ-

¹⁴ Трахтенберг А.Д. Рунет как “Публичная сфера”: хабермасианский идеал и реальность // ПОЛИТЭКС. 2006. № 2. С. 225.

ников политического процесса? Как поддерживать политическую легитимность в новых условиях? Как сделать политический процесс более эффективным и отвечающим реальным социальным, политическим и экономическим проблемам общества?

Традиционная политическая наука, которая существовала на тот момент в США, оказалась мало приспособлена для решения данных дилемм. В условиях развития массовой политической активности требовалось переосмысление роли государства как такового. По словам Эндрю Хейвуда, развитие публичной политики как академической дисциплины было связано с попыткой перевести исследовательский фокус с вопроса “что из себя представляет государство и что оно делает?” на вопрос “для чего нужно государство и что оно должно делать, чтобы политика была более эффективной и подотчетной перед обществом?”¹⁵

Взгляд на политику, в котором доминировали политические партии, как основные агрегаторы общественных интересов и государственная бюрократия, как исполнитель политических решений, претерпевал коренные изменения. Теперь важно было иметь постоянный прямой контакт между государством, гражданским обществом и все более активным бизнес-сообществом, чтобы более оперативно и эффективно согласовывать интересы и принимать решения. Это предполагало разрушение монополии партий на агрегирование интересов и одновременно изменяло роль бюрократии, которая из исполнителя решений превращалась в важнейший элемент диалога между обществом и государством.

В отличие от классического взгляда на государственное управление (*public administration*) образца первой половины XX в., который вращался преимущественно вокруг вопросов организации и эффективности государственного аппарата, публичная политика (*public policy*) предполагала более практический подход. По словам Б. Нельсон, публичная политика прежде всего предполагает применение экспертных знаний для решений социальных проблем и умение осуществлять конкретные действия, чтобы уметь формировать политику, направленную на решение данных проблем¹⁶. Таким образом, эффективное государственное управление — это не только такое управление, которое хорошо организовано, но и то, которое направлено на решение проблем, стоящих перед обществом и государством.

¹⁵ Heywood A. Politics. L., 1997. P. 393.

¹⁶ Nelson B. Public policy and administration: an overview // A New Handbook of Political Science. Oxford, 1998. P. 557–558.

Американские исследователи, начиная с Г. Лассуэлла, Д. Лернера, А. Каплана¹⁷, посвященных публичной политике, были заинтересованы в нахождении такой государственной модели, в рамках которой эффективность принимаемых и реализуемых решений была бы напрямую связана с тем, насколько хорошо государство понимает суть общественных запросов и проблем.

Другим важным аспектом развития публичной политики в США было изменение роли граждан при принятии политических решений. Публичная политика стала элементом того, что Р. Даль называл процедурной демократией. Под процедурной демократией Р. Даль подразумевал особую организацию процесса принятия решений, который должен перестать вращаться исключительно вокруг привилегированных кругов и начать полноценно учитывать интересы граждан, которые не в меньшей мере имеют право высказывать свою точку зрения по поводу общественно значимых вопросов¹⁸.

Американский подход к развитию публичной политики подразумевал институционализацию более эффективного учета общественных интересов, что служило одновременно трем целям — повышению эффективности принимаемых решений, повышению уровня легитимности принимаемых решений и снижению напряженности в обществе. А программы подготовки экспертов публичной политики, активно внедряющиеся в американских вузах с 1970-х гг., были направлены на то, чтобы получить новую когорту специалистов, умеющих анализировать проблемные поля, лучше ориентироваться в ожиданиях и требованиях граждан, выстраивать диалог между государством и обществом. Развитие публичной политики было актуально еще и потому, что в США с 1950–1960-х гг. набирали обороты “фабрики мысли” и аналитические центры, такие, например, как корпорация РЭНД или центр Брукингз. Такого рода организациям требовались не просто политологи, а профессионалы, способные давать советы лицам, принимающим решения, анализировать и прогнозировать политические процессы.

В конечном счете, как в рамках европейской, так и американской школ понимание публичной политики вращалось вокруг переосмысления роли государства и государственного управления,

¹⁷ The policy sciences. Recent developments in scope and method / Ed. by D. Lerner, H.D. Lasswell. Stanford, 1951; *Lasswell H.D., Kaplan A. Power and society: a framework for political inquiry.* New Haven, 1950.

¹⁸ *Dahl R. On removing certain impediments to democracy in the United States // Political Science Quarterly.* 1977. Vol. 92. N 1. P. 14–15.

выстраивания каналов коммуникации между органами власти и обществом, повышения эффективности и легитимности государственных институтов, более всестороннего изучения процесса принятия решений.

Когда академическое направление публичной политики пришло в Россию на рубеже столетий, оно естественно принесло за собой то концептуальное наполнение содержание и те споры, которые развивались вокруг него на Западе. Российское экспертное сообщество оказалось в ситуации выбора наиболее подходящей модели публичной политики, которая адекватно отвечала бы запросам как со стороны государства, так и со стороны общества, была бы реальным рабочим инструментом, а не очередным модным термином.

В годы активных дискуссий о модернизации и демократизации 1990–2010-х гг., российские исследователи ориентировались в большей степени на западно-европейскую традицию, выводя на первый план гражданское общество как базового субъекта публичной политики, а также предлагая отход от традиционных бюрократических иерархий в государственном управлении в пользу более инклюзивного, открытого и горизонтального диалога при подготовке и принятии решений. Данная логика отчетливо прослеживается в работах Ю.А. Красина, А.Ю. Сунгурова, Н.Ю. Беляевой, Л.И. Никовской, В.Н. Якимца¹⁹. В представлении данных исследователей, эволюция демократических институтов логично ведет к развитию переосмысленного социального контракта, в рамках которого государство принимает решения “в общественных интересах и с реальным учетом общественного мнения”²⁰.

Вместе с тем, исходя из реалий сегодняшнего дня, данный подход представляется чрезмерно оптимистичным. Недостаточная развитость гражданского общества, не обладающего необходимыми ресурсами, организованностью и авторитетом в глазах как государства, так широких слоев населения, не позволяет говорить о развитии хабермасовской модели применительно к публичной политике в России. Действительно, многие авторы, которые долгие годы занимались данной проблемой, в итоге пришли к пессимистичным

¹⁹ Публичная политика в России / Под ред. Ю.А. Красина. М., 2005; Публичная политика в современной России. Субъекты и институты / Под ред. Н.Ю. Беляевой. М., 2005; Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия / Под ред. А.Ю. Сунгурова. М., 2008; *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Типология публичной политики в российских регионах // СОЦИС (Социологические исследования). 2011. № 3.

²⁰ *Сунгуров А.Ю.* Публичная политика: основные направления исследования (мировой и российский опыт) // Публичная политика. 2017. № 1. С. 10.

выводам, декларируя, по выражению А.И. Соловьева, “закат или даже гибель публичности”²¹.

Представляется, что у многих действительно изначально были высокие (и даже завышенные) ожидания по поводу развития пространства публичной политики в России. Впрочем, не стоит думать, что данная проблема касается только России. В частности, Ю. Хабермас в своих последних работах признает, что публичное пространство эпохи цифровизации обладает рядом дисфункций, качество публичной коммуникации и публичных дебатов снижается, публика становится более конфликтной, что в итоге приводит к многочисленным сбоям в демократическом управлении²².

Идея о том, что граждане встроены в политический процесс наравне с органами власти, давно вызывает множество споров. При том, что любая политика (*policy*) позиционирует себя как программа действий в интересах общества, реальное участие общества в формировании данной политики зачастую сводится лишь к видимости, в то время как реальные решения все равно принимаются внутри органов государственной власти. Но даже те модели принятия решений, которые реально строятся на активных и постоянных консультациях с гражданами (например, плебисцитная демократия в Швейцарии или в Калифорнии), могут приводить к повышенной конфликтности или неспособности систем быстро реагировать на вызовы.

Все вышесказанное вовсе не означает, что публичная политика как концепция, как академическое и практическое направление для России лишены смысла. Вопрос в том, какое реальное значение мы придаем публичной политике, какова инструментальная ценность данной концептуальной рамки для государства и общества. В реальности публичная политика содержит в себе целый ряд важнейших элементов, имеющих непосредственное отношение к эффективности принятия решений, повышению легитимности и механизмам согласования интересов.

Новый этап развития публичной политики в России связан с внесением поправок в Конституцию в 2020 г., которые заложили доктринальные основы укрепления единой публичной власти на федеральном, региональном и муниципальных уровнях. Это был важнейший шаг на пути соединения различных уровней согласования

²¹ Соловьев А.И. Фронтирные зоны публичной политики // Политическая наука. 2021. № 3. С. 200.

²² Habermas J. A new structural transformation of the public sphere and deliberative politics // Polity. 2023. N 3. P. 27.

общественных интересов, где государства и общество выступают как разные составные части единой системы, нацеленной на выработку максимально эффективной политики и решение конкретных общественных задач. В этой связке ключевое место во многом отводится муниципальной власти, которая выступает основным агрегатором общественных интересов “на местах” и транслирует их далее в центры обработки и подготовки решений²³.

Специалисты в области конституционного права в качестве первоочередной функции публичной власти считают “направления деятельности различных субъектов, главным образом государства и муниципальных образований, по удовлетворению публичного, то есть общественного интереса, признанного и охраняемого государством”²⁴. Главной целью осуществления публичной власти является поддержание стабильности в функционировании государства, которое осуществляется в тесном взаимодействии с негосударственными акторами. При этом понятие публичной власти следует рассматривать шире нежели чем в рамках узкого управленческого подхода. Ведь публичная власть служит не только поддержанию стабильности управленческого аппарата, под подразумевает “направление систематического и целенаправленного воздействия на социальную среду для достижения поставленных целей в соответствии с предоставленными полномочиями”²⁵.

Представляется, что именно такой подход лег в основу понимания публичной власти в контексте реформы Конституции России. В конечном счете система публичной власти направлена, с одной стороны, на создание более четких механизмов взаимодействия между обществом и государством, с другой – на выстраивание такой архитектуры принятия решений, в которой власть и общество выступали бы в качестве партнеров, а не конкурентов. В определенном ключе это попытка уйти от гегельянского духа противостояния гражданского общества и государства к более солидарной модели, в которой оба элемента взаимодействуют исходя из общего понимания проблем, стоящих перед обществом в целом и конкретными социальными группами в частности.

²³ См.: Головин А.Г. О взаимосвязи гражданского общества и публичной власти в контексте концепции делегирования власти народом // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 5. С. 80.

²⁴ Цит. по: Советов И.К. Публичная власть в России по Конституции 2020 года // *Вестник Прикамского социального института*. 2020. № 3 (87).

²⁵ Мальцев Н.Л. К вопросу о понятии “функции публичной власти” // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2009. № 4. С. 28.

Другой вопрос заключается в том, как сделать данную систему согласования и продвижения общественных интересов максимально эффективной, чтобы она не была оторвана от реальных проблем, не выхолащивалась в “отчетные галочки” для власти. Для этого требуется развивать реальную, а не мобилизационную модель вовлечения граждан в процессы публичных консультаций, а также повышать прозрачность процесса принятия решений, чтобы граждане могли видеть результат своего участия. Правовая система постепенно обрастает более конкретными нормами, которые должны регламентировать данные процессы. В частности, в Федеральном законе “Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации” от 21.12.2021 перечислены принципы, направленные на обеспечение согласованности в решении общих задач государственной власти и местного самоуправления в регионах и вовлеченности населения в управление публичными делами²⁶.

В реальной жизни данные принципы находят отражение, например, в политике городского развития. Публичная политика является важнейшим элементом управления городом и предполагает реализацию целого ряда норм, направленных на вовлечение граждан в вопросы проектирования городских пространств, решение актуальных проблем для создания благоприятных условий жизни горожан, адекватное и своевременное разрешение противоречий, возникающих при взаимодействии горожан и местных властей²⁷.

Важнейшими инструментами вовлечения граждан в такого рода общественно-управленческие проекты становятся сегодня цифровые платформы. Хотя в России они пока получают распространение преимущественно в крупных городах, цифровые платформы вовлечения граждан обладают значительным потенциалом. При этом цифровые платформы не ограничиваются исключительно вопросами политики города, они включают в себя порталы электронных консультаций, петиции, онлайн слушания и ряд других форматов. Их преимуществом перед традиционной коммуникацией является то, что они упрощают взаимодействие между гражданами и центрами принятия решений, способствуют повышению прозрачности, усилению социального контроля за деятельностью органов власти. Вместе с тем, правы А.Ю. Сунгуров и Д.А. Аркатов,

²⁶ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ “Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации”. URL: <https://rg.ru/documents/2021/12/27/vlast-dok.html>.

²⁷ *Попова О.В.* Институционализация единой системы публичной власти в РФ на уровне городского управления и самоуправления // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 5.

когда говорят, что “наше понимание электронного участия остается ограниченным”²⁸. Цифровые платформы значительно проигрывают традиционным формам взаимодействия. Граждане в большей степени предпочитают личный контакт с представителями власти, лишь пятая часть россиян готова строить общение с органами власти исключительно в цифровой форме²⁹.

Цифровые технологии представляют новые возможности в развитии публичного пространства, однако сами по себе они не являются панацеей, способной кардинально улучшить эффективность принимаемых решений и разрешить различные социальные проблемы. Они служат важным технологическим подспорьем, но реальный вес они имеют лишь в том случае, когда совпадает несколько элементов: политическая активность населения, цифровая грамотность и готовность органов власти в реальности реагировать на поступающие извне импульсы. Данное сочетание является ключевой предпосылкой для развития публичной политики в стране, а какие для этого будут использовать формы коммуникации — вопрос скорее технический, чем политический.

Впрочем, современное понимание публичной политики не должно ограничиваться лишь поиском новых инструментов вовлечения граждан в процессы политико-управленческих консультаций. Важно говорить и о качественных изменениях самого управленческого аппарата. Сегодня со стороны государства растет спрос на управленцев нового типа, способных не только быть проводниками спускаемых сверху решений, но также самостоятельно ставить и решать задачи, связанные с общественным и экономическим развитием, обеспечивать эффективное функционирование задействованных в этом процессе институтов и механизмов согласования интересов³⁰.

Государству сегодня нужны эксперты в области процесса принятия политических решений, которые не только обладают навыка-

²⁸ Сунгуров А.Ю., Аркатов Д.А. Об электронном и традиционном общественном участии в современной публичной политике // Политическая наука. 2021. № 3. С. 54.

²⁹ См.: Видясова Л.А., Видясов Е.Ю., Тензина Я.Д. Исследование социального доверия информационным технологиям при предоставлении электронных государственных услуг и использовании порталов электронного участия (кейс Санкт-Петербурга) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 49.

³⁰ См.: Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Публичная политика как пространство конвертации нематериальных ресурсов в факторы развития территорий // Политическая наука. 2022. № 3. С. 147.

ми в разных сферах профессиональной деятельности, но и обладают широким гуманитарным мировоззрением и моральным компасом. Поэтому современный эксперт публичной политики должен быть не только винтиком в системе управления, но также обладать собственными моральными и политическими взглядами, ценностями и целями, которые применяются и должны применяться в процессе принятия политических решений. В этом одно их ключевых отличий современной публичной политики от государственного управления, так как эксперты публичной политики — это интеллектуалы и созидатели, которые обладают собственными ориентирами. Задача высшей школы состоит в том, чтобы помогать им задавать данные ориентиры.

Выработка современной политики является фундаментальным политическим процессом. Эксперт публичной политики должен уметь быть успешным агентом изменений в различных институциональных контекстах, учась “мыслить политически”. Для этого необходимо понимать, как акторы и институты формируют решения во внутренней и международной политике. Понимание и управление этой динамикой имеет важное значение для пропаганды, разработки и реализации успешной политики.

Кроме того, современные эксперты публичной политики должны уметь ориентироваться в сложных информационных потоках, разбираться в разнообразных групповых интересах, которые неизбежно складываются вокруг почти любых принимаемых решений, разбираться в имиджевых вопросах, обладать коммуникативными навыками, необходимыми для выстраивания эффективных каналов взаимодействия как внутри собственных аппаратов, так и с внешними акторами.

Все эти задачи требуют качественной системы подготовки кадров и адекватных механизмов их отбора. Именно поэтому университеты, вовлеченные в организацию подготовки экспертов публичной политики, находятся сегодня на острие процессов модернизации и повышения эффективности всего политико-управленческого аппарата. Эксперты публичной политики, подготавливаемые российскими вузами в целом и Московским университетом в частности — это будущие многопрофильные профессионалы, способные управлять сложными социально-политическими процессами, адекватно анализировать имеющуюся информацию, выстраиваться в коммуникационные каналы. Они должны понимать суть общественных запросов и участвовать в согласовании разнообразных интересов, уметь адекватно оценивать имеющиеся у государства возможности и ресурсы, и на основании этого вырабатывать наи-

более оптимальные и эффективные решения. Эксперты публичной политики — это все еще относительно новое явление на рынке труда и тем важнее объяснять перспективность и практический смысл данного направления обществу и государству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики / Под ред. Н.Ю. Беляевой. М., 2012.

Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб., 2000.

Бабинцев В.П., Надуткина И.Э., Сапрыка В.А. Экспертное сообщество как субъект гражданского участия в регионе // Власть. 2014. № 7.

Беляева Н.Ю. Публичная политика в России: сопротивление среды // Политические исследования. 2007. № 1.

Брянцев И.И., Евстифеев Р.В. Проблемы оценки эффективности институтов государственно-общественного управления (на примере Общественных палат Владимирской и Саратовской областей) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 1.

Видясова Л.А., Видясов Е.Ю., Тензина Я.Д. Исследование социального доверия информационным технологиям при предоставлении электронных государственных услуг и использовании порталов электронного участия (кейс Санкт-Петербурга) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5.

Головин А.Г. О взаимосвязи гражданского общества и публичной власти в контексте концепции делегирования власти народом // Lex russica. 2022. Т. 75. № 5.

Данилов Н.Ю., Гуров О.Ю., Жидков Н.Г. Публичная политика: от теории к практике. СПб., 2008.

Мерсиянова И.В., Иванова Н.В. Партнерство государства и благотворительных фондов как стратегия повышения ресурсной обеспеченности некоммерческих организаций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 1.

Мирошниченко И.В. Публичная политика как зонтичная концепция политической науки // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 47.

Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Публичная политика как пространство конвертации нематериальных ресурсов в факторы развития территорий // Политическая наука. 2022. № 3.

Никовская Л.И., Якимец В.Н. Введение в предметное поле муниципальной публичной политики // Социально-политические исследования. 2019. № 4 (5).

Никовская Л.И., Якимец В.Н. Типология публичной политики в российских регионах // СОЦИС (Социологические исследования). 2011. № 3.

Политическое управление и публичная политика XXI века / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М., 2008.

Попова О.В. Институционализация единой системы публичной власти в РФ на уровне городского управления и самоуправления // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14).

Публичная политика в России / Под ред. Ю.А. Красина. М., 2005.

Публичная политика в современной России. Субъекты и институты / Под ред. Н.Ю. Беляевой. М., 2005.

Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия / Под ред. А.Ю. Сунгунова. М., 2008.

Сморгунов Л.В. Взаимодействие государства и бизнеса в России: от лоббирования к корпоративной публичной политике // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 4 (71).

Сморгунов Л.В. Публичная политика: институты, цифровизация, развитие. Коллективная монография. М., 2018.

Сморгунов Л.В. Сетевой анализ публичной политики. М., 2013.

Сморгунов Л.В. Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой // Политическая наука. 2022. № 3.

Соловьев А.И. Фронтальные зоны публичной политики // Политическая наука. 2021. № 3.

Сунгунов А.Ю. Публичная политика: основные направления исследования (мировой и российский опыт) // Публичная политика. 2017. № 1.

Сунгунов А.Ю. Публичная политика: развитие зарубежных и российских исследований // Политическая наука. 2022. № 3.

Сунгунов А.Ю., Аркатов Д.А. Об электронном и традиционном общественном участии в современной публичной политике // Политическая наука. 2021. № 3.

Трансформации публичной политики в современной России: Уч. пособ. / Под ред. И.В. Радикова. М., 2022.

Трахтенберг А.Д. Рунет как “Публичная сфера”: хабермасианский идеал и реальность // ПОЛИТЭКС. 2006. № 2.

Управление публичной политикой: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. М., 2015.

Устинович Е.С., Сергеев Н.В. Публичная политика государственной корпорации (на примере ПАО “ФСК ЕЭС”) // Социальная политика и социальное партнерство. 2019. № 8.

Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ “Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации”. URL: <https://rg.ru/documents/2021/12/27/vlast-dok.html> (дата обращения: 28.06.2024).

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

REFERENCES

Analiticheskie soobshchestva v publichnoy politike: global'nyj fenomen i rossijskie praktiki [Analytical communities in public policy: a global phenomenon and Russian practices] / Pod red. N.Yu. Belyaevoy. M., 2012 (in Russian).

Appleby P.H. Toward better public administration // Public Administration Review. 1947. Vol. 7. N 2.

Arendt H. Vita activa, ili O deyatel'noj zhizni [Vita activa, or On active life]. SPb., 2000 (in Russian).

Babincev V.P., Nadutkina I.E., Sapryka V.A. Ekspertnoe soobshchestvo kak sub'ekt grazhdanskogo uchastiya v regione [Expert community as a subject of civil participation in the region] // Vlast'. 2014. N 7 (in Russian).

Belyaeva N. Yu. Publichnaya politika v Rossii: soprotivlenie sredy [Public policy in Russia: resistance of the environment] // Polis. Politicheskije issledovaniya. 2007. N 1 (in Russian).

Bryancev I. I., Evstifeev R. V. Problemy ocenki effektivnosti insti-tutov gosudarstvenno-obshchestvennogo upravleniya (na primere Obshchestvennyh palat Vladimirskoj i Saratovskoj oblasti) [Problems of assessing the effectiveness of institutions of state and public administration (on the example of the Public Chambers of the Vladimir and Saratov regions)] // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2020. N 1 (in Russian).

Dahl R. On removing certain impediments to democracy in the United States // Political Science Quarterly. 1977. Vol. 92. N 1.

Danilov N. Yu., Gurov O. Yu., Zhidkov N. G. Publichnaya politika: ot teorii k praktike [Public policy: from theory to practice]. SPb., 2008 (in Russian).

Federal'nyj zakon ot 21 dekabrya 2021 g. N 414-FZ "Ob obshchih principah organizacii publichnoj vlasti v sub'ektah Rossijskoj Federacii" [Federal Law of December 21, 2021 No. 414-FZ "On the General Principles of Organization of Public Authority in the Subjects of the Russian Federation"]. URL: <https://rg.ru/documents/2021/12/27/vlast-dok.html> (data obrashcheniya: 28.06.2024) (in Russian).

Fukuyama F. The decay of American political institutions // The American Interest. 2013. Vol. 9. N 3. URL: <http://www.the-american-interest.com/2013/12/08/the-decay-of-american-political-institutions/> (accessed: 28.06.2024).

Golovin A. G. O vzaimosvyazi grazhdanskogo obshchestva i publichnoj vlasti v kontekste koncepcii delegirovaniya vlasti narodom [On the relationship between civil society and public authority in the context of the concept of delegation of power by the people] // Lex russica. 2022. T. 75. N 5 (in Russian).

Habermas J. Between norms and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy. Cambridge, 1996.

Habermas J. Why Europe needs a constitution // New Left Review. 2001. II, Sept/Oct. URL: <https://newleftreview.org/issues/ii11/articles/jurgen-habermas-why-europe-needs-a-constitution> (accessed: 28.06.2024).

Habermas J. A new structural transformation of the public sphere and deliberative politics // Polity. 2023. N 3.

Habermas Y. U. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie [Moral Consciousness and Communicative Action]. SPb., 2000 (in Russian).

Heywood A. Politics. L., 1997.

Lasswell H. D., Kaplan A. Power and society: a framework for political inquiry. New Haven, 1950.

Mersiyanova I. V., Ivanova N. V. Partnerstvo gosudarstva i blagotvoritel'nyh fondov kak strategiya povysheniya resurnoj obespechennosti nekommercheskih organizacij [Partnership of the state and charitable foundations as a strategy for increasing the resource security of non-profit organizations] // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2018. N 1 (in Russian).

Miroshnichenko I. V. Publichnaya politika kak zontichnaya koncepciya politicheskoy nauki [Public policy as an umbrella concept of political science] // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2014. N 47 (in Russian).

Miroshnichenko I. V., Morozova E. V. Publichnaya politika kak prostranstvo konvertacii nematerial'nyh resursov v faktory razvitiya territorij // Politicheskaya nauka. 2022. N 3 (in Russian).

Nelson B. Public policy and administration: an overview // A New Handbook of Political Science. Oxford, 1998.

Nikovskaya L.I., Yakimec V.N. Tipologiya publichnoj politiki v ros-sijskih regionah [Typology of public policy in Russian regions] // SOCIS (Sociologicheskie issledovaniya). 2011. N 3 (in Russian).

Nikovskaya L.I., Yakimec V.N. Vvedenie v predmetnoe pole municipal'noj publichnoj politiki [Introduction to the subject field of municipal public policy] // Social'no-politicheskie issledovaniya. 2019. N 4 (5) (in Russian).

Politicheskoe upravlenie i publichnaya politika XXI veka [Political management and public policy of the 21st century] / Pod red. O.V. Gaman-Golutvinoj. M., 2008 (in Russian).

Popova O.V. Institucionalizaciya edinoj sistemy publichnoj vlasti v RF na urovne gorodskogo upravleniya i samoupravleniya [Institutionalization of a Unified System of Public Authority in the Russian Federation at the Level of Municipal Government and Self-Government] // Social'no-politicheskie issledovaniya. 2022. N 1 (14) (in Russian).

Publichnaya politika v Rossii [Public Policy in Russia] / Pod red. Yu.A. Krasina. M., 2005 (in Russian).

Publichnaya politika v sovremennoj Rossii. Sub'ekty i instituty [Public Policy in Modern Russia. Subjects and Institutions] / Pod red. N.Yu. Belyaevoj. M., 2005 (in Russian).

Publichnoe prostranstvo, grazhdanskoe obshchestvo i vlast': opyt razvitiya i vzaimodejstviya [Public Space, Civil Society and Power: Experience of Development and Interaction] / Pod red. A.Yu. Sungurova. M., 2008 (in Russian).

Shumpeter J. Kapitalizm, socializm i demokratiya [Capitalism, Socialism and Democracy]. M., 1995 (in Russian).

Smorgunov L.V. Setevoj analiz publichnoj politiki [Network Analysis of Public Policy]. M., 2013 (in Russian).

Smorgunov L.V. Vzaimodejstvie gosudarstva i biznesa v Rossii: ot lobbirovaniya k korporativnoj publichnoj politike [Interaction of the State and Business in Russia: from Lobbying to Corporate Public Policy] // Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2016. N 4 (71) (in Russian).

Smorgunov L.V. Publichnaya politika: instituty, cifrovizaciya, razvitie. Kollektivnaya monografiya [Public Policy: Institutions, Digitalization, Development. Collective monograph]. M., 2018 (in Russian).

Smorgunov L.V. Sovremennye tendencii v gosudarstvennom upravlenii: ot novogo gosudarstvennogo menedzhmenta k upravleniyu publichnoj politikoj [Modern Trends in Public Administration: From New Public Management to Public Policy Management] // Politicheskaya nauka. 2022. N 3 (in Russian).

Solov'ev A.I. Frontirnye zony publichnoj politiki [Frontier Zones of Public Policy] // Politicheskaya nauka. 2021. N 3 (in Russian).

Sungurov A.Yu. Publichnaya politika: osnovnye napravleniya issledovaniya (mirovoj i rossijskij opyt) [Public Policy: Main Research Areas (World and Russian Experience)] // Publichnaya politika. 2017. N 1 (in Russian).

Sungurov A.Yu. Publichnaya politika: razvitie zarubezhnyh i rossijskih issledovanij [Public Policy: Development of Foreign and Russian Research] // Politicheskaya nauka. 2022. N 3 (in Russian).

Sungurov A.Yu., Arkatov D.A. Ob elektronnom i tradicionnom obshchestvennom uchastii v sovremennoj publichnoj politike [On Electronic and Traditional Public Participation in Modern Public Policy] // Politicheskaya nauka. 2021. N 3 (in Russian).

The Policy Sciences. Recent Developments in Scope and Method / Ed. by D. Lerner, H.D. Lasswell. Stanford, 1951.

Trahtenberg A.D. Runet kak "Publichnaya sfera": habermasianskij ideal i real'nost' [Runet as a "Public Sphere": Habermasian Ideal and Reality] // POLITEKS. 2006. N 2 (in Russian).

Transformacii publichnoj politiki v sovremennoj Rossii: Uch. posob [Transformations of Public Policy in Modern Russia: Study Guide] / Pod red. I.V. Radikova. M., 2022 (in Russian).

Upravlenie publichnoj politikoj: Kollektivnaya monografiya [Public Policy Management: Collective Monograph] / Pod red. L.V. Smorgunova. M., 2015 (in Russian).

Ustinovich E.S., Sergeev N.V. Publichnaya politika gosudarstvennoj korporacii (na primere PAO "FSK EZS") [Public Policy of a State Corporation (on the Example of PJSC FGC EZS)] // Social'naya politika i social'noe partnerstvo. 2019. N 8 (in Russian).

Vidyasova L.A., Vidyasov E.Yu., Tensina Ya.D. Issledovanie social'nogo doveriya informacionnym tekhnologiyam pri predostavlenii elektronnyh gosudarstvennyh uslug i ispol'zovanii portalov elektronного uchastiya (kejs Sankt-Peterburga) [Study of social trust in information technologies in the provision of electronic government services and the use of electronic participation portals (case of St. Petersburg)] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2019. N 5 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-83-94

МГУ — ЛЮБОВЬ МОЯ!

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья представляет собой обобщенный анализ мнений студентов о Московском университете, которые они высказывали в рамках проведенного на социологическом факультете исследования “МГУ глазами студентов социологического факультета”. Данное исследование было приурочено к 270-летию Московского университета. Цель исследования заключалась в том, чтобы на базе анализа мнений студентов о критериях выбора вуза для получения высшего образования, о различных аспектах собственно образовательного процесса и перспективах трудоустройства, создать целостное представление об отношении обучающихся к Московскому университету, о его миссии в развитии России и российской науки, а также об их собственных жизненных траекториях. Анализируемые в статье ответы являются яркой демонстрацией того, что Московский университет играл и продолжает играть особую роль в жизни студенчества. Именно студенты выступают главными героями данной статьи. Молодые люди высказывали свои мнения о том, почему они выбрали МГУ, какие факторы повлияли на их выбор, каким образом проходит их обучение, как альма-матер влияет на их жизненные стратегии. Вместо заключения в статье приведены два неординарных эссе, в которых описан путь студентов к поступлению, впечатления от учебы, а также ожидания, устремления и надежды.

Ключевые слова: Московский университет, 270 лет МГУ, классический университет, высшее образование, студенчество.

MSU — MY LOVE!

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

The article is a generalized analysis of students' opinions about Moscow University, which they expressed within the study “Moscow State University through the Eyes of Students at the Faculty of Sociology” conducted at the Faculty of Sociology. This study

* Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: ngo@socio.msu.ru

was dedicated to the 270th anniversary of Moscow University. The purpose of the study was to create a holistic view of students' attitudes to Moscow University, its mission in the development of Russia and Russian science, as well as their own life trajectories, based on the analysis of students' opinions on the criteria for choosing a university, on various aspects of the educational process and employment prospects. The responses analyzed in the article are a vivid demonstration of the fact that Moscow University has played and continues to play a special role in the lives of students. It is the students who are the main characters of this article. Young people expressed their opinions on why they chose Moscow State University, what factors influenced their choice, how their education is conducted, and how their alma mater influences their life strategies. Instead of a conclusion, the article includes two extraordinary essays that describe the students' path to admission, their impressions of their studies, as well as their expectations, aspirations, and hopes.

Key words: *Moscow University, 270 years of Moscow State University, classical university, higher education, students.*

В процессе подготовки к празднованию 270-летнего юбилея Московского университета, социологический факультет провел комплексное эмпирическое исследование “МГУ глазами студентов социологического факультета”. В рамках данного исследования особый интерес представляет обобщенный анализ личных историй абитуриентов, ставших студентами МГУ, описанных в их эссе на тему “Мой университет”. В этих эссе студенты поделились воспоминаниями о тех мотивах, которые предопределили их выбор в пользу Московского университета, опытом подготовки к поступлению, о тех ощущениях, которые они испытали, когда узнали о своем зачислении в студенты лучшего университета нашей страны. В этих эссе также нашли отражение ожидания от обучения в МГУ, отношение к своей альма-матер и, конечно же, планы на будущее.

Безусловно, практически все студенты согласны с тем, что при выборе траектории образовательного пути, нельзя оставлять без внимания фактор всемирной известности и популярности вуза.

“Об МГУ слышал почти каждый. И это очевидно, поскольку именно в этом вузе преподают профессора, ученые с мировыми именами, а студенты обучаются по самым высоким стандартам. Ну и, конечно, нельзя забывать, что МГУ был основано еще в 1755 г. при Елизавете Петровне, что позволяет изучать историю университета на уроках истории”.

Действительно, каждому гражданину Российской Федерации и любому человеку в мире, который следит за тенденциями в сфере образования, известно, что МГУ является лучшим российским вузом. Поэтому не удивительно, что когда абитуриенты намечают список вузов, в которых они хотели бы учиться, то чаще всего реша-

ют, что “достойны получить образование в лучшем университете”. Так их выбор “падает на МГУ”.

Значительное число студентов начинают “мечтать об МГУ” практически с раннего детства. Для одних — это “семейный университет”, в котором учились “дедушка, тетя и мама”, поэтому “сомнений при выборе ВУЗа у них никогда не возникало”, для других территория МГУ — любимое с детства место: “Мы с родителями и братом часто приезжали гулять по Воробьевым горам, и уже тогда Главное Здание МГУ произвело на меня сильное впечатление”.

Характерной в этой связи представляется история одной студентки, которая “об университет узнала еще в далеком детстве”, когда ей было 7–8 лет. «Мой брат тогда только-только поступил в институт и мне было очень интересно, что это такое. Тогда я пришла к своей бабушке и начала расспрашивать ее обо всем. И бабушка рассказала, как в молодости она поступила в МГУ на экономический факультет, что это было прекрасное время, лучший институт, замечательные люди. Мне настолько понравилась история бабули, что я ей выпалила: “Я тоже там буду учиться”. Как вы могли заметить, свое обещание я выполнила».

Часть студентов стали “размышлять об МГУ” в средней школе, когда получили первые “личные впечатления” от “главного здания МГУ, большого выбора факультетов и преподавателей”.

“Когда я училась в пятом классе, я мечтала поехать в Москву. Маленькая мечтательница, уверенная на 100%, что она будет поступать в МГУ. Почему именно в этот вуз? Меня поразили его величие, его история и традиции. Помню, как смотрела видео в интернете об учебе в этом университете, читала отзывы, любовалась главным зданием и прекрасной территорией”.

«Моя жизнь примерно с 7 класса была неизменно связана с МГУ. Я учился в школе № 1533 “НИТ”, которая находится неподалеку. Окна во всех рекреациях выходили на Главное здание, как и окна части кабинетов. На некоторых уроках, когда было особенно скучно, я любил рассматривать эту грандиозную сталинскую высотку. Ее шпиль со звездой, статуи, орнамент, части. Мне нравится архитектура 30–50-х годов, в ней чувствуется масштаб. Мой друг и, по совместительству, одноклассник, ходил на курсы географии в МГУ, которые находились на верхних этажах ГЗ. Как-то раз, провожая его, я дошел с ним до дверей университета. Как сейчас помню это ощущение собственной ничтожности по сравнению с этой громадой. Сама мысль о том, что подобное дело рук человеческих, что это построили мои соотечественники впервые дала мне в полной мере почувствовать Горьковское “Человек — это звучит гордо”. Каж-

дый раз, когда взгляд падал на ГЗ, я чувствовал, как наполнялось уверенностью и решимостью: нет ничего невозможного. Индивид может быть развит интеллектуально и физически, его действия могут иметь значительные последствия. Что же может сделать целое сообщество индивидов? С этими мыслями я узнавал все больше и больше информации об университете. Моя школа была тесно связана с МГУ, а многие ее выпускники сейчас — студенты этого университета».

Ряд абитуриентов “определились” уже в старших классах.

“В начале девятого класса я начала задумываться над выбором высшего учебного заведения. Начала изучать множество сайтов для получения большей информации, и мой выбор пал на МГУ. Меня впечатлили масштабы этого здания, преподаватели и большой выбор факультетов. Для себя я сразу поняла, что это место подарит мне кучу положительных эмоций и огромный запас знаний, которые очень пригодятся в будущем”.

Некоторые старшеклассники приняли решение о поступлении в МГУ, получив информацию от учителей, репетиторов или просто “последовав их примеру”.

«Информацию об университете и социологическом факультете я узнала из онлайн-школы по обществознанию “НЕФОРМАТ”. Моя репетитор (создатель данной онлайн-школы) сама училась на социологическом факультете МГУ и добилась многого в своей жизни. Поэтому я решила последовать ее примеру и поступила в данный вуз».

Для многих решающим фактором стало посещение дня открытых дверей в Главном здании и на конкретном факультете. “Решающим фактором при выборе именно МГУ стало мое посещение дня открытых дверей на социологическом факультете. Меня абсолютно очаровала атмосфера лучшего вуза страны, я сразу ощутил свою принадлежность к чему-то большему и великому. Очаровательные студентки со второго курса рассказали обо всех преимуществах факультета и ответили на все интересующие меня вопросы. Именно в тот день после выхода из здания факультета твердо решил — надо во что бы то ни стало трудиться и поступить в МГУ. А дальше были долгие месяцы упорного труда”.

Порой “выбор МГУ в качестве места получения образования обусловлен не только тем, что здесь гарантируются качественные знания и востребованность выпускников. Значительно влияет на выбор внеучебная деятельность МГУ, для некоторых – именно лыжная команда. Важно, чтобы кроме учебы в жизни был спорт, а вместе с ним и люди, которые тоже горели своим делом”.

Путь к поступлению для подавляющего большинства студентов “был непрост”.

Обычно он начинался с 9-го класса, когда они стали активно готовиться к экзаменам, “чтобы хорошо сдать ЕГЭ”. Дальше шла усиленная подготовка к дополнительному вступительному испытанию по обществознанию — “десятки эссе, вебинаров, прочитанных книг помогли добиться цели!” “Репетиторы, онлайн-школы, большое количество материала, который нужно заполнить, недостаток сна и постоянный страх перед будущим – такими словами можно описать прошедшие два года”.

Для многих очень значимой в то время была поддержка близких. “От самого начала и до конца со мной были мои самые близкие люди. Для них мое поступление не было удивлением, поскольку они всегда в меня верили. Однако это не значит, что мной не гордились. Также меня поддерживали и мои друзья, любимые учителя. Многие были очень удивлены, что я смогла поступить в первый вуз страны, однако все поздравили и пожелали удачи в дальнейшей учебе”.

Наконец, все испытания, связанные с поступлением, успешно пройдены, зачисление состоялось, вызвав при этом “бурю эмоций”.

“Какие эмоции вызывает поступление? Стресс, страх, волнение, переживания, усталость? Да. Однако, когда ты видишь себя в списках поступивших, а ещё и на бюджет, то это ощущение невероятной радости, гордости напрочь стирает все переживания”.

Многие испытали ощущение счастья: “Мне казалось, что в таком огромном и красивом университете должны учиться самые-самые умные и интеллигентные люди. Теперь я сама здесь, на первом курсе Социологического факультета, чему я безумно рада и счастлива!”

“Счастью переполняло мой дом. Родители, бабушка и дедушка, младший брат были очень рады. Семья гордилась мной. Я стала вторым человеком в своем селе, который смог поступить в лучший вуз страны на бюджет. Но самое главное, я сдержала давшую себе три года назад клятву. Я смогла. У меня получилось. Мое окружение было удивлено. Некоторые переспрашивали, как будто не верили”.

“Мое поступление на социологический факультет МГУ связано с ощущением волнения и радости одновременно. Я почувствовал себя готовым к новым вызовам и возможностям, которые открываются передо мной в университете”.

“Поступление в университет стало для меня шагом в особую культурную среду, а также во взрослую самостоятельную жизнь, поэтому оно сопровождалось невероятным интересом и легкими нотами тревожностями перед ем-то новым”.

Довольно любопытной и показательной, хотя и не совсем типичной представляется история поступления одной студентки:

«Осознанное решение поступить в МГУ, стать его частью, возникло в момент, когда я относила согласие, фотографии и прочие документы. Я проходила по конкурсу на бюджет во все остальные вузы, во многом помогли олимпиады. Но именно мои олимпийские достижения на мой факультет в МГУ не действовали. Никаких привилегий. Несмотря на это, к ДВИ я все равно особо не готовилась. Изучала, узнавала что-то в рамках своих интересов. Писала ДВИ (тогда был дистант) в селе у бабушки. Отключили свет, не было связи. Поэтому писала буквально “на коленке”. Оказалось, со всем этим я до последнего поступала с чувством, что все это “не взаправду”. Готовила соглашение в другой вуз, трепетно ожидая конкурсных списков МГУ.

А потом мне позвонили. Рядом сидела мама. Оказалось, что я прошла на бюджет. Правда, сначала звонили с психфака. К вечеру позвонили с, уже моего, соцфака. Семья очень радовалась и гордилась. А я опять ждала, только уже списков о зачислении. Мама боролась с желанием рассказать всем родственникам, так как я ждала списков о зачислении. Потому что тогда уж точно — не отвертись — ты студент МГУ».

Первые дни в университете для многих стали незабываемыми, и даже по прошествии ряда лет возникают перед глазами почти как наяву.

“Думаю, что первое сентября в роли первокурсницы запомню надолго. На торжественном посвящении первокурсников мое желание учиться и работать возросло. Особое воздействие оказала роль В.А. Садовниченко. Я поняла, что передо мной открыты все двери, что МГУ — лучшее место для развития своего потенциала. Мотивация переполняла меня. Я чувствовала себя на своем месте”.

“Ректор МГУ, В. Садовничий, выступал перед всеми первокурсниками в актовом зале главного здания, там было множество приглашенных гостей, от которых мы также слышали поздравления и напутствия. Тогда меня поразили масштаба всего происходящего. Я почувствовала себя причастной к чему-то великому, к огромной истории, которая повлияла на жизнь миллионов людей. Тогда я точно поняла, что оказалась в нужном месте. В этот день все родственники и близкие поздравляли меня, все были счастливы, что я оказалась в таком легендарном месте и имею право учиться у профессионалов”.

“Когда я пришла на занятия, я словно бы очутилась в новом мире. В мире знаний и науки, где лекции студентам читают профессора с многолетним стажем работы”.

Ожидания от обучения в МГУ у всех студентов полностью оправдались, хотя акценты в ожиданиях несколько сместились, а сами ожидания — расширились.

“Все мои ожидания подтвердились, и я нахожусь в полном восторге от обучения. Я знаю, что все знания, которые нам очень информативно и бережно передают преподаватели, помогут и в дальнейшем. Благодаря университету я открыла для себя такую прекрасную специальность, которая позволяет каждый узнавать что-то новое как о себе, так и об устройстве общества в целом”.

“От обучения я ожидаю многое. Самое главное – это получение навыков, необходимых для успешного будущего, однако я не забываю и про социальную, общественную жизнь. Я буду стремиться реализовать себя как активист, вступить в студенческий совет и весело проводить студенческую жизнь”.

«От обучения в МГУ я ожидаю получения фундаментальных знаний, увлекательной учебы, насыщенной студенческой жизни! Ведь, как говорят: “Соцфак — это люди!”».

“Я бы назвала МГУ главным вузом страны, поэтому ожиданий от него много: хорошие преподаватели, которые умеют правильно преподносить информацию; много важных интересных знакомств; разные организации или мероприятия, позволяющие раскрыться потенциалу или найти себя. А также вкусная еда в столовых, а еда это очень важно для любого человека”.

“МГУ всегда казался каким-то недостижимым и волшебным местом, я и сейчас не до конца осознаю, что учусь в таком престижном месте. Я ожидаю от учебы в МГУ яркой, интересной, насыщенной студенческой жизни, надеюсь, что все полученные здесь знания и навыки пригодятся мне как в жизни, так и на работе. Я думаю, что социологическое образование станет очень полезным для меня, оно и научит коммуницировать с людьми и расширит мой кругозор, и передаст полезные знания. Я очень счастлива, что поступила в МГУ”.

“Фундаментальность — первое единственное ожидание от МГУ. Затем — грандиозность, стабильность, серьезность. Образование, которое когда-то казалось слишком советским, стало (а оно и было) самым привычным и качественным. Семья МГУ огромная. Не счастье активностей, которые открыты для наших студентов. Не счастье путей развития — стоит только захотеть — и бери”.

“Получаемое и полученное образование в МГУ оказалось, и, думаю, окажется для меня полезным. Уже сейчас, в рамках курсовых, докладов, рефератов, я делаю то, что мне интересно. В этом тоже огромная благодарность вузу и его преподавателям. Не понаслышке

знаю, что такого широкого поля для развития и таких широких просторов нигде больше нет”.

Учеба в Московском университете для его студентов — это восторг, гордость, и конечно, любовь — любовь к месту, ставшему родным...

“МГУ — это легендарное, историческое место, которое символизирует и презентует лучшее образование в нашей стране, это старейший университет со своим уникальным наследием”.

«Вокруг МГУ, вплоть до моих студенческих дней здесь, всегда царила атмосфера возвышенности, отчужденности, фундаментальности. От того вуз всегда казался лучшим, но “старым”. В смысле взаимоотношений, системы образования. Недостаточно прогрессивный и новый, слишком самобытный. Как оказалось, роскошь самобытности вуз может себе позволить».

“МГУ — это не только авторитетное заведение, но еще и возможность получить все необходимые знания от невероятно умных и опытных преподавателей, также это отличный способ познакомиться с людьми с теми же амбициями и ценностями, что и у меня, и, возможно, даже двигаться с ним вместе по жизни”.

“Как первокурсница первого вуза России я чувствую неподдельную гордость и восторг. Быть причастным к деятельности Московского государственного Университета дорогого стоит!”

“Я испытываю гордость, считая себя человеком Московского университета”.

“Мой университет – сейчас уже хорошо знакомое, известное мне место. Нет больше трепета в ожидании встречи, нет той возвышенности, отдалённости. Это родное место. И долгое отсутствие его в жизни вызывает тоску. Мой университет — не идеальный, но он лучший. И такую самобытность он может себе позволить сполна”.

“Соцфак как раз позволяет, учит, верить, а главное понимать людей, (ведь человеку не хватает именно того, чтобы его понимали), даже выявляя их темные стороны. У меня сохранится особой образ мысли и мировоззрение, общий уровень образованности, присутствующий исключительно студентам и выпускникам МГУ. На данном этапе могу сказать, что я на своем месте и люблю МГУ”.

«Мой университет — моя любовь. Не банальная “с первого взгляда”. А долгая и здоровая. Любовь после сотни встреч, сотни разговоров и событий. МГУ — главная достопримечательность, которую я покажу друзьям-туристам. МГУ, его здание, улочки, сады, преподаватели, студенты, коты (живущие в садах) — самые интересные собеседники, места для посещения и т.д.».

Что дает студентам обучение в МГУ?

“Московский университет и социологический факультет, в частности, уже дал мне очень многое. Я испытывала огромную благодарность за людей, которых я здесь встретила”.

“Образование, полученное в стенах МГУ, дало мне фундаментальный взгляд на устройство мира, общество и человека. Эти знания уже сейчас ускоряют понимание многих вещей и время поиска решения проблем. Социологический факультет дает как практические навыки, которые будут полезны в дальнейшей работе, так и всесторонне развивает студента, обеспечивая его хорошим фундаментом теоретического знания”.

“Я уверен, что учеба на факультете социологии МГУ помогает мне расширять свой кругозор и развивать не только профессиональные навыки, но и личностные качества. Я готов к трудностям и готов принимать новые знания и опыт”.

“Один из главных плюсов получения фундаментального образования в МГУ — это то, что нас учат критически мыслить”.

«Я горда быть частью такой большой и существующей уже, так сказать, “вне времени” системы студентов МГУ, рада проводить свои студенческие годы в окружении целеустремленных, амбициозных, разносторонних личностей, польщена тем, что могу брать знаний у профессионалов и сама таким становиться».

Обучение в МГУ также дает студентам возможность строить вполне оптимистичные планы на будущее.

“Я планирую сохранить те навыки, которые я приобрела в МГУ... Я хочу сохранить то умение мыслить, размышлять, которое мне дал МГУ. Хочу сохранить отношения с людьми, с которым меня связал мой вуз. Хочу сохранить эту постоянную мотивацию работать, докапываться до сути, становиться лучше. Эти способности в будущем точно приведут к успеху”. “Студент МГУ — это навсегда!”

“После окончания МГУ я планирую поступить в аспирантуру и начать карьеру преподавателя”.

“Довольно трудно загадывать наперед, однако всегда есть планы, цели, мечты, к которым ты стремишься. Для меня обучение всегда было в приоритете, поэтому после окончания бакалавриата я точно не остановлюсь. Также хотелось бы в будущем реализовать себя в качестве преподавателя, поскольку именно в этой профессии я вижу возможность реализовать себя, добиться уважения, а также позволит не расставаться с любимым делом”.

“В моих планах — взять максимум от времени, проведенного в стенах университета. Начиная от приобретения новых знаний, заканчивая знакомством с интересными людьми, участием в форумах и конференциях”.

“Думаю, что в будущем диплом МГУ откроет передо мной множество дорог. Полученные знания помогут создать что-то свое. Я бы хотела стать автором научных статей, проводить исследования”.

“Я не знаю, буду ли я работать по профессии, но я точно знаю, что выбрала для себя лучший Университет и я очень горжусь, что я — студентка МГУ!”

Вместо заключения — два неординарных эссе, в которых описан нетривиальный путь к поступлению, ощущения от учебы и, конечно — ожидания, устремления и надежды...

Виталика Б. 3-й курс, эссе “Мой университет”. «Разрешите начать со строк из песни Юрия Антонова (или же группы “Земляне”) “Поверь в мечту”:

Мы выбираем путь, идем к своей мечте,

И надо не свернуть с пути уже нигде...

Было ли поступление в МГУ моей мечтой? Нет. Все началось с шуточной мысли в 5-м классе. Это покажется странным, но МГУ для меня в то время было не сталинской высоткой, я, признаться честно, и не знала, как выглядит университет. Это учебное заведение было для меня воплощением образа М.В. Ломоносова, а следовательно, символом безграничной крепости знаний, призмой преломления мыслей, объединением наук (т.е. целостный организм, живущий по принципу симбиоза).

В средней школе я участвовала во всех олимпиадах, мне давалось это легко. Химия, физика, биология, история, литература, география — мой любимый набор. И в чем состоит ирония, о которой я писала выше? В том, что моментами я ловила себя на мысли о невидимой нити, связывающей меня с Михаилом Васильевичем. В придачу ко всему, я была, как выразился бы И. Гоффман, обладателем стигмы; вот только это оставило на мне не отрицательную метку, а отпечаток принадлежности, метафорическое объединение с Ломоносовым. Нет смысла держать завесу. А потому напишу прямо. У меня сломан нос (в детстве неудачно упала). По сути, это просто игра слов, но мне нравилось использовать это в качестве шутки, отвечая на вопросы учителей и одноклассников о выборе высшего учебного заведения.

Окончательно связать судьбу с МГУ у меня получилось в 2021 году. Весной этого года я приняла решение поступать на географический факультет. Но раз уж сейчас я пишу это эссе, то значит отчасти верна фраза: “У самурая нет цели, у самурая есть путь”. И мой путь проходит через сожаления к принятию и пониманию.

На самом деле, я хочу выразить благодарность Н.Г. Осиповой. Именно благодаря ее видео, выложенному на просторы интернета, у меня появился план “Б”, который после стал “А”.

К ДВИ я была не готова, так как все лето пробыла на стадионе, готовясь к соревнованиям (легкая атлетика, семиборье). На геофак я по итогу прошла, но, поговорив с отцом, решила предать себя. И долгое время в голове эхом проносилось: “Я советов не даю, оттого что советы склонны распадаться”.

Первый курс, соцфак, поздравления, давшие трещину розовые очки. Типичный путь от разочарования к очарованию и так по кругу. Сейчас, преодолев уже немалый отрезок, могу сказать, что отчуждение сменилось любовью. Люди, встретившиеся на этом пути, события, окатили душу чисто живительной водой.

Все же многое хочется оставить при себе. Позвольте закончить с того, с чего начали. Произведем такой мыслительный уроборос:

Усталость иногда сожмет у сердца грудь,
Настигнет нас беда, чтоб осложнить нам путь.
Пройдем любви закат, и встретим с ней рассвет.
Пойдем пути назад у жизни просто нет!
И все вместе:)

Поверь в мечту скорей!

Поверь в мечту как доброту, как в красоту людей...»

Данила С. 3-й курс, эссе “Мой университет”. «Мой университет — самый Великий университет мира! Да что уж мира — России! Это МГУ имени М.В. Ломоносова. Давайте расскажу чуть подробнее.

Решение поступить в МГУ я принял уже в школьные годы. МГУ же всегда пользовался высоким авторитетом и славился своими качественными образовательными программами во всех регионах России, да и во всём мире. Поэтому я без сомнения решил, что этой мой идеальный выбор — это стало мечтой!

Готовиться к поступлению в МГУ стало настоящим вызовом, так как конкуренция среди абитуриентов была очень высокой. Причем МГУ — единственный вуз, где есть ДВИ, что отдаляло мою цель. Однако я знал, что я лучший ученик своего города, а в МГУ учатся только лучшие люди страны, и поэтому я взял себя в руки: сдал ДВИ на самый высокий балл и поступил в МГУ!

Мои ощущения были на пределе! Гордость, радость, уважение к самому себе — все это накрыло меня волной. Это было осуществление моей долгожданной мечты! Причем, это стало первым случаем поступления в Москву, в МГУ в моем городе Арск, где проживает 25 тысяч человек. Это стало сенсацией! Весь город говорил об этом, все были счастливы. Удивительно, что один такой маленький шаг в жизни одного человека вызвал столько радости и других 25-ти тысячах людей! Я же был готов к сложностям, которые могли встретиться на пути обучения, но в то же время испытывал некоторое

волнение в связи с новым этапом в жизни. Мое поступление в МГУ вдохновило всех школьников в городе, а позже я стал наставником поступления в МГУ порядка нескольких десятков абитуриентов — я стал первопроходцем поступления в Москву, в МГУ имени М.В. Ломоносова! Я сделал невозможное возможным для себя и сотен других!

Об известности МГУ не могло идти и речи — это самый великий и большой университет Восточной Европы и всей Азии. Важным был опыт студенческих организаций и их наставничество над неловкими абитуриентами.

Ожидания от МГУ, если вести речь о них, самые высокие, как и планы после его окончания! Уникальные занятия, всемирно известные профессора — преподаватели, самые обогащенные программы, проверенными столетиями! МГУ уже открывает передо мной все двери — получение стипендии В.В. Гродского, стажировка во ВЦИОМ, в Сбербанке, прохождение дополнительных курсов от университета, активная студенческая общественная жизнь! Все это мое — благодаря МГУ. Вскоре же меня ждет магистратура и престижная работа с запредельным уровнем зарплат!

А что уже говорить о научной жизни! Наука в МГУ на самом высшем уровне: от международных конференций до Научного студенческого общества. Важно выделить и наставничество заслуженных, всемирно известных профессоров, которые являются проводником для “юного ученого”. Лично я уже написал порядка 12 научных статей, опубликовав их заодно во Всероссийских журналах, и провел шесть своих научных социологических исследований.

А это только начало! И все благодаря моему университету!

МГУ — величайший университет мира — в этом я уверен на все сто! Он много что дал мне, а я же в свою очередь воздам ему за все это в десятикратном размере! Я люблю МГУ имени М.В. Ломоносова, а он, в свою очередь, любит меня, как и всех своих студентов, и безмерно заботится о нашем, всестуденческом благополучии, и об этом знают все!

Я же просто, от имени всех студентов, говорю моему университету: “Спасибо!”».

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ — ТРЕНДЫ XXI ВЕКА

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-95-110

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА*

И.А. Вершинина, докт. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье рассматриваются особенности современного этапа урбанизации, в частности, усложнение пространственной организации, связанное с преодолением городами их административных границ, что привело к появлению агломераций и урбанистических регионов. Новые урбанистические формы рассматриваются как результат становления постиндустриального общества, где рынок труда демонстрирует большую гибкость, чем в индустриальном. Кроме того, современная транспортная система позволяет без труда преодолевать значительные расстояния за короткое время и тем самым меняет представление о пространстве. Цифровые технологии позволили перевести ряд взаимодействий (как личных, так и деловых) в дистанционный формат, что также способствовало разрастанию урбанистических образований и усложнило управление ими. Кроме того, автор указывает на неоднозначный характер социальных последствий цифровизации и алгоритмизации урбанистического пространства. Отмечается, что технологии умного города, которые позиционируются как эффективная возможность противодействия неопределенности и управления ею, создают новые уязвимости и угрозы. Отдельное внимание уделяется новым вызовам, с которыми встречаются современные города вследствие изменения климата, что требует взвешенного подхода к разработке экологической политики с учетом национальных интересов каждого из государств. Таким образом, автор демонстрирует широкий круг социальных проблем, актуальных для современных урбанистических образований, которые становятся все сложнее. В статье подчеркивается, что сегодня урбанистика представляет собой междисциплинарное направление, для которого большое значение имеет социология, позволяющая получить ответ на вопрос о том, как повысить качества жизни населения всех существующих сегодня пространственных форм.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 24-28-00258, <https://rscf.ru/project/24-28-00258/>

** Вершинина Инна Альфредовна, e-mail: urbansociology@yandex.ru

Ключевые слова: урбанизация, постиндустриальное общество, агломерация, урбанистический регион, управление городами и территориями.

SPATIAL ORGANIZATION OF POST-INDUSTRIAL SOCIETY

Vershinina Inna A., PhD Sci., Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: urbansociology@yandex.ru

The article examines the features of the current stage of urbanization, in particular, the increasing complexity of spatial organization associated with cities overcoming their administrative boundaries, which led to the emergence of agglomerations and urban regions. New urban forms are considered as a result of the formation of a post-industrial society, where the labor market demonstrates greater flexibility than in the industrial one. In addition, the modern transport system makes it possible to easily cover significant distances in a short time and thereby changes the idea of space. Digital technologies have made it possible to transfer a number of interactions (both personal and business) to a remote format, which also contributed to the expansion of urban entities and complicated their management. The author also points out the ambiguous nature of the social consequences of digitalization and algorithmization of urban space. It is noted that smart city technologies, which are positioned as an effective opportunity to counteract uncertainty and manage it, create new vulnerabilities and threats. Special attention is paid to new challenges that modern cities face due to climate change. Thus, the author demonstrates a wide range of social problems relevant to modern urban entities that are becoming increasingly complex. The article emphasizes that today urban studies is an interdisciplinary field for which sociology is of great importance, allowing us to get an answer to the question of how to improve the quality of life of the population of all spatial forms existing today.

Key words: urbanization, post-industrial society, agglomeration, urban region, management of cities and territories.

Доля городского населения увеличивается с каждым годом, и по данным на 2023 г., уже составляет 57%¹. При этом критерии для выделения городского населения существенно различаются по странам, и даже само понимание города сложно назвать единым². Так, для Швеции достаточно численности населения более 200 человек, чтобы вести речь о городском поселении, при условии, что расстояние между домами не превышает 200 метров. В Аргентине

¹ Demographia World Urban Areas. 19th Annual Edition. August 2023. URL: <http://www.demographia.com/db-worldua.pdf> (accessed: 15.06.2024). P. 2.

² Ritchie H., Samborska V., Roser M. Urbanization. The world population is moving to cities. Why is urbanization happening and what are the consequences? URL: <https://ourworldindata.org/urbanization> (accessed: 25.08.2024).

минимальная граница составляет 2000 жителей, т.е. превышает требования Швеции в 10 раз. В Индии необходимо соответствие уже трем критериям: численность должна превышать 5000 жителей, из которых не менее 75% работающего мужского населения должны быть заняты вне сельского хозяйства, при этом плотность населения не может быть меньше 400 жителей на квадратный километр. В Японии требования к городам значительно жестче, чем большинству других стран мира. В “стране восходящего солнца” город должен соответствовать следующим требованиям: более 50 000 жителей, из которых не менее 60% работают в производстве, торговле или других сферах занятости, характерных для городов (причем речь идет о всем населении, а не только о работающем), при этом более 60% домов должны быть расположены в районах с плотной застройкой. Подобные различия существенно затрудняют анализ урбанизации, поскольку международная статистика выстраивается на основе национальных, между которыми есть серьезные расхождения не только в понимании того, что считать городом, но и в определении того, какое население считать городским³.

Национальные статистики могут учитывать преимущественно тех, кто живет в городах в их административных границах (например, в России), а могут фиксировать жителей всех урбанизированных территорий, прилегающих к городам (например, во Франции). В отдельных странах несколько соседних городов могут рассматриваться как единое урбанизированное пространство, даже если эти территории управляются разными местными властями (например, в Японии). Соответственно, можно указать на усложнение пространственной организации современных обществ и появление новых урбанистических форм.

Одной из главных причин этих изменений является совершенствование транспортной системы и сокращение времени, которое люди затрачивают на преодоление расстояний между городами и пригородами. Появление цифровых технологий усилило тенденцию к расширению границ урбанистических образований, поскольку появилась возможность работать дистанционно или в смешанном режиме (часть недели в офисе, другую — из дома). Организация Объединенных Наций (ООН) предлагает выделять следующие урбанистические формы, выходящие за пределы административных границ городов:

³ *Вершинина И.А.* Понятийный аппарат социологической урбанистики: критический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 79.

– агломерации (*urban agglomeration*), которые включают в себя прилегающие к городу территории с высокой плотностью населения;

– урбанистические регионы (*metropolitan area*), которые помимо агломераций включают в себя все территории, которые имеют тесные социально-экономические связи с городом вне зависимости от плотности их населения⁴.

В последнее время все чаще предлагается следующий критерий для того, чтобы различать агломерации и урбанистические регионы: первые не включают в себя территории, которые можно отнести к сельским районам, что и обуславливает высокую плотность населения, характерную для них, в то время как вторые конструируются не столько на основе плотности населения, сколько по социально-экономическим показателям, среди которых ключевыми являются единый рынок труда и жилья⁵. Так, агломерации представляют собой скорее пространственные образования, границы которых во многом определяются яркими огнями в темное время суток, в то время как урбанистические регионы — образования социально-экономические, и четко зафиксировать их пределы гораздо сложнее.

Тезис о том, что город нельзя рассматривать исключительно в его административных границах не является новым. Так, классик немецкой социологии Г. Зиммель еще в начале XX в. указывал на то, что сфера влияния города не заканчивается его географическими рамками⁶, поскольку городское сообщество функционально расширяется за пределы своей территории⁷. Однако до последней трети XX в. урбанисты изучают преимущественно города, и лишь в конце прошлого столетия в центре их внимания оказываются новые урбанистические формы, которые отражают фундаментальные изменения социально-экономической жизни.

Американский исследователь Э. Соья указывает на урбанистическую революцию конца XX в., суть которой состоит в том, что оформляется постметрополис⁸, отражающий пространственные требования постиндустриального общества. Если прежде город можно было довольно четко выделить среди сельских территорий,

⁴ World Urbanization Prospects: The 2018 Revision. N.Y., 2019. P. 57.

⁵ Cox W. The urban future: the great dispersion // The Future of Cities: The Future of Chinese Cities. URL: https://joelkotkin.com/wp-content/uploads/2023/01/The-Future-of-Cities_Great-Dispersion.pdf (accessed: 15.06.2024). P. 19–20.

⁶ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. С. 31.

⁷ Simmel G. The sociology of space // Simmel on Culture: Selected Writings / Ed. by D. Frisby, M. Featherstone. L.; Thousand Oaks, 1997. P. 139.

⁸ Soja E. W. Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Malden, 2007. P. 147.

то границы современных урбанистических образований становятся более размытыми и гетерогенными⁹, что обусловлено новыми социально-экономическими реалиями. Так, город фактически “исчерпывает себя”¹⁰, уступая место агломерациям и урбанистическим регионам, что существенно затрудняет анализ урбанизации вследствие большого числа терминов, характеризующих городские образования, и многозначности ряда из них¹¹. Современные социологи, например, М. Кастельс, все чаще указывают на то, что ведущую роль в мировой экономике начинают играть именно урбанистические регионы¹², поскольку их пространственная организация является результатом адаптации к условиям постиндустриального общества.

Одной из главных причин расширения урбанизированных территорий принято считать распространение личных автомобилей, которые помогли сделать поездки из города в его окрестности более комфортными. Французский социолог А. Лефевр уже в 1968 г. предупреждал об опасности утраты города¹³ вследствие бурного роста пригородов. Как указывает франко-американский исследователь Ж. Готтман свобода передвижения преодолела не только дистанцию, но и многие барьеры, включая административные границы городов, “способствуя большей текучести в разделенном пространстве”¹⁴. Таким образом, современный этап урбанизации характеризуется разветвленными магистралями, которые расширяют границы традиционных городов благодаря появившимся возможностям быстрого преодоления значительных расстояний как на личном, так и на общественном транспорте.

Агломерации и урбанистические регионы становятся результатом организации пространства в соответствии с новыми требованиями производства и потребления, которые усложняют территориальную структуру. Ж. Готтман еще в начале 1960-х гг. приходит к выводу, что именно трансформация рынка труда ведет к изменению пространственной организации, в частности росту пригородов¹⁵. Гибкость на

⁹ *Chambers I.* Border dialogues: journeys in postmodernity. L.; N.Y., 1990. P. 53.

¹⁰ *Ferrarotti F.* Five scenarios for the year 2000. N.Y.; Westport; L., 1986. P. 31.

¹¹ *Вершинина И.А.* Понятийный аппарат социологической урбанистики: критический анализ.

¹² *Castells M.* Local and global: cities in the network society // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2002. Vol. 93. N 5. P. 550.

¹³ *Lefebvre H.* Le droit à la ville. P., 2015 [1968]. P. 117–118.

¹⁴ *Gottmann J.* Beyond megalopolis. Tokyo, 1994. P. 13–14.

¹⁵ *Gottmann J.* Megalopolis: the urbanized Northeastern Seaboard of the United States. N.Y., 1961. P. 564.

рынке труда создает условия для появления урбанистических регионов, организация которых детерминирована не только сферой производства, как это было в фордистских индустриальных городах, но и сферой потребления. Именно интенсификация потребления, в результате которой идет строительство огромных торговых центров в непосредственной близости от административных границ города, способствует расширению урбанизированных районов и включению в них все большего числа новых территорий.

Сочетание в постиндустриальном обществе одновременно деиндустриализации и реиндустриализации (вывода промышленных предприятий за пределы города или их модернизации), а также децентрализации и рецентрализации (увеличение плотности населения в пригородах и пополнение центральных районов за счет транснациональной миграции) приводят к реорганизации социальной и пространственной структуры почти всех современных крупных городов¹⁶. При этом многие исследователи до конца XX в. фактически игнорируют новую пространственную организацию, вследствие чего Э. Соья считает, что социальную теорию того времени можно рассматривать как антигородскую¹⁷, поскольку она не предлагает новых объяснительных моделей для современного этапа урбанизации. Многие социальные процессы протекают в городах, однако они распространяются далеко за пределы их административных границ, оказывая значительное воздействие на социальную жизнь обширных урбанистических территорий.

Американский социолог Г. Ганс также указывает на то, что социологи при проведении исследований либо игнорируют проблему существования других урбанистических образований, кроме городов, либо изобретают прилагательные для характеристики отдельных поселений и их районов: центральные, внутренние и внешние города (*central, inner, and outer cities*), внутренние и внешние пригороды (*inner and outer suburbs*); окраинные, бескрайние, города-спутники и глобальные (*edge, edgeless, satellite, and global cities*), а также метрополисы и мегаполисы (*metropolis and megacities*)¹⁸. Причем эти новые урбанизированные территории принципиальным образом отличаются от того, что понималось под пригородами в середине

¹⁶ Soja E.W. Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / Ed. by G. Bridge, S. Watson. Oxford, 2011. P. 684.

¹⁷ Soja E. Writing the city spatially // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2003. Vol. 7. N 3. P. 275. DOI: 10.1080/1360481032000157478.

¹⁸ Gans H.J. Some problems of and futures for urban sociology: toward a sociology of settlements // City & Community. 2009. Vol. 8. N 3. P. 214.

XX столетия, поэтому речь идет не о субурбанизации в традиционном ее понимании.

Э. Со́я указывает на то, что если прежде пригороды можно было рассматривать как безопасные жилые районы, то к концу XX столетия для них стали привычны явления, прежде концентрировавшиеся в городах, — банды, преступность, наркобизнес и уличное насилие. Продолжать называть новые урбанизированные территории пригородами — значит исказить их современную реальность, проигнорировать кардинальные изменения, которые в них произошли, поэтому Э. Со́я, как и многие другие исследователи, предлагает новые термины для их обозначения, характеризуя новую пространственную организацию в том числе как постсубурбию (*postsuburbia*)¹⁹. С его помощью американский исследователь хочет подчеркнуть, что многие современные города значительно отличаются от классических, в которых всегда можно было четко выделить их центр.

В конце XX в. многие города, не говоря уже об урбанистических регионах, становятся полицентричными и демонстрируют новую пространственную организацию, для которой характерно сложное сочетание городского, пригородного и сельского пространства, а также гетерогенность населения. Для ряда исследователей, в том числе и Э. Со́и, главным модельным объектом региональной урбанизации становится Лос-Анджелес с “высокой плотностью населения и смешением городских и пригородных районов”²⁰, однако М. Кастельс считает одним из первых примеров полицентричного урбанизированного региона Рандстад в Дании²¹. Таким образом, тенденция к формированию постурбии характерна для разных стран мира, более того, в последние годы она значительно усиливается вследствие распространения цифровых технологий.

Более того, на основе различных сетей, прежде всего транспортной, энергетической и информационно-коммуникационной инфраструктуры, для которых именно урбанизированные территории являются ключевыми узлами и точками пересечения, формируются своеобразные “городские архипелаги”²², способные объ-

¹⁹ Soja E.W. *Postmetropolis. Critical studies of cities and regions*. Malden, 2000. P. 238.

²⁰ Soja E.W. *Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / Ed. by G. Bridge, S. Watson*. Oxford, 2011. P. 686.

²¹ Castells M. *Local and global: cities in the network society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2002. Vol. 93. N 5. P. 549.

²² Rasband J.R. *The rise of urban archipelagoes in the American West: a new reservation policy? // SSRN Electronic Journal*. 2001: N 1. DOI: 10.2139/ssrn.240772.

единять даже территории, находящиеся в разных государствах. Американский исследователь П. Ханна считает одним из примеров подобных архипелагов прибрежную урбанизированную зону в Западной Африке между Лагосом и Бенин-Сити в Нигерии, которая может стать единым экономическим образованием, включающим в себя территории нескольких стран до Кот-д'Ивуара²³. Так, городские архипелаги — это урбанизированные регионы, распространяющиеся далеко за пределы отдельных городов и агломераций и способные пересекать государственные границы. Подобных примеров в современном мире уже немало, в частности швейцарский Базель принято рассматривать как часть единого урбанизированного региона, включающего в себя также прилегающие районы Франции и Германии²⁴.

Пространственная организация постиндустриального общества кардинально отличается от той, которая была характерна для предыдущих этапов развития. Это требует переосмысления методов городского планирования и проектирования, упорядочивания новых урбанистических форм на основе уже существующих реалий, многие из которых формируются стихийно. Э. Соья указывает на то, что для современной урбанизации характерна метрополярность²⁵, т.е. формирование социального пространства с новыми неравенствами и ограничениями в доступе, поскольку современную социальную структуру невозможно вписать в традиционные схемы, в которых выделяются, например, высший, средний и низший классы. Пространственное расположение зачастую коррелирует с социальными различиями, обуславливающими неравенство, например, высокий доход позволяет жить в более благоприятных районах с точки зрения экологической ситуации. Так, сложные и разнонаправленные процессы, конструирующие урбанистический мир, ведут к появлению новых форм социального неравенства (пространственного²⁶, инвайронментального²⁷ и др.), заставляющих

²³ *Khanna P. Connectography: mapping the future of global civilization. N.Y., 2016. P. 276.*

²⁴ *Demographia World Urban Areas. 18th Annual Edition. July 2022. URL: <https://www.newgeography.com/content/007523-demographia-world-urban-areas-2022-released> (accessed: 15.06.2024). P. 7.*

²⁵ *Soja E. Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Malden, 2007. P. 264–297.*

²⁶ *Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Современные подходы к изучению пространственного неравенства // Социология. 2020. № 5. С. 5–12.*

²⁷ *Мартыненко Т.С. Инвайронментальное неравенство: современные подходы к концептуализации понятия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 200–214.*

перестраивать города и искать оптимальные пространственные модели, позволяющие уменьшить социальные риски.

Необходимо отметить неоднородность процесса урбанизации в разных странах мира: в Китае наблюдается концентрация населения в городах в невиданных масштабах, в ряде регионов мира, напротив, отмечается субурбанизация, ставшая следствием распространения постфордистской гибкой экономики с соответствующими типами занятости. Подобная разноликость процесса урбанизации и наличие множества противоречивых тенденций является причиной того, что авторы часто указывают на такую характеристику пространственных изменений, как их мультискалярность²⁸. Мультискалярная урбанизация предполагает, что современная пространственная организация требует новых подходов к изучению, которые фиксировали бы модели концентрации людей в городах и различия в плотности населения, соответствующие разным уровням повседневной жизни: на уровне улицы и квартала, района, города в целом, а также агломераций и других подобных крупных территориальных образований.

Как следствие, начинаются дискуссии о взаимосвязи локальных и глобальных процессов, обсуждается “денационализация” городского пространства и формирование новых претензий со стороны транснациональных акторов, провоцирующих серьезные социально-экономические трансформации, ставшие следствием глобализации и появления новых информационно-коммуникационных технологий²⁹.

Неоднородность современной урбанизации, параллельное существование разнонаправленных и зачастую противоречивых тенденций осложняют не только типологизацию пространственных организаций постиндустриального общества, но и управление ими. Именно управляемость урбанистических образований стано-

²⁸ *Pafka E.* Multi-scalar urban densities: from the metropolitan to the street level // *Urban Urban Design International*. 2022. Vol. 27. P. 53–63.

²⁹ *Lash S., Urry J.* Economies of signs and space. L., 1994; *King A.D.* Urbanism, colonialism, and the world economy. Culture and spatial foundations of the world urban system. The International library of sociology. L.; N.Y., 1990; *Marwell N.* Privatizing the welfare state: nonprofit community-based organizations as political actors // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69. N 2. P. 265–291; *Zukin S.* Landscapes of power. Berkeley, 1991; *World cities in a world-system* / Ed. by P. Knox, P.J. Taylor. Cambridge, 1995; *Short J.R., Kim Y.-H.* Globalization and the City. Essex, 1999; *Molotch H.L., Freudenburg W., Paulson K.E.* History repeats itself, but how? City character, urban tradition, and the accomplishment of place // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. N 6. P. 791–823; *Storper M.* The regional world: territorial development in a global economy. N.Y., 1997; *Venkatesh S.* Gang leader for a day: a rogue sociologist takes to the streets. N.Y., 2008.

вится одной из наиболее обсуждаемых проблем, решение которой требует междисциплинарных исследований. Можно согласиться с Й. Терборном в том, что роль национальных государств в управлении городами растет³⁰, однако меняются стратегии, поскольку в современных условиях “размывания” границ решать возникающие вопросы, например, связанные с обеспечением жителей необходимой инфраструктурой, гораздо сложнее. Это заставляет исследователей все чаще указывать на необходимость междисциплинарного подхода к изучению урбанизации³¹. Социология начинает активно задействовать результаты исследований других социальных наук уже в 1960-е и 1970-е гг., указывая на необходимость междисциплинарного подхода, что сопровождается дебатами и дискуссиями по соответствующим объектам анализа и основным методологическим и теоретическим вопросам³². Однако внимание фокусируется на традиционных для социологии темах: социальном конфликте, доступе к управлению ресурсами и системами производства, потребления, обмена и распределения и т.д. Как отмечает Й. Терборн, “междисциплинарное исследование может оказаться чрезвычайно плодотворным”³³, однако взаимодействий между представителями разных наук в урбанистике значительно меньше, чем можно было бы предположить.

Архитекторам, дизайнерам, психологам, географам, экономистам, политологам, социологам и представителям других наук следует объединить усилия при обсуждении способов улучшения быстро меняющихся социокультурных, экологических, политических, технологических и эстетических реалий, существующих в урбанистическом пространстве. Совместные усилия позволяют найти ответы на вопросы, сложность которых возрастает по мере стремительного увеличения доли городского населения, которая наблюдается со второй половины XX в. Так, урбанистика становится все более междисциплинарным направлением, однако повышение качества жизни населения всех существующих сегодня пространственных форм — это та задача, решение которой невозможно без ведущей роли социологической науки.

³⁰ Терборн Й. Как понять города: современный кризис и идея городов без государства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 36.

³¹ Perry B., Harding A. The future of urban sociology: report of Joint sessions of the British and American Sociological Associations // International Journal of Urban and Regional Research. 2002. Vol. 26. N 4. P. 851.

³² Milicevic A.S. Radical intellectuals: what happened to the New urban sociology? // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25. N 4. P. 759–783.

³³ Терборн Й. Как понять города: современный кризис и идея городов без государства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 37.

Принципы Афинской хартии, сформулированные почти 100 лет, до сих пор задают основные приоритеты градостроительства, но современная социология города и урбанизации доказывает, что любые проекты, какими бы прекрасными они ни были на бумаге, должны обсуждаться и согласовываться с местными сообществами. Очевидно, что сегодня невозможна реализация модели жесткого технократизма, предложенной Афинской хартией, поскольку современная урбанизация представляет собой сложный процесс, требующий участия местных сообществ в принятии решений для создания “открытого города”³⁴, приоритетом развития которого являются преодоление пространственного неравенства и гибкая адаптация к стремительным изменениям.

Необходимо также учитывать, что сегодня на урбанизацию оказывают влияние такие процессы, как глобализация, миграция, сетевизация и цифровизация, сопровождающиеся изменением климата и ростом дефицита ресурсов, что ведет к обострению социального неравенства. Это требует от современной социологии города и урбанизации разработки новых направлений исследований, чтобы сформулировать предложения по решению актуальных социальных проблем и управлению урбанистическими образованиями, которые становятся все более сложными.

Урбанизация рассматривается в современной социологии не только как процесс, связанный с миграцией, глобализацией, экологическими, экономическими и демографическими изменениями, но и как та сила, которая оказывает мощное влияние на людей и их повседневную жизнь вследствие формирования той среды, где проходит значительная часть жизни более половины населения планеты. Соответственно, современная социология города и урбанизации включает множество направлений исследований, однако их все объединяет желание найти векторы развития, позволяющие “улучшить жизнь урбанизированных сообществ и положение наиболее маргинализированных и уязвимых групп общества, обеспечить защиту экологических активов и повысить устойчивость к последствиям изменения климата”³⁵. Так, вопросы экологии и устойчивого развития оказываются сегодня весьма значимыми для городов и урбанизированных территорий³⁶, которые являются

³⁴ Sennett R. *Building and dwelling: ethics for the city*. L., 2018. P. 9.

³⁵ Deppisch S., Yilmaz M.C. The impacts of urbanization processes on human rights // *Current Urban Studies*. 2021. Vol. 9. N 3. P. 366.

³⁶ Heinzlef Ch., Robert B., Hémonde Y., Serre D. Operating urban resilience strategies to face climate change and associated risks: some advances from theory to application in Canada and France // *Cities*. 2020. N 104; Newman P. Cool planning: how urban planning can mainstream responses to climate change // *Cities*. 2020. N 103; Santos M.M., Lanzinha J.C.G., Ferreira A.V. Review on urbanism and climate change // *Cities*. 2021. N 114.

главными источниками негативного воздействия на окружающую среду, что позволяет некоторым авторам называть их “планетарной чумой”³⁷. При этом социологические концепции города и урбанизации традиционно рассматривают экологическую проблематику как одну из ключевых, она является таковой, например, для П. Геддеса и Э. Говарда, поэтому именно социологические концепции следует рассматривать как основу для разработки стратегии устойчивой урбанизации в условиях изменения климата.

Новый ракурс рассмотрения сегодня получает и другая традиционная для социологии тема, связанная с проблемой безопасности и предполагающая теперь анализ, в том числе и цифрового пространства городов. Несмотря на то, что “глаза на улице”, подробно описанные Дж. Джекобс, продолжают оставаться актуальным способом обеспечения социального контроля³⁸, современные исследования чаще уделяют внимание социальным последствиям цифровизации и алгоритмизации урбанистического пространства. Отмечается, что технологии умного города, которые позиционируются как эффективная возможность противодействия неопределенности и управления ею, создают новые уязвимости и угрозы (кибератаки на инфраструктуру и т.п.)³⁹. Однако новая цифровая онтология во многом требует доверия со стороны горожан, которые не могут быть уверены в том, что компании генерируют только те данные, которые им необходимы, обрабатывают и используют их этичным образом⁴⁰, поскольку никаких гарантий этого они не предоставляют, а многочисленные скандалы, связанные с утечкой данных, подрывают хрупкую структуру этого мира.

Развитие технологий модифицирует и повседневные взаимодействия, которые частично перемещаются в пространство интернета. Например, цифровые формы приобретает соседство⁴¹, что не делает его менее эффективным, наоборот, в ряде случаев помогает довольно быстро находить решения возникающих проблем. В частности, в ряде стран широкое распространение получает фуд-

³⁷ Thrift N. Killer cities. L., 2021. P. 2.

³⁸ Graham S. Enigmatic presence: satellites and the vertical spatialities of security // Spaces of Security: Ethnographies of Securityscapes, Surveillance, and Control / Ed. by S. Low, M. Maguire. N.Y., 2019. P. 213.

³⁹ Kitchin R., Dodge M. The (in)security of smart cities: vulnerabilities, risks, mitigation, and prevention // Journal of Urban Technology. 2019. Vol. 26. N 2. P. 47–65.

⁴⁰ Kitchin R. Data lives. How data are made and shape our world. Bristol, 2021. P. 4.

⁴¹ Бредникова О., Богданова Е. Переосмыслая соседство // Laboratorium: Журнал Социальных Исследований. 2021. Т. 13. № 2.

шеринг⁴², который рассматривается, в том числе и как способ создания устойчивых продовольственных систем, а в России цифровые ресурсы активно используются для обсуждения вопросов, касающихся жилищно-коммунального хозяйства⁴³, хотя и не исчерпываются ими.

Значительное расширение территории многих городов вследствие быстрого строительства новых районов ведет к образованию агломераций, что усложняет принятие управленческих решений и замедляет создание необходимых объектов инфраструктуры. Данный процесс наблюдается в самых разных странах мира, стремительная урбанизация в развивающихся регионах зачастую сопровождается нехваткой финансовых ресурсов, необходимых для благоустройства быстро растущих городов, что провоцирует снижение качества жизни их обитателей. Эти процессы также получают свое осмысление в современной социологии города и урбанизации вследствие того, что новая пространственная морфология неизбежно меняет социальную жизнь и требует корректировки подходов к управлению городами и регионами, которые образуются вокруг них.

При этом новые урбанистические формы следует рассматривать в тесной взаимосвязи с миграционными процессами, поскольку в современном мире пригороды представляют собой уже не гомогенные районы проживания среднего класса, а гетерогенное социальное пространство. Так, современные агломерации во многом являются результатом необходимости включения в социально-экономическую жизнь города масштабных миграционных потоков и демонстрируют высокий уровень социального неравенства. Соответственно, задача управления (миграцией, конфликтами, социальными движениями, неравенством и так далее) требует своего решения на уровне более сложных урбанистических образований, нежели просто города в их административных границах.

Изучение специфики урбанизации в современном мире является одним из направлений работы кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Внимание уделяется как теоретическим аспектам данной темы⁴⁴, так и прикладным. В частности, особенности пространственного нера-

⁴² Davies A.R. Urban food sharing: rules, tools and networks. Bristol, 2019.

⁴³ Чернышева Л., Гизатуллина Э. “ВКонтакте” с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт-Петербурга // *Laboratorium: Журнал Социальных Исследований*. 2021. Т. 13. № 2.

⁴⁴ Вершинина И.А. Современные теории города: социологический анализ. М., 2019.

венства в России рассматривались в рамках гранта “Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России”⁴⁵, реализованного сотрудниками кафедры современной социологии в 2018–2020 гг. В данный момент на кафедре проводится исследование по гранту РНФ “Экологический неокOLONиализм XXI века и экологическая безопасность современной России”, в рамках которого особое внимание уделяется экологической культуре горожан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бредникова О., Богданова Е. Переосмысляя соседство // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2021. Т. 13. № 2.

Вершинина И.А. Понятийный аппарат социологической урбанистики: критический анализ // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2015. № 2.

Вершинина И.А. Современные теории города: социологический анализ. М., 2019.

Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Современные подходы к изучению пространственного неравенства // *Социология*. 2020. № 5.

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // *Логос*. 2002. № 3–4.

Мартыненко Т.С. Инвайронментальное неравенство: современные подходы к концептуализации понятия // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 57.

Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России / Под общ. ред Н.Г. Осиповой. М., 2021.

Терборн Й. Как понять города: современный кризис и идея городов без государства // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. № 1.

Чернышева Л., Гизатуллина Э. “ВКонтакте” с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт-Петербурга // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2021. Т. 13. № 2.

REFERENCES

Brednikova O., Bogdanova E. Pereosmysljaja sosedstvo [Rethinking Neighborness] // *Laboratorium: Zhurnal Social'nyh Issledovanij*. 2021. N 2 (in Russian).

Castells M. Local and global: cities in the network society // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2002. Vol. 93. N 5.

Chambers I. Border dialogues: journeys in postmodernity. L.; N.Y., 1990.

Chernysheva L., Gizatullina E. “VKontakte” s sosedjami: cherty i praktiki gibridnogo sosedstvovaniya v bol'shom zhilom komplekse Sankt-Peterburga [VKontakte and the Neighbors: Features and Practices Of Hybrid Neighboring in a Large Housing Estate in Saint Petersburg, Russia] // *Laboratorium: Zhurnal Social'nyh Issledovanij*. 2021. Т. 13. N 2 (in Russian).

⁴⁵ Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России / Под общ. ред Н.Г. Осиповой. М., 2021.

Cox W. The urban future: the great dispersion // *The Future of Cities: The Future of Chinese Cities*. URL: https://joelkotkin.com/wp-content/uploads/2023/01/The-Future-of-Cities_Great-Dispersion.pdf (accessed: 15.06.2024).

Davies A.R. *Urban food sharing: rules, tools and networks*. Bristol, 2019.

Demographia World Urban Areas. 18th Annual Edition. July 2022. URL: <https://www.newgeography.com/content/007523-demographia-world-urban-areas-2022-released> (accessed: 15.06.2024).

Demographia World Urban Areas. 19th Annual Edition. August 2023. URL: <http://www.demographia.com/db-worldua.pdf> (accessed: 15.06.2024).

Deppisch S., Yilmaz M.C. The impacts of urbanization processes on human rights // *Current Urban Studies*. 2021. Vol. 9. N 3.

Ferrarotti F. *Five scenarios for the year 2000*. N.Y.; Westport; L., 1986.

Gans H.J. Some problems of and futures for urban sociology: toward a sociology of settlements // *City & Community*. 2009. Vol. 8. N 3.

Gottmann J. *Beyond megalopolis*. Tokyo, 1994.

Gottmann J. *Megalopolis: the urbanized Northeastern Seaboard of the United States*. N.Y., 1961.

Graham S. Enigmatic presence: satellites and the vertical spatialities of security // *Spaces of Security: Ethnographies of Securityscapes, Surveillance, and Control* / Ed. by S. Low, M. Maguire. N.Y., 2019.

Heinzlef Ch., Robertc B., Hémonde Y., Serre D. Operating urban resilience strategies to face climate change and associated risks: some advances from theory to application in Canada and France // *Cities*. 2020. N 104.

Khanna P. *Connectography: mapping the future of global civilization*. N.Y., 2016.

King A.D. *Urbanism, colonialism, and the world economy. Culture and spatial foundations of the world urban system*. The International Library of Sociology. L.; N.Y., 1990.

Kitchin R., Dodge M. The (in)security of smart cities: vulnerabilities, risks, mitigation, and prevention // *Journal of Urban Technology*. 2019. Vol. 26. N 2.

Kitchin R. *Data lives. How data are made and shape our world*. Bristol, 2021.

Lash S., Urry J. *Economies of signs and space*. L., 1994.

Lefebvre H. *Le droit à la ville*. P., 2015.

Martynenko T.S. Invajronmental'noe neravenstvo: sovremennye podhody k konceptualizacii ponjatija [Environmental inequality: modern approaches to the conceptualization of the concept] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*. 2020. N 57 (in Russian).

Marwell N. Privatizing the welfare state: nonprofit community-based organizations as political actors // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69. N 2.

Milicevic A.S. Radical intellectuals: what happened to the New urban sociology? // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2001. Vol. 25. N 4.

Molotch H.L., Freudenburg W., Paulson K.E. History repeats itself, but how? City character, urban tradition, and the accomplishment of place // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. N 6.

Newman P. Cool planning: how urban planning can mainstream responses to climate change // *Cities*. 2020. N 103.

Pafka E. Multi-scalar urban densities: from the metropolitan to the street level // *Urban Urban Design International*. 2022. Vol. 27.

Perry B., Harding A. The future of urban sociology: report of joint sessions of the British and American Sociological Associations // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2002. Vol. 26. N 4.

Rasband J.R. The rise of urban archipelagoes in the American West: a new reservation policy? // *SSRN Electronic Journal*. 2001. N 1.

Ritchie H., Samborska V., Roser M. Urbanization. The world population is moving to cities. Why is urbanization happening and what are the consequences? URL: <https://ourworldindata.org/urbanization> (accessed: 25.08.2024).

Santos M.M., Lanzinha J.C.G., Ferreira A.V. Review on urbanism and climate change // *Cities*. 2021. N 114.

Sennett R. Building and dwelling: ethics for the city. L., 2018.

Short J.R., Kim Y.-H. Globalization and the city. Essex, 1999.

Simmel G. The sociology of space // *Simmel on Culture: Selected Writings* / Ed. by D. Frisby, M. Featherstone. L.; Thousand Oaks, 1997.

Social'noe neravenstvo v sovremennom mire: novye formy i osobennosti ih projavlenija v Rossii [Social inequality in the modern world: new forms and features of their manifestation in Russia] / Ed. by N.G. Osipova. M., 2021 (in Russian).

Soja E. Writing the city spatially // *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*. 2003. Vol. 7. N 3.

Soja E.W. Regional urbanization and the end of the Metropolis era // *The New Blackwell Companion to the City* / Ed. by G. Bridge, S. Watson. Oxford, 2011.

Soja E.W. Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Malden, 2007.

Storper M. The regional world: territorial development in a global economy. N.Y., 1997.

Therborn G. Kak ponjat' goroda: sovremennyy krizis i ideja gorodov bez gosudarstva [Understanding cities: the current crisis and the idea of stateless cities] // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2013. N 1 (in Russian).

Thrift N. Killer cities. L., 2021.

Venkatesh S. Gang leader for a day: a rogue sociologist takes to the streets. N.Y., 2008.

Vershinina I.A. Ponjatijnyj apparat sociologicheskoy urbanistiki: kriticheskij analiz [The key concepts of urban sociology: a critical analysis] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija*. 2015. N 2 (in Russian).

Vershinina I.A. Sovremennye teorii goroda: sociologicheskij analiz [Contemporary urban theories: a sociological analysis]. M., 2019 (in Russian).

Vershinina I.A., Martynenko T.S. Sovremennye podhody k izucheniju prostranstvennogo neravenstva [Current approaches to the study of spatial inequality] // *Sociologija*. 2020. N 5 (in Russian).

World Cities in a World-System / Ed. by P. Knox, P.J. Taylor. Cambridge, 1995.

World Urbanization Prospects: The 2018 Revision. N.Y., 2019.

Zimmel' G. Bol'shie goroda i duhovnaja zhizn' [The Metropolis and the Mental Life] // *Logos*. 2002. N 3–4 (in Russian).

Zukin S. Landscapes of power. Berkeley, 1991.

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-111-129

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ О ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИИ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ*

А.В. Лядова, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Статья посвящена анализу проблем здоровьесбережения среди российской молодежи. На основе данных общероссийских опросов и представленных в релевантных исследованиях выявлены существующие противоречия между ценностным восприятием здоровья и деструктивными практиками в отношении здоровья, распространенными в молодежной среде. Автор считает, опираясь на понимание здоровьесбережения как целенаправленной деятельности, в структуре которой значимую роль играет когнитивный компонент, отражающий представления и уровень наличного знания о здоровье, что для выявления причин парадоксальных тенденций в состоянии здоровья и отношения к нему российской молодежи необходимо изучить особенности представлений молодых людей о здоровье и здоровьесбережении. В этой связи автором проведен анализ структуры социальных представлений молодых россиян. Теоретическую основу исследования составили ключевые положения концепции социальных представлений С. Московичи. В качестве эмпирической базы выступили данные авторского эмпирического исследования “Здоровьесбережение современной российской молодежи: представления и практики”. По результатам исследования установлено, что ядро социальных представлений современной молодежи о здоровьесбережении составляют характерные для российского общества и его культуры идеи о здоровьесбережении, однако они отражены в ограниченном формате и включают лишь отдельные компоненты традиционной модели здорового образа жизни. В периферическую зону входят такие компоненты, как отказ от вредных привычек, благополучие и поддержание эмоциональной стабильности. Наименее характерным для молодых россиян оказывается связь представлений о здоровье и здоровьесбережении с институциональными практиками диспансеризации и прохождения профилактических осмотров, что позволяет предполагать о снижении роли института медицины как агента социального контроля в отношении здоровья в представлениях молодого поколения. Таким образом, социальные

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-28-01081, <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

** Лядова Анна Васильевна, e-mail: annaslm@mail.ru

представлений молодых россиян о здоровье и практиках его сохранения, наряду с традиционными идеями, отличаются особенностями, формирование которых, по мнению автора, обусловлено влиянием новых агентов ЗОЖ-социализации и онлайн-источников.

Ключевые слова: здоровье молодежи, здоровьесбережение, социальные представления молодежи о здоровье.

FORMING OF MODERN RUSSIAN YOUTH'S SOCIAL REPRESENTATIONS ABOUT MAINTAINING HEALTH: CONDITION AND PROBLEMS

Liadova Anna V., PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: annaslm@mail.ru

The article deals with the study of health maintaining among Russian youth. Based on data from all-Russian surveys and presented in relevant studies, the contradictions between the value perception of health and destructive health practices among young people were found. In this regard, based on the understanding of health conservation as a purposeful activity, in the structure of which the cognitive component plays a significant role, the author underlines to study young people's ideas about health and health caring in order to realise the reasons of differences between the state of health and the attitude of Russian youth. In this regard, the author conducted a study of the structure of social ideas of young Russians. The theoretical basis of the study was the key provisions of the concept of social representations by S. Moscovici. The empirical basis was the data of the author's empirical study "Health Saving of Modern Russian Youth: Ideas and Practices". Based on the results of the study, it was established that the core of modern youth's social ideas about health conservation are traditional images and ideas that reflect the most characteristic of Russian society and its health conservation culture, but in a limited format. The peripheral zone includes components such as breaking bad habits, well-being, and maintaining emotional stability. The least characteristic of young Russians is the connection between ideas about health and health preservation with institutional practices of clinical examination and preventive examinations, which suggests a decrease in the role of the medical institute as an agent of social control in relation to health in the ideas of the younger generation. Thus, the social ideas of young Russians about health and the practices of its preservation, along with traditional ideas, are distinguished by features, the formation of which, according to the author, is due to the influence of new agents of healthy lifestyle socialization and the online-sources.

Key words: health of the youth, maintaining health, youth's social representations.

Одной из приоритетных национальных целей, обозначенных в Указе Президента Российской Федерации "О национальных це-

лях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года”¹, выступает сохранение и укрепление здоровья российского населения. При этом значительные усилия российского государства направлены на укрепление здоровья молодых россиян и приобщение их к практикам здорового образа жизни, что находит отражение в официальных нормативных документах², реализуемых молодежной политике и мероприятиях³, направленных на воспитание здоровой и социально ответственной личности, а также формирование ценностного отношения к своему здоровью и здоровьесберегающего поведения.

В целом, по результатам предпринимаемых российским государством мер отмечаются определенные позитивные перемены в тенденциях здоровьесбережения молодежи. Результаты ряда эмпирических обзоров и общероссийских опросов об отношении российской молодежи к своему здоровью показывают положительную динамику в возрастании приоритета здоровья в системе ценностей молодого поколения⁴.

Однако, по мнению большинства исследователей⁵, данные о наиболее распространенных практиках в сфере здоровьесбере-

¹ Указ Президента Российской Федерации “О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года” от 07.05.2024 № 309. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?index=1> (дата обращения: 02.06.2024).

² Федеральный Закон “О молодежной политике в Российской Федерации” от 30.12.2020 № 489-ФЗ. URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202012300003.pdf> (дата обращения: 02.06.2024).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 года № 3081-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/Rr4JTrKDDQ5nANTR1Oj29BM7zjBNXM05d.pdf> (дата обращения: 02.06.2024).

⁴ См.: Система здоровьесбережения студенческой молодежи: XXI век. Монография / Под ред. В.И. Стародубова, В.А. Тутельяна. М., 2021. EDN: MZDHPS; Судьин С.А. Здоровье и практики здоровьесбережения: межкогортный анализ // Социальные контексты здоровья: монография. Нижний Новгород, 2020. С. 52–67. EDN: QLBWTT; ВЦИОМ. Здоровый образ жизни: мониторинг. 22 мая 2024 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring> (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ См.: Журавская Н.С., Аленицкая М.В., Янович В.А. К вопросу о формировании восприятия здорового образа жизни студенческой молодежи (на примере студентов Владивостокских вузов) // Здоровье населения и среда обитания — ЗНисО. 2022. Т. 30. № 12. С. 37–44. DOI: 10.35627/2219-5238/2022-30-12-37-44. EDN: GKUWRY; Закирова А.И. Литовченко О.Г., Тостановский А.В. Отношение студентов к здоровому образу жизни // Профилактическая медицина. 2023. Т. 26. № 3. С. 75–80. DOI: 10.17116/profmed20232603175. EDN: OHJLCE; Здоровье подростков и окружающая среда: изменения за 20 лет: Монография / Отв. ред. И.В. Журавлева. М., 2021; Рагимова О.А., Саяпин В.Н., Архипова Л.Ю. Представле-

жения демонстрируют в большей степени декларативный и ограниченный характер выявленного ценностного восприятия, нежели его закрепленность в системе установок и мотивов поведения молодых людей в отношении здоровья⁶. У исследователей⁷ вызывает тревогу негативная динамика и по отдельным видам социально значимых заболеваний, в частности ожирения, выступающим основным фактором риска развития болезней сердечно-сосудистой и кровеносной системы. Выявлено, что за период 1995–2019 гг. распространенность ожирения среди подростков 15–17 лет выросла в 6 раз, причем в данной группе отмечается самый высокий рост показателей заболеваемости по сравнению с другими возрастными категориями⁸. Отмечается сохранение в молодежной среде, особенно, в ранней когорте, негативной динамики и по распространению деструктивных практик, связанных как с употреблением традиционных табакокурения⁹, алкоголя, наркотиков, так и с появлением новых видов зависимостей¹⁰.

Вследствие этого закономерным выступает вопрос о причинах выявляемого парадокса и растущего нездоровья, а также деструктивных практик в молодежной среде, связанных с различного рода

ния современного студенчества о здоровье человека // Общество. Среда. Развитие. 2023. № 2(67). С. 65–68. DOI: 10.53115/19975996_2023_02_065-068. EDN: XXOVBF; Савина А.А., Фейгинова С.И. Распространенность ожирения среди населения Российской Федерации: период до пандемии COVID-19 // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. Т. 68 (5). № 4. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-5-4.

⁶ Журавская Н.С., Аленицкая М.В., Янович В.А. К вопросу о формировании восприятия здорового образа жизни студенческой молодежи (на примере студентов Владивостокских вузов) // Здоровье населения и среда обитания — ЗНиСО. 2022. Т. 30. № 12. С. 37–44. DOI: 10.35627/2219-5238/2022-30-12-37-44. EDN: GKUWRY.

⁷ Савина А.А., Фейгинова С.И. Распространенность ожирения среди населения Российской Федерации: период до пандемии COVID-19 // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. Т. 68 (5). № 4. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-5-4.

⁸ Савина А.А., Фейгинова С.И. Распространенность ожирения среди населения Российской Федерации: период до пандемии COVID-19 // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. Т. 68 (5). № 4. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-5-4.

⁹ Салагай О.О., Сахарова Г.М., Антонов Н.С. Глобальное обследование молодежи 13–15 лет о потреблении табака в Российской Федерации: динамическое наблюдение 2004–2021 гг. // Терапевтический архив. 2024. Т. 96(3). С. 233–239. DOI: 10.26442/00403660.2024.03.202633.

¹⁰ Липанова Л.Л., Кутузова Ж.К., Насыбуллина Г.М., Протасова О.С., Данилова М.А. Распространенность употребления и факторы риска приобщения к алкоголю и курению среди школьников // Здоровье населения и среда обитания – ЗНиСО. 2023. Т. 31(10). С. 44–53. <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2023-31-10-44-53>.

зависимостями, включая традиционные и новые их формы¹¹, что актуализирует научный дискурс по данной проблематике и вызывает необходимость изучения особенностей формирования здоровьесбережения в молодежной среде.

На наш взгляд, при изучении данного вопроса следует принимать во внимание, что здоровьесбережение представляет собой целенаправленную организованную деятельность индивида по улучшению и сохранению здоровья, которая включает набор встроенных в его повседневность здоровьесохранительных практик. Здоровьесбережение как система действий имеет определенную структуру, которая включает ряд взаимосвязанных компонентов: а) ценностно-мотивационный, связанный с уровнем сформированности в системе жизненных ценностей приоритета ценности здоровья; б) эмоционально-волевой, отражающий «сформированность ответственного отношения к здоровью»¹², в) поведенческий, подразумевающий набор практик по сохранению здоровья, включенных в образ жизни индивида или группы, г) когнитивный, который отражает представления, уровень наличного знания о здоровье, способах его укрепления¹³. При этом именно когнитивный компонент выступает как основополагающий для других элементов при формировании здоровьесберегающей деятельности. Человек приобретает наличное знание о проблемах здоровья и практиках заботы о нем в процессе своей жизнедеятельности либо на собственном опыте, сталкиваясь с различными болезнями, либо косвенно, на опыте других. Содержание этого знания, его уровень (обыденный/научный/профессиональный), его ценность, определяемая в зависимости от степени тяжести и последствий перенесенных за-

¹¹ Антонова Н.Л., Нагноенко Д.В. Социальные факторы формирования пищевых расстройств: опыт социологического исследования // *Acta biomedica scientifica*. 2024. Т. 9(1). С. 23–31. DOI: 10.29413/ABS.2024-9.1.3; Комлев Ю.Ю. Кибердевиантность миллениалов: феноменология и пути противодействия // *Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии*. 2020. С. 77–81; Лисенкова А.А., Труфанова Е.О. Цифровой эскапизм — от аддикции до аскетизма // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. Т. 5. № 3. С. 17–34; Чимаров С.Ю. Зарубежный опыт исследования предметного поля психологии гемблинг-аддикции личности современного цифрового мира // *Российский девиантологический журнал*. 2023. Т. 3. № 3. С. 290–303.

¹² Федоров В.А., Третьякова Н.В. Концептуальные основы здоровьесберегающей деятельности образовательных организаций в контексте теории управления качеством // *Образование и наука*. 2023. Т. 25. № 2. С. 15–45. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-2-15-45. EDN: JCCYMW. С. 26.

¹³ Антонова Н.Л. Культура здоровьесбережения: социологическая концептуализация // *Перспективы науки*. 2014. № 12. С. 49–51.

болеваний, значимости Других, оказывают влияние на мотивацию и поведение индивида в отношении его здоровья. Наглядный пример — пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19, в ситуации которой ярко проявилась взаимосвязь комплаентности населения к превентивным мерам и уровня информированности граждан о самой болезни и ее последствиях¹⁴.

В этой связи, анализируя проблему здоровьесбережения среди молодежи, очевидно, как справедливо заключает отечественный исследователь Н.А. Вялых, что “мотивы социального поведения... детерминируются представлениями... молодежи в сфере здравоохранения”, которые, наряду с личным опытом, ценностными ориентациями, опытом “домашней” группы и определяют модели поведения молодых людей в сфере здоровья¹⁵.

Поэтому для выявления причин указанных парадоксальных тенденций в состоянии здоровья и отношения к нему российской молодежи актуальным представляется изучение особенностей конструирования социальных представлений молодых людей о здоровье и здоровьесберегающих практиках.

Исходя из формулировки исследуемой проблемы, центральной категорией в рамках данной работы выступает понятие “социальные представления”.

Как известно, его разработка связана с одноименной теорией, выдвинутой французским исследователем румынского происхождения С. Московичи¹⁶. Хотя, как отмечал сам автор данного подхода, истоки термина восходят к идеям французского социолога Э. Дюркгейма, изложенным им в опубликованной в 1898 г. работе “Представления индивидуальные и представления коллективные”¹⁷. Развивая тезис

¹⁴ Акименко Г.В., Начева Л.В., Лопатин А.А., Селедцов А.М., Кирина Ю.Ю. Инфомедия: фейковые новости в условиях пандемии // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2021. Т. 2. № 3. С. 43–52; Вершинина И.А., Лядова А.В. Социологическое осмысление пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 262–275; Рец. на кн.: Lupton D. COVID societies: theorising the Coronavirus crisis. Abingdon, 2022; Дудина В.И., Сайфулина В.О. “Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось”: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 279–298.

¹⁵ Вялых Н.А. Социальное поведение российской молодежи в сфере здравоохранения: проблемы концептуализации в социологическом дискурсе // Вестник НГУЭУ. 2019. № 4. С. 273–274.

¹⁶ *Moscovici S.* La Psychanalyse: son image et son public. P., 1961; *Idem.* Foreword // Herzlich C. Health and Illness. A Social Psychological Analysis. L., 1973. P. 1–19; *Idem.* Social representations: essays in social psychology. N.Y., 2001.

¹⁷ *Moscovici S.* Social representations... P. 30.

Э. Дюркгейма о взаимосвязи представлений с социальной структурой, С. Московичи внес ряд уточнений в его определение. По его мнению, социальные представления — “это совокупность ценностей, идей и практик, выполняющих двойную функцию: во-первых, они устанавливают порядок, который позволяет людям ориентироваться в материальном и социальном мире... и, во-вторых, создают возможность коммуникации между членами сообщества, так как предоставляют коды... для обозначения и однозначной классификации различных аспектов общей и групповой реальности”¹⁸.

Анализируя примеры социальных представлений, С. Московичи указывает, что их содержание — это, с одной стороны, совокупность коллективного знания, которое связано с культурой, социальными нормами, характерными для данного этапа развития общества, с другой, это и отражение повседневного мира человека, его субъективного опыта¹⁹.

Социальные представления имеют определенную структуру. Согласно структурному подходу, получившему разработку в работах последователя С. Московичи французского исследователя Ж.-К. Абрика (Jean-Claude Abric)²⁰ в их конфигурации можно выделить две части: центральную (ядро) и периферическую²¹. Первая отличается стабильностью, связана с коллективной памятью и выполняет нормативную функцию. И.Б. Бовина указывает, что именно в ядре “располагаются элементы, в наибольшей степени коренящиеся в культуре”²². В отличие от ядра, периферическая система динамична, основывается на индивидуальном опыте и выступает “в качестве связующего звена между ядром и той конкретной ситуацией, в которой вырабатывается и действует представление”²³.

Ключевым фактором, участвующим в формировании и трансляции социальных представлений, выступает коммуникация, и особую роль в этом играют средства массовой информации²⁴, коммуни-

¹⁸ *Moscovici S.* Foreword. P. 13.

¹⁹ *Moscovici S.* Notes towards a description of social representations // *European Journal of Social Psychology.* 1988. N 18. P. 214.

²⁰ *Abric J.-C.* Pratiques sociales et représentations. P., 1994.

²¹ *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В.* К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны // *Социальная психология и общество.* 2022. Т. 13. № 3. С. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130302>. С. 12.

²² *Бовина И.Б.* Теория социальных представлений: история и современное развитие // *Социологический журнал.* 2010. № 3. С. 15.

²³ Там же.

²⁴ *Moscovici S.* Social representations...

кативные практики и порождаемые ими дискурсы²⁵. Наряду с медиа значимое воздействие на формирование и трансформацию социальных представлений оказывает культура²⁶. Опираясь на тезис американского социолога Т. Парсонса о роли культурной подсистемы в сохранении и воспроизводстве образца²⁷, очевидно, что в структуре социальных представлений культура, прежде всего, поддерживает их центральную систему, связанную с общепринятыми нормами и установками, то есть господствующими идеями.

Наряду с факторами, рассматривая процесс формирования социальных представлений, С. Московичи выделяет два базовых механизма, лежащих в его основе: анкеровку и объективфикацию²⁸. С помощью первого происходит превращение неизвестного в привычное посредством его встраивания в знакомый контекст, в существующую систему представлений и объяснений реальности, следовательно, его функция — классифицировать и обозначать в известных понятиях, что создает возможность оценки нового феномена²⁹. Второй механизм — объективфикация — используется для визуализации понятия, то есть, как пишет С. Московичи, превращения идеи в образ, соотношения представления с определенным визуальным контекстом³⁰.

Опираясь на данные теоретические положения, в работе был проведен анализ социальных представлений молодежи о здоровьесбережении. Эмпирической базой исследования послужили данные, полученные в ходе онлайн-опроса “Здоровьесбережение современной российской молодежи: представления и практики” в период с января по март 2024 г. В исследовании приняли участие 1100 респондентов в возрасте от 16 до 35 лет. Предельная ошибка выборки составила 2,95% при доверительном интервале 95%. Для выявления мнений участников был разработан инструментарий (анкета), включающий закрытые и открытые вопросы. Также использовались контент-анализ, шкалирование, лингвистический ассоциативный эксперимент.

Обзор и систематизация данных, содержащихся в релевантных публикациях и полученных в ходе авторского исследования, демон-

²⁵ Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В. К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны. С. 13.

²⁶ *Moscovici S. Social representations...* P. 52.

²⁷ Парсонс Т. Система современных обществ / Под ред. М.С. Ковалевой. М., 1998. С. 16.

²⁸ *Moscovici S. Social representations...* P. 41–42.

²⁹ *Ibid.* P. 42.

³⁰ *Ibid.* P. 49–50.

стрируют, что большинство молодых россиян воспринимает здоровье, прежде всего, в контексте его физического благополучия³¹. По результатам анализа частотности ассоциатов установлено, что самая популярная ассоциативная реакция связана с “физической активностью” (54%). Полученные данные согласуются с результатами опросов предыдущих периодов³² и общероссийских обследований³³, что указывает на устойчивость восприятия здоровья в контексте физической активности и позволяет рассматривать данный вектор как центральный в структуре социальных представлений молодежи о здоровье и господствующий тип представлений о здоровье, характерный в целом для российского общества. По результатам обследования, проведенного ВЦИОМ в апреле 2024 г., выявлено, что большинство россиян (94%) считает физическую активность главной составляющей здоровья и здорового образа жизни³⁴.

Наименее встречающиеся ассоциативные реакции в рамках ассоциативного поля “здоровье” содержат такие понятия, как “благополучие” (34%), “счастье” (31%), “комфорт” (29%), “жизнь” (24,5%), “питание” (16,4%), “сон” (13,5%), “врач” (6,4%), “медицина” (5,3%), “болезни” (5,2%), “таблетки/лекарства” (5,0%). Анализ их частности позволяет соотнести их с периферической структурой социальных представлений о здоровье опрошенных молодых людей.

При этом сопоставление этих данных с результатами исследований предыдущих лет демонстрирует лишь частичное совпадение³⁵ и свидетельствуют о трансформации социальных представлений

³¹ Филоненко В.И., Никулина М.А., Патраков Э.В., Ковтун О.П. Представления о здоровье и здоровьесбережении у студенческой молодежи // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 152–157. DOI 10.31857/S01321625000188-9. С. 156; Рагинова О.А., Саяпин В.Н., Архипова Л.Ю. Представления современного студенчества о здоровье человека // Общество. Среда. Развитие. 2023. № 2(67). С. 65–68. DOI: 10.53115/19975996_2023_02_065-068. EDN: XXOBVF

³² Бовина И.Б. Динамика представлений о здоровье и болезни в молодежной среде // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-predstavleniy-o-zdorovie-i-bolezni-v-molodezhnoy-srede> (дата обращения: 02.07.2024). С. 65; Корытова Г.С. Внутренняя картина здоровья и социальные представления о нем студентов педагогического вуза // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 139.

³³ ВЦИОМ. Здоровый образ жизни: мониторинг. 22 мая 2024 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring> (дата обращения: 01.06.2024).

³⁴ Там же.

³⁵ Бовина И.Б. Динамика представлений о здоровье и болезни в молодежной среде; Корытова Г.С. Внутренняя картина здоровья и социальные представления о нем студентов педагогического вуза. С. 140–141.

молодежи о здоровье, потенциальных векторах этих изменений, а также позволяют предположить о наличии особенностей, отражающих эмансипированную разновидность представлений, что, скорее всего, обусловлено средой и спецификой жизнедеятельности респондентов.

Наряду с выявленными особенностями в представлениях современной молодежи прослеживается тенденция изменения в их восприятии здоровья в сторону усиления элемента субъективного благополучия, который в ассоциативном поле “здоровье” связан с такими ассоциативными реакциями как радость, спокойствие, гармония, выступающими как значимые, по мнению респондентов, для хорошего самочувствия. Особенно данный тренд выражен в ответах возрастной когорты молодых людей от 16 до 24 лет, кого в рамках теории поколений часто именуют “поколением Зет”³⁶.

В этой связи в ходе авторского исследования респонденты были распределены на две группы на основе возрастного критерия деления поколений на зумеров (от 16 до 24 лет) и миллениалов (в возрасте от 25 до 35 лет) и дополнительно был проведен сравнительный анализ их ассоциативных реакций по ассоциативному полю “здоровье”. Установлено, что зумеры часто соотносят здоровье с такими понятиями, как счастье, благополучие, в то время как для миллениалов характерны лексемы “врач” и “сила”, что дает основание рассматривать элементы “благополучие”, “комфорт” как части ядерной структуры социальных представлений более ранней молодой когорты.

По результатам анализа ассоциативного поля “здоровый образ жизни”, отражающего основные идеи и образы молодого поколения о здоровьесберегающих практиках, выявлено, что ядро структуры рассматриваемых социальных представлений опрошенных респондентов составили такие элементы, как: правильное питание (94%), активный отдых (88%), регулярная физическая активность (80%), здоровый сон (78%).

Полученные данные согласуются с релевантными исследованиями разных периодов³⁷, что позволяет рассматривать их как часть

³⁶ Meredith G., Schewe C. The power of cohorts: Americans who shared powerful experiences as young adults, such as the hardship of the great depression, fall into six cohorts // *Am Demogr.* 1994. Vol. 16. N 22; Strauss W., Howe N. *Belonging to a generation // Generations the History of America's Future, 1584–2069* / Ed. by A. Zackheim. N.Y., 1991. P. 58–68.

³⁷ См.: Бовина И.Б. Динамика представлений о здоровье и болезни в молодежной среде; Лядова А.В., Лядова М.В. Ценность здоровья в современном обществе // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана “Культура,

ядерной структуры социальных представлений молодежи о здоровом образе жизни. Кроме того, они совпадают и с результатами общероссийских опросов, что дает основание рассматривать их как характерные для российского общества в целом представления о здоровом образе жизни: по данным ВЦИОМ к неотъемлемым компонентам здоровьесбережения россияне в большинстве случаев относят занятия спортом и физкультурой (46%), физические нагрузки (20%), правильное питание (49%)³⁸.

Самой низкочастотной оказалась ассоциация здорового образа жизни с институциональными практиками, а именно, диспансеризацией и профилактическими осмотрами (16,5%), что указывает на слабую выраженность их значимости в структуре представлений респондентов о здоровьесберегающих практиках, а также подтверждает выявленную в ассоциативном поле “здоровье” незначительную связь с институтом медицины, что согласуется и с данными общероссийских опросов. Так, в ходе исследования ВЦИОМ об отношении россиян к диспансеризации установлено, что несмотря на высокий уровень информированности молодых людей о соответствующих программах профилактических осмотров (84% в возрастной группе 18–24 года и 92% в возрастной группе 25–34 года) лишь 22 и 18% респондентов, соответственно указанным когортам, обследовались за последние 12 месяцев, более 40% в обеих группах не проходили диспансеризацию никогда, считая, что данные профилактические мероприятия носят формальный характер и не позволяют выявить какие-то проблемы здоровья в случае их наличия³⁹.

Следует отметить, что сравнительный анализ ответов респондентов двух выделенных возрастных групп в рамках авторского исследования не выявил существенных различий в восприятии здорового образа жизни между зумерами и миллениалами. Хотя для респондентов более ранней возрастной когорты на является харак-

личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования”, 16–18 марта 2017 г., Екатеринбург. Екатеринбург, 2017. С. 1506–1512; Рагимова О.А., Саяпин В.Н., Архипова Л.Ю. Представления современного студенчества о здоровье человека // Общество. Среда. Развитие. 2023. № 2(67). С. 65–68. DOI: 10.53115/19975996_2023_02_065-068. EDN: XXOVBF; Филоненко В.И., Никулина М.А., Патраков Э.В., Ковтун О.П. Представления о здоровье и здоровьесбережении у студенческой молодежи // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 152–157. DOI 10.31857/S013216250000188-9.

³⁸ ВЦИОМ. Здоровый образ жизни: мониторинг. 22 мая 2024 года.

³⁹ ВЦИОМ. Диспансеризация: мониторинг. 31 октября 2023 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dispenserizacija-monitoring> (дата обращения: 02.06.2024).

терной ассоциация здорового образа жизни с отказом от вредных привычек, что позволяет отнести этот элемент к периферической системе в структуре представлений зумеров.

Данный факт, на наш взгляд, отражает несколько тенденций. С одной стороны, это может быть связано с общим трендом негативного отношения данной возрастной группы к вредным привычкам, что подтверждают результаты соответствующих исследований, представленные в релевантных отечественных и зарубежных публикациях⁴⁰, а также данные всероссийских опросов⁴¹. С другой стороны, ряд исследований демонстрирует обратную тенденцию и высокий уровень приверженности вредным привычкам среди молодежи, о чем уже было сказано ранее. В этой связи факт ограниченности восприятия отказа от вредных привычек как важного в структуре здорового образа жизни может быть объяснен опривычиванием самих образов, связанных с курением и распитием алкогольных напитков, как в силу их высокой распространенности в российском обществе в целом, так и среди данной возрастной группы, в частности, вследствие чего и выявлено нивелирование их негативной коннотации. Как показывают данные общероссийских обследований, хотя анализ уровня заболеваемости населения России алкоголизмом и алкогольными психозами демонстрирует устойчивую тенденцию снижения показателей⁴², тем не менее, учитывая результаты опросов, употребление алкоголя достаточно активное, при чем процент пьющих два-три раза в месяц или несколько раз в неделю среди молодежи выше, чем в других возрастных

⁴⁰ Антонова Н.Л. Здоровьесберегающие практики конструирования тела // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 17–18 марта 2020 года / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, М.В. Певой. Екатеринбург, 2020. С. 202–205; Винокурова А.В., Гриценко О.А. Молодежь о здоровье и практиках здоровьесберегающего поведения: мнения, суждения, оценки // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 1. С. 3–84; Судьин С.А. Здоровье и практики здоровьесбережения: межкогортный анализ // Социальные контексты здоровья: монография. Нижний Новгород, 2020. С. 52–67. EDN: QLBWTT. С. 57–60. Matthews-King A. Generation Z Teens “More Depressed Despite Fall in Drinking and Drugs. 2019. URL: <https://www.independent.co.uk/news/health/teenage-depression-mental-health-drugs-antisocial-behaviour-generation-z-a8800291.html> (accessed: 03.06.2024).

⁴¹ ВЦИОМ. Курение в России: мониторинг. 12 июля 2022 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kurenie-v-rossii-monitoring-2022> (дата обращения: 02.06.2024).

⁴² Сайт Росстат. Здравоохранение. Заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 08.06.2024).

когортах: 7% и 29%, соответственно, и 4 и 18%, соответственно, при сравнении с респондентами в возрасте 45-59 лет⁴³.

Итак, полученные данные демонстрируют, что ядро социальных представлений современной молодежи о здоровьесбережении составляют традиционные образы и идеи, отражающие наиболее характерные для российского общества и его культуры здоровьесбережения, однако они представлены в ограниченном формате, так как включают лишь часть элементов здорового образа жизни, а именно, связанные с физической активностью, занятиями спортом, соблюдением режима дня, правильным питанием.

Периферическая зона содержит такие компоненты, как отказ от вредных привычек, благополучие и поддержание эмоциональной стабильности, что указывает на трансформацию ядерной структуры в рамках отдельных возрастных когорт и поэтому позволяет их соотносить с эмансипированными представлениями.

Наименее характерным для молодых россиян оказывается связь здоровья и здоровьесбережения с институциональными практиками диспансеризации и прохождения профилактических осмотров, что позволяет предполагать о снижении роли института медицины как агента социального контроля в отношении здоровья для молодого поколения. В этой связи данный компонент в структуре, хотя относится к периферической зоне, может быть рассмотрен как полемический, так как он оказывается в противоречии с институциональным подходом к здоровьесбережению.

Таким образом, социальные представления современной молодежи о здоровье и практиках его сохранения, наряду с традиционными идеями и образами, отличаются особенностями, что вызывает необходимость анализа источников и факторов их формирования.

В этой связи респондентам было предложено ответить на вопрос, где они обычно ищут сведения о проблемах здоровья, здоровьесбережения, способах преодоления возможных недугов и т.п. Сравнительный анализ полученных ответов позволил выявить приоритет двух источников в структуре информационного потребления молодежи о здоровье: института медицины (71%) и интернет-среды (73%). При этом следует обратить внимание на то, что, хотя респонденты указали на высокий уровень обращаемости к врачам, однако это отмечается в случаях необходимости, когда возникают серьезные проблемы со здоровьем, причем, именно с физическим

⁴³ ВЦИОМ. Алкоголь на фоне пандемии. 12 июля 2021 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/alkogol-na-fone-pandemii> (дата обращения: 08.06.2024).

самочувствием. В ситуации же расстройств психического состояния только треть респондентов имела соответствующий опыт получения профессиональной медицинской помощи.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

- восприятие здоровья носит ограниченный характер, так как основано на его понимании в контексте биопсихологической модели и не включает таких значимых для полноценного развития личности видов здоровья, как социальное и духовное; хотя отмечается наличие в структуре представлений о здоровье аксиологического аспекта;

- выявленные знания о практиках заботы о здоровье ориентированы на сохранение физической формы и психического благополучия, при этом из традиционных способов наиболее распространенными являются только три — активный образ жизни, поддержание режима дня, правильное питание;

- основными источниками информации для обследованной группы являются как традиционные, так и онлайн-ресурсы, что обусловлено высоким уровнем вовлеченности данной возрастной категории в цифровые практики; при этом обращение к врачам связано с крайней необходимостью в ситуации заболевания, прохождение же профилактических осмотров отличается низким уровнем частотности.

Полученные выводы показывают, что представления о здоровьесбережении молодых россиян формируются под влиянием новых источников и агентов социализации, однако их воздействие, как показывают релевантные исследования⁴⁴ отличается амбивалентным характером. Учитывая возрастание значимости здоровья в структуре ценностных ориентаций российской молодежи, потребность в физической активности необходимо усилить меры, направленные на формирование идеологии здоровьесбережения среди современной молодежи, в частности, привитие навыков информационной гигиены, посредством как введения соответствующих образовательных курсов, так и активизации ее вовлеченности в оздоровительные практики.

⁴⁴ Осипова Н.Г., Лядова А.В., Заплетнюк М.А. Медиатизация здоровья в российской блогосфере // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16(3). С. 309–323. DOI: 10.21638/spbu12.2023.305; Papp-Zipernovszky O., Horváth M.D., Schulz P.J., Csabai M. Generation gaps in digital health literacy and their impact on health information seeking behavior and health empowerment in Hungary // *Frontiers in Public Health*. 2021. N 9:635943. DOI: 10.3389/fpubh.2021.635943.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акименко Г.В., Начева Л.В., Лопатин А.А., Селедцов А.М., Кирина Ю.Ю. Инфомедия: фейковые новости в условиях пандемии // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2021. Т. 2. № 3. С. 43–52.

Антонова Н.Л. Здоровьесберегающие практики конструирования тела // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 17–18 марта 2020 года / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, М.В. Певной. Екатеринбург, 2020. С. 202–205.

Антонова Н.Л. Культура здоровьесбережения: социологическая концептуализация // Перспективы науки. 2014. № 12. С. 49–51.

Антонова Н.Л., Нагноенко Д.В. Социальные факторы формирования пищевых расстройств: опыт социологического исследования // Acta Biomedica Scientifica. 2024. Т. 9(1). С. 23–31. DOI: 10.29413/ABS.2024-9.1.3.

Бовина И.Б. Динамика представлений о здоровье и болезнях в молодежной среде // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-predstavleniy-o-zdorovie-i-bolezni-v-molodezhnoy-srede> (дата обращения: 02.07.2024). С. 64–70.

Бовина И.Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 5–20.

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В. К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130302>.

Вершинина И.А., Лядова А.В. Социологическое осмысление пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 262–275.

Винокурова А.В., Гриценко О.А. Молодежь о здоровье и практиках здоровьесберегающего поведения: мнения, суждения, оценки // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 1. С. 3–84.

Вялых Н.А. Социальное поведение российской молодежи в сфере здравоохранения: проблемы концептуализации в социологическом дискурсе // Вестник НГУЭУ. 2019. № 4. С. 269–277.

Дудина В.И., Сайфулина В.О. “Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось”: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 279–298.

Журавская Н.С., Аленицкая М.В., Янович В.А. К вопросу о формировании восприятия здорового образа жизни студенческой молодежи (на примере студентов Владивостокских вузов) // Здоровье населения и среда обитания — ЗНиСО. 2022. Т. 30. № 12. С. 37–44. DOI: 10.35627/2219-5238/2022-30-12-37-44. EDN: GKUWRY.

Закирова А.И., Литовченко О.Г., Тостановский А.В. Отношение студентов к здоровому образу жизни // Профилактическая медицина. 2023. Т. 26. № 3. С. 75–80. DOI: 10.17116/profmed20232603175. EDN: OHJLCE.

Здоровье подростков и окружающая среда: изменения за 20 лет: Монография / Отв. ред. И.В. Журавлева. М., 2021.

Комлев Ю.Ю. Кибердевиантность миллениалов: феноменология и пути противодействия // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии. 2020. С. 77–81.

Корытова Г.С. Внутренняя картина здоровья и социальные представления о нем студентов педагогического вуза // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 131–143.

Липанова Л.Л., Кутузова Ж.К., Насыбуллина Г.М., Протасова О.С., Данилова М.А. Распространенность употребления и факторы риска приобщения к алкоголю и курению среди школьников // Здоровье населения и среда обитания — ЗНиСО. 2023. Vol. 31(10). P. 44–53. URL: <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2023-31-10-44-53>.

Лисенкова А.А., Труфанова Е.О. Цифровой эскапизм — от аддикции до аскетизма // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Т. 5. № 3. С. 17–34.

Лядова А.В., Лядова М.В. Ценность здоровья в современном обществе // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана “Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования”, 16–18 марта 2017 г., Екатеринбург. Екатеринбург, 2017. С. 1506–1512.

Осипова Н.Г., Лядова А.В., Заплетнюк М.А. Медиатизация здоровья в российской блогосфере // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16(3). С. 309–323. DOI: 10.21638/spbu12.2023.305.

Парсонс Т. Система современных обществ / Под ред. М.С. Ковалевой. М., 1998.

Рагимова О.А., Саяпин В.Н., Архипова Л.Ю. Представления современного студенчества о здоровье человека // Общество. Среда. Развитие. 2023. № 2(67). С. 65–68. DOI: 10.53115/19975996_2023_02_065-068. EDN: XXOBVF.

Савина А.А., Фейгинова С.И. Распространенность ожирения среди населения Российской Федерации: период до пандемии COVID-19 // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. Т. 68 (5). № 4. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-5-4.

Салагай О.О., Сахарова Г.М., Антонов Н.С. Глобальное обследование молодежи 13–15 лет о потреблении табака в Российской Федерации: динамическое наблюдение 2004–2021 гг. // Терапевтический архив. 2024. Т. 96(3). С. 233–239. DOI: 10.26442/00403660.2024.03.202633.

Судьин С.А. Здоровье и практики здоровьесбережения: межкогортный анализ // Социальные контексты здоровья: монография. Нижний Новгород, 2020. С. 52–67. EDN: QLBWTT.

Федоров В.А., Третьякова Н.В. Концептуальные основы здоровьесберегающей деятельности образовательных организаций в контексте теории управления качеством // Образование и наука. 2023. Т. 25. № 2. С. 15–45. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-2-15-45. EDN: JCCYMW.

Филоненко В.И., Никулина М.А., Патраков Э.В., Ковтун О.П. Представления о здоровье и здоровьесбережении у студенческой молодежи // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 152–157. DOI 10.31857/S013216250000188-9.

Чимаров С.Ю. Зарубежный опыт исследования предметного поля психологии гемблинг-аддикции личности современного цифрового мира // Российский девиантологический журнал. 2023. Т. 3. № 3. С. 290–303.

REFERENCES

- Abric J.-C. Pratiques sociales et représentations. P., 1994.
Akimenko G.V., Nacheva L.V., Lopatin A.A., Seledcov A.M., Kirina Yu. Yu. Infomediya: fejkovye novosti v usloviyah pandemii [Infomedia: Fake News in the

Context of a Pandemic] // Vestnik obshchestven-nyh i gumanitarnykh nauk. 2021. T. 2. N 3. S. 43–52 (in Russian).

Antonova N.L. Zdorov'esbergayushchie praktiki konstruirovaniya tela [Health-saving Practices of Body Construction] // XXII Ural'skie sociologicheskie chteniya. Nacional'nye proekty i social'no-ekonomicheskoe razvitie Ural'skogo regiona: Matly Vseros. nauch.-prakt. konf., Ekaterinburg, 17–18 marta 2020 goda / Pod obshch. red. Yu.R. Vishnevskogo, M.V. Pevnoj. Ekaterinburg, 2020. S. 202–205 (in Russian).

Antonova N.L. Kul'tura zdorov'esberezheniya: sociologicheskaya konceptualizatsiya [Health-saving Culture: Sociological Conceptualization] // Perspektivy nauki. 2014. N 12. S. 49–51 (in Russian).

Antonova N.L., Nagnoenko D.V. Social'nye faktory formirovaniya pishchevykh rasstrojstv: opyt sociologicheskogo issledovaniya [Social factors in the formation of eating disorders: an experience of sociological research] // Acta Biomedica Scientifica. 2024. T. 9(1). S. 23–31. DOI: 10.29413/ABS.2024-9.1.3 (in Russian).

Bovina I.B. Dinamika predstavlenij o zdorov' i bolezni v molodezhnoj srede [Dynamics of ideas about health and illness among young people] // Vestnik RUDN. Seriya: Psihologiya i pedagogika. 2008. N 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-predstavlenij-o-zdorovie-i-bolezni-v-molodezhnoj-srede> (data obrashcheniya: 02.07.2024). S. 64–70 (in Russian).

Bovina I.B. Teoriya social'nykh predstavlenij: istoriya i sovremennoe razvitie [Theory of Social Representations: History and Modern Development] // Sociologicheskij zhurnal. 2010. N 3. S. 5–20 (in Russian).

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Mel'nikova D.V., Lavreshkin N.V. K voprosu ob issledovanii social'nykh predstavlenij: vzglyad so storony [On the Study of Social Representations: An Outside View] // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2022. T. 13. N 3. C. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130302> (in Russian).

Chimarov S.Yu. Zarubezhnyj opyt issledovaniya predmetnogo polya psihologii gembling-addikcii lichnosti sovremennogo cifrovogo mira [Foreign experience in studying the subject field of psychology of gambling addiction of personality in the modern digital world] // Rossijskij deviantologicheskij zhurnal. 2023. T. 3. № 3. S. 290–303 (in Russian).

Dudina V.I., Sajfulina V.O. “Pochitala, eshche men'she vakcinirovat'sya zahoteloš”: onlajn-diskurs vakcinnoj nereshitel'nosti [“I Read It and Wanted to Get Vaccinated Even Less”: Online Discourse of Vaccine Hesitancy] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2023. N 1. S. 279–298 (in Russian).

Fedorov V.A., Tret'yakova N.V. Konceptual'nye osnovy zdorov'esbergayushchej deyatel'nosti obrazovatel'nykh organizacij v kontekste teorii upravleniya kachestvom [Conceptual Foundations of Health-Saving Activities of Educational Organizations in the Context of Quality Management Theory] // Obrazovanie i nauka. 2023. T. 25. N 2. S. 15–45. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-2-15-45. EDN: JCCYMW (in Russian).

Filonenko V.I., Nikulina M.A., Patrakov E.V., Kovtun O.P. Predstavleniya o zdorov'e i zdorov'esberezhenii u studencheskoj molodezhi [Ideas about health and health preservation among student youth] // Sociologicheskie issledovaniya. 2018. N 7. S. 152–157. DOI 10.31857/S013216250000188-9 (in Russian).

Höijer B. Social representations theory. A new theory for media research // Nordicom Review. 2011. Vol. 32. N 2. P. 3–16.

Komlev Yu.Yu. Kiberdeviantnost' millenialov: fenomenologiya i puti protivodejstviya [Cyberdeviance of Millennials: Phenomenology and Ways to Counteract It] //

Profilaktika deviantnogo povedeniya detej i molodyozhi: regional'nye modeli i tekhnologii. 2020. S. 77–81 (in Russian).

Korytova G.S. Vnutrennyaya kartina zdorov'ya i social'nye predstavleniya o nem studentov pedagogicheskogo vuza [Internal Picture of Health and Social Representations of Students of a Pedagogical University] // *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*. 2012. N 46. S. 131–143 (in Russian).

Lipanova L.L., Kutuzova Zh.K., Nasybullina G.M., Protasova O.S., Danilova M.A. Rasprostranennost' upotrebleniya i faktory riska priobshcheniya k alkogolyu i kureniju sredi shkol'nikov [Prevalence of Use and Risk Factors for Initiation to Alcohol and Smoking among Schoolchildren] // *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya – ZNiSO*. 2023. Vol. 31(10). P. 44–53. URL: <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2023-31-10-44-53> (in Russian).

Lisenkova A.A., Trufanova E.O. Cifrovoj eskapizm – ot addikcii do asketizma [Digital escapism: from addiction to asceticism] // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. T. 5. N 3. S. 17–34 (in Russian).

Lupton D. COVID Societies: theorising the Coronavirus crisis. Abingdon, 2022.

Lyadova A.V., Lyadova M.V. Cennost' zdorov'ya v sovremennom obshchestve [The value of health in modern society] // XX Mezhdunarodnaya konferenciya pamyati professora L.N. Kogana "Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: Metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya", 16–18 marta 2017 g., Ekaterinburg. Ekaterinburg, 2017. S. 1506–1512 (in Russian).

Matthews-King A. Generation Z Teens "more depressed despite fall in drinking and drugs. 2019. URL: <https://www.independent.co.uk/news/health/teenage-depression-mental-health-drugs-antisocial-behaviour-generation-z-a8800291.html>.

Meredith G., Schewe C. The power of cohorts: Americans who shared powerful experiences as young adults, such as the hardship of the great depression, fall into six cohorts // *Am Demogr*. 1994. Vol. 16. N 22.

Moscovici S. La Psychanalyse: son image et son public. P., 1961.

Moscovici S. Notes towards a description of social representations // *European Journal of Social Psychology*. 1988. N 18. P. 211–250.

Moscovici S. Social representations: essays in social psychology. N.Y., 2001.

Osipova N.G., Lyadova A.V., Zapletnyuk M.A. Mediatizaciya zdorov'ya v Rossijskoj blogosfere [Mediatization of Health in the Russian Blogosphere] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*. 2023. T. 16(3). S. 309–323. DOI: 10.21638/spbu12.2023.305 (in Russian).

Papp-Zipernovszky O., Horváth M.D., Schulz P.J., Csabai M. Generation gaps in digital health literacy and their impact on health information seeking behavior and health empowerment in Hungary // *Frontiers in Public Health*. 2021. N 9:635943. DOI: 10.3389/fpubh.2021.635943.

Parsons T. Sistema sovremennyh obshchestv [The System of Modern Societies] / Pod red. M.S. Kovalevoj. M., 1998 (in Russian).

Ragimova O.A., Sayapin V.N., Arhipova L.Yu. Predstavleniya sovremennogo studentchestva o zdorov'e cheloveka [Ideas of Modern Students about Human Health] // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. 2023. N 2(67). S. 65–68. DOI: 10.53115/19975996_2023_02_065-068. EDN: XXOBBF (in Russian).

Salagaj O.O., Saharova G.M., Antonov N.S. Global'noe obsledovanie molodezhi 13–15 let o potreblenii tabaka v Rossijskoj Federacii: dinamicheskoe nablyudenie 2004–2021 gg. [Global Survey of 13–15 Years Old Youth on Tobacco Consumption in

the Russian Federation: Dynamic Observation 2004–2021] // *Terapevticheskij arhiv*. 2024. T. 96(3). S. 233–239. DOI: 10.26442/00403660.2024.03.202633 (in Russian).

Savina A.A., Fejginova S.I. Rasprostranennost' ozhireniya sredi naseleniya Rossijskoj Federacii: period do pandemii COVID-19 [Prevalence of obesity among the population of the Russian Federation: the period before the COVID-19 pandemic] // *Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya*. 2022. T. 68 (5). N 4. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-5-4 (in Russian).

Strauss W., Howe N. Belonging to a generation // *Generations the History of America's Future, 1584–2069* / Ed. by A. Zackheim. N.Y., 1991. P. 58–68.

Sud'in S.A. Zdorov'e i praktiki zdorov'esberezeniya: mezhkogortnyj analiz [Health and Health-Saving Practices: Cross-Cohort Analysis] // *Social'nye konteksty zdorov'ya: monografiya*. Nizhnij Novgorod, 2020. S. 52–67. EDN: QLBWTT (in Russian).

Vershinina I.A., Lyadova A.V. Sociologicheskoe osmyslenie pandemii COVID-19 [Sociological Understanding of the COVID-19 Pandemic] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2023. № 4. S. 262–275 (in Russian).

Vinokurova A.V., Gricenko O.A. Molodezh' o zdorov'e i praktikah zdorov'esberegayushchego povedeniya: mneniya, suzhdeniya, ocenki [Young People on Health and Health-Saving Behavior Practices: Opinions, Judgments, Assessments] // *Vostochnyj vektor: istoriya, obshchestvo, gosudarstvo*. 2023. Vyp. 1. S. 3–84 (in Russian).

Vyalyh N.A. Social'noe povedenie rossijskoj molodezhi v sfere zdorov'ozhramleniya: problemy konceptualizacii v sociologicheskom diskurse [Social Behavior of Russian Youth in the Sphere of Healthcare: Problems of Conceptualization in Sociological Discourse] // *Vestnik NGUEU*. 2019. N 4. S. 269–277 (in Russian).

Zakirova A.I., Litovchenko O.G., Tostanovskij A.V. Otnoshenie studentov k zdorovomu obrazu zhizni [Students' Attitudes to a Healthy Lifestyle] // *Profilakticheskaya medicina*. 2023. T. 26. N 3. S. 75–80. DOI: 10.17116/profmed20232603175. EDN: OHJLCE (in Russian).

Zdorov'e podrostkov i okruzhayushchaya sreda: izmeneniya za 20 let: Monografiya [Adolescent Health and the Environment: Changes over 20 Years: Monograph] / Otv. red. I.V. Zhuravleva. M., 2021 (in Russian).

Zhuravskaya N.S., Alenickaya M.V., Yanovich V.A. K voprosu o formirovanii vospriyatija zdorovogo obraza zhizni studencheskoj molodezhi (na primere studentov Vladivostokskih vuzov) [On the Formation of Healthy Lifestyle Perceptions among Student Youth (Based on the Example of Students from Vladivostok Universities)] // *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya – ZNiSO*. 2022. T. 30. N 12. S. 37–44. DOI: 10.35627/2219-5238/2022-30-12-37-44. EDN: GKUWRY (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-130-144

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В XXI ВЕКЕ: РАЗРЫВ В ДОСТУПЕ К РЕСУРСАМ, ТЕХНОЛОГИЯМ И УСТОЙЧИВОМУ БУДУЩЕМУ*

Т.С. Мартыненко, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, МГУ, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье рассматриваются новые формы социального неравенства, интерес к которым возник преимущественно в конце XX – начале XXI в. Особое внимание уделено анализу глобального, цифрового и инвайронментального неравенства. Рассматриваются причины социологического интереса к указанным проблемам, важнейшими из которых являются технический прогресс конца XX – начала XXI в., изменение способов оценки уровня социального неравенства, а также трансформация исследовательской оптики и инструментов познания, в том числе по причине появления технологий искусственного интеллекта.

Представлены основные характеристики новых форм социального неравенства, их взаимосвязь, уровни и критерии измерения. В статье описаны несколько перспектив изучения глобального социального неравенства. В социологической литературе большинство из них связано с переходом от изучения национального государства в качестве ключевой единицы анализа к исследованию глобального социального пространства. Анализ цифрового неравенства и проблема социального разрыва сегодня предстают как совокупность нескольких уровней исследования и связаны с рассмотрением доступа к технологиям, владения цифровыми навыками и наличия жизненных шансов и возможностей, которые появляются у людей, эффективно использующих новейшие цифровые технологии. Загрязнение окружающей среды и изменение климата привели к возникновению исследовательского интереса к проблеме социально-экологического неравенства, которое связано с неравномерным распределением экологических рисков. В контексте анализа инвайронментального неравенства рассматривается экологический неокOLONИализм как фактор, усиливающий социальное неравенство.

В заключении статьи делается вывод о необходимости дальнейшего социологического изучения вопросов социального неравенства, анализируется роль социологии в решении этих проблем и актуализации данных.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 24-28-00258, <https://rscf.ru/project/24-28-00258/>

** **Мартыненко Татьяна Сергеевна**, e-mail: ts.martynenko@gmail.com

Ключевые слова: социальное неравенство, глобальное неравенство, цифровой разрыв, цифровое неравенство, инвайронментальное неравенство, не-околонизм.

SOCIAL INEQUALITIES IN THE TWENTY-FIRST CENTURY: GAPS IN ACCESS TO RESOURCES, TECHNOLOGY AND A SUSTAINABLE FUTURE

Martynenko Tatiana S., PhD in Sociological Science, Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ts.martynenko@gmail.com

The article considers new forms of social inequality, interest in which emerged mainly in the late twentieth and early twenty-first century. Special attention is paid to the analysis of global, digital and environmental inequality. The reasons of sociological interest to these problems are considered, the most important of which are the technological progress, changes in the ways of assessing the level of social inequality, as well as the transformation of research optics and tools of cognition, including the emergence of artificial intelligence technologies.

The main characteristics of the new forms of social inequality, their interrelation, levels and measurement criteria are presented. The article describes several perspectives of studying global social inequality. In sociological literature, most of them are related to the transition from the study of the nation-state as a key unit of analysis to the study of global social space. The analysis of digital inequality and the problem of the social divide now appears as a combination of several levels of research and is related to the consideration of access to technology, possession of digital skills, and the life chances and opportunities. Environmental pollution and climate change have led to research interest in socio-environmental inequalities, which are related to the unequal distribution of environmental risks. Environmental neo-colonialism is examined in the context of analyzing environmental inequalities as a factor that reinforces social inequalities.

The article concludes that further sociological study of social inequality issues is necessary, analyzes the role of sociology in addressing these issues and actualizing the data.

Key words: social inequality, global inequality, digital divide, digital inequality, environmental neocolonialism, neocolonialism.

Введение: новые контуры неравного мира

На протяжении всей истории одной из ключевых проблем человечества остается социальное неравенство. Вне зависимости от эпохи различия в индивидуальных чертах, а также характеристики общественного устройства порождают специфическую систему

социальных отношений, в которой одни индивиды и социальные группы имеют больше ресурсов, возможностей и привилегий, чем другие. В конце XX – начале XXI в. наряду с традиционными формами социального неравенства, например экономическим, политическим и др., появляются новые формы, такие как глобальное, цифровое и инвайронментальное. Возникновение новых форм и начало социологического изучения этих социальных разрывов связано с рядом причин. Во-первых, изменение общества под влиянием технического прогресса. Появление компьютеров и интернета во второй половине XX в. значительно изменило облик современных обществ, затронув не только способы коммуникации и формы взаимодействия, но и ключевые социальные институты. Наряду с положительными социальными последствиями, к которым можно отнести, например, увеличение доступа к информации, автоматизацию отдельных задач и функций человека и в ряде сфер увеличение производительности труда, появились новые риски и негативные последствия, включающие и рост социального неравенства. В начале XXI в. значимым фактором социальных изменений становятся технологии искусственного интеллекта. И хотя современные исследователи не сходятся во мнении относительно вектора этих трансформаций и даже их наличия¹, высокий уровень внедрения новейших технологий уже сегодня влияет на распределение ресурсов и положение индивидов в системе социального неравенства.

Во-вторых, важно отметить, что во второй половине XX в. изменились представления об общественном благополучии и качестве жизни. На фоне послевоенного материального роста стало очевидно, что для определения качества и уровня жизни важно учитывать не только экономические показатели, но и широкий спектр характеристик человеческой жизни, включая даже, например, уровень счастья. В-третьих, в указанный исторический период подверглась изменению исследовательская оптика и инструменты. Появление компьютеров позволило хранить, обрабатывать и сравнивать между собой большие массивы данных, а внедрение технологий искусственного интеллекта, таких как машинное обучение, позволило решать более сложные задачи по моделированию социальных процессов, их классификации и подобное. И сегодня технологии искусственного интеллекта также начинают активно использоваться при проведении социологических исследований.

¹ *Boyd R., Holton R.J.* Technology, innovation, employment and power: does robotics and artificial intelligence really mean social transformation? URL: <http://pinguet.free.fr/boydholton17.pdf> (accessed: 04.08.2024).

В связи со сложностью и масштабностью рассматриваемой темы важно обозначить цель статьи, которая заключается в анализе ключевых характеристик глобального, цифрового и инвайронментального неравенства, включающих определение, уровни/критерии измерения, а также некоторые причины социологического интереса к этим темам. В ходе исследования были использованы сравнительно-исторический метод, генетический и совокупность общенаучных методов. Важно подчеркнуть, что интерес исследователей к новым формам социального неравенства не является лишь предметом научного интереса, но непосредственно влияет на реальные отношения социального неравенства. Представляется, что по мере развития социологической теории и появления у исследователей возможностей фиксации множества форм и измерений социального неравенства, мы все больше приближаемся к анализу реальной картины общественной жизни. Лишь осознав социальную проблему, выявив ее характеристики и ключевых субъектов, которых она затрагивает, можно наметить пути ее решения.

Социальное неравенство в эпоху глобализации

Конец XX в. в социологической науке характеризуется переосмыслением проблемы социального неравенства в контексте глобализации. Начиная с середины прошлого века, с одной стороны, все больше проявляет себя взаимосвязанность отдельных частей земного шара, с другой стороны — все более явным становится разрыв между странами по разным критериям, все четче фиксируется неравенство между жителями государств. Как пишет Н.Г. Осипова, “мировую глобальную систему разрывает неравенство, она подобна лоскутному одеялу, состоящему из государств, которые имеют не только общие, но и противоположные интересы”². В социологии переход от анализа преимущественно национального государства к глобальному сообществу стал одной из ключевых методологических характеристик конца XX – начала XXI в. Так, например, точкой отсчета исследований немецкого социолога У. Бека является пересмотр социологической категории “общество”. Ключевыми для немецкого социолога являются два термина — “глобализация” и “космополитизация”. По мнению У. Бека, “изучение глобализации и глобальности, космополитизации и космополитизма — это рево-

² Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 125.

люция в социальных науках”³. На основе двух этих понятий У. Бек формулирует космополитическую перспективу, которая ложится в основу методологии. Цель этой методологии для У. Бека — преодолеть национальную перспективу. «Для меня “тезис о космополитизации” означает методологическую концепцию, которая помогает преодолеть методологический национализм и сформировать систему отсчета для анализа новых социальных конфликтов, динамики и структуры второго модерна. Национальное теперь необходимо рассматривать как интернализированное глобальное». У. Бек, предлагая свою “новую критическую теорию социальных неравенств”⁴, утверждает, что существует два способа легитимации социальных неравенств: на локальном уровне — принцип успеха; на глобальном — принцип национального государства. Большие неравенства в свою очередь У. Бек подразделяет на транснациональные, наднациональные, интернациональные и глобальные.

В современной социологической литературе существует множество способов измерения социального разрыва между странами, что предполагает множество подходов к концептуализации понятия “глобальное социальное неравенство”. Довольно часто оно определяется максимально широко как “уровень неравенства между всеми обитателями мира, который совмещает богатых и бедных людей в Латинской Америке также, как и в Европе или США”⁵. Кроме того, глобальное неравенство обычно представляет собой также совокупность неравенств между национальными государствами и внутри них. Основная проблема определения категории “глобальное социальное неравенство” связана с тем, что, исходя из классических для социологии методологических установок, неравенство определяется как отношение или структура, находящаяся в рамках национального государства. В связи с этим многие современные исследователи, изучающие так называемое “глобальное неравенство”, фактически используют классические социологические определения “социального неравенства” и только распространяют традиционные подходы и критерии в глобальном масштабе.

Способы измерения глобального неравенства обширны и часто меняются в зависимости от цели исследования. В связи с этим

³ Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 25.

⁴ См. подробнее: Бек У. Как не превратиться в музейный экспонат // Общественная роль социологии / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М., 2008. С. 113–122.

⁵ Bourguignon F., Scott-Railton Th. The globalization of inequality. New Jersey, 2015. P. 9.

сложно представить однозначную картину и зафиксировать единый уровень глобального неравенства. Так, по одним критериям глобальное неравенство постепенно сокращается (например, гендерное неравенство на глобальном уровне постепенно снижается), в то время как по другим — продолжает усиливаться (например, речь идет о неравенстве богатства и доходов).

Можно говорить о трех перспективах изучения глобального социального неравенства. Наиболее полно эти подходы описаны в работах современного экономиста Б. Милановича⁶. Во-первых, неравенство между государствами. Наиболее широко распространенный способ анализа глобального неравенства, особенно среди экономистов. Тем не менее, экономический межстрановой сравнительный анализ глобального социального неравенства обладает не только преимуществами, но и недостатками. С одной стороны, универсальность показателей, которые используют экономисты, совершенствование баз данных и статистики, появление новых информационных технологий, позволяющих осуществлять расчет, делают многочисленные отчеты по уровню глобального социального неравенства важными источниками информации для дальнейших сравнительных исследований. В настоящее время подобные отчеты предоставляют крупнейшие банки и другие финансовые организации, цели которых в ряде случаев определены необходимостью получения достоверной информации для дальнейшего извлечения прибыли. Результатом таких исследований становится картина распределения богатства или доходов в масштабах планеты.

Во-вторых, неравенство между социальными группами. Этот подход используют социологи, среди которых, например, представители транснационального анализа, накладывающие марксистскую логику анализа неравенства на глобальную систему. Наконец, в-третьих, неравенство между индивидами. Как пишет Б. Миланович, “в центре внимания этой концепции находится индивидуум: любой человек, независимо от страны проживания, учитывается при расчете со своим доходом”⁷. Подчеркнем, что в отношении третьего подхода существуют серьезные проблемы с его реализацией по причине неполноты и несопоставимости данных.

Таким образом, хотя неравенство между странами существовало всегда, но лишь в конце XX – начале XXI в. взаимосвязь между

⁶ *Milanovic B. Global income inequality by the numbers: in history and now // Policy Research Working Paper. 2012. N 6259. P. 3–5.*

⁷ *Миланович Б. Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время: обзор. М., 2014. С. 5.*

государствами стала такой тесной, что позволила рассматривать планету в качестве единого социального пространства, пронизанного существенными различиями, социальным неравенством и противоречиями. В этом отношении оно тесно связано с другой новой формой социального неравенства, а именно — цифровым, поскольку именно широкое распространение интернета позволило объединить разные уголки земного шара в единое пространство взаимодействия.

Цифровое неравенство: концептуализация и уровни изучения

Изучение проблемы цифрового неравенства в общественном дискурсе началось с попыток концептуализировать термин “цифровой разрыв”. Впервые о нем заговорили после выступлений американских политиков Б. Клинтона и А. Гора на конференции, посвященной цифровизации американского общества в 1996 г. В социологическом дискурсе в то же время этот термин начинает употреблять М. Кастельс и определяет его как “неравный доступ к интернету”⁸. По мере цифровизации различных сфер общественной жизни и распространения интернета трактовка понятия цифровой разрыв становится более широкой. Уже в самом начале XXI в. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) определяет цифровой разрыв как “разрыв между отдельными лицами, домашними хозяйствами, предприятиями и географическими районами на различных социально-экономических уровнях с учетом их возможностей доступа к ИКТ и широкого спектра деятельности”⁹. В свою очередь российский институт развития информационного общества определяет цифровой разрыв как “новый вид социальной дифференциации, связанный с обладанием различными возможностями использования современных информационно-коммуникационных технологий”¹⁰.

Цифровой разрыв изучается на разных уровнях. Одни авторы указывают на необходимость выделения трех типов цифрового разрыва: глобального, национального и индивидуального. П. Норрис определяет глобальный разрыв как цифровой разрыв на уровне государств (например, между развитыми и развивающимися страна-

⁸ *Castells M.* The rise of the network society: the information age: economy, society and culture. Vol. I. Massachusetts; Oxford, 1996.

⁹ OECD (2001) Understanding the Digital Divide, OECD Publications. URL: <http://www.oecd.org/sti/1888451.pdf> (accessed: 07.05.2024).

¹⁰ Глоссарий по информационному обществу / Под ред. Е.Ю. Хохлов. М., 2009.

ми); социальный — как разрыв между теми, кто имеет и не имеет доступ к ИКТ в пределах одной страны; демократический — как различия между теми, кто активно использует и, наоборот, не использует ИКТ для участия в общественной и политической жизни¹¹.

В настоящее время наиболее распространенным способом концептуализации цифрового разрыва в социологии является выделение трех его уровней, которые связаны с доступом к ИКТ, владением цифровыми навыками и наличием жизненных шансов и возможностей, которые появляются у людей, эффективно использующих новейшие цифровые технологии¹². Автором, внесшим наибольший вклад в социологическое изучение проблемы цифрового разрыва, является нидерландский социолог Я. ван Дейк, чьи работы являются одной из наиболее полных теоретических рамок изучения цифрового разрыва на данный момент¹³. В своих работах голландский исследователь не только рассматривает проблему цифрового разрыва, но и демонстрирует связь между различными формами социального неравенства.

Цифровой разрыв в работах Я. ван Дейка представляет собой один из элементов (и в то же время факторов) социального неравенства, следовательно, общую модель социального неравенства можно представить следующим образом:

- категориальные неравенства, которые включают в себя персональные (возраст, пол, этничность, уровень интеллектуального развития, личностные особенности, состояние здоровья) и позиционные (профессия, образование, семейное положение, социальный статус, регион проживания), влияют на неравное распределение ресурсов;
- неравное распределение ресурсов влияет на неравный доступ к цифровым технологиям;
- неравный доступ к цифровым технологиям зависит и от специфики этих технологий;
- следствием неравного доступа к цифровым технологиям становится различный уровень участия граждан в общественной жизни;
- неравное участие в жизни общества влияет на усиление категориальных неравенств и становится причиной неравного распределения ресурсов.

¹¹ Norris P. Digital divide: civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide. Cambridge, 2001.

¹² См. подробнее: Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120.

¹³ Van Dijk J. The deepening divide: inequality in the information society. California, 2005; *Idem*. The digital divide. Cambridge, 2020.

Таким образом, заключает Я. ван Дейк, цифровой разрыв является реальной социальной проблемой современного общества, поскольку он приводит к замедлению экономического роста и инновационного развития, усилению неравенства и эксклюзии, несет серьезную угрозу общественной безопасности по причине отсутствия контроля над теми, кто ограничен в доступе и использовании цифровых технологий¹⁴.

Понятие “цифровой разрыв” и “цифровое неравенство” довольно часто рассматриваются в качестве синонимов, тем не менее, представляется, что цифровой разрыв — это скорее форма социальной дифференциации, поскольку наличие или отсутствие интернета не гарантируют явно более высокий уровень жизни. В то же время, когда мы говорим о том, что новейшие технологии дают принципиально иные возможности тем, кто ими владеет (как в материальном плане, так и обладает соответствующими навыками), то следует говорить именно о цифровом неравенстве.

Тем самым образ современного социального неравенства сложно представить без неравенства цифрового, которое также является одной из отличительных черт конца XX – начала XXI в. В эпоху распространения технологий искусственного интеллекта проблема цифрового разрыва и цифрового неравенства приобретает новое звучание¹⁵. И хотя экономика, образование, культура все больше подвергаются процессу цифровизации, значительным фактором для разделения современного мира по-прежнему остается окружающая среда, становящаяся все более значимым ресурсом для любого государства.

Инвайронментальное неравенство: вызовы для устойчивого развития

Начиная с середины XX в. все чаще на международном уровне, а также в общественном дискурсе звучат обсуждения экологических проблем и связанных с ними социальных последствий. Эти социальные эффекты значительны и затрагивают общественное здоровье, экономическое развитие и даже потенциально могут влиять на выживание человечества в целом. Тем не менее, лишь с конца XX в. ис-

¹⁴ См. подробнее: Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Возможно ли цифровое равенство? (о книге Я. ван Дейка Цифровой разрыв) // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 158–164.

¹⁵ Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171–192.

следователи стали рассматривать инвайронментальное неравенство в качестве одной из новых форм, поскольку, во-первых, в этот период были четко осознаны экологические ограничения экономического развития, во-вторых, с ростом населения планеты еще ярче проявила себя проблема ограниченности ресурсов и антропогенного давления на окружающую среду. Сегодня доступ к чистой окружающей среде является одним из измерений социального неравенства.

В социологии не существует единого определения термина “инвайронментальное неравенство”, потому обозначим его в самом широком смысле как “неравенство, связанное с различным доступом к чистой окружающей среде и представляющее собой неравномерное распределение экологических рисков”¹⁶. Кроме того, наряду с этим термином используют такие, как “социально-экологическое неравенство”, “неравенство инвайронментального характера” и “неравенство в отношении экологических условий”.

При анализе инвайронментального неравенства важно учитывать несколько уровней его изучения: локальный (например, различие между городом и сельской местностью), региональный (например, различие в уровне загрязнения воды в разных областях страны), национальный (разная степень загрязнения окружающей среды в разных странах) и глобальный (например, глобальное потепление оказывает влияние на значительную часть планеты). Эти уровни взаимосвязаны и оказывают друг на друга непосредственное влияние. В зависимости от уровня инвайронментального неравенства используются различные показатели и индикаторы его измерения, такие как социально-экологическая напряженность, экологический след, экологическое благополучие, индекс экологической уязвимости, а также индикаторы устойчивого развития и индексы городов, которые обычно включают экологический компонент. Важно подчеркнуть, что инвайронментальное неравенство хотя и тесно связано с количеством и доступностью природных ресурсов, но не сводится к ним. Это понятие фиксирует социальный характер проблемы, которая порождается тем, что одни социальные группы и общности получают больше возможностей или в большей степени присваивают себе ресурсы в сравнении с другими. Более того, довольно часто наиболее уязвимые с экономической точки зрения сообщества испытывают на себе экологические риски и негативные эффекты в большей степени.

¹⁶ См. подробнее: *Мартыненко Т.С.* Инвайронментальное неравенство: современные подходы к концептуализации понятия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 200–214.

В социологической литературе существует несколько концепций, раскрывающих основные измерения инвайронментального неравенства. Так, Дж. Гобер выделяет, во-первых, неравномерную подверженность экологическим рискам и загрязнению; во-вторых, смещение экологических рисков и загрязнения (например, загрязнение территории производителя промышленного товара, а не его потребителя); в-третьих, различный доступ к окружающей среде, предполагающий, доступ к ресурсам для удовлетворения базовых потребностей и доступ к среде, определяющей более высокое качество жизни (например, зеленые зоны в городах, водоемы и т.п.)¹⁷.

По мере возрастания интереса в социологии стали появляться новые попытки концептуализации инвайронментального, или социально-экологического, неравенства. Например, С. Хакфорт выделила пять его аспектов:

- 1) неравномерное распределение экологических рисков и экологических издержек;
- 2) социально неравномерно распределенные доступ и возможности, которые он дает, к природным ресурсам и их контролю;
- 3) неравномерность способностей и возможностей справляться с изменениями окружающей среды и реагировать на них;
- 4) неравномерно распределенные причины и ответственность за экологические проблемы;
- 5) неравномерность доступа к власти и асимметричность распространения знаний об экологических проблемах и способах их решения¹⁸.

Тем не менее, сегодня важно подчеркнуть еще один фактор, способствующий усилению социального неравенства, а именно – неокOLONиальный характер ряда современных экологических инициатив и проектов. Несмотря на то, что экологические проблемы считаются наиболее общими для жителей всей планеты, поскольку экологические риски характерны для всего человечества, но все же решения, разрабатываемые в области защиты окружающей среды, зачастую направлены на защиту интересов развитых стран, преимущественно западных. Страны, обладающие большими ресурсами, имеют возможность вмешиваться во внутреннюю политику

¹⁷ *Gober J.* Environmental inequalities // Encyclopedia of the Environment. 2019. 07 Feb. URL: https://www.encyclopedie-environnement.org/en/society/environmental-inequalities/#1_How_to_define_environmental_inequality (accessed: 06.06.2024).

¹⁸ *Hackfort S.* Social-Ecological Inequalities // InterAmerican Wiki: Terms-Concepts-Critical Perspectives. 2012. URL: www.uni-bielefeld.de/cias/wiki/s_Social_Ecological_Inequalities.html (accessed: 15.08.2024).

других стран, а также навязывать свои ценности, не вписывающиеся и порой разрушающие традиции и культуру конкретных обществ. В общественно-политическом¹⁹ и научном²⁰ дискурсах подобной мировой порядок получил название “неоколониального”, а деятельность, связанная с проведением отдельными государствами политики активного, но часто скрытого, вмешательства в дела других стран ради собственной выгоды — “неоколониализм” или “постколониализм”.

Опережающий характер модернизационных процессов в западных странах привел к тому, что и на путь экологизации они вышли быстрее, чем те государства, в которых долгое время доминировал или продолжает доминировать в большей степени аграрный или промышленный сектор экономики. Тем самым ограничения, которые накладываются на развивающиеся страны такими концепциями, как “устойчивое развитие” или “зеленая экономика”, приводят к торможению процесса индустриализации, и, следовательно, снижению качества жизни. В итоге современные зеленые инициативы, с одной стороны, обещают богатым западным странам счастливое устойчивое будущее, а с другой — обрекают население остальных государств на тяжелые условия существования, рост бедности и неравенства уже сегодня. При этом доминирующее положение западных стран в глобальной экономике позволяет им накладывать существенные ограничения на действия развивающихся стран, например, отказывая им в кредитах или выставляя радикальные требования, несовместимые со статусом суверенного государства. Более того, некоторые зеленые инициативы, продвигаемые на глобальном уровне сегодня, не могут гарантировать даже примерный результат, не характеризуются четкими стандартами и критериями, имеют негативные социальные эффекты (например, рост безработицы из-за закрытия крупных предприятий), не учитывают специфические риски, которые существуют на различных территориях, а также не способны учесть особенности экологической культуры различных стран.

Анализ инвайронментального неравенства явно демонстрирует связь между различными видами социального неравенства, как

¹⁹ Гончарук Д. Путин: Неоколониализм стал барьером на пути развития человечества // Российская газета. 2024.16.02. URL: <https://rg.ru/2024/02/16/putin-neokolonializm-stal-barerom-na-puti-razvitiia-chelovechestva.html> (дата обращения: 20.07.2024).

²⁰ Сироткина А.И., Альпидовская М.Л. Неоколониализм XXI века: глобализм и мир-системность // Теоретическая экономика. 2020. № 12 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neokolonializm-xxi-veka-globalizm-i-mir-sistemnost> (дата обращения: 10.07.2024).

традиционных, так и современных. Например, обладание большими ресурсами (включая те, что связаны с новейшими технологиями) и, следовательно, более значимое положение на международной арене приводит к возможности государства влиять на формирование повестки дня, в том числе в области защиты окружающей среды. Прямо, а чаще косвенно влияя на жизнь населения отдельных стран через соглашения, инициативы и другие механизмы, привилегированные государства формируют глобальную систему социального неравенства. Не последнее место в этой системе занимает и возможность влиять на другие страны при помощи средства массовой информации и коммуникации.

Заключение

Таким образом, социальное неравенство начала XXI в. представляет собой многоаспектный социальный феномен, включающий большое число форм, уровней и критериев измерения. Неравенство по-прежнему остается ключевой темой для социологии. Новые формы социального неравенства не только не отменяют традиционные, но накладываются на них и усиливают социальное неравенство. Важным шагом решения этой проблемы становится формирование адекватной картины существующей системы социального неравенства для принятия верных управленческих решений. В этом отношении значительная роль отводится именно социологическому изучению социального неравенства. Именно социология способна учесть большое количество форм социального неравенств, проявляющихся в разных сферах общественной жизни, а также определить их социальные последствия, влияющие на жизнь каждого отдельного человека и общества в целом. Среди ключевых задач, стоящих перед социологами сегодня в контексте изучения социального неравенства, важно выделить формирование адекватной картины отношений социального неравенства, изучения новых его форм и их взаимосвязи с традиционными, а также разработку рекомендаций для снижения негативных последствий социального неравенства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бек У.* Как не превратиться в музейный экспонат // *Общественная роль социологии* / Под ред. П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой. М., 2008. С. 113–122.
- Бек У.* Космополитическое общество и его враги // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2003. Т. VI. № 1. С. 24–53.
- Глоссарий по информационному обществу* / Под ред. Е.Ю. Хохлов. М., 2009.

Гончарук Д. Путин: Неоколониализм стал барьером на пути развития человечества // Российская газета. 2024.16.02. URL: <https://rg.ru/2024/02/16/putin-neokolonializm-stal-barerom-na-puti-razvitiia-chelovechestva.html> (дата обращения: 20.07.2024).

Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Возможно ли цифровое равенство? (о книге Я. ван Дейка Цифровой разрыв) // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 158–164.

Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120.

Мартыненко Т.С. Инвайронментальное неравенство: современные подходы к концептуализации понятия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 200–214.

Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171–192.

Миланович Б. Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время. Обзор. М., 2014.

Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141.

Сироткина А.И., Альнидовская М.Л. Неоколониализм XXI века: глобализм и мир-системность // Теоретическая экономика. 2020. № 12 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neokolonializm-xxi-veka-globalizm-i-mir-sistemnost> (дата обращения: 10.07.2024).

REFERENCES

Bek U. Kak ne prevratiťsja v muzejnyj jeksponat [How not to become a museum piece] // Obshhestvennaja rol' sociologii / Pod red. P. Romanova, E. Jarsoj-Smirnovoj. М., 2008. S. 113–122 (in Russian).

Bek U. Kosmopoliticheskoe obshhestvo i ego vragi [Cosmopolitan society and its enemies] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2003. T. VI. N 1. S. 24–53 (in Russian).

Bourguignon F., Scott-Railton Th. The globalization of inequality. New Jersey, 2015.

Boyd R., Holton R.J. Technology, innovation, employment and power: does robotics and artificial intelligence really mean social transformation? URL: <http://pinguet.free.fr/boydholton17.pdf> (accessed: 04.08.2024).

Castells M. The rise of the network society: the information age: economy, society and culture. Vol. I. Massachusetts; Oxford, 1996.

Dobrinskaja D.E., Martynenko T.S. Perspektivy rossijskogo informacionnogo obshhestva: urovni cifrovogo razryva [Perspectives of the Russian information society: levels of digital divide] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija. 2019. T. 19. N 1. S. 108–120 (in Russian).

Dobrinskaja D.E., Martynenko T.S. Vozmozhno li cifrovoe ravenstvo? (o knige Ja. van Dejka Cifrovoy razryv) [Is digital equality possible? (about the book by J. van Dijk Digital Divide)] // Sociologicheskie issledovanija. 2020. N 10. S. 158–164 (in Russian).

Glossarij po informacionnomu obshhestvu [Glossary on Information Society] / Pod red. E.Ju. Hohlov. M., 2009 (in Russian).

Goertzel J. Environmental inequalities // Encyclopedia of the Environment. 2019. 07 Feb. URL: https://www.encyclopedie-environnement.org/en/society/environmental-inequalities/#1_How_to_define_environmental_inequality (accessed: 06.06.2024).

Goncharuk D. Putin: Neokolonializm stal bar'erom na puti razvitiia chelovechestva [Putin: Neocolonialism has become a barrier to the development of humanity] // Rossijskaja gazeta. 2024.16.02. URL: <https://rg.ru/2024/02/16/putin-neokolonializm-stal-barerom-na-puti-razvitiia-chelovechestva.html> (data obrashhenija: 20.07.2024) (in Russian).

Hackfort S. Social-ecological inequalities // InterAmerican Wiki: Terms-Concepts-Critical Perspectives. 2012. URL: www.uni-bielefeld.de/cias/wiki/s_Social_Ecological_Inequalities.html (accessed: 15.06.2024).

Martynenko T.S. Invajronmental'noe neravenstvo: sovremennye podhody k konceptualizacii ponjatija [Environmental inequality: modern approaches to the conceptualization] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. 2020. N 57. S. 200–214 (in Russian).

Martynenko T.S., Dobrinskaja D.E. Social'noe neravenstvo v jepohu iskusstvennogo intellekta: ot cifrovogo k algoritmicheskomu razryvu [Social inequality in the era of artificial intelligence: from digital to algorithmic gap] // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2021. N 1. S. 171–192 (in Russian).

Milanovic B. Global income inequality by the numbers: in history and now // Policy Research Working Paper. 2012. N 6259.

Milanovich B. Global'noe neravenstvo dohodov v cifrah: na protjazhenii istorii i v nastojashhee vremja: obzor [Global income inequality in figures: throughout history and at present: a review]. M., 2014 (in Russian).

Norris P. Digital divide: civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide. Cambridge, 2001.

OECD (2001) Understanding the Digital Divide, OECD Publications. Available at: <http://www.oecd.org/sti/1888451.pdf> (accessed: 07.05.2024).

Osipova N.G. Neravenstvo v jepohu globalizacii: sushhnost', instituty, regional'naja specifika i dinamika [Inequality in the era of globalization: essence, institutions, regional specificity and dynamics] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2014. N 2. S. 119–141 (in Russian).

Sirotkina A.I., Al'pidovskaja M.L. Neokolonializm XXI veka: globalizm i mir-sistemnost' [Neocolonialism of the XXI century: globalism and world-systemicity] // Teoreticheskaja jekonomika. 2020. N 12 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neokolonializm-xxi-veka-globalizm-i-mir-sistemnost> (data obrashhenija: 10.07.2024) (in Russian).

Van Dijk J. The deepening divide: inequality in the information society. California, 2005.

Van Dijk J. The digital divide. Cambridge, 2020.

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-145-163

“ЦИФРОВИЗАЦИЯ” СОЦИОЛОГИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И КЛЮЧЕВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

В.А. Смирнов, докт. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье анализируется влияние цифровизации на социологию и профессиональные траектории социолога. Выделяются основные этапы “цифровизации” социологии, в рамках которых меняется не только объем используемых данных, но и методы их обработки и анализа.

Говоря о трансформации современной социологии, автор описывает несколько проектов ее “оцифровки”, определяя ключевые особенности каждого. “Цифровизация” социологии рассматривается как амбивалентный процесс, который, с одной стороны, открывает целый спектр возможностей для исследователя, с другой, актуализирует ряд серьезных проблем.

Развитие вычислительных технологий ведет к расширению возможностей по переосмыслению и верификации отдельных классических теорий, широкому внедрению нереактивных методов социологического исследования, к повышению их доказательности и воспроизводимости. В то же время, проблемами цифровизации становятся: усиление эффекта “черного ящика”, предвзятость и непрозрачность алгоритмов искусственного интеллекта, снижение интерпретируемости результатов, получаемых социологом, работающим в парадигме “больших данных”. Это ведет к необходимости переосмысления модели российского социологического образования, развития образовательных технологий, интегрирующих классическое социологическое мышление и новые цифровые технологии.

Ключевые слова: цифровизация, социология, большие данные, искусственный интеллект, генеративные нейронные сети.

THE “DIGITALIZATION” OF SOCIOLOGY: NEW OPPORTUNITIES AND KEY CONTRADICTIONS

Smirnov Vladimir A., Doctor of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: kano_igt@mail.ru

* Смирнов Владимир Алексеевич, e-mail: kano_igt@mail.ru

The article analyzes the impact of digitalization on sociology and the professional trajectories of a sociologist. The main stages of the “digitalization” of sociology are highlighted, within which not only the amount of data used changes, but also the methods of their processing and analysis. Speaking about the transformation of modern sociology, the author describes several projects of its “digitization”, defining the key features of each. The “digitalization” of sociology is considered as an ambivalent process, which, on the one hand, opens up a whole range of opportunities for the researcher, on the other, actualizes a number of serious problems. The development of computing technologies leads to the expansion of opportunities for rethinking and verification of individual classical theories, the widespread introduction of non-reactive methods of sociological research, to increase their evidence and reproducibility. At the same time, the problems of digitalization are: an increase in the “black box” effect, bias and opacity of artificial intelligence algorithms, a decrease in the interpretability of the results obtained by a sociologist working in the “big data” paradigm. This leads to the need to rethink the model of Russian sociological education, the development of educational technologies that integrate classical sociological thinking and new digital technologies.

Key words: digitalization, sociology, big data, artificial intelligence, generative neural networks.

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий приводит к изменениям во всех сферах жизнедеятельности современных обществ. Виртуализация повседневности, активное проникновение в жизненное пространство человека технологий искусственного интеллекта, возникновение широкого спектра онлайн сообществ и мета-вселенных – все это формирует контуры новой “цифровой” социальности.

Резкое изменение социальных практик, жизненных стилей людей, возникновение под влиянием цифровизации новых институтов, сообществ, форматов коммуникации, несомненно, ставят вопрос о возможности интерпретации происходящих трансформаций средствами классических социологических теорий и имеющегося социологического инструментария. Это, в свою очередь, приводит к широкому спектру экспериментов по “оцифровке” социологии, использованию методов машинного обучения, технологий искусственного интеллекта в процессе социологического теоретизирования и проведения эмпирических исследований.

Процесс постепенного проникновения цифровых технологий в социальные науки носит амбивалентный характер. С одной стороны, происходит значительное расширение потенциала социологического осмысления реальности, возникновение новых инструментов

проведения социологического исследования, развитие технологий глубокого исследования социальных процессов с помощью компьютерных моделей, нейронных сетей и т.д. С другой, очевидно, что замена когнитивных операций, ранее совершаемых социологом, вычислительными технологиями способствуют деградации таких профессиональных мыслительных функций как социологическое воображение, критическое мышление, способность к операционализации понятий и т.д.

Сегодня социолог стоит перед серьезным выбором: углублять знания в выбранной предметной области в течение своей профессиональной жизни, создавая собственные когнитивные модели и системы, используя при этом возможности вычислительных технологий или же “делегировать” значительный пласт интеллектуальной работы активно развивающимся генеративным нейронным сетям в стиле Yandex GPT. При этом, вероятнее всего, уже в ближайшие годы появятся специализированные нейронные сети, обученные для решения сугубо социологических задач, что в еще большей степени будет способствовать выбору новым поколением социологов второй модели профессиональной деятельности.

Не стоит исключать того, что в ближайшие годы исчезнут целые группы профессиональных социологических практик и на смену им придут вычислительные технологии и алгоритмы. В этом контексте представляется важным проанализировать процесс “цифровизации” современной социологии, выделив его особенности, возможности и последствия.

Этапы “цифровизации” социологии

Историю социальных наук часто рассматривают через смену этапов, в рамках которых доминируют те или иные данные¹. Не менее продуктивной представляется идея выделять этапы не только через призму доминирующего типа данных, но и через определение технологий их извлечения и обработки.

Значимым, пусть и “доцифровым” этапом стало активное проникновение в сферу описания социальных и культурных феноменов статистических и вероятностных методов обработки данных, позволивших взглянуть на общество через призму математических моделей. Как справедливо отмечает ряд российских социологов, уже первые этнографы, проводя свои исследования, использовали

¹ *Mohr J.W., Wagner-Pacifici R., Breiger R.L., Bogdanov P.* Graphing the grammar of motives in national security strategies: cultural interpretation, automated text analysis and the drama of global politics // *Poetics*. 2013. Vol. 41. N 6. P. 670–700.

теорию вероятности и получали неочевидные социологические результаты². В последствие проникновение математических методов и моделей в социологию стало повсеместным.

Начало собственно “цифровой” истории социологии было положено, по всей видимости, в середине прошлого века. Основным фактором, повлиявшим на это, стало развитие компьютерных технологий и появление специализированных программных средств, позволяющих оперировать достаточно большими объемами данных и применять к ним различного рода статистические методы и критерии. В 1968 г. появился первый релиз программы для статистического анализа данных — SPSS³, почти через 10 лет (в 1976 г.) был создан язык программирования S, призванный “быстро и точно превращать исследовательские идеи в программный код”⁴ и ставший базой для создания широкого используемого сегодня социологами языка R⁵. Основным результатом данного этапа стало повышение скорости обработки социологических данных, появление новых возможностей для проведения сложных видов многомерного анализа, широкое проникновение в социологические исследования методов моделирования. В целом расширение компьютерных технологий в области социологии способствовало как развитию самих технологий, так и вело к возникновению новых исследовательских направлений⁶.

В то же время рост “цифровизации”, появление более быстрых компьютеров и создание новых программных средств для анализа результатов исследований способствовали возникновению у определенной части социологического сообщества своеобразного “синдрома демиурга”, когда компьютерный алгоритм стал восприниматься как субъект, способный в любой ситуации выдать релевантный аналитический результат. Запуск сложных вычислений, расчет статистических критериев и построение многомерных моделей при помощи нажатия нескольких кнопок в специализированных статистических пакетах (или же нескольких строк кода на языке

² Толстова Ю.Н. Измерение в социологии. М., 2009.

³ Wellman B. Doing it ourselves: the SPSS manual as sociology's most influential recent book // Required Reading: Sociology's Most Influential Books / Ed. by D. Clawson. Amherst, 1998. P. 71–78.

⁴ Chambers J.M. Programming with data: a guide to the S Language. N.Y., 1998.

⁵ Уикем Х., Гроулмунд Г. Язык R в задачах науки о данных: импорт, подготовка, обработка, визуализация и моделирование данных. М., 2017.

⁶ Давыдов А.А. Компьютерные технологии для социологии: обзор зарубежного опыта // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 131–138.

программирования) способствовали тому, что социолог переставал нуждаться в понимании математической, а зачастую и собственно социологической основы производимых им манипуляций с данными. «Легкость использования компьютерных технологий гасит бдительность при проверке пригодности конкретного метода для конкретной содержательной задачи. О возможном несоответствии заложенной в методе модели изучаемой социологом ситуации последний, как правило, не думает. «Знай, нажимай кнопки компьютера и получишь “красивые” классификации, латентные переменные, структуры связей и т.д.», — типично рассуждает среднестатистический коллега; отсюда ложные результаты»⁷.

Следующий этап “цифровизации” социологии начался в середине 1990-х гг. Его основным содержанием стало широкое проникновение интернета в повседневную жизнь современных обществ, что, с одной стороны, привело к эскалации новых данных, пригодных для социологического анализа, с другой к возникновению различных форм сетевой виртуальности, также ставших объектом исследования.

Особенностью данного этапа стало разрушение монополии науки на проведение исследований современного общества и представление результатов последних. Начало нового века ознаменовалось созданием широкого спектра исследовательских лабораторий в крупных корпорациях, ведущих собственные исследования социального поведения, динамики различных сообществ. Возникновение феномена “big data”, развитие практики анализа данных и машинного обучения в крупных корпорациях привело к возникновению “ожидаемого кризиса эмпирической социологии”⁸, в контексте которого социолог оказывался перед выбором: продолжать работать в логике классической, в большинстве случаев опросной, методологии или же “погружаться” в новую среду цифровых данных, рассматривая их как основу для современных эмпирических исследований и “восхождения” к теориям среднего уровня⁹.

Сегодня общества и социология вслед за ними входит в новый этап цифровизации. Основная его характеристика — это проникновение в повседневную жизнь людей технологий искусственного

⁷ Толстова Ю.Н. Социология и компьютерные технологии // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 3.

⁸ Savage M., Burrows R. The coming crisis of empirical sociology // Sociology. 2007. N 41 (5). P. 885–899.

⁹ Смирнов В.А. Новые компетенции социолога в эпоху больших данных // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2. С. 44–54. DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.04.

интеллекта. Несмотря на тот факт, что данные технологии развиваются достаточно давно, в последние годы с развитием генеративных нейронных сетей, искусственный интеллект приобрел новые характеристики и вышел на другой уровень. Общественный “бум”, вызванный возможностями таких нейронных сетей как ChatGPT или YandexGPT, является важным симптомом того, что искусственный интеллект все глубже проникает в социальную реальность.

Уже сейчас существует несколько десятков нейронных сетей, обученных на огромных объемах данных и способных генерировать тексты, изображения, музыку, осуществлять поиск и выдавать близкие к человеческим суждения¹⁰. Для значительной части российского социологического сообщества феномен искусственного интеллекта и генеративных искусственных сетей пока остается скорее объектом изучения, чем инструментом социологического анализа, тем не менее, можно наблюдать попытки использования этих технологий в работе исследовательских коллективов¹¹.

Первые десятилетия XXI в. стали своеобразным вызовом не только для эмпирической социологии, но и для социологического теоретизирования в целом. Эскалация больших данных, виртуализация социальной жизни, широкое распространение технологий искусственного интеллекта, эксперименты в области использования генеративных нейронных сетей для проведения исследований, все это привело к различного рода попыткам адаптировать классическую социологию к реалиям цифровой современности.

Современные проекты “цифровизации” социологии

Вопрос об адекватности классической социологии происходящим социальным изменениям привел к возникновению трех “проектов” ее трансформации как особой формы научной репрезентации структуры и динамики современных обществ. Указанные “проекты” можно расположить вдоль континуума с точки зрения степени радикальности сторонников того или иного подхода.

Первый базируется на идее полного отказа от любого теоретико-методологического осмысления современных обществ. Это наи-

¹⁰ Малышев И.О., Смирнов А.А. Обзор современных генеративных нейросетей: отечественная и зарубежная практика // International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2024. Vol. 1–2 (88). P. 168–171.

¹¹ Мусеев С., Стаф М. “There’s an AI for that”: возможности ChatGPT для работы с открытыми источниками данных // Социодиггер. 2023. Т. 4. Вып. 7–8(27). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/theres-an-ai-for-that-vozmozhnosti-chatgpt-dlja-raboty-s-otkrytymi-istochnikami-dannykh> (дата обращения: 15.07.2024).

более радикальный взгляд на будущее социальной теории, озвучиваемый главным образом специалистами в области компьютерного моделирования и анализа данных. Так уже в 2008 г. один из сторонников “экстремального эмпиризма” провозглашая конец “теории”, писал: “...мы можем анализировать данные без гипотез о том, какие связи должны в них присутствовать. Мы можем поместить все эти цифры в самые большие компьютеры, какие только известны миру, и позволить статистическому алгоритму найти паттерн там, где его не видит наука... Корреляция заняла место каузальности, и наука может развиваться даже в отсутствие когерентных моделей, унифицированных теорий или любого существующего механического объяснения”¹².

В ситуации эскалации больших данных, широкого развития машинного обучения и нейросетей данный подход имеет достаточно много сторонников. В этой логике будущее социологии — это набор алгоритмов и моделей, позволяющих интерпретировать социальные процессы, строить прогнозные модели человеческого поведения, развития и деградации различных сообществ.

Очевидно, что данный проект носит маргинальный характер и вряд ли когда-либо будет принят социологическим сообществом. Проблемность его в том, что на сегодняшний день даже самые продвинутые нейронные сети — это лишь математические модели, контуры которых заложены человеком и его априорными представлениями о моделируемой реальности. В этом контексте исследователи говорят об утопичности данного проекта и невозможности его реализации в контексте развития человеческого общества¹³.

Не менее серьезной проблемой, возникающей как непреднамеренное последствие чрезмерного упования на компьютерные алгоритмы, становится проблема деградации общества. Как справедливо отмечает в своих работах Н.Г. Осипова: «Глобальная компьютеризация таит в себе опасность утраты диалогичности в общении с другими людьми. Она порождает “дефицит человечности”, появление раннего психологического старения общества, человеческое одиночество и даже снижение физического здоровья»¹⁴.

¹² *Kitchin R.* Big Data, new epistemologies and paradigm shifts // *Big Data & Society*. 2014. Vol. 1. N 1. P. 4.

¹³ *Пасквинелли М.* Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта. М., 2024.

¹⁴ *Осипова Н.Г.* Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2022. Т. 28. № 3. С. 4. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-9-42>.

Второй проект возник как попытка интеграции социальной науки с информатикой и инженерией. Фактически речь идет о возможностях использования теоретико-методологического “багажа” классической социологии с опорой на новые цифровые технологии, модели машинного обучения, нейросети. Данный проект получил название — “вычислительная социальная наука”¹⁵. Его концепция также основывается на сборе и анализе больших данных, при этом его сторонники полагают, что роль теории в осмыслении и интерпретации данных является значимой. В ряде работ указывается на факт недостаточной адаптированности имеющихся теорий для современного уровня собираемых объемов данных. Социологические теории среднего уровня, в основе которых лежит выборочное исследование в несколько тысяч человек, слабо экстраполируются на выборки объемом в несколько миллионов наблюдений, включающие сотни или тысячи признаков¹⁶.

Вычислительная социальная наука — это наименее радикальный проект адаптации социологии (а также политологии, психологии и др. изначально гуманитарных дисциплин) к реалиям современного цифрового общества. В российском образовательном пространстве он реализуется в нескольких университетах¹⁷.

Ключевой проблемой проекта “цифровизации” социологии через расширение ее эпистемологического диапазона за счет интеграции теоретического бэкграунда и новых методов компьютерного анализа является слабая синхронизация “гуманитарного” и “математического” стилей мышления¹⁸, неготовность социологического сообщества к освоению новых технологий извлечения и анализа цифровых данных, дефицит образовательных программ для социологов в области программирования¹⁹.

Третий проект — это институционализация отдельного направления социологической науки, получившего названия “цифровая социология”. Концепция “цифровой социологии” была

¹⁵ *Edelmann A., Wolff T., Montagne D., Bail C.* Computational social science and sociology // *Annual Review of Sociology*. 2020. Vol. 46. N 1. P. 1–81.

¹⁶ *Lazer D., Pentland A. et al.* Computational social science // *Science*. 2009. Vol. 323. Iss. 5915. P. 721–722.

¹⁷ Бакалаврская программа “Вычислительные социальные науки”. URL: <https://www.hse.ru/ba/compsocsci/passport> (дата обращения: 20.07.2024).

¹⁸ *Горошникова Т.А.* Вычислительная социология: сдвиг парадигмы или “эконометрика” социологии // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021. Т. 11. № 1. С. 37–42. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-37-42.

¹⁹ *Lazer D.M.J., Pentland A. et al.* Computational social science: obstacles and opportunities // *Science*. 2020. Vol. 369. N 6507. P. 1060–1062.

предложена в 2009 г.²⁰ как ответ на развитие цифровых обществ и необходимость их осмысления. Это субдисциплина, которая фокусируется на понимании использования цифровых средств массовой информации как части повседневной жизни, и того, как эти технологии влияют на поведение человека и социальные отношения²¹.

Важной особенностью данного проекта стала интеграция цифровой социологии в образовательные программы российских университетов в виде отдельных образовательных курсов²² или же научных направлений²³. Не менее значимым фактором институционализации цифровой социологии стало появление в российском социологическом сообществе специализированного научного журнала “Цифровая социология”²⁴. Кроме этого, проблематика “цифровизации” социологии активно проникает в российский академический дискурс через тематические выпуски ведущих социологических журналов.

Цифровая социология — это на сегодняшний день наиболее “мягкий” проект интеграции классической социальной науки и новых цифровых реалий. Тем не менее, среди сторонников этого проекта по-прежнему присутствуют разногласия по ключевым методологическим вопросам. Основным является вопрос о том, стоит ли рассматривать цифровую социологию как новый формат социологического теоретизирования, который вытеснит все другие или же это одна из отраслей социологического знания, наряду с классическими теориями. Часть сторонников расширенной интерпретации новой социальной науки полагают необходимым говорить о “цифровых социологиях”, как совокупности разных исследовательских программ, объединенных общей идеей цифровизации современных обществ²⁵, другие считают, что через 10–20 лет понятие “цифровой социологии” исчезнет вовсе, поскольку вся социология будет цифровой²⁶. Тем не менее большинство исследователей склоняется

²⁰ Wynn J.R. Digital sociology: emergent technologies in the field and the classroom // Sociological Forum. 2009. N 24. P. 448–456.

²¹ Lupton D. Digital sociology. L., 2014. P. 45.

²² Программа “Основы цифровой социологии”. URL: https://www.socio.msu.ru/documents/bs19_530p.pdf (дата обращения: 20.07.2024).

²³ Цифровая социология. URL: <https://vshssn.msu.ru/nauka/projects/cifrovaya-sociologiya> (дата обращения: 20.07.2024).

²⁴ Журнал “Цифровая социология”. URL: <https://digitalsociology.guu.ru/jour> (дата обращения: 20.07.2024).

²⁵ Karen G., Cottom T.M., Daniels J. Introduction // Digital Sociologies / Ed. by J. Daniels, K. Gregory, T.M. Cottom. Chicago, 2017. P. xvii–xxx.

²⁶ Neil S. What is digital sociology? Cambridge, 2019.

к рассмотрению “цифровой социологии” как отдельного направления социологической теории, которую не следует понимать как всю социологию в цифровую эпоху²⁷.

Данный проект выглядит наиболее перспективным, поскольку позволяет интегрировать классические теории с новыми методами исследования, обусловленными компьютеризацией современных обществ.

Потенциалы “цифровизации” социологии

Независимо от того какой проект цифровизации возобладает в академическом дискурсе, сам по себе этот процесс представляется необратимым и проникновение новых вычислительных технологий в социологию это лишь дело времени. При этом, очевидно, что этот процесс несет целый спектр позитивных изменений, которые могут существенным образом повысить аналитический и прогностический потенциал социологической теории. В этой связи представляется важным выделить те возможности, которые создает процесс “цифровизации” социологии.

Во-первых, рост объема данных, увеличение мощности современных компьютеров, развитие технологий машинного обучения и нейронных сетей позволяют переосмыслить некоторые классические социологические теории, осуществив их верификацию на основе современных вычислительных методов и моделей. Ярким примером такого переосмысления может являться, например, социологическая концепция Г. Тарда²⁸, нецененная его современниками, но заново открытая сторонниками акторно-сетевой теории и исследователями диффузии инноваций²⁹. Как отмечает Б. Латур теория не получила своего развития по причине отсутствия технических средств для своей верификации, но сегодня она может быть актуализирована заново и более того, эмпирически проверена³⁰. Эскалация больших данных в виде различного рода “цифровых” следов деятельности людей создает условия для более глубокого изучения социальных механизмов заражения и подражания, о которых писал Тард, разработки аналитических и прогнозных моделей передачи через социальные связи паттернов поведения, диспозиций, ценност-

²⁷ Noortje M. Digital sociology: the reinvention of social research. Cambridge, 2017.

²⁸ Тард Г. Социальные законы // Социология / Сост. В. Зомбарт. М., 2003.

²⁹ Latour B. Gabriel Tarde and the end of the social // The Social in Question. New Bearings in History and the Social Sciences / Ed. by P. Joyce. L., 2002. P. 117–132.

³⁰ Ibid. P. 118.

ных моделей и эмоций³¹. Не меньший интерес могут представлять попытки эмпирического измерения различных флуктуационных процессов, происходящих в современных обществах, теоретическое осмысление которых начал П.А. Сорокин³².

Одним из проектов в данной области является активно развиваемый сегодня в том числе и в нашей стране сетевой анализ, который позволяет на основе онлайн-данных моделировать структуру и динамику различных социальных группы и сообществ, рассматривая в том числе механизмы циркулирования идей, поведенческих шаблонов, ценностных ориентаций. В недавно вышедшем в свет тематическом номере журнала “Социология: методология, методы, математическое моделирование” (“Социология: 4М”) представлен целый ряд публикаций российских авторов, актуализирующих возможности сетевого анализа для разработки современных социологических теорий среднего уровня³³.

Во-вторых, цифровизация повседневности современных обществ, возникновение феномена “цифровых следов” открывают новые возможности для развития нереактивных методов социологического исследования. Сама идея замены “контактных” форм сбора социологической информации “незаметными” методами возникла в середине прошлого века³⁴. Содержание понятия “незаметное (нереактивное) исследование” чаще всего концептуализируется через противопоставление с “заметными” опросными методиками, требующими от исследователя непосредственного контакта с респондентом. При этом не вызывает сомнений, что использование классических методов оказывает влияние на получаемые данные из-за социально-одобряемых реакций респондента на саму ситуацию исследования. “Цифровые” следы, оставляемые сегодня людьми, все чаще становятся объектом исследований как западных³⁵, так и российских³⁶ социологов.

³¹ *Christakis N.A., Fowler J.H.* Social contagion theory: examining dynamic social networks and human behavior // *Statistics in Medicine*. 2013. Vol. 32. N 4. P. 556–577.

³² *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М., 2006.

³³ Тематический номер журнала “Социология: методология, методы, математическое моделирование” (“Социология: 4М”). URL: <https://www.soc4m.ru/index.php/soc4m/issue/view/BTNCSJ> (дата обращения: 20.07.2024).

³⁴ *Webb E., Campbell D., Schwartz R.* Unobtrusive measures: nonreactive research in the social sciences. Chicago, 1966.

³⁵ *Seale J., Charteris-Black A.* Interviews and internet forums: a comparison of two sources of qualitative data // *Qualitative Health Research*. 2010. N 20. P. 595–606.

³⁶ *Николаенко Г.А., Федорова А.А.* Нереактивная стратегия: применимость незаметных методов сбора социологической информации в условиях Web 2.0 на примере цифровой этнографии и Big Data // *Социология власти*. 2017. Vol. 29. N 4. P. 36–54.

В-третьих, важным результатом развития вычислительных методов становится расширение возможностей для социологического анализа текстов.

Компьютерная лингвистика, машинное обучение и технологии обработки естественного языка становятся факторами возникновения новых направлений в области интерпретации социального дискурса. Важным в компьютерном анализе текстов становится развитие компьютерной лингвистики и активная разработка текстовых корпусов различных языков³⁷. Такие корпусы позволяют использовать их для создания обученных моделей, на основе которых социолог впоследствии может проводить различные виды текстового анализа.

Не меньший интерес представляют методы анализа естественного языка в ситуации развития Web 2.0, когда пользователи сети не только потребляют информационный контент, но и активно производят его в виде постов и комментариев в социальных сетях. Несмотря на тот факт, что сам по себе текст как форма коммуникации сегодня активно трансформируется³⁸, потребность в его социологическом осмыслении остается такой же высокой.

Значимым направлением в социологическом анализе текстов становится компьютерное тематическое моделирование. Необходимость выделения в текстах смысловых единиц, репрезентирующих те или иные социальные феномены, привела сначала к возникновению классического контент-анализа, а сегодня способствует возникновению различных методов текстового “data mining”. “Социологи, изучающие культуру, сформулировали многочисленные теоретические концепты, которым не хватает инструментов для их операционализации. Мы предполагаем, что с помощью компьютерного тематического моделирования будет возможно операционализировать эти ключевые концепты”³⁹.

В-четвертых, накопление данных, их оцифровка могут способствовать развитию прогностического потенциала социологии, а также повысить уровень ее доказательности. Сам по себе проект

³⁷ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.07.2024).

³⁸ Мамедов А.К. Деконструкция культурного пространства: смерть текста // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 3. С. 152–166.

³⁹ DiMaggio P., Nag M., Blei D. Exploiting affinities between topic modeling and the sociological perspective on culture: application to newspaper coverage of U.S. Government arts funding // *Poetics*. 2013. Vol. 41. N 6. P. 571.

позитивной социальной науки, задуманный О. Контом, базировался на идее способности новой науки не только описать социальную реальность, но и предсказать развитие тех или иных социальных феноменов. Долгое время социологи, говоря о будущем, в большей степени опирались на собственную научную интуицию, экспертное знание и выборочные опросы. Сегодня появляется возможность для построения достаточно точных моделей, способных значительно лучше, чем эксперты, предсказывать определенные изменения социальных явлений и процессов⁴⁰. Не менее важным является и тот факт, что “цифровизация” социологии способствует воспроизводимости исследований, созданию условий для верификации социологическим сообществом результатов, полученных конкретным исследователем⁴¹.

В целом можно констатировать, что современный этап “цифровизации” социологии открывает целый ряд перспективных направлений в развитии ее теоретического и эмпирического потенциала. В то же время нельзя не обратить внимание и на ряд дисфункциональных черт такой “оцифровки”.

Противоречия “цифрового” поворота в социологии

Современный “цифровой бум” в полной мере можно описать в логике периодических “поворотов” в социологии: лингвистического, рискологического, прагматического и т.д. Эскалация новых типов данных и методов, очередной виток дискуссий о будущем социальной науки, “проекты” новой социологии – все это симптомы серьезных изменений в ней. Выше мы дали краткий обзор некоторых возможностей, которые открываются, как нам представляется, перед социологом, работающем в новых “цифровых” реалиях. В то же время нельзя обойти вниманием и возможные деструктивные последствия “цифровизации” социологии. При этом, если ее перспективы достаточно легко поддаются верификации, разговор о рисках и противоречиях носит в большей мере гипотетический характер. Несмотря на это, выделим несколько значимых проблемных “зон”, связанных с чрезмерной “оцифровкой” социальной науки.

Первой проблемой является упоминаемый выше эффект “черного ящика”. Усложнение применяемых вычислительных технологий и методов приводит к снижению роли социолога в исследовании,

⁴⁰ McAbee S.T., Landis R.S., Burke M.I. Inductive reasoning: the promise of Big Data // Human Resource Management Review. 2017. Vol. 27. N 2. P. 277–290.

⁴¹ Губа К. Большие данные в социологии: новые данные, новая социология? // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 213–236.

превращению его в статиста, нажимающего на нужные кнопки или формирующего запрос для нейронной сети.

Данный эффект проявляется как в теоретических, так и эмпирических исследованиях. В первом случае, использование, например, нейронных сетей для реферирования огромных массивов информации по изучаемой социологом проблеме (сегодня для решения подобных задач используются специально обученные нейронные сети, например BERT⁴²) несомненно упрощает решение задачи сбора и обобщения необходимой информации, но очевидно, ведет к “деградации” когнитивных навыков извлечения, систематизации и обобщения данных, нахождения в них неочевидных связей. Передача исследовательских практик искусственному интеллекту ведет к снижению уровня “социологической насмотренности”, к неспособности увидеть “слабые” связи между явлениями, “отмиранию” социологической интуиции и воображения. Получая от нейронной сети некий теоретический продукт, социолог перестает актуализировать свои навыки, что ведет к постепенному их исчезновению.

Что касается эмпирического исследования то здесь мы так же сталкиваемся с чрезмерным “затемнением” логики алгоритмов и аналитических процедур, непониманием социологом того, каким образом возник тот или иной статистически значимый результат. Следствием все большей “дружелюбности” интерфейсов становится потеря понимания сферы использования и ограничений тех или иных методов.

Целый ряд исследователей⁴³, изучающих проникновение цифровых технологий в различные сферы деятельности, предостерегают от чрезмерной веры в их могущество, призывая ориентироваться не только на результаты работы искусственного интеллекта, но и на экспертную позицию профессионалов⁴⁴.

Вторая проблема — это предвзятость и непрозрачность алгоритмов искусственного интеллекта. Данная тема достаточно часто актуализируется исследователями нейронных сетей и искусственного интеллекта⁴⁵. Суть ее в том, что обученная на огромном массиве данных нейронная сеть неявным образом начинает генерировать

⁴² BERT — коротко о главном. URL: <https://nuancesprog.ru/p/10597/> (дата обращения: 20.07.2024).

⁴³ Lupton D. Thinking with care about personal data profiling: A more-than-human approach // International Journal of Communication. 2020. Vol. 14.

⁴⁴ Вершинина И.А., Лядова А.В. Данные в цифровом мире: новые возможности или дополнительные риски? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4. С. 977–984. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-977-984.

⁴⁵ Rozado D. The political biases of chatgpt // Social Sciences. 2023. Vol. 12. N 3. P. 148.

результаты, имеющие определенный социальный, гендерный, политический уклон. В социологическом исследовании такая ситуация может приводить к “подгонке” результатов работы алгоритмов ценностным моделям исследователя. И если в ситуации классического социологического исследования влияние личности исследователя на изучаемый феномен может хотя бы частично нивелироваться его рефлексией, то непрозрачность алгоритмов искусственного интеллекта не позволяет увидеть их латентной предвзятости.

Ситуация усложняется и еще одним обстоятельством. Большинство генеративных нейронных сетей, которые могут использоваться социологом, являются уже обученными. Исследователи чаще всего не занимаются созданием и обучением нейронных сетей, используя те, что присутствуют на рынке. На каких данных обучены эти модели и какие предвзятости содержат в себе оценить невозможно. В этой связи, получаемый исследователем результат, при всей возможной внешней валидности и надежности, в действительности может быть просто цифровым “артефактом”. Так эксперимент, направленный на оценку объективности искусственного интеллекта в области оценки политических предпочтений, проведенный с использованием разных естественных языков (включая, русский) продемонстрировал предвзятость алгоритмов и их тяготение к “левой” повестке⁴⁶.

Третья проблема связана с интерпретируемостью результатов анализа данных и цифровых “следов”. “Большие данные”, которые все чаще используются социологами для изучения социальной реальности, с одной стороны, позволяют всесторонне исследовать то или иное явление, с другой же ведут к снижению интерпретируемости получаемых результатов. Увеличение числа признаков, на основе которых осуществляется анализ, усложнение вычислительных алгоритмов, использование технологий машинного обучения — все это приводит к тому, что социолог, получая в целом валидный результат, зачастую не в состоянии адекватно оценить влияние разных признаков на исследуемый им феномен. И если для аналитика данных ценность представляет сама модель, позволяющая адекватно описать или предсказать социальное поведение, то для социолога наибольший интерес представляют факторы (признаки), влияющие на него. Особенно выражено это проявляется в задачах регрессии, когда возникает потребность оценить динамику какого-то целевого признака, на основе целого ряда входных. Повышая метрики на-

⁴⁶ Политическая предвзятость Искусственного интеллекта. URL: <https://nepolitolog.com/aiprob> (дата обращения: 20.07.2024).

дежности модели, исследователь может использовать сотни входных признаков, при этом не всегда имея возможность определить в какой степени каждый из них влияет на полученный результат. Несмотря на тот факт, что сегодня в Data Science разрабатываются специализированные алгоритмы, позволяющие решать данную задачу (например, SHAP⁴⁷), они требуют от социолога владения основами программирования и не всегда способны выдать адекватный результат.

Можно констатировать, что развитие современных цифровых технологий не только не снижает когнитивную нагрузку на социолога, но и увеличивает ее, так как рост объема данных и усложнения методов их анализа, требуют от исследователя еще большей осознанности, ответственности и рефлексивности. В этой связи, “цифровизация” социологии — это не столько новый универсальной инструмент, решающий все проблемы исследователя, сколько вызов, требующий гармоничного сочетания классического социологического мышления и новых «цифровых» компетенций.

Заключение

Сегодня социологическая наука переживает серьезную “цифровую” трансформацию, что проявляется в поиске и апробировании новых эпистемологических, методологических, технологических средств и методов. Как показал проведенный анализ этот процесс носит амбивалентный характер, создавая, с одной стороны, иллюзию сверх возможностей больших данных и искусственного интеллекта, с другой же — ставя перед социологом новые задачи в области развития профессиональных компетенций. Представляется, что наиболее деструктивным непреднамеренным последствием такой ситуации может стать “зависимость” социолога от алгоритмов искусственного интеллекта, новых “кнопочных” интерфейсов, обученных языковых моделей и т.д., что в итоге приведет к снижению когнитивного потенциала исследователя, его профессиональной “насмотренности”, утере социологической интуиции и воображения.

В этой ситуации возникает задача, в первую очередь, для системы российского социологического образования, которая заключается в поиске новых моделей обучения социальных исследователей, интегрирующих в себе фундаментальное социологическое мышление и новые цифровые компетенции.

⁴⁷ Интерпретирую это: метод SHAP в Data Science. URL: <https://chernobrovov.ru/articles/interpretiruj-eto-metod-shap-v-data-science.html> (дата обращения: 20.07.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вершинина И.А., Лядова А.В. Данные в цифровом мире: новые возможности или дополнительные риски? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4. С. 977–984. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-4-977-984.

Горошников Т.А. Вычислительная социология: сдвиг парадигмы или “эконометрика” социологии // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 1. С. 37–42. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-37-42.

Губа К. Большие данные в социологии: новые данные, новая социология? // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 213–236.

Давыдов А.А. Компьютерные технологии для социологии: обзор зарубежного опыта // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 131–138.

Малышев И.О., Смирнов А.А. Обзор современных генеративных нейросетей: отечественная и зарубежная практика // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. Vol. 1–2 (88). P. 168–171.

Мамедов А.К. Деконструкция культурного пространства: смерть текста // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 3. С. 152–166.

Моисеев С., Стаф М. “There’s an AI for that”: возможности ChatGPT для работы с открытыми источниками данных // Социодиггер. 2023. Т. 4. Вып. 7–8(27). URL: <https://sociodigger.ru/articles-page/theres-an-ai-for-that-vozmozhnosti-chatgpt-dlja-raboty-s-otkrytymi-istochnikami-dannykh> (дата обращения: 15.07.2024).

Николаенко Г.А., Федорова А.А. Нереактивная стратегия: применимость незаметных методов сбора социологической информации в условиях Web 2.0 на примере цифровой этнографии и Big Data // Социология власти. 2017. Т. 29 (4). С. 36–54.

Осипова Н.Г. Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 4. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-9-42>.

Пасквинелли М. Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта. М., 2024.

Смирнов В.А. Новые компетенции социолога в эпоху больших данных // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2. С. 44–54. DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.04.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006.

Тард Г. Социальные законы // Социология / Сост. В. Зомбарт. М., 2003.

Толстова Ю.Н. Измерение в социологии. М., 2009.

Толстова Ю.Н. Социология и компьютерные технологии // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 3–13.

Уикем Х., Гроулмунд Г. Язык R в задачах науки о данных: импорт, подготовка, обработка, визуализация и моделирование данных. М., 2017.

REFERENCES

Chambers J.M. Programming with Data: a guide to the S language. L., 1998.

Christakis N.A., Fowler J.H. Social contagion theory: examining dynamic social networks and human behavior // Statistics in Medicine. 2013. Vol. 32. N 4. P. 556–577.

Davydov A.A. Komp'yuternye tekhnologii dlya sociologii: obzor zarubezhnogo opyta [Computer technologies for sociology: a review of foreign experience] // Sociologicheskies issledovaniya. 2005. N 1. C. 131–138 (in Russian).

DiMaggio P., Nag M., Blei D. Exploiting affinities between topic modeling and the sociological perspective on culture: application to newspaper coverage of U.S. Government arts funding // Poetics. 2013. Vol. 41. N 6. P. 570–606.

Edelmann A., Wolff T., Montagne D., Bail C. Computational social science and sociology // Annual Review of Sociology. 2020. Vol. 46. N 1. P. 61–81.

Goroshnikova T.A. Vychislitel'naya sociologiya: sdvig paradigmy ili "ekonometrika" sociologii [Computational sociology: a paradigm shift or "eco-metrics" of sociology] // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo uni-versiteta. 2021. T. 11. N 1. S. 37–42. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-37-42 (in Russian).

Guba K. Bol'shie dannye v sociologii: novye dannye, novaya sociologiya? [Big data in sociology: new data, new sociology?] // Sociologicheskoe obozrenie. 2018. T. 17. N 1. S. 213–236 (in Russian).

Karen G., Cottom T.M., Daniels J. Introduction // Digital Sociologies / Ed. by J. Daniels, G. Karen, T.M. Cottom. Chicago, 2017. P. xvii–xxx.

Kitchin R. Big Data, new epistemologies and paradigm shifts // Big Data & Society. 2014. Vol. 1. N 1. P. 1–12.

Latour B. Gabriel Tarde and the end of the social // The Social in Question. New Bearings in History and the Social Sciences / Ed. by P. Joyce. L., 2002. P. 117–132.

Lazer D., Pentland A. and et al. Computational social science // Science. 2009. Vol. 323. Iss. 5915. P. 721–722.

Lazer D.M.J., Pentland A. and et al. Computational social science: obstacles and opportunities // Science. 2020. Vol. 369. N 6507. P. 1060–1062.

Lupton D. Digital Sociology. N.Y., 2014.

Lupton D. Thinking with care about personal data profiling: a more-than-human approach // International Journal of Communication. 2020. Vol. 14.

Malyshev I.O., Smirnov A.A. Obzor sovremennykh generativnykh nejrosetej: otechestvennaya i zarubezhnaya praktika [Review of modern generative neural networks: domestic and foreign practice] // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. Vol. 1–2 (88). P. 168–171 (in Russian).

Mamedov A.K. Dekonstrukciya kul'turnogo prostranstva: smert' teksta [Deconstruction of cultural space: the death of text] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2021. T. 27. N 3. S. 152–166 (in Russian).

McAfee S.T., Landis R.S., Burke M.I. Inductive reasoning: the promise of Big Data // Human Resource Management Review. 2017. Vol. 27. N 2. P. 277–290.

Mohr J.W., Wagner-Pacifi R., Breiger R.L., Bogdanov P. Graphing the grammar of motives in national security strategies: cultural interpretation, automated text analysis and the drama of global politics // Poetics. 2013. Vol. 41. N 6. P. 670–700.

Neil S. What is digital sociology? Cambridge, 2019.

Moiseev S., Staf M. "There's an AI for that": vozmozhnosti ChatGPT dlya raboty s otkrytymi istochnikami dannykh ["There's an AI for that": ChatGPT capabilities for working with open data sources] // Sociodigger. 2023. T. 4. Vyp. 7–8(27). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/theres-an-ai-for-that-vozmozhnosti-chatgpt-dlja-raboty-s-otkrytymi-istochnikami-dannykh> (data obrashcheniya: 15.07.2024) (in Russian).

Nikolaenko G.A., Fedorova A.A. Nereaktivnaya strategiya: primenimost' nezametnykh metodov sbora sociologicheskoy informacii v usloviyah Web 2.0 na

primere cifrovij etnografii i Big Data [Non-reactive strategy: the applicability of unnoticeable methods of collecting sociological information in the context of Web 2.0 using digital ethnography and Big Data as an example] // *Sociologiya vlasti*. 2017. T. 29 (4). S. 36–54 (in Russian).

Noortje M. *Digital sociology: the reinvention of social research*. Cambridge, 2017.

Osipova N.G. *Cifrovizaciya social'noj real'nosti: klyucheveye diskussii* [Digitalization of social reality: key discussions] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 18. *Sociologiya i politologiya*. 2022. T. 28. N 3. S. 4. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-9-42> (in Russian).

Paskvinelli M. *Izmeryat' i navyazyvat'. Social'naya istoriya iskus-stvennogo intellekta* [Measure and impose. Social history of artificial intelligence]. M., 2024 (in Russian).

Rozado D. *The political biases of chatgpt* // *Social Sciences*. 2023. Vol. 12. N 3.

Savage M., Burrows R. *The coming crisis of empirical sociology* // *Sociology*. 2007. N 41 (5). P. 885–899.

Seale J., Charteris-Black A. *Interviews and internet forums: a comparison of two sources of qualitative data* // *Qualitative Health Research*. 2010. Vol. 20. P. 595–606.

Smirnov V.A. *Novye kompetencii sociologa v epohu bol'shikh dannyh* [New competencies of a sociologist in the era of big data] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2015. N 2. S. 44–54. DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.04 (in Russian).

Sorokin P.A. *Social'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics]. M., 2006 (in Russian).

Tard G. *Social'nye zakony* [Social Laws] // *Sociologiya / Sost. V. Zombart*. M., 2003 (in Russian).

Tolstova Yu.N. *Izmerenie v sociologii* [Measurement in Sociology]. M., 2009 (in Russian).

Tolstova Yu.N. *Sociologiya i komp'yuternye tekhnologii* [Sociology and Com-puter Technologies] // *Sociolo-gicheskie issledovaniya*. 2015. N 8. S. 3–13 (in Russian).

Uikem H., Groulmund G. *Yazyk R v zadachah nauki o dannyh: import, podgotovka, obrabotka, vizualizaciya i modelirovanie dannyh* [The R Language in Data Science Tasks: Import, Preparation, Processing, Visualization, and Modeling of Data]. M., 2017 (in Russian).

Vershinina I.A., Lyadova A.V. *Dannye v cifrovom mire: novye voz-mozhnosti ili dopolnitel'nye riski?* [Data in the digital world: new opportunities or additional risks?] // *Vestnik Rossijskogo univer-siteta družby narodov*. Seriya: *Sociologiya*. 2020. T. 20. N 4. C. 977–984. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-977-984 (in Russian).

Webb E., Campbell D., Schwartz R. *Unobtrusive measures: nonreactive research in the social sciences*. Chicago, 1966.

Wellman B. *Doing it ourselves: the SPSS manual as sociology's most influential recent book* // *Required Reading: Sociology's Most Influential Books* / Ed. by D. Clawson. Amherst, 1998. P. 71–78.

Wynn J.R. *Digital sociology: emergent technologies in the field and the classroom* // *Sociological Forum*. 2009. Vol. 24. P. 448–456.

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-164-187

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫМ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ

О.В. Гавриленко, канд. социол. наук, зав. кафедрой социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье предпринимается попытка охарактеризовать проблемное поле научных исследований кафедры социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках изучения социальных технологий в управлении современным российским обществом, с акцентом на технологии модернизации российского общества и трансформацию управленческих практик в условиях новых внешних вызовов (прежде всего, связанных с активным внедрением цифровых информационно-коммуникативных технологий).

Современное российское общество развивается в условиях внешних и внутренних вызовов, требующих трансформации управленческих практик и разработки новых социальных технологий. В связи с необходимостью реализации поставленной властью задачи выбора пути дальнейшего пути развития и переосмысления системы духовно-нравственных ценностей, актуализировалась проблема разработки, отбора и применения социальных технологий социокультурной, экономической и политической модернизации российского общества. Рассматривая ретроспективно процесс модернизации России, можно четко видеть “маятниковость” развития — то в сторону заимствования “западного” опыта и проведения реформ по западным образцам, то, наоборот, “возвращение к корням” и осуществление контрреформ. В нынешней геополитической ситуации можно констатировать возникший запрос не только на возвращение к традиционным ценностям, консервативной идеологии, но и к переосмыслению России как “особой цивилизации”.

Серьезные вызовы (социально-демографические изменения, цифровизация, алгоритмизация, роботизация, развитие искусственного интеллекта, машинного обучения, шеринговой экономики и т.п.), с которыми сегодня сталкивается общество и его социальные институты, требуют переосмысления управленческих практик и социальных технологий. Цифровизация социального управления все острее ставит проблемы выявления и анализа социальных последствий внедрения искусственного интеллекта, замены человеческого труда машиной и алгоритмами. Говоря об изменении характера управленческой деятельности в условиях цифровизации общества, мы видим всё большее проникновение технологий искусственного интеллекта в сферу управления

* Гавриленко Ольга Владимировна, e-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

и развитие алгоритмического управления. Алгоритмы сегодня используются в государственном управлении, в сфере социального обслуживания и предоставления социальных услуг населению, в сфере образования, здравоохранения. Автоматизация и автоматизация алгоритмических решений ставит серьезный вопрос о снижении роли человеческого фактора в управлении, что вызывает тревогу, особенно в сферах, которые традиционно выстраивались вокруг человека. Кроме того, машины не просто изучают человека, они пытаются подтолкнуть его к принятию определенных решений, к заданной поведенческой реакции на тот или иной стимул, открывают новые возможности для осуществления манипулирования. При активном внедрении цифровых технологий во все сферы общественной жизни и в систему управления возникают опасения тотального цифрового контроля. По мере того, как цифровые платформы получают все большую инструментальную власть и доступ к личным данным, растет и сопротивление пользователей цифровых платформ в связи с отсутствием контроля за “судьбой” предоставляемых данных. Все это может привести к росту социальной напряженности, что нельзя не учитывать при реализации управленческих практик и выборе современных социальных технологий управления обществом.

Ключевые слова: экономическая, политическая, социокультурная модернизация общества; социальные технологии; управленческие практики; “эффект колес”; духовно-нравственные ценности; цифровизация общества.

SOCIAL TECHNOLOGIES IN MANAGEMENT OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Gavrilenko Olga. V., Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of Social Technologies department, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

The article attempts to characterize the problem field of scientific research of the Department of Social Technologies of the Sociological Faculty of Moscow State University as part of the study of social technologies in the management of modern Russian society, with an emphasis on the technology of modernization of the Russian society and transformation of management practices in the context of new external challenges (primarily related to the active introduction of digital information and communication technologies).

Modern Russian society is developing in the context of external and internal challenges requiring the transformation of management practices and the development of new social technologies. In connection with the need to implement the task set by the authorities of choosing a way of further development and rethinking the system of spiritual and moral values, the problem of the development, selection and application of social technologies of socio-cultural, economic and political modernization of Russian society has been actualized. Looking retrospectively at the process of modernization of Russia, one can clearly see the “pendulum” of development — in the direction of borrowing “Western” experience and implementing reforms by western standards or, on the contrary, “return to the roots” and implementing counter-reforms.

In the current geopolitical situation, we can state that there has been a demand not only for a return to traditional values and conservative ideology, but also for a rethinking of Russia as a “distinct civilization”.

Serious challenges (socio-demographic changes, digitalization, algorithmization, robotization, development of artificial intelligence, machine learning, shering economy, etc.) facing society and its social institutions today, require rethinking management practices and social technologies. The digitalization of social management is increasingly challenging the identification and analysis of the social consequences of introducing artificial intelligence, replacing human labor with machine and algorithms. When we talk about changing the nature of management in a digitalized society, we see an increasing penetration of artificial intelligence technologies into the field of management and the development of algorithmic control. Algorithms are now used in public administration, social services and social services, education, health. The autonomy and autonomization of algorithmic solutions raise serious questions about reducing the role of the human factor in management, which is alarming, especially in spheres that have traditionally been built around the human being. In addition, machines do not just study a person, they try to push him to make certain decisions, to a given behavioral response to a given stimulus, open new possibilities for manipulation. With the active introduction of digital technologies in all spheres of public life and in the management system, there are fears of total digital control. As digital platforms gain more instrumental power and access to personal data, so does the resistance of users of digital platforms due to a lack of control over the “fate” of the data provided. All this can lead to an increase in social tensions, which cannot be ignored when implementing management practices and choosing modern social technologies of management of society.

Key words: *economic, political, socio-cultural modernization of society, social technologies, management practices, “gauge effect”, spiritual and moral values, digitalization of society.*

Социальные технологии сегодня, являясь отраслью социологического знания и отдельной областью социальной практики, становятся ключевым инструментом социального управления, осуществляя целенаправленное и эффективное воздействие субъектов управления на социальные институты, организации, процессы их развития. “Социальные технологии выступают связующим звеном между социологической теорией и социальной практикой, обеспечивая более эффективное воздействие субъектов управления (государственных институтов, крупных корпоративных игроков) на управляемый социальный “объект” (те или иные социальные структуры, процессы, организации, практики, социальные группы, и даже сознание людей)”¹. Кафедра социальных технологий была соз-

¹ Гавриленко О.В. Социальные технологии как исследовательское поле и инструмент социальных преобразований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 79..

дана на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в 2013 г. Приоритетным направлением научных исследований кафедры социальных технологий сегодня являются социальные технологии в управлении обществом. Сотрудники кафедры (профессор А.Ш. Викторов, доценты О.В. Гавриленко, О.Г. Зубова, В.В. Зырянов, Н.В. Карпова, И.В. Третьякова) ведут свою научную деятельность в рамках следующих основных тем приоритетного направления кафедры: “Цифровизация социального управления и социального контроля”, “Социальные технологии социокультурной, экономической и политической модернизации российского общества”, “Социальные технологии трансформации социальных институтов”. В статье предпринимается попытка охарактеризовать проблемное поле научных исследований кафедры социальных технологий в рамках приоритетного научного направления, с акцентом на технологии модернизации российского общества и трансформацию управленческих практик в условиях новых внешних вызовов (прежде всего, связанных с внедрением цифровых информационно-коммуникативных технологий).

Социальные технологии экономической, политической и социокультурной модернизации российского общества

Сегодня в условиях новых внешних и внутренних вызовов и выбора пути дальнейшего развития России чрезвычайно остро стоит проблема разработки, отбора и применения социальных технологий социокультурной, экономической и политической модернизации общества. Модернизационная парадигма сформировалась в середине XX в., в условиях распада европейских колониальных империй и появления “молодых наций” в Азии, Африке, Латинской Америке и др., когда возникла проблема выбора ими путей дальнейшего развития и активно продвигались программы модернизации, навязываемые странами “запада”. Классическая теория модернизации представляет модернизационное развитие как взаимодействие “передового западного” опыта во всех сферах — политической, экономической, социокультурной — построение общества с господствующими ценностями индивидуализма, рациональности, секулярности. Представители современной теории модернизации (П. Штомпка, В. Цапф, Э. Тирикьян и др.) выступают за отказ от односторонней трактовки модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей, а также за признание собственных оригинальных путей развития на основе своей культуры и национальной идентичности; они настаивают на конструктивной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода.

В 2022 г. российское общество столкнулось с масштабными вызовами, которые заставили серьезно задуматься о векторах дальнейшего развития, о выборе новой идеологии, об особенностях российской цивилизации и о духовно-нравственных ценностях. “В настоящее время на фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации нацизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Проводятся информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России”². Активно ведутся научные дискуссии об “особом” пути развития России, о необходимости сохранения национальной идентичности и вреде бездумного копирования и заимствования “чужих” практик в политической, экономической, социокультурной сферах, о необходимости возврата к традиционным духовно-нравственным ценностям. Как отмечает профессор А.Ш. Викторов, “особенность характера взаимосвязи идеологии и социальных технологий в России проявляется в двух противоречивых формах: либеральной (направлена на уничтожение основ российской (русской) цивилизации и встраивание в глобальную систему рыночного капитализма) и консервативной (ориентированной на конструирование новой национальной государственности)”³.

При проведении экономических или политических реформ власти часто сталкиваются с тем, что те технологии и подходы, которые доказали свою эффективность в других странах, вдруг оказываются совершенно неэффективны в своей стране. В последнее время все чаще для объяснения этого феномена обращаются к теории “эффекта колеи”, который представляет собой институциональную инерцию, удерживающую страну в определенной траектории. Основным “тормозом” на пути модернизационных изменений становится культура и национальная идентичность, которая задает жесткие границы развития страны. Сегодня становится очевидно, что ценностные и культурные установки способны блокировать любые политические и экономические решения в развитии страны. “Случайный институциональный выбор запускает некоторую траекторию,

² Дорцева Е.В., Родин Н.В. Деструктивное воздействие на современную российскую молодежь (на примере новых субъектов Российской Федерации) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 4. С. 66.

³ Викторов А.Ш. Социальные технологии как идеология элиты в современном обществе // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 9. С. 130–135.

но чем она удерживается? Норт утверждает, что она удерживается культурой, то есть не формальными институтами, а ценностями, поведенческими установками”⁴.

Рассматривая “эффeкт колеи” и опираясь на таблицы статистика Мэдисона, декан экономического факультета МГУ А. Аузан⁵ в довольно яркой и образной форме говорит о существовании двух космических скоростей и трех групп стран: первая группа стран идет по высокой траектории и стабильно показывает высокие экономические результаты (включает меньше 30 стран); вторая группа столь же стабильно идет по низкой траектории: в нее зачастую входят страны, которые попросту не ставят себе ключевой задачу достижения высоких экономических результатов, а делают упор на другие ценности — семейные, религиозные и т.п. (около 170 стран). Получается, что есть своего рода первая космическая скорость, позволяющая держаться на орбите, но не более того, и вторая космическая скорость, которая позволяет выйти в открытый космос. Но самый большой интерес вызывает третья группа стран, которые все время пытаются перейти из второй группы в первую и никак не могут там закрепиться и завершить модернизацию. Эти страны явным образом демонстрируют попадание “в колею”, Россию часто относят именно к волатильной третьей группе. В XX в. можно отметить пять случаев преодоления этой силы гравитации, когда страна перешла из третьей группы в первую: Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг. Все пять стран, перешедших на траекторию А (вторая космическая скорость), демонстрируют одну и ту же динамику социокультурных характеристик. Причем она касается как индексов Р. Инглхарта⁶ (переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным и рост проявления ценностей самовыражения, а не выживания), так и параметров модели Г. Хофстеде⁷: рост индивидуализма, снижение дистанции власти и усиление высокой долгосрочной ориентации.

Рассматривая ретроспективно процесс модернизации России, можно четко видеть определенную “маятниковость” развития — то в сторону заимствования “западного” опыта и проведения реформ,

⁴ Аузан А. Развитие и “колея” зависимости // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 10. С. 97.

⁵ См.: Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М., 2017.

⁶ См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М., 2011.

⁷ Официальный сайт Г. Хофстеде. URL: <http://www.geerthofstede.nl/> (дата обращения: 28.05.2024).

то, наоборот, “возвращение к корням” и осуществление контрреформ. Даже на последнем коротком историческом периоде — от распада СССР до нынешнего времени — хорошо виден этот “маятник”: сначала резкий крен в сторону либерализации экономики, проведения радикальных политических и экономических реформ, внедрение, иногда достаточно агрессивно, новой “прозападной” системы ценностей и формирование образа “Запада как идеала”, а уже с начала XXI в., наоборот, можно наблюдать “консервативную революцию” (усиление роли государства во всех сферах, консолидацию политической элиты и ее объединение вокруг лидера страны, возвращение к традиционным духовно-нравственным ценностям). “Нужно констатировать, что изначальный институциональный выбор, который имеет под собой обоснование (развитие и закрепление рентоориентированного поведения вследствие большого количества природных ресурсов; становление самодержавия как попытки стабилизации социально-экономических процессов после Смуты), а также последующее его закрепление (мобилизационное развитие как часть внутренней политики Петра I и Сталина, результатом которого стало социальное иждивенчество подавляющей части населения, становление института бюрократии и авторитарная власть, рентоориентированное поведение) привели к тому, что в современной России совокупность экономических, политических и социальных институтов находятся в некоем промежуточном состоянии, формально будучи наделенными свойствами инклюзивности, на практике, однако, являясь экстрактивными. Такая “промежуточность” накладывает определенные ограничения на выбор пути/модели осуществления модернизации”⁸. Экономист С. Маричев, анализируя различные варианты экономической модернизации России — “западный”, “восточный”, мобилизационный, консервативный, “на основе рентоискательства” — приходит к выводу, что наиболее подходящий для России путь — это консервативная модернизация, которая не предполагает изменения политических институтов в сторону развития либерализации и плюрализма. Преобразования направлены именно на экономику и подчинены политическим задачам действующей власти. “Итогом подобных преобразований в идеале является качественное улучшение экономических институтов при сохранении/закреплении за правящей элитой ее привилегий. Такой подход успешно сочетается с исторически сложившимся (в результате реформ Петра I и Сталина) патернализмом

⁸ Маричев С. Проблема реализации социально-экономической модернизации России и “эффект колеи” // Общество и экономика. 2020. № 6. С. 15.

в российском обществе. Петровская модернизация, закрепившая крепостное право, породила социальное иждивенчество, крайнюю несамостоятельность подавляющей доли населения, а во времена СССР был максимально ужесточен государственный контроль над всеми сферами жизнедеятельности⁹. Таким образом постепенно формировалась система отношений, в которой постоянство власти расценивалось не только как преимущество, но и как необходимое условие развития. Сегодня вариант консервативной модернизации как “модификация” мобилизационного развития видится вполне приемлемым при выборе модели осуществления преобразований экономических институтов.

Политическую модернизацию принято рассматривать как формирование, развитие и распространение современных политических институтов и практик, т.е. тех, которые способны обеспечивать адекватное реагирование и приспособление политической системы к изменяющимся условиям. Для формирования и развития современных политических институтов и практик часто используются механизмы модернизации через заимствование определенных образцов, причем иногда заимствуется только форма без содержания или изменений функций процесса (например, демократизация существует номинально, без реального развития демократических институтов и процедур). Традиционно под политической модернизацией понимают создание дифференцированной политической структуры с высокой специализацией политических ролей и институтов; усиление роли закона; ослабление роли традиционных элит и т.п. Политическая модернизация часто проходит в условиях конфликта между национальными политическими культурами и “общецивилизационными” ценностями. Это хорошо видно по сопротивлению современной политической элиты России фактически “насильственному и безальтернативному” внедрению пресловутых “западных” духовных ценностей и либеральной идеологии. Говоря о модернизации, надо различать первичную “органическую” модернизацию (характерную для так называемого “модернизационного ядра” — стран Западной Европы и США) и вторичную “догоняющую” модернизацию (Азия, Латинская Америка, Африка, страны бывшего СССР). Первичная модернизация — это процесс эволюционный и постепенный, на основе традиций: когда с начала XIX в. наблюдается медленная трансформация экономики, социальной структуры, культуры, провозглашение равных гражданских прав, построение демократических институтов. При догоняющей модер-

⁹ Там же. С. 19.

низации, которая осуществляется за счет социокультурных контактов “отстающих” стран с модернизационным ядром и сводится больше к имитационным процессам, фиксируется “неравномерная” модернизация (одни элементы созрели, другие — нет), либерализация экономики, поспешная демократизация, принятие помощи развитых демократий (за которую приходится долго расплачиваться). Если выделять особенности политической модернизации в России, то можно отметить этатизм и высокую дистанцию власти как характерные черты российской культуры, в том числе, политической (ведущая роль государства в реформировании общественной системы: патернализм, бюрократия, коллективизм, инертность масс, правовой нигилизм и т.д.). Возможно, именно вышеуказанные черты российской культуры и модели управления до сих пор выступают “противоядием” от реализации таких социальных технологий по смене власти как “цветные” революции, которые успешно реализуются в обществах, где можно наблюдать отказ от консервативной идеологии и традиционных ценностей.

Культура и исторический путь страны во многом определяет специфику её социально-политической системы. Так, доцент Н.В. Карпова считает, что “в научной риторике отечественных исследователей применительно к анализу социально-политических трансформаций в России очень часто используется понятие “социокультурный код”, или “генотип” нации, который формирует основы культурной “почвы”, или программы, предопределяющей исторический путь государства”¹⁰. Догоняющая модернизация исходит из необходимости заимствования западного опыта во всех сферах и трансформации культуры, но часто такая “неестественная” модернизация культуры приводит к архаизации, сопротивлению изменениям культуры. При осуществлении изменений и реформ человек обычно болезненней всего воспринимает именно изменения культуры, системы норм и ценностей. П. Штомпка отмечает, что на смену “дискурсу прогресса” XIX в. (вера в науку, технологии, позитивные общественные изменения) приходит “дискурс травмы” XX в., причем именно культурные травмы воспринимаются наиболее остро, как разрушение привычной картины мира, смена мировоззрения, ценностей, идеалов¹¹. Так, распад СССР запустил процессы дезорганизации, дезориентации, разрушения социальных

¹⁰ Карпова Н.В. Социокультурный анализ социально-политических систем: методологические основы исследования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 228.

¹¹ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

институтов, прежней системы ценностей. Мы можем наблюдать “симптомы” травмы — синдром отсутствия доверия; апатия; ориентация на сегодняшний день; ностальгия; состояние беспокойства; паника и боязнь перемен¹². Согласно модели Г. Хофстеде, россиянам свойственно очень высокое стремление избегания неопределенности (нежелание перемен, ценность стабильности, ожидание инструкций от руководства, перекладывание ответственности на других, нелюбовь к конкуренции внутри компании, круговая порука)¹³.

Рассматривая социальные технологии социокультурной модернизации российского общества, хотелось бы отметить “взгляд со стороны”, так как достаточно сложно выявлять специфику культуры и системы ценностей, находясь внутри культурного поля и формируясь под его влиянием, а взгляд со стороны дает иную оптику, позволяет более рельефно увидеть характерные черты культуры. А.Р. Курбанов, анализируя социокультурное своеобразие в восприятии иностранцев за длительный исторический периода, констатирует, что «в качестве характерных “инаковых” черт российского социума, имеющих инвариантный характер... информанты почти единодушно отмечают особенности политической организации общества, предполагающей автократический характер властной системы, ее вертикальную ориентированность, исключительное значение личности обладателя верховной власти, наделенного максимумом полномочий, и ограничения компетенций представителей нижележащих уровней власти»¹⁴.

Сегодня знаковой и широко обсуждаемой темой в научном и общественном дискурсе в России становится тематика духовно-нравственных ценностей в связи с четко обозначенной линией “сверху” на выбор собственного пути развития, на возврат к национальной самобытности и традиционным ценностям. После распада Советского Союза реформаторы взяли курс на построение общества с господствующими ценностями “запада” — индивидуализм,

¹² Это хорошо иллюстрируют русские пословицы и поговорки: “Лучше синица в руках, чем журавль в небе”, “Человек предполагает, а Бог располагает”, “Хочешь насмешить Бога — расскажи ему о своих планах” и т.п.

¹³ Официальный сайт Г. Хофстеде. URL: <http://www.geerthofstede.nl/> (дата обращения: 28.05.2024).

¹⁴ Курбанов А.Р. Социокультурное своеобразие России в восприятии иностранцев: опыт интерпретации ключевых нарративов // Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов: коллективная научная монография / Под ред. В.А. Фадеева, Т.А. Вархотова. М., 2023. С. 169.

приоритет частного над общим, толерантность, личный комфорт, рациональность и т.п. Все это сильно противоречило сложившейся за длительный исторический период ориентации на традиционные и религиозные ценности (причем в советское время система ценностей сохранялась, просто приобретая другую идеологическую окраску) — семья, приоритет общего над частным, коллективизм, взаимопомощь, уважение к власти (высокая дистанция власти), патриотизм, милосердие, “соборность” и др. Характеризуя российскую модель управления и деловую культуру, наряду с такими чертами как зависимость бизнеса от власти, правовой нигилизм, патернализм, часто делают акцент на свойственной культуре “двойственности” как в плане развития страны — “маятниковость” развития страны (например, реформы — контрреформы) — так и в системе ценностей (проявление одновременно коллективизма и индивидуализма, сочетание маскулинности и феминности культуры, ориентация на цель и на человека). Но это вряд ли свойственно исключительно России, можно привести примеры и других стран, для которых характерны те же черты. Так, “страны, которые шли по пути “догоняющей” модернизации (азиатские страны, латиноамериканские и др.) не в меньшей степени демонстрировали на разных этапах развития как двойственность модели управления (сочетание централизации с децентрализацией), так и маятниковость” развития (реформы “по западному образцу” и возврат к прежнему состоянию, заимствование западного опыта при сохранении самобытных культурных черт)”¹⁵.

Рассуждая о системе ценностей россиян, нельзя рассматривать эту систему как некий монолит, как нечто, свойственное подавляющему большинству. Система ценностей современных россиян имеет сложную многоуровневую структуру. Можно говорить о продолжающемся процессе кристаллизации ценностей, а также о высоком уровне поляризации современного российского общества, что не позволяет делать выводы о доминирующих в обществе ценностях. Так, эксперты выделяют ряд оснований для такой поляризации системы ценностей: национальность, поколенческие особенности, материальный достаток, территория проживания, образование, профессия¹⁶. В целом же, при анализе ценностной структуры рос-

¹⁵ Гавриленко О.В. Современная российская деловая культура: “особый” путь развития или заимствование “чужих” управленческих практик? // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 159.

¹⁶ См.: Михайленко А.В., Устинова О.А., Дударева А.Е. Ценности глазами экспертов // Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов: Коллект. науч. монограф. / Под ред. В.А. Фадеева, Т.А. Вархотова. М., 2023. С. 137.

сиян исследователи чаще всего сегодня выделяют ценность выживания (“ценности выживания для нас остаются очень значимыми, и здесь историческая память дает о себе знать”¹⁷), семьи (поддержки, эмоциональной опоры, традиции), справедливости (“справедливость — это нечто более высокое, чувство какого-то согласования с Божьим промыслом... некоей гармонией жизни... Чтобы поступали по понятиям, это обыденная справедливость: чтобы тебя не обижали незаслуженно, было справедливое отношение, уважение, признание”¹⁸), патриотизма (“сильно развитая ценность — территориальность: это моя территория, мой дом, ты не лезь сюда, я здесь в своем доме сам разберусь”¹⁹), патриархальности, “отцовского” метода управления хозяйством (“это такое стремление к публичной власти, власть должна быть публичной, не должна быть сетевой, распределенной по обществу. Власть должна иметь публичное лицо, которое является источником власти”²⁰).

Специальная военная операция также во многом способствовала поляризации российского общества. Директор ВЦИОМ В. Фадеев говорит о фактическом разделении страны на “четыре России”: “воюющая”, “уехавшая”, “столичная”, “глубинная”. «Вуюющая Россия — не только те, кто воюет в прямом смысле слова, кто мобилизован, служит по контракту или добровольно. Это и те, кто в тылу помогает фронту. Шьет маскировочные сети, трудится на оборонных предприятиях, собирает деньги на коптеры, помогает жителям освобожденных территорий. Те, кто чувствует себя на войне и участвует в ней любыми доступными способами. Россия уехавшая — это новые эмигранты. Здесь и “герои Верхнего Ларса”, бежавшие от мобилизации. И те, кто не принял СВО идеологически и политически, решил бороться против нее, но не внутри страны, что проблематично и небезопасно, а за кордоном. И экономические беженцы — как предприниматели, так и наемные работники глобализированных индустрий... Россия столичная — это не только Москва и Петербург, но и слой людей с высоким уровнем жизни, с высокими квалификациями, ресурсами и положением в обществе. Это и есть, по сути, наш средний класс — главные бенефициары путинского двадцатилетия. Они стараются адаптироваться к изменившимся условиям, а то и использовать новые возможности. Об СВО они обычно стараются не думать и не говорить, ждут, когда

¹⁷ Там же. С. 129.

¹⁸ Там же. С. 130.

¹⁹ Там же. С. 130.

²⁰ Там же. С. 131.

все закончится и станет “как раньше”. Они не воюют, а переживают. Четвертая Россия — “глубинная”, самая массовая. Ее уровень жизни невысок, ее проблемы — это проблемы выживания, по ним наиболее болезненно бьют рост цен, безработица, снижение доходов. Эти люди не политизированы, живут повседневностью и пытаются держаться на плаву, что для них очень непросто. Они же — главные телезрители, интернетом пользуются реже»²¹. При этом, несмотря на такую разнородность, “три России” (все, кроме “уехавшей”) вполне демонстрируют тенденцию к объединению вокруг действующей власти и армии, и поддерживают президента. «Попытки расколоть наше общество по разным линиям были и будут. Они предпринимаются Украиной, США, Великобританией, Польшей и прочими недружественными странами. Но это было и до 24 февраля. Просто все перешло в новую стадию. По каким мишеням стараются бить? Прежде всего — по межнациональным отношениям. Снова твердят, что Россия — это “тюрьма народов”, и что нужно нас разделить на 40 или больше независимых государств. Пока — не эффективно. Налицо сплочение, а не разделение общества в условиях внешнего конфликта. Другая мишень — экономика. Обещали опять разорвать ее в клочья. Тоже не получилось. Держимся, работаем, боремся... Сугубо политическая сфера — еще одна мишень, но пока не приоритетная. Рейтинги президента и его партии только выросли, все парламентские силы поддержали СВО. Антисистемных политиков практически не осталось — “иных уж нет, а те далече”»²². В ситуации серьезных внешних угроз и недружественных действий россиянам всегда было свойственно проявление сплоченности, взаимопомощи, коллективизма, мобилизации и умение “выживать и адаптироваться”, что можно наблюдать и сегодня в ситуации беспрецедентного внешнего давления и санкций.

Управленческие практики в условиях новых вызовов: алгоритмизация управления и внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни общества

Современные вызовы (социо-демографические изменения, цифровизация, алгоритмизация, роботизация, развитие искусственного интеллекта, машинного обучения, виртуальной реальности и т.п.), с которыми сегодня сталкивается общество и его социальные ин-

²¹ Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/sobytie/gendirektor-wciom-valerii-fedorov-v-intervju-rg-o-chetyrekh-rossijakh-i-trendakh-2023-go> (дата обращения: 18.06.2024).

²² Там же.

ституты, требуют переосмысления управленческих практик и социальных технологий. Основным вызовом для управления сегодня становится именно цифровизация, которая проникает во все сферы общественной жизни, приводит к алгоритмизации управленческой деятельности, “власти алгоритмов”, цифровому тотальному контролю. Проблематикой внедрения искусственного интеллекта в разные сферы жизни общества, цифровизации социального контроля, власти “надзорного капитализма” и т.п. на социологическом факультете активно занимаются не только представители кафедры социальных технологий, но также профессора и доценты кафедр современной социологии, экономической социологии и менеджмента²³.

Цифровизация социального управления все острее ставит проблему выявления и анализа социальных последствий внедрения искусственного интеллекта, замены человеческого труда машиной и алгоритмами. В условиях цифровизации современного общества изменяется характер управленческой деятельности, технологии искусственного интеллекта все активнее проникают в сферу управления, развивается алгоритмическое управление. Алгоритмы сегодня используются в сфере государственного управления, социального и банковского обслуживания, для автоматизации производственных процессов, постепенно проникают в сферу здравоохранения и высшего образования. Автономность и автоматизация алгоритмических решений заставляет серьезнее задумываться о снижении роли человеческого фактора в управлении, что вызывает тревогу, особенно в сферах, которые традиционно выстраивались вокруг человека (например, образование или здравоохранение). Машины на основе накопленных данных об индивиде пытаются подтолкнуть его к принятию определенных решений, к заданной поведенческой реакции на тот или иной стимул. Машины задают поведение человека, автоматизируя процессы, все это приводит к появлению нового типа власти — власти “инструментальной”²⁴.

²³ См.: *Осипова Н.Г.* Классическое университетское образование перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2; *Гавриленко О.В.* Социальные технологии в эпоху “надзорного капитализма”: цифровизация и власть алгоритмов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 3; *Барков С.А., Маркеева А.В., Гавриленко О.В.* Инновационная бюрократия в управлении высшим образованием // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1; *Лядова А.В.* Медиатизация сферы здоровья под влиянием новых медиа: основные направления социологического дискурса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 1.

²⁴ *Гавриленко О.В.* Социальные технологии в эпоху “надзорного капитализма”... С. 155.

Внедрение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения вызывают серьезные изменения в сфере занятости. Искусственный интеллект и нейросети сегодня вполне могут заменить определенный функционал практически любого сотрудника, в том числе, занятого управленческой деятельностью. Говоря о преимуществах алгоритмизации управленческой деятельности, можно отметить, что управление, основанное на работе с непрерывным потоком данных, как структурированных, так и неструктурированных, позволяет руководителю принимать более обоснованные рациональные решения, осуществлять системный контроль и надзор. Но цифровые информационно-коммуникативные технологии также способствуют появлению возможности для реализации тотального цифрового контроля, что вполне может привести к сопротивлению “объекта” управления и росту социальной напряженности.

Использование алгоритмического управления не только оптимизирует выполнение ряда управленческих функций, но и приводит к сокращению сотрудников, занятых управленческим трудом. Это очень хорошо видно по сфере государственного управления в связи развитием государственных информационных систем (ГИС) и государственных цифровых платформ (ГЦП). Экономически можно это оценивать как положительный тренд, но с позиции гарантий занятости, развития “прекариата” и других социальных последствий это явно “пугающая” тенденция²⁵. Государственные цифровые платформы постепенно приходят на смену более простым государственным информационным системам. “Государственная цифровая платформа — это система формальных и неформальных правил и алгоритмов сетевого взаимодействия пользователей (потребителей), функционирующая на основе открытых и масштабируемых архитектурных стандартов программно-аппаратного обеспечения, необходимого для хранения, анализа и передачи цифровых данных об участниках взаимодействия”²⁶.

Несмотря на общий тренд цифровизации различных сфер (в том числе, социальной), полный отказ от возможности предоставлять услуги в привычных офлайн-форматах грозит дискриминацией некоторых групп населения и ростом цифрового неравенства. В условиях внедрения цифровых технологий уязвимыми оказыва-

²⁵ См.: *Гринфилд А.* Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М., 2018.

²⁶ *Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е., Сиянтуллина Л.Х.* Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 48.

ются те, кто, наоборот, нуждается в большем внимании со стороны государства — пожилые, люди с физическими ограничениями и серьезными заболеваниями, малоимущие. Для многих из них сходиться в МФЦ или в банк — это единственно возможная форма получения необходимой услуги. Для ряда категорий “цифра” должна не заменять, а скорее дополнять традиционный формат, до обеспечения полной доступности и инклюзивности госуслуг в цифровом виде у человека должно быть право выбора, в какой форме получать те или иные услуги — дистанционно или очно.

Пожилые люди сегодня особенно остро ощущают страх перед новыми технологиями и отсутствие цифровых компетенций. Доцент О.Г. Зубова, в контексте исследования цифровизации социального управления и социального контроля, говорит об изучении проблемы цифровизации и социального благополучия пожилых людей в современном российском обществе с точки зрения субъективного и объективного подходов²⁷. При активном развитии цифровых технологий в современном российском обществе одним из барьеров к дальнейшей цифровой трансформации выступает недостаточный уровень готовности отдельных социально-демографических групп населения к происходящим изменениям. Барьеры вовлечения пожилых людей в цифровое пространство способствуют формированию цифрового неравенства. «Образовавшийся “цифровой разрыв” предлагается комплексно рассматривать на трех уровнях: материальном (доступ к интернету и ИКТ), образовательном (цифровые компетенции и цифровая грамотность людей “третьего возраста”), социально-психологическом (особенности поколения “цифровых мигрантов”, их отношение к использованию цифровых технологий в повседневной жизни). Для того чтобы пожилые люди чувствовали себя естественно в цифровой среде, проявляли социальную активность и были способными к объективной оценке получаемой информации, необходимы не только усилия по развитию цифровых технологий, но и активное цифровое просвещение, повышение уровня их цифровой грамотности, а также изменение отношения к использованию цифровых технологий в повседневной жизни»²⁸.

Рассуждая о проникновении цифровых технологий в разные сферы жизни общества и алгоритмизации управленческих практик, нельзя не остановиться на наиболее чувствительных к таким про-

²⁷ Зубова О.Г. Цифровизация и качество жизни пожилых людей в современном российском обществе // Социология. 2022. № 5. С. 55–64.

²⁸ Там же.

никновениям сферах — образовании и здравоохранении. Современная система российского образования функционирует в условиях существенных внешних и внутренних вызовов. Как отмечает заведующая кафедрой современной социологии социологического факультета МГУ, профессор Н.Г. Осипова, «внешние вызовы связаны с новыми геополитическими реалиями, которые существенно переопределили место нашей страны в системе международных отношений, трансформировали ее национально-государственные интересы и стратегические цели, вызвали значительные сдвиги в функционировании важнейших социальных институтов, одним из которых является высшее образование»²⁹. К внешним вызовам автор относит «выход из Болонской системы и переход на новую национальную модель высшего образования; изменение хозяйственной инфраструктуры России и рынка труда, что требует подготовки квалифицированных кадров, в первую очередь, для наукоемких отраслей производства и разработки «прорывных» промышленных технологий; цифровизацию коммуникационных процессов, включающих массивные информационные и, особенно, дезинформационные потоки, направленные на различные группы населения, и, особенно, на студенческую молодежь»³⁰.

Внутренние же вызовы связаны, например, с цифровизацией образовательного процесса и попытками внедрения, иногда довольно агрессивного, дистанционных образовательных технологий. Цифровизация сегодня становится средой функционирования различных институтов, в том числе, института образования. Внедрение цифровых информационно-коммуникативных технологий в сферу образования изначально подавалось как инструмент сокращения «бумажной» работы, освобождения времени преподавателей и администрации на другие важные виды деятельности. Но, как мы отмечали в своей совместной статье с сотрудниками кафедры экономической социологии и менеджмента С.А. Барковым и А.В. Маркеевой, цифровизация, например, в сфере высшего образования только увеличивает отчетную нагрузку вузов, не только заставляя дублировать отчеты (предоставлять их как в бумажной, так и электронной форме), но и дополнительно собирая для вышестоящих организаций данные по обеспеченности обучающихся компьютерами, по доступу

²⁹ Осипова Н.Г. Классическое университетское образование перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 7.

³⁰ Там же.

к электронным библиотечным системам, программному обеспечению и т.п. «На цифровизацию тратятся огромные деньги, но мало кто анализирует отдачу от них, тогда как отчетность увеличилась в разы. Компьютеры и Интернет долгое время резонно воспринимались как средства борьбы с бюрократией, по крайней мере с бумажной волокитой. Но инновационная бюрократия сумела и их поставить себе на службу: в школах, колледжах и университетах люди вынуждены заполнять сотни форм отчетности: преподаватели уже не столько занимаются своими непосредственными обязанностями, сколько заносят данные в сеть... бюрократия быстро освоилась в новых условиях и стала требовать все больше отчетов, якобы помогающих улучшить систему контроля. Здесь сработал исконный мотив бюрократа — он должен показывать, что у него очень много работы и поэтому он полезен обществу... Таким образом, увлечение инновационной бюрократии бесконечным структурированием образовательных процессов и “квантификацией” образовательной деятельности, игнорирование ее специфики объекта управления создают условия для множественных социальных дисфункций, снижения удовлетворенности преподавателей и студентов, уменьшения реальных, а не формальных результатов работы системы высшего образования»³¹.

Активное внедрение цифровых технологий в сферу здоровья открывает самые разные возможности для повышения эффективности оказания медицинской помощи населению и оптимизации управленческих практик в системе здравоохранения, но одновременно цифровизация и медиатизация сферы общественного и личного здоровья заставляет говорить о множестве рисков³². Доцент кафедры современной социологии А.В. Лядова в своей статье выделяет “несколько ключевых векторов исследовательского дискурса о цифровой медиатизации сферы здоровья”³³. Рассматривая процесс медиатизации на институциональном уровне отмечается цифровизация форм коммуникации в существующей модели взаимоотношений между врачом и пациентом и особенности конструирования новой; построение личного бренда врача в цифро-

³¹ Барков С.А., Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Инновационная бюрократия в управлении высшим образованием // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 68–69.

³² См.: Лядова А.В. Медиатизация сферы здоровья под влиянием новых медиа: основные направления социологического дискурса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 1. С. 53–71.

³³ Там же. С. 58.

вой среде; изучение дискурса о здоровье, создаваемого в цифровых медиа неинституциональными агентами (блогерами, инфлюенсерами). Также перспективным направлением изучения медиатизации сферы здоровья становится анализ воздействия новых медиа на конструирование социальных представлений и практик заботы о здоровье. Так, А.В. Лядова выделяет ряд особенностей конструирования представлений о здоровье в условиях влияния новых медиа: "...а) размывание традиционного восприятия здоровья и здорового образа жизни (формирование метрической модели здоровьесбережения и квантификации телесности в условиях развития цифрового селф-трекинга); б) плюрализм репрезентаций образа здоровья в цифровом медиaprостранстве; в) кастомизация практик здоровья; г) трансформация агентности, когда наряду с институциональными акторами-носителями экспертного знания значимую роль в конструировании здоровьесбережения играют и субъекты любительского медицинского дискурса"³⁴.

Говоря о трансформации управления в условиях цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта, нельзя обойти вниманием изменения в сфере осуществления социального контроля. Цифровые платформы сегодня являются не только важным экономическим актором, но и инстанцией социального контроля³⁵. Серьезными проблемами в условиях цифровизации современного общества становятся отсутствие этических стандартов в извлечении и использовании данных, нарушение приватности (цифровые следы делают пользователя "прозрачным" для платформы), а также безопасность предоставляемых данных. Ведя сетевую активность, индивид мало думает о том, как, кем и где предоставляемая им информация может быть использована. Цифровые платформы сегодня становятся новой инстанцией власти, средой для реализации системы цифрового контроля и субъектом манипулятивного воздействия. "При активном внедрении цифровых технологий во все сферы общественной жизни возникают опасения тотального контроля и оцифровки социального пространства. Цифровые информационно-коммуникативные технологии способствуют появлению возможности для осуществления тотального цифрово-

³⁴ Лядова А.В. Медиатизация сферы здоровья под влиянием новых медиа: основные направления социологического дискурса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 1. С. 64.

³⁵ Гавриленко О.В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1.

го контроля”³⁶. Основная задача технологических цифровых платформ — сделать так, чтобы пользователь терял счет времени, находился на платформе как можно дольше, оставляя цифровые следы, которые позволят манипулировать им в дальнейшем с помощью целенаправленного информационного воздействия (“пузырей фильтров”, эхо-камер и т.п.). «Современное медийное пространство ориентирует человека на жизнь “в состоянии потока”, погруженность в какое-то дело, когда сложно замечать все остальное. Технологические гиганты активно используют погруженность индивидов в потоковое состояние, чтобы завладеть их вниманием и получить хорошую прибыль. Цифровые платформы спроектированы так, чтобы пользователи испытывали состояние потока, теряли счет времени, оставляя все больше цифровых следов, на которых технологические гиганты и зарабатывают»³⁷. Цифровые следы с достаточно высокой достоверностью позволяют определить пол, возраст и даже черты личности пользователя, а такое знание о социально-демографических и психических особенностях фактически предоставляет “ключ” для манипулирования сознанием и поведением пользователя³⁸. Цифровые технологии открывают возможность для осуществления тотального цифрового контроля. Цифровая среда стала новым полем для применения социальных технологий управления поведением индивидов и формирования общественного мнения. Сегодня принципиально важно понимать акторов, получающих доступ к такому управлению и манипулированию, и осознавать цели и задачи такого воздействия. В условиях новых вызовов и в новой цифровой инфраструктуре такие социальные технологии управления общественными процессами могут приносить как пользу обществу, так и нести серьезную опасность, все зависит от того, в чьи “руки” такой инструмент попадет. “Социальный контроль выступает как форма социальной асимметрии. Открытым остается вопрос — кто имеет доступ к информации, генерируемой машинами контроля?”³⁹.

³⁶ Гавриленко О.В. Социальные технологии в эпоху “надзорного капитализма”... С. 153.

³⁷ Гавриленко О.В. Эпоха “надзорного капитализма”: новые формы власти цифровых платформ и манипулирование пользователями // Теория и практика общественного развития. 2024. № 3. С. 75.

³⁸ См.: *Монтаг К.* Новые боги. Как онлайн-платформы манипулируют нашим выбором и что вернет нам свободу. М., 2023.

³⁹ Гавриленко О.В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 159.

Современное российское общество развивается в условиях внешних и внутренних вызовов, требующих трансформации управленческих практик и разработки новых социальных технологий. Цифровые информационно-коммуникативные технологии, цифровые платформы, технологии искусственного интеллекта, машинного обучения, технологии Четвертой промышленно-технологической революции заставляют переосмыслить содержание и формы реализации управленческой деятельности как на уровне государственного управления, так и на уровне менеджмента. Необходимость социокультурной и экономической модернизации российского общества, выбора собственного пути развития, с возвратом к национальной самобытности и традиционным ценностям, требует применения новых социальных технологий, которые были бы адекватны актуальным вызовам и не вызывали бы отторжения и сопротивления “объекта” управленческих воздействий. В связи с этим проблематика кафедры социальных технологий и разработка эффективных социальных технологий управления обществом становится всё более актуальной и практически востребованной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аузан А. Развитие и “колея” зависимости // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 10. С. 96–105.

Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М., 2017.

Барков С.А., Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Инновационная бюрократия в управлении высшим образованием // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 58–72.

Викторов А.Ш. Социальные технологии как идеология элиты в современном обществе // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 9. С. 130–135.

Гавриленко О.В. Социальные технологии как исследовательское поле и инструмент социальных преобразований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 77–94.

Гавриленко О.В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 145–163.

Гавриленко О.В. Социальные технологии в эпоху “надзорного капитализма”: цифровизация и власть алгоритмов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 3. С. 145–165.

Гавриленко О.В. Современная российская деловая культура: “особый” путь развития или заимствование “чужих” управленческих практик? // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 157–177.

Гавриленко О.В. Эпоха “надзорного капитализма”: новые формы власти цифровых платформ и манипулирование пользователями // Теория и практика общественного развития. 2024. № 3. С. 74–79.

Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М., 2018.

Дорцева Е.В., Родин Н.В. Деструктивное воздействие на современную российскую молодежь (на примере новых субъектов Российской Федерации) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 4. С. 65–88.

Зубова О.Г. Цифровизация и качество жизни пожилых людей в современном российском обществе // Социология. 2022. № 5. С. 55–64.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М., 2011.

Карпова Н.В. Социокультурный анализ социально-политических систем: методологические основы исследования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 216–234. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-216-234>.

Курбанов А.Р. Социокультурное своеобразие России в восприятии иностранцев: опыт интерпретации ключевых нарративов // Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов: Коллект. науч. монограф. / Под ред. В.А. Фадеева, Т.А. Вархотова. М., 2023.

Лядова А.В. Медиатизация сферы здоровья под влиянием новых медиа: основные направления социологического дискурса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 53–71.

Маричев С. Проблема реализации социально-экономической модернизации России и “эффект колеи” // Общество и экономика. 2020. № 6. С. 5–24.

Михайленко А.В., Устинова О.А., Дударева А.Е. Ценности глазами экспертов // Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов: Коллект. науч. монограф. / Под ред. В.А. Фадеева, Т.А. Вархотова. М., 2023.

Монтаг К. Новые боги. Как онлайн-платформы манипулируют нашим выбором и что вернет нам свободу. М., 2023.

Осипова Н.Г. Классическое университетское образование перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 7–31.

Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е., Синятулина Л.Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 31–60.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

REFERENCES

Auzan A. Razvitie i “koleya” zavisimosti [Development and “track” of addiction] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 61. N 10. S. 96–105 (in Russian).

Auzan A. Ekonomika vsego. Kak instituty opredelyayut nashu zhizn' [The economy of everything. How institutions shape our lives]. М., 2017 (in Russian).

Barkov S.A., Markeeva A.V., Gavrilenko O.V. Innovacionnaya byurokratiya v upravlenii vysshim obrazovaniem [Innovation bureaucracy in the higher education management] // Vestnik Rossijskogo universiteta družhby narodov. Seriya: Sociologiya. 2024. T. 24. N 1. S. 58–72 (in Russian).

Dorceva E.V., Rodin N.V. Destruktivnoe vozdejstvie na sovremennuyu rossijskuyu molodezh' (na primere novyh sub"ektov Rossijskoj Federacii) [Features of the destructive impact on the youth of the new subjects of the Russian Federation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2023. T. 29. N 4. S. 65–88 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Social'nye tekhnologii kak issledovatel'skoe pole i instrument social'nyh preobrazovanij [Social technologies as research field and instrument of social transformations] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. T. 25. N 4. S. 77–94 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Cifrovye tekhnologii social'nogo kontrolya: perspektivy i social'nye posledstviya ih vnedreniya [Digital technologies of social control: prospects and social consequences of their implementation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2022. T. 28. N 1. S. 145–163 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Social'nye tekhnologii v epohu "nadzornogo kapitalizma": cifrovizaciya i vlast' algoritmov [Social technologies in the era of "supervisory capitalism": digitalization and the power of algorithms] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2023. T. 29. N 3. S. 145–165 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Sovremennaya rossijskaya delovaya kul'tura: "osobyj" put' razvitiya ili zaimstvovanie "chuzhih" upravlencheskih praktik? [Modern russian business culture: "special" path of development or borrowing "other people's" management practices?] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2024. T. 30. N 2. S. 157–177 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Epoha "nadzornogo kapitalizma": novye formy vlasti cifrovyy platform i manipulirovanie pol'zovatel'nyimi [The Era of "Surveillance Capitalism": New Forms of Digital Platform Power and User Manipulation] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2024. N 3. S. 74–79 (in Russian).

Grinfeld A. Radikal'nye tekhnologii: ustrojstvo povsednevnoj zhizni [Radical Technologies: The Design of Everyday Life]. M., 2018 (in Russian).

Inglhart R., Vel'cel' K. Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence]. M., 2011 (in Russian).

Karpova N.V. Sociokul'turnyj analiz social'no-politicheskikh sistem: metodologicheskie osnovy issledovaniya [Sociocultural analysis of socio-political systems: methodological foundations of the study] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2021. T. 27. N 4. S. 216–234. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-216-234> (in Russian).

Kurbanov A.R. Sociokul'turnoe svoeobrazie Rossii v vospriyatii ino-strancev: opyt interpretacii klyuchevyyh narrativov [Sociocultural uniqueness of Russia in the perception of foreigners: experience in the interpretation of key narratives] // Cennostno-smyslovye i intellektual'nye osnovaniya strategicheskogo razvitiya Rossii v usloviyah global'nyh vyzovov: Kollekt. nauch. monograf. / Pod red. V.A. Fadeeva, T.A. Varhotova. M., 2023 (in Russian).

Lyadova A.V. Mediatizaciya sfery zdorov'ya pod vliyaniem novyyh media: osnovnye napravleniya sociologicheskogo diskursa [Mediatization of youth health in the age of new media: the main trends in sociological discourse] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2024. T. 30. N 2. S. 53–71 (in Russian).

Marichev S. Problema realizacii social'no-ekonomicheskoy modernizacii Rossii i "effekt kolei" // Obshchestvo i ekonomika. 2020. N 6. S. 5–24 (in Russian).

Mihajlenko A.V., Ustinova O.A., Dudareva A.E. Cennosti glazami ekspertov [Values through the eyes of experts] // Cennostno-smyslovyje i intellektual'nye osnovaniya strategicheskogo razvitiya Rossii v usloviyah global'nyh vyzovov: Kollekt. nauch. monograf. / Pod red. V.A. Fadeeva, T.A. Varhotova. M., 2023 (in Russian).

Montag K. Novye bogi. Kak onlajn-platformy manipuliruyut nashim vyborom i chto vernet nam svobodu [The New Gods. How online platforms manipulate our choices and what will give us our freedom back]. M., 2023 (in Russian).

Osipova N.G. Klassicheskoe universitetskoe obrazovanie pred vyzovami sovremennosti [Classical university education facing the challenges of modernity] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2024. T. 30. N 2. S. 7–31 (in Russian).

Shtompka P. Sociologiya social'nyh izmenenij [The Sociology of Social Change]. M., 1996 (in Russian).

Styrin E.M., Dmitrieva N.E., Sinyatullina L.H. Gosudarstvennye cifrovyje platformy: ot koncepta k realizacii [Government Digital Platform: From Concept to Implementation] // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2019. N 4. S. 31–60 (in Russian).

Viktorov A.Sh. Social'nye tekhnologii kak ideologiya elity v sovremennom obshchestve [Social Technologies as an Ideology of the Elite in Modern Society] // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2023. N 9. S. 130–135 (in Russian).

Zubova O.G. Cifrovizaciya i kachestvo zhizni pozhihlyh lyudej v sovremennom rossijskom obshchestve [Digitalization and quality of life of the elderly in modern Russian society] // Sociologiya. 2022. N 5. S. 55–64 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-188-206

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СЕМЬИ И ДЕМОГРАФИИ: ОТВЕЧАЯ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ*

А.И. Антонов, докт. философ. наук, проф., зав. кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

А.Б. Синельников, докт. философ. наук, проф., зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по учебной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234***

Е.Н. Новосёлова, канд. социол. наук, доц., зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234****

В статье анализируются данные социологических исследований, проведенных кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудники которой придерживаются фамилистической парадигмы. Данные этих исследований используются для социального проектирования и прогнозирования семейно-демографического поведения основной массы населения, а также для разработки рекомендаций по совершенствованию семейно-демографической политики, направленной на повышение рождаемости и преодоление кризиса семьи, как социального института. Анализ этих данных показал, что эффективная политика в области семьи и демографии должна быть направлена не только на изменение отношения к семейной жизни и рождению детей со стороны тех людей, которые находятся сейчас в активных репродуктивных возрастах, но и на формирование позитивного отношения подростков и молодежи к основанной на прочном законном браке и тесной связи между тремя поколениями семьи с тремя и более детьми. Со-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-28-00518, “Социальное конструирование жизненных стратегий семей с разным числом детей: социолого-демографические исследования”.

** Антонов Анатолий Иванович, e-mail: antonov_ai@mail.ru

*** Синельников Александр Борисович, e-mail: sinalexander@yandex.ru

**** Новосёлова Елена Николаевна, e-mail: alena_n@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

циальная атмосфера, поощряющая создание и сохранение семей данного типа, должна рассматриваться как необходимое условие для процветания страны.

Ключевые слова: русская школа фамилизма, исследования семейно-детных ориентаций и установок, тенденции малодетности, семьецентризм, рождаемость, семья, репродуктивные установки, семейно-демографическая политика, многодетная семья.

SOCIOLOGICAL RESEARCH IN THE FIELD OF FAMILY AND DEMOGRAPHY: RESPONDING TO THE CHALLENGES OF OUR TIME

Antonov Anatoliy I., Doctor of Philosophy, Professor, Department of the Sociology of Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Sinelnikov Alexander B., Doctor of Philosophy, Professor, Department of the Sociology of Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: sinalexander@yandex.ru

Novoselova Elena N., PhD in Sociology, Associate Professor, Department of the Sociology of Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: alena_n@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

The article analyzes the data of sociological research conducted by the Department of Sociology of Family and Demography of the Faculty of Sociology of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, whose employees adhere to the familistic paradigm. The data from these studies are used for social design and forecasting of family and demographic behavior of the bulk of the population, as well as to develop recommendations for improving family and demographic policy aimed at increasing the birth rate and overcoming the crisis of the family as a social institution. Analysis of these data showed that effective policies in the field of family and demography should be aimed not only at changing the attitude towards family life and the birth of children on the part of those people who are now in active reproductive age, but also at creating a positive attitude of adolescents and young people towards based on a strong legal marriage and a close connection between three generations of a family with three or more children. A social atmosphere that encourages the formation and maintenance of families of this type should be considered as a necessary condition for the prosperity of the country.

Key words: Russian school of familism, research on family and children's orientations and attitudes, trends in having few children, family-centrism, fertility, family, reproductive attitudes, family and demographic policy, large families.

Демографический кризис в современной России

В России очень низкая рождаемость. Люди вступают в брак все позже, большинство супружеских пар имеют лишь одного или двоих детей, т.е. являются малодетными. По данным последней Всероссийской переписи населения 2020 г. среди замужних женщин 45–49 лет только 16% многодетных, а среди замужних женщин трудоспособного возраста, включая состоящих в незарегистрированном браке — 15%¹. Это в три с половиной раза меньше, чем необходимо для простого замещения поколений, которое возможно только в случае, если не менее 55% замужних женщин на протяжении своего жизненного пути до выхода из репродуктивного возраста станут многодетными матерями².

Демографическая ситуация в России неблагоприятна уже в течение многих десятилетий. Современные тенденции демографических структур и процессов, уходят своими истоками в послевоенные годы XX столетия³. На сегодняшний день фактический уровень рождаемости лишь на одну треть реализует имеющийся у населения потенциал рождаемости, обусловленный состоянием здоровья и демографической структурой по полу и возрасту. Этот уровень не обеспечивает даже простого замещения поколений, т.е. продолжается естественная убыль населения — депопуляция. Об отсутствии потребности в трех и более детях у большинства населения свидетельствуют данные опросов как о среднем желаемом и ожидаемом числе детей, так и об установках на возраст материнства и интервалы между рождениями⁴.

Исследования кафедры социологии семьи и демографии

Кафедрой проведено свыше 20 выборочных межрегиональных исследований, посвященных изучению факторов, влияющих на формирование ценностей семейно-детного образа жизни (СеДОЖ). Установлено, что именно от их места в общей системе ценностей больше всего зависит заключение и расторжение браков, рождение

¹ Рассчитано по: Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 9: Рождаемость. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost

² Синельников А.Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 27–28.

³ Антонов А.И. Цели активной семейно-демографической политики в связи с тенденциями динамики населения РФ // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. № 3.

⁴ Антонов А.И. В строю научной школы фамилизма (о вкладе кафедры социологии семьи и демографии в достижения социологического факультета МГУ) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 4.

того или иного числа детей, отношения как между супругами, так и между родителями и детьми. Главной причиной депопуляции, т.е. естественной убыли населения, которая продолжается уже более 30 лет, является вытеснение семейных ценностей внесемейными.

Проводятся не только количественные, но и качественные исследования: анализ фольклора, прозы, поэзии, произведений изобразительного искусства и кинематографии, телесериалов, мультфильмов, клипов, рекламных роликов и визуальной рекламы, в том числе граффити⁵.

В 2018–2019 гг. был проведен одновременный опрос обоих супругов двумя интервьюерами в 1,2 тыс. семейных пар (СеДОЖ–2019). Мужья и жены отвечали на одни и те же вопросы, не зная ответов другого супруга. Результаты исследования были опубликованы в четырех монографиях⁶ и ряде статей в научных журналах и сборниках конференций.

В настоящее время сотрудники кафедры проводят исследования по гранту Российского научного фонда № 23-28-00518 “Социальное конструирование жизненных стратегий семей с разным числом детей: социолого-демографические исследования”. Установлено, что традиции многодетности нередко транслируются от поколения к поколению, причем по мужской линии это происходит значительно чаще, чем по женской. Во время интервью с многодетными матерями, многие из них указывали, что стали многодетными потому, что их мужья не только желали (как и они сами) создать большую семью, но и взяли на себя заботы по ее материальному обеспечению на приемлемом уровне. Это позволило женам надолго посвятить себя семье. Но мужья не ограничиваются ролью кормильцев семьи. Они активно участвуют также в домашних делах и воспитании детей.

Когда говорят о справедливом разделении ролей в семье, почти всегда имеют в виду двух работающих родителей, но справедливость это далеко не всегда увеличение эгалитарности в распределении ролей, ведь и некоторый сдвиг в сторону более традиционных

⁵ Фамилистические исследования. Т. 1. Социологический анализ литературных и фольклорных текстов. М., 2009.

⁶ И вместе, и врозь: социология взаимных представлений супругов (по результатам социологических исследований) / Под ред. А.И. Антонова. М., 2022; Сходство и различие ценностных ориентаций мужей и жён по результатам одновременного опроса супругов. М., 2021; Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова / Под ред. А.И. Антонова. М., 2020. URL: <https://doi.org/10.29003/m857.SeDOJ-2019>; Новоселова Е.Н. Здоровье как ценность и практика. М., 2021.

отношений (имеется ввиду конструкт “мужчина — добытчик, женщина — хранительница домашнего очага”) на определенных этапах развития семьи может также способствовать равномерности нагрузки, ложащейся на супругов, а в многодетных семьях это нередко единственно возможный путь.

По данным исследования “Возможности и ограничения занятости женщин в Москве”⁷, с ростом количества детей доля неработающих матерей увеличивается: женщины, имеющие трех и более детей, не работают в четыре раза чаще, чем матери одного или двух малышей. Во многом это связано с тем, что многодетные мамы с большей вероятностью имеют на руках ребенка младше двух лет и именно поэтому не работают. Однако есть связь и между наличием детей (независимо от их количества) и желанием выходить во внесемейную занятость: две трети (65%) москвичек без детей заявили о том, что желают иметь работу, среди детных респонденток таких 47%⁸.

В исследовании СеДОЖ–2019⁹ 45,7% незанятых на момент опроса женщин позиционируют себя как домохозяйки, причем с увеличением числа детей количество этих женщин возрастает и в группе “трое и более детей” их уже 84,6% (против 37,3% среди женщин с одним ребенком). Таким образом, женщина, если она сознательно выбирает эту роль, не поставлена в ситуацию двойной занятости, которая способствует немалым трудностям, новым стрессам, вынуждает искать способы совладания с ними.

Самые высокие шансы иметь троих и более детей имеют супружеские пары, в которых у родителей обоих супругов тоже было трое и более детей¹⁰. Но даже среди таких пар почти 70% ограничиваются одним или двумя детьми. Среди всех состоящих в браке респондентов выходцы из многодетных семей составляют 30%, но если принять эту группу за 100%, то у 45%, т.е. почти у половины из них, супруги тоже происходят из таких семей. Если бы фактор происхождения не влиял на частоту заключения браков с “себе подобными”, то эта доля была бы такой же, как среди всех респондентов (30%). Однако фактическая частота браков между мужчи-

⁷ Пишняк А. Как дети влияют на карьеру матери // Научно-образовательный портал ВШЭ IQ. URL: <https://iq.hse.ru/news/190108300.html>

⁸ Там же.

⁹ Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет...

¹⁰ Синельников А.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В., Антонов А.И. Влияние репродуктивного опыта родительских семей на вероятность выбора многодетной стратегии родительства // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 71–85. DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.6.

нами и женщинами из многодетных семей составляет 45%, что в 1,5 раза больше ожидаемой частоты, которая имела бы место при отсутствии влияния этого фактора на выбор супруга. Этот показатель направленности брачного выбора называется коэффициентом ассоциации браков¹¹. Фактическая частота браков, в которых оба супруга — единственные дети у своих родителей, тоже превышает ожидаемую в полтора раза. Сходство между представлениями мужа и жены о предпочтительном для них образе жизни вообще и семейной жизни в особенности способствует созданию и сохранению больших семей. Образ жизни многодетных и однодетных семей сильно различается. Выходцы из семей с тремя и более детьми, воспроизводят образ семейной жизни своих родителей часто, но далеко не всегда.

В процессе исследования изучались представления респондентов о нормальной семейной жизни. Среди респондентов, считающих очень важным признаком нормальной семейной жизни наличие нескольких детей, подавляющее большинство (73%) считают столь же важным признаком также и состояние в зарегистрированном браке, а среди тех, которые считают, что наличие нескольких детей таким признаком не является, лишь 38%, т.е. в два раза реже, признают важность зарегистрированного брака¹². Кроме того, люди, которые считают, что очень важно иметь нескольких детей, значительно реже, чем те, для кого это не важно, признают моральное право на развод с нелюбимым супругом, если в семье есть дети. Наконец, люди, которые придают очень важное значение наличию нескольких детей, гораздо чаще, чем те, которые вообще не считают это признаком нормальной семейной жизни, придают большое значение также постоянному общению и взаимопомощи между родителями и взрослыми детьми, проживающими отдельно от них.

Число детей в семье во многом зависит от регистрации брака между их родителями, от его потенциальной прочности, от помощи со стороны старшего поколения. Замена законных браков незарегистрированными союзами, которые распадаются еще чаще и в которых гораздо реже, чем в зарегистрированных браках, рождаются дети, способствует снижению рождаемости. Далеко не каждая женщина решится на рождение нескольких детей, понимая, что муж, перед которым она ни в чем не виновата, в любой момент может разлюбить ее и уйти к другой женщине, а окружающие будут

¹¹ Социология семьи: Уч. / Под ред. А.И. Антонова. М., 2015. С. 296–302.

¹² Синельников А.Б. Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ. Уч. пособ. М., 2022. С. 298–300.

оправдывать его поступок тем, что “сердцу не прикажешь”. Конечно, покинутая женщина, имеющая ребенка, может и без мужа сама вырастить, материально обеспечить и воспитать его или вновь выйти замуж. Но если у нее трое детей или еще больше — это будет несравненно труднее.

Почти все супружеские пары отделяются от родителей при первой возможности. Помощь в присмотре и уходе за детьми со стороны бабушек возможна и при раздельном проживании, если они живут недалеко от своих детей и внуков. Но повышение возраста выхода на пенсию приводит к тому, что женщины продолжают работать в то время, когда у их сыновей и дочерей появляются вторые и третьи дети, от численности которых зависит степень замещения поколений, т.е. рост, стабилизация или убыль населения страны.

Все это способствует дальнейшему снижению рождаемости и снижает эффективность мер семейно-демографической политики по ее повышению. До сих пор эти меры носят только экономический характер и предназначены лишь для устранения помех материально-бытовых к рождению желаемого родителями числа детей в уже существующих семьях. Они не способствуют ни созданию новых семей, ни сохранению тех, которые уже есть.

Многие ученые называют демографическую политику семейной, а семейную — демографической, вкладывая в оба эти термина самые разные смыслы. Сотрудники и преподаватели кафедры социологии семьи предпочитают термин семейно-демографическая политика, тогда как выделяются также и другие направления демографической политики такие как улучшение состояния здоровья населения (и, соответственно, снижение смертности)¹³ или регулирование миграции¹⁴. И хотя это напрямую не связано с семейной жизнью, эти вопросы также очень важны для осуществления целей семейно-демографической политики РФ.

Семья является основным социальным институтом, отвечающим за “формирование облика человека, его ценностной системы, его культуры”¹⁵. В семье, складываются основные черты характера человека, его привычки и жизненная позиция считает 71% рос-

¹³ Новосёлова Е.Н. Здоровье в пожилом возрасте: стереотипы и объективные показатели // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 1. С. 40–68.

¹⁴ Синельников А.Б. Влияние демографической саморегуляции на воспроизводство и миграцию населения // Социология. 2020. № 4. С. 149–164.

¹⁵ Серебрякова О.В. Семья в системе формирования экологической культуры российской молодежи: дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2014.

сиян¹⁶, и именно данный институт эффективнее всего способен минимизировать риск здоровью своих членов и привить ценностно ориентированный подход к здоровью. 92,1% родителей считают, что формирование у детей бережного отношения к здоровью, обучение паттернам самосохранительного поведения является прерогативой семьи¹⁷. Однако сделать это семья сможет только тогда, когда ее взрослые члены сами компетентны в вопросах, касающихся здоровья и здорового образа жизни, имеют мотивацию к сохранению своего здоровья и здоровья своих детей, являются для них примером.

К сожалению, многие родители, воспринимая здоровье исключительно как отсутствие болезней и игнорируя взаимосвязь физического, психического и социального благополучия не понимают самой сущности понятия здоровья, которое “не может сводиться лишь к констатации отсутствия болезней, недомогания, дискомфорта, оно — состояние, которое позволяет человеку вести нестесненную в своей свободе жизнь, полноценно выполнять свойственные человеку функции...вести здоровый образ жизни, т.е. испытывать душевное, физическое и социальное благополучие”¹⁸.

В основе валеологического воспитания лежит согласованность семейных ценностей и установок супругов относительно здоровья и здорового образа жизни, общность взглядов на такие его составляющие как питание, занятия физкультурой и спортом, отказ от вредных привычек и т.д.

По данным исследования СеДОЖ–2019, лишь 11,1% супружеских пар единогласны в том, что здоровье в первую очередь зависит от усилий самого человека по его сохранению, 51,4% пар так не считают, а чуть менее чем в 40% пар нет согласия по этому поводу (18,7% — так считает жена, 18,8% — муж). Даже если прибавить к данному аспекту такой фактор как вредные привычки, о котором мы спрашивали отдельно, то все равно эти данные будут далеки от реальных оценок¹⁹.

Родители заявляют о высокой ценности здоровья для себя (50% ставят здоровье на первое место в ранге ценностей, средний ранг — 2,9) и своих детей (63,4%, средний ранг — 2,4). При этом 28,8% отцов и 10,4% матерей курят, что приводит к повышению вероятности

¹⁶Источник данных: Воспитание детей // ФОМ. 2004.13.05. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/famil/child_dress/dd041823 (дата обращения: 15.11.2020).

¹⁷Маркова А.И., Ляхович А.В., Гутман М.Р. Образ жизни родителей как детерминанта здоровья детей // Гигиена и санитария. 2012. № 2. С. 57.

¹⁸Лисицин Ю.П., Сахно А.В. Здоровье человека — социальная ценность. 1988.

¹⁹И вместе, и врозь: социология взаимных представлений супругов...

курения детей; употребляют спиртные напитки (по данным ВОЗ, около 12 литров на человека в год, если считать учтенный и неучтенный алкоголь), что дает меньше шансов на трезвую жизнь в будущем их детям (до 70% взрослых сыновей и 25% дочерей больных алкоголизмом страдают тем же); недостаточно времени посвящают спорту (по данным лишь 15% имеют совместный спортивный досуг с детьми); неправильно питаются и не приучают к этому детей, что приводит к лишнему весу и ожирению (по данным Росстата, с 2005 по 2016 г. число детей с диагнозом ожирение увеличилось на 56%); игнорируют своевременное посещение врача и не занимаются профилактикой заболеваний (лишь 27,8% регулярно посещают врача, 33,9% делают это при плохом самочувствии, остальные занимаются самолечением или бездействуют)²⁰.

Учитывая вышесказанное необходима продуманная политика по повышению грамотности родителей в вопросах ЗОЖ, включающая в себя трансляцию им, как людям, несущим основную ответственность за здоровье будущих поколений, актуальной научно-обоснованной информации о существующих рисках для их собственного здоровья и здоровья детей, равно как и о способах их нивелирования. Здесь стоит оговориться, что помимо информационной поддержки многим семьям необходима и материальная, так как многие из них не имеют финансовых возможностей обеспечить элементарные условия для поддержания здоровья и обеспечения безопасности своих детей, а с рождением каждого следующего ребенка ситуация лишь обостряется и соответственно наиболее уязвимыми становятся многодетные семьи за увеличение доли которых идет борьба средствами демографической и социальной политики государства.

Не все цели семейной политики, например, помощь бедным семьям, имеют демографической характер²¹. По идее, целями семейно-демографической политики должны быть повышение рождаемости, увеличение числа браков и уменьшение числа разводов. Но на практике эта политика направлена лишь на увеличение числа рождений в уже существующих семьях и включает в себя только экономиче-

²⁰ Новоселова Е.Н. Потенциал института семьи в формировании здоровья детей // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН. Сердечно-сосудистые заболевания, издательство Федеральное государственное бюджетное учреждение "Национальный медицинский исследовательский центр сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева" Министерства здравоохранения Российской Федерации (Москва). 2021. Т. 21. № 6. С. 253–255.

²¹ Антонов А.И. Современные тенденции детности семьи и цели семейно-демографической политики // Экономические стратегии. 2014. № 5(121). С. 68–74.

скую помощь этим семьям. Это в какой-то мере улучшает условия их жизни, что способствует более полной реализации их потребности в детях, но на саму потребность, т.е. на желаемое родителями при наличии всех необходимых для этого условий (по их же мнению) число детей не влияет. Эта политика не создает стимулов для создания новых семей и не препятствует распаду семей, которые уже есть.

Данные исследований кафедры показывают, что число детей у супругов во многом зависит от того, зарегистрирован ли их брак. Важно также и то, считают ли муж и(или) жена морально приемлемым развод, особенно когда один из них требует расторгнуть брак из-за того, что “чувства иссякли” или возникла “новая любовь”, хотя другой супруг ни в чем не виноват.

Кроме того, очень важны и отношения между старшим и средним поколениями как при совместном, так и при раздельном проживании. Будут ли деды и особенно бабушки присматривать за внуками, когда родители этих внуков находятся на работе? Если рассуждать логически, то когда родители состарятся, чем больше у них будет взрослых детей, тем больше будет и шансов на помощь с их стороны. Однако данные кафедрального исследования “Религия, семья, дети”, не подтвердили эту гипотезу. На вопрос “одиночество не грозит в старости тем, у кого в семье сколько детей?” почти три четверти респондентов (72,9%) ответили “Число детей не имеет значения”. Мнения верующих и неверующих по этому вопросу мало различались²².

Добровольная бездетность шире всего распространена в тех западных странах, где старые люди, уже не способные сами себя обслуживать, уходят в дома престарелых, не ожидая помощи от взрослых детей и внуков. Их судьба мало отличается от судьбы бездетных. Из-за этого теряет значение страх перед одинокой старостью, который в прошлом способствовал рождению детей. И хотя ситуация в этом отношении у нас пока что лучше, чем на Западе, добровольная бездетность все чаще встречается и в России. Исследования, проведенные под руководством А.И. Антонова в 1976 г., т.е. еще до создания кафедры, а также в рамках кафедры в 2000 и 2014 гг., показывают, что добровольная бездетность постепенно становится социально приемлемой²³. Это явление связано с девальвацией семейно-детной

²² Синельников А.Б., Медков В.М., Антонов А.И. Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования). М., 2009. С. 224.

²³ Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования. М., 2018. С. 114–140.

жизнедеятельности горожан, в том числе с внесемейной направленностью условий жизни в больших городах²⁴, но мириться с ним нельзя, поскольку оно угрожает демографической безопасности России.

Особенности научной работы кафедры

Данные кафедральных исследований, как правило, согласуются с результатами исследований, проведенных Росстатом, НИУ ВШЭ, ВЦИОМ, ФОМ, разными научными коллективами и отдельными учеными. Специфика научной работы кафедры состоит в одновременном опросе обоих супругов²⁵, в применении методики семантического дифференциала²⁶, в разработке системной концепции трансформации семейно-демографического поведения²⁷, которая представляет собой дальнейшее развитие теории институционального кризиса семьи²⁸. Эта теория объясняет причины кризиса и предлагает пути выхода из него. Она может быть научной основой для семейно-демографической политики, в отличие от популярной теории демографического перехода, согласно которой институт семьи переживает не кризис, а исторически необратимые прогрессивные изменения.

Рекомендации по совершенствованию семейно-демографической политики, сделанные на основании анализа данных исследований

Для повышения эффективности семейно-демографической политики в России, необходимо конкретизировать ее цели по упрочению семьи как единственного базового социального института по демографическому воспроизводству и одновременно по семейной социализации подрастающих поколений. Семейно-демографиче-

²⁴ Новоселова Е.Н. Добровольная бездетность как репродуктивная стратегия современного горожанина // Человек и общество: опыт и перспективы социологических исследований: сборник научных статей / Науч. ред. Г.В. Жигунова. Мурманск, 2015. С. 87–93.

²⁵ Сходство и различие ценностных ориентаций мужей и жён по результатам одновременного опроса супругов. М., 2021.

²⁶ Карпова В.М., Антонов А.И., Денисова А.В. Опыт применения метода семантического дифференциала для диагностики супружеской сплоченности в семьях с разным числом детей // Социальное пространство. 2024. Т. 10. № 2. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.6 URL: <http://socialarea-journal.ru/article/30018>

²⁷ Синельников А.Б. Браки и разводы в современном обществе... С. 114–242.

²⁸ Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур // Социология. 2014. № 1. С. 3–20.

ская политика должна быть направлена не только на поддержание стабильности существующих семей с несколькими детьми, но и на принятие новыми поколениями социальных ролей матери и отца, мужа и жены. Более того, наряду с просемейной социализацией имеющих детей в благоприятной для семьи обстановке, способствующей рождению следующих по очередности детей, необходимо продуцировать в социуме действия по созданию новых семей. Семья не может сразу стать многодетной. Новым формирующимся семьям надо помогать уже с момента их создания, т.е. с регистрации брака. Следует давать молодоженам кредит на покупку жилья. До рождения первого ребенка кредит следует выплачивать со всеми процентами. После рождения первенца надо снижать ежемесячные платежи на период отпуска матери по уходу за ребенком, который может продолжаться до трех лет, поскольку в это время доходы семьи уменьшаются. Это будет стимулировать матерей оставаться в отпуске до тех пор, пока ребенок не пойдет в детский сад. Такую же льготу следует предоставлять вновь при рождении второго, третьего и четвертого ребенка. На каждого из них надо списывать часть кредита, а для семьи с четырьмя детьми он должен погашаться полностью.

Другой вариант решения проблемы — строительство социального жилья для сдачи в аренду молодым семьям по ценам, близким к рыночным. Преимущество перед арендой у частных лиц состоит в том, что хозяева в любой момент могут выселить жильцов, а выселение из социального жилья возможно только за неуплату или асоциальный образ жизни. При этом размер арендной платы тоже надо снижать в период отпуска матери по уходу за ребенком, а жильцы могут выкупить жилье в собственность. Отличие от ипотеки состоит в отсутствии первого взноса, на который у многих нет денег.

По данным исследований, каждый следующий ребенок снижает доход семьи, и разрыв в доходах между малодетными и многодетными семьями может быть довольно значительным. Как показывают исследования, демографическая структура семьи вообще оказывает довольно серьезное влияние на среднедушевые доходы. Например, в Москве среднедушевые доходы семей с детьми в 1,6 раза ниже среднедушевых доходов домохозяйств без детей²⁹, что уж тут говорить о многодетных семьях, в которых среднее число иждивенцев на одного кормильца намного выше. В России многодетные семьи —

²⁹ Пишняк А.И., Попова Д.О. Уровень и качество жизни московских домохозяйств: объективные и субъективные оценки // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 257–272.

явление редкое, они своеобразные диссиденты нашего времени³⁰, именно поэтому таким семьям должны быть предоставлены необходимые защита и содействие.

Бабушкам, занятым уходом за двумя и более внуками от одного сына или от одной дочери, следует разрешить выход на пенсию в 55 лет или даже еще раньше. Традиционно считается, что русские бабушки — это особенный феномен, которого нет в других странах, более того его нередко трактуют как индикатор «русской отсталости, «угнетенности» и бесправного положения женщин»³¹. По мнению некоторых исследователей присутствие бабушки в молодой семье в прошлом было необходимостью — это серьезно повышало шансы на выживание внуков и давало возможность рожать больше детей с меньшими интервалами. В настоящее время прародительницы уже не оказывают столь значимого влияния на эти процессы, однако и сегодня поддерживающая сеть отношений и ресурсов (в данном случае наличие прародителей, которые могут обеспечить семью ресурсами, имеющими отношение к рождению детей) играет одну из главных ролей в персональных репродуктивных намерениях³². Следовательно вышеописанная мера может способствовать рождению вторых, третьих и последующих детей.

Для укрепления связи между поколениями надо изменить законы о наследовании, предоставляя при отсутствии завещаний преимущества тем взрослым детям, которые жили рядом с родителями или недалеко от них, заботились о пожилых отцах и матерях и могут подтвердить это свидетельскими показаниями соседей, квитанциями об оплате коммунальных услуг и медицинской помощи для стариков либо каким-то другим способом.

На снижение рождаемости и кризис семьи влияют не только экономические факторы, но государство использует для решения этих проблем главным образом меры экономического характера, которые могут иметь лишь ограниченный эффект.

Многие пары живут вместе без регистрации брака, поскольку сомневаются в прочности отношений и опасаются потерять жилье и другую ценную собственность из-за развода. Имущество, приобретенное во время брака, считается общим и подлежит разделу по-

³⁰ Вести с семейного фронта: интервью с профессором, доктором философских наук А.И. Антоновым. URL: <https://clck.ru/WjwWa> (дата обращения: 30.04.2021).

³¹ Сорокин Г.Г. Бабушки современной России // Женщина в российском обществе. 2014. № 1 (70).

³² Шарин В.И., Кулькова И.А. Влияние помощи старшего поколения на рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2.

полам независимо от величины заработков или доходов каждого из супругов. Семейный Кодекс разрешает заключать брачный договор о раздельном или частично-раздельном режиме собственности на то или иное имущество. Но большинство женихов и невест обходятся без договора, чтобы не обижать друг друга подозрениями. Надо сделать заключение договора обязательным условием для вступления в брак. Что обязательно, то не оскорбительно. Тогда исчезнет страх перед регистрацией брака и число законных браков увеличится.

Наше бракоразводное законодательство — одно из самых либеральных в мире. В Семейном Кодексе нет таких понятий как уважительная причина развода, вина в разводе, ответственность за эту вину. Любой из супругов независимо от наличия детей может расторгнуть брак по своему произволу даже тогда, когда другой супруг ни в чем не виноват и хочет сохранить семью. Надо изменить этот порядок. Если развода потребует один из супругов без согласия другого, то первый должен либо доказать в суде вину последнего в неверности, пьянстве, наркомании, жестоком обращении с членами семьи и(или) отсутствии заботы о них, либо принять на себя ответственность за расторжение брака без уважительных причин. Судебные споры между бывшими супругами о том, с кем из них останутся дети и как следует делить имущество, надо решать в пользу невиновной в разводе стороны³³.

Учебные заведения, в которых с 2024–2025 учебного года вводится курс семействования, и СМИ, особенно телевидение, по которому показывают множество фильмов о семейной жизни, могут сделать более привлекательным образ жизни семьи, основанной на прочном законном браке, имеющей трех и более детей и поддерживающей постоянные отношения взаимопомощи со старшим поколением.

Увеличение материальной помощи семьям, облегчение их пути от регистрации брака до многодетности, изменения в брачно-семейном законодательстве, укрепление связи между поколениями и повышение престижности семейно-детного образа жизни помогут остановить депопуляцию и возродить прочную семью с несколькими детьми, как социальный институт, обеспечивающий выживание общества и правильное просемейное воспитание детей.

С первых дней своего существования кафедра социологии семьи — единственная в России с 1991 г. — сочетала свою исследовательскую и преподавательскую работу с участием в разного рода рабочих группах, экспертных советах и комиссиях различных ми-

³³ Синельников А.Б. Браки и разводы в современном обществе. С. 345–365.

нистерств и ведомств, в совещаниях Администрации Президента Российской Федерации, Государственного Совета по безопасности России, Совета Федерации и Совета депутатов Государственной Думы Российской Федерации. Сотрудники кафедры в рамках парадигмы фамилистического пронатализма вели активную работу по пропаганде просемейной политики повышения рождаемости, критикуя предложения наших оппонентов, настаивающих на приемлемости серийной (многоразводной и многобрачной) моногамии, добровольной бездетности, нерегистрируемых в загсах сожительства, суррогатного материнства, а также на равенстве между нормальными семьями и антисемейными конструкциями радикального феминизма. В настоящее время, когда провозглашен курс на традиционную многодетность кафедрой исследуются проблемы социального проектирования и прогнозирования демографического поведения семьи. Постепенное уменьшение естественной убыли населения рассматривается в контексте активности реальных когорт, заканчивающих демографическое воспроизводство в предстоящие десятилетия и вступающих в него. При правильной просемейной политике в 2025–2040 гг. депопуляция может быть устранена к концу 2050-х гг., а в начале 2060-х гг. достижение критического значения суммарного коэффициента рождаемости (2,1) позволит стране встать на путь расширенного воспроизводства населения. Акцент семейно-демографической политики не только на изменении установок нынешних репродуктивных когорт, а на формировании установок подростков и молодежи к семье с несколькими детьми приведет в конечном счете к полному устранению депопуляции и устойчивому тренду роста населения. В общественной атмосфере поощрения семейности следует видеть мощное средство для преобразования российского образа жизни и процветания нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографические структуры // Социология. 2014. № 1. С. 3–20.

Антонов А.И. Современные тенденции детности семьи и цели семейно-демографической политики // Экономические стратегии. 2014. № 5(121). С. 68–74.

Антонов А.И. Цели активной семейно-демографической политики в связи с тенденциями динамики населения РФ // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. № 3.

Антонов А.И. В строю научной школы фамилизма (о вкладе кафедры социологии семьи и демографии в достижения социологического факультета МГУ) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 4.

Антонов А.И. У истоков второго рождения (или возрождения) социологии семьи // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 14–18.

Антонов А.И., Карпова В.М., Ляликова С.В. Соотношение желаемого и фактического благосостояния семей: по данным социолого-демографического опроса супружеских пар // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 1. С. 121–131.

Антонов А.И., Карпова В.М., Ляликова С.В., Лебедь О.Л. Перспективы реализации репродуктивных установок семей в 2021–2025 гг. (по результатам социолого-демографических исследований) // Социология медицины. 2020. Т. 19. № 1. С. 11–17.

Антонов А.И., Карпова В.М., Новоселова Е.Н. Здоровье в субъективных оценках состоящих в браке городских жителей // Социальные аспекты здоровья населения (электронный журнал). 2020. Т. 66. № 6.

И вместе, и врозь: социология взаимных представлений супругов (по результатам социологических исследований) / Под ред. А.И. Антонова. М., 2022.

Карпова В.М., Антонов А.И., Денисова А.В. Опыт применения метода семантического дифференциала для диагностики супружеской сплоченности в семьях с разным числом детей // Социальное пространство. 2024. Т. 10. № 2. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.6. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/30018>

Лисицин Ю.П., Сахно А.В. Здоровье человека — социальная ценность. М., 1988.

Маркова А.И., Ляхович А.В., Гутман М.Р. Образ жизни родителей как детерминанта здоровья детей // Гигиена и санитария. 2012. № 2.

Новоселова Е.Н. Добровольная бездетность как репродуктивная стратегия современного горожанина // Человек и общество: опыт и перспективы социологических исследований: Сб. науч. ст. / Науч. ред. Г.В. Жигунова. Мурманск, 2015. С. 87–93.

Новоселова Е.Н. Потенциал института семьи в формировании здоровья детей // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН. Сердечно-сосудистые заболевания, издательство Федеральное государственное бюджетное учреждение “Национальный медицинский исследовательский центр сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева” Министерства здравоохранения Российской Федерации (Москва). 2019. Т. 21. № 6.

Новоселова Е.Н. Здоровье как ценность и практика: общество, семья, личность. М., 2021.

Новоселова Е.Н. Здоровье в пожилом возрасте: стереотипы и объективные показатели // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 1. С. 40–68.

Пишняк А.И., Попова Д.О. Уровень и качество жизни московских домохозяйств: объективные и субъективные оценки // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 257–272.

Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования. М., 2018.

Синельников А.Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 26–39. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00013

Синельников А.Б. Влияние демографической саморегуляции на воспроизводство и миграцию населения // Социология. 2020. № 4. С. 149–164. <https://soziologi.ru/upload/iblock/b70/N%4%202020.pdf>

Синельников А.Б. Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ. Уч. пособ. М., 2022. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/510459430/>.

Синельников А.Б., Карпова В.М., Ляликova С.В., Антонов А.И. Влияние репродуктивного опыта родительских семей на вероятность выбора многодетной стратегии родительства // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 71–85. DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.6.

Синельников А.Б., Медков В.М., Антонов А.И. Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования). М., 2009.

Сорокин Г.Г. Бабушки современной России // Женщина в российском обществе. 2014. № 1 (70).

Социология семьи: Уч. / Под ред. А.И. Антонова. М., 2015.

Сходство и различие ценностных ориентаций мужей и жён по результатам одновременного опроса супругов. М., 2021.

Фамилистические исследования. Т. 1. Социологический анализ литературных и фольклорных текстов. М., 2009.

Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова / Под. ред. А.И. Антонова. М., 2020. DOI: <https://doi.org/10.29003/m857.SeDOJ-2019>.

Шарин В.И., Кулькова И.А. Влияние помощи старшего поколения на рождаемость в России // Народнонаселение. 2019. № 2.

REFERENCES

Antonov A.I. Institucional'nyj krizis sem'i i semejno-demograficheskikh struktur [Institutional crisis of the family and family-demographic structures] // Sociologiya. 2014. N 1. S. 3–20 (in Russian).

Antonov A.I. Sovremennye tendencii detnosti sem'i i celi semejno-demograficheskoy politiki [Modern trends in family childbearing and the goals of family and demographic policy] // Ekonomicheskie strategii. 2014. N 5(121). S. 68–74 (in Russian).

Antonov A.I. Celi aktivnoj semejno-demograficheskoy politiki v svyazi s tendenciyami dinamiki naseleniya RF [Goals of active family and demographic policy in connection with trends in the dynamics of the population of the Russian Federation] // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2018. N 3 (in Russian).

Antonov A.I. V stroyu nauchnoj shkoly familizma (o vklade kafedry sociologii sem'i i demografii v dostizheniya sociologicheskogo fakul'teta MGU) [In the structure of the scientific school of familism (about the contribution of the Department of Sociology of Family and Demography to the achievements of the Sociological Faculty of Moscow State University)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. N 4 (in Russian).

Antonov A.I. U istokov vtorogo rozhdeniya (ili vozrozhdeniya) sociologii sem'i [At the origins of the second birth (or revival) of family sociology] // Sociologicheskie issledovaniya. 2021. N 5. S. 14–18 (in Russian).

Antonov A.I., Karpova V.M., Lyalikova S.V. Sootnoshenie zhelaemogo i fakticheskogo blagosostoyaniya semej: po dannym sociologo-demograficheskogo

oprosa supružeskih par [The ratio of the desired and actual well-being of families: according to a sociological and demographic survey of married couples] // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2021. T. 17. N 1. S. 121–131 (in Russian).

Antonov A.I., Karpova V.M., Lyalikova S.V., Lebed' O.L. Perspektivy realizacii reproduktivnyh ustanovok semej v 2021–2025 gg. (po rezul'tatam sociologo-demograficheskikh issledovanij) [Prospects for the implementation of reproductive goals of families in 2021–2025 (based on the results of sociological and demographic studies)] // *Sociologiya mediciny*. 2020. T. 19. N 1. S. 11–17 (in Russian).

Antonov A.I., Karpova V.M., Novoselova E.N. Zdorov'e v sub'ektivnyh ocenках sostoyashchih v brake gorodskih zhitelej [Health in subjective assessments of married urban residents] // *Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya (elektronnyj zhurnal)*. 2020. T. 66. N 6 (in Russian).

Cennosti semejno-detnogo obraza zhizni (SeDOZH–2019): Analiticheskij otchet po rezul'tatam mezhregional'nogo sociologo-demograficheskogo issledovaniya. [Values of a family and children's lifestyle (SeDOZH–2019): Analytical report on the results of an interregional sociological and demographic study]. Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova / Pod. red. A.I. Antonova. M., 2020. DOI: <https://doi.org/10.29003/m857.SeDOJ-2019> (in Russian).

Familisticheskie issledovaniya. T. 1. Sociologicheskij analiz literaturnyh i fol'klornyh tekstov [Familistic research. Vol. 1. Sociological analysis of literary and folklore texts]. M., 2009 (in Russian).

I vmeste, i vroz': sociologiya vzaimnyh predstavlenij suprugov (po rezul'tatam sociologicheskikh issledovanij) [Both together and apart: sociology of mutual representations of spouses (based on the results of sociological research)] / Pod red. A.I. Antonova. M., 2022 (in Russian).

Karpova V.M., Antonov A.I., Denisova A.V. Opyt primeneniya metoda semanticheskogo differenciala dlya diagnostiki supružeskoj splochnosti v sem'yah s raznym chislom detej [Experience in using the semantic differential method for diagnosing marital cohesion in families with different numbers of children] // *Social'noe prostranstvo*. 2024. T. 10. N 2. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.6 URL: <http://socialarea-journal.ru/article/30018> (in Russian).

Lisicin Y.P., Sahno A.V. Zdorov'e cheloveka — social'naya cennost' [Human health is a social value]. M., 1988 (in Russian).

Markova A.I., Lyahovich A.V., Gutman M.R. Obraz zhizni roditelej kak determinanta zdorov'ya detej [Parents' lifestyle as a determinant of children's health] // *Gigiena i sanitariya*. 2012. N 2 (in Russian).

Novoselova E.N. Dobrovol'naya bezdetnost' kak reproduktivnaya strategiya sovremenno go rozhanina [Voluntary childlessness as a reproductive strategy of a modern city dweller] // *Chelovek i obshchestvo: opyt i perspektivy sociologicheskikh issledovanij: sbornik nauchnyh statej* / Nauch. red. G.V. Zhigunova. Murmansk, 2015. S. 87–93 (in Russian).

Novoselova E.N. Potencial instituta sem'i v formirovanii zdorov'ya detej [The potential of the family institution in the formation of children's health] // *Byulleten' NCSSKH im. A.N. Bakuleva RAMN. Serdechno-sosudistye zabolovaniya, izdatel'stvo Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie "Nacional'nyj medicinskij issledovatel'skij centr serdechno-sosudistoj hirurgii imeni A.N. Bakuleva" Ministerstva zdorov'ohraneniya Rossijskoj Federacii (Moskva)*. 2019. T. 21. N 6 (in Russian).

Novoselova E.N. Zdorov'e kak cennost' i praktika: obshchestvo, sem'ya, lichnost' [Health as a value and practice]. M., 2021 (in Russian).

Novoselova E.N. Zdorov'e v pozhilom vozraste: stereotipy i ob'ektivnye pokazateli [Health in old age: stereotypes and objective indicators] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2024. T. 30. N 1. S. 40–68 (in Russian).

Pishnyak A.I., Popova D.O. Uroven' i kachestvo zhizni moskovskih domo-kozyajstv: ob'ektivnye i sub'ektivnye ocenki [Level and quality of life of Moscow households: objective and subjective assessments] // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2015. T. 13. N 2. S. 257–272 (in Russian).

Semejno-detnyj obraz zhizni: rezul'taty sociologo-demograficheskogo issledovaniya [Family and children's lifestyle: results of sociological and demographic research]. M., 2018 (in Russian).

Sharin V.I., Kul'kova I.A. Vliyanie pomoshchi starshego pokoleniya na rozhdaiemost' v Rossii [The influence of assistance from the older generation on the birth rate in Russia] // Narodonaselenie. 2019. N 2 (in Russian).

Sinel'nikov A.B. Transformaciya braka i rozhdaiemost' v Rossii Transformation of marriage and fertility in Russia // Narodonaselenie. 2019. N 2. S. 26–39. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00013 (in Russian).

Sinel'nikov A.B. Vliyanie demograficheskoy samoreguljatsii na vosproizvodstvo i migraciju naseleniya [The influence of demographic self-regulation on population reproduction and migration] // Sociologiya. 2020. N 4. S. 149–164. <https://soziologi.ru/upload/iblock/b70/N4%202020.pdf> (in Russian).

Sinel'nikov A.B. Braki i razvody v sovremennom obshchestve: sociologicheskij analiz [Marriages and divorces in modern society: sociological analysis]. Uch. posob.. M., 2022. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/510459430/> (in Russian).

Sinel'nikov A.B., Karpova V.M., Lyalikova S.V., Antonov A.I. Vliyanie reproduktivnogo opyta roditel'skih semej na veroyatnost' vybora mnogodetnoj strategii roditel'stva [The influence of the reproductive experience of parental families on the likelihood of choosing a multi-child parenting strategy] // Zhenshchina v rossijskom obshchestve. 2023. N 4. S. 71–85. DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.6 (in Russian).

Sinel'nikov A.B., Medkov V.M., Antonov A.I. Sem'ya i vera v sociologicheskom izmerenii (rezul'taty mezhregional'nogo i mezhkonnessional'nogo issledovaniya). [Family and faith in a sociological dimension (results of an interregional and interfaith study)]. M., 2009 (in Russian).

Sorokin G.G. Babushki sovremennoj Rossii [Grandmothers of modern Russia] // Zhenshchina v rossijskom obshchestve. 2014. N 1 (70) (in Russian).

Sociologiya sem'i: uchebnik [Sociology of the family] / Pod red. A.I. Antonova. M., 2015 (in Russian).

Skhodstvo i razlichie cennostnyh orientacij muzhej i zhyon po rezul'tatam odnovremennogo oprosa suprugov [Similarities and differences in value orientations of husbands and wives based on the results of a simultaneous survey of spouses]. M., 2021 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-207-233

КАФЕДРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ И МЕНЕДЖМЕНТА В СПЕКТРЕ СОВРЕМЕННЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИДЕЙ

С.А. Барков, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

А.В. Маркеева, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

А.А. Осеев, докт. социол. наук, проф. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234***

Статья посвящена радикальным преобразованиям структуры знания в современной экономической социологии и теории менеджмента, переходу от стройных иерархий идей (вершина которых состоит из небольшого количества аксиом, а основание — из множественных конкретных рекомендаций) к постмодернистскому рынку концепций. Авторами произведен сравнительный анализ такой трансформации в экономической социологии и теории менеджмента, выявлены общие закономерности и специфические факторы, определившие различие научных полей двух данных направлений в науке. К последним отнесены: 1) субъекты, проводящие научные исследования (в теории менеджмента наряду с учеными такой практикой занимались менеджеры, консультанты, люди, так или иначе связанные с бизнесом), 2) терминологический арсенал наук (в теории менеджмента активно создавался специфический язык для общения руководителей и подчиненных), 3) использование маркетинговых и PR-технологий для продвижения идей. Совокупность данных факторов определила особый “ландшафт” предметных областей экономической социологии и теории менеджмента.

В статье сделан вывод о том, что несмотря на имеющиеся проблемы, обусловленные мультипарадигмальностью, складывающийся “гибкий” формат социогуманитарного знания открывает новые возможности для творчества

* Барков Сергей Александрович, e-mail: barkserg@live.ru

** Маркеева Анна Валерьевна, e-mail: anna_markeeva@mail.ru

*** Осеев Александр Александрович, e-mail: oseev.a@mail.ru

в условиях быстрых изменений социальной реальности, устаревания классических подходов к ее познанию, а также осознания бесконечного разнообразия явлений и процессов в сфере экономики и менеджмента.

В такой ситуации каждый научный коллектив должен выбрать свое особое место на выставке идей, создать свои привлекательные для научного сообщества и широкой общественности выставочные “экспонаты”. Среди разнообразия актуальных и востребованных направлений исследований в статье определены три ключевых тематических блока, отражающих научные приоритеты кафедры экономической социологии и менеджмента Московского университета: 1) институциональные изменения и институциональный контекст социально-экономических и управленческих процессов, 2) старение населения и цифровизация как ключевые факторы трансформации экономики и управления, 3) социально-экономические процессы и явления в зеркале цифровой коммуникации.

Ключевые слова: экономическая социология, теория менеджмента, научное поле, постмодерн, иерархия идей, выставка идей, социальные институты, старение населения, цифровая коммуникация.

DEPARTMENT OF ECONOMIC SOCIOLOGY AND MANAGEMENT IN THE SPECTRUM OF MODERN MANAGERIAL AND ECONOMIC IDEAS

Barkov Sergey A., Doctor of Sociology, Professor, Head of Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: barkserg@live.ru

Markeeva Anna V., PhD in Sociology, Associate Professor of Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: anna_markeeva@mail.ru

Oseev Aleksandr A., Doctor of Sociology, Professor of Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: oseev.a@mail.ru

The article is devoted to the radical transformation of the structure of knowledge in modern economic sociology and managerial theory, to the transition from slender hierarchies of ideas (the top of which consists of a small number of axioms, and the base of which consists of multiple specific recommendations) to the postmodern market of concepts. The authors made a comparative analysis of such transformation in economic sociology and managerial theory, revealed general regularities and specific factors that determined the difference between the scientific fields of these science. The latter include: 1) subjects conducting scientific research (in managerial theory, along with scientists, managers, consultants, people somehow connected with business were engaged in such practice), 2) a terminology of sciences (in managerial theory, a specific language for communication between managers and employees was actively created), 3) the use of marketing and

PR-technologies to promote ideas. The totality of these factors determined a special “landscape” of the subject areas of economic sociology and managerial theory.

The article concludes that despite the existing problems caused by multiparadigmality, the emerging “flexible” format of socio-humanitarian knowledge opens new opportunities for creativity in rapid changes of social reality, obsolescence of classical approaches to its cognition, as well as the realization of the variety of phenomena and processes in the field of economics and management.

In such situation, each scientific team should choose its own special place in the exhibition of ideas, create its own “exhibits” attractive to the scientific community and the general public. Among the variety of topical and demanded research directions, the article identifies three key thematic blocks reflecting the scientific priorities of the Department of Economic Sociology and Management of Moscow University: 1) institutional changes and institutional context of socio-economic and managerial processes, 2) aging population and digitalization as key factors of economic and management transformation, 3) socio-economic processes and phenomena in the mirror of digital communication

Key words: economic sociology, managerial theory, scientific field, postmodern, exhibition of ideas.

Каждая отрасль науки имеет свои специфические законы развития. В эпоху институционализации наук об обществе ученые полагают, что они смогут воспроизвести в их развитии логику естественнонаучного знания. При этом каждая отрасль общественной науки по-своему модифицировала и адаптировала те понятные и надежные принципы формирования знаний, которые были характерны для точных наук. XX в. полностью опроверг эти надежды. Восприняв постмодернистские принципы мышления и социального устройства, науки и социальная практика стали отказываться от строгих иерархий идей. Не стали исключением экономическая социология и теория менеджмента. Их движение во внутреннем переустройстве научного поля в XX в. от традиционной системы знания к “выставке” различных подходов и направлений во многом носило схожий характер, было продиктовано совокупностью общих условий, затрагивающий основания практически всех социогуманитарных наук. Однако были и особенности, специфические детерминанты, которые позволили наукам создать свои “оригинальные”, самобытные научные поля.

Характеристика современного состояния социологической науки, отмеченная еще в конце 1990-х г. Г.Н. Батыгиным “сегодня в социологии, считается нормой плюрализм, где сколько социологов, столько и социологий — каждый легитимизирует себя, как может”¹, в полной мере отражает и текущее состояние экономической социологии

¹ Батыгин Г.С. Ремесло Пауля Лазерфельда: введение в его научную биографию // Вестник АН СССР. 1990. № 8. С. 94–108.

и теории менеджмента. Мультипарадигмальность, объединяющиеся под общим названием различные интеллектуальные традиции и течения, многообразие определений и трактовок, различий в языке науки, и т.д. — все это присуще данным научным направлениям.

Научный плюрализм неизбежен и во многом обогащает, развивает науки, позволяя отражать и объяснять различные стороны все усложняющейся и динамичного развивающейся социальной реальности. Однако нельзя игнорировать и негативные стороны данного процесса и сопряженной с ним дивергенции социогуманитарного знания. «Попытки претендовать на “открытие” все новых и новых отраслей социологического знания, предметная область которых не определяется, понятийный аппарат не концептуализируется, теоретические подходы, релевантные социологическому знанию, не разрабатываются»² приводят к утрате науками своего высокого социального статуса, способствуют дезинтеграции социологического сообщества. Такое состояние науки требует консолидированных усилий, “внутренней” работы всех включенных в научного поле участников по систематизации и структурированию уже накопленных достижений, по определению границ применимости разработанных методологий, по структурированию языка науки, для того, чтобы исследователи в одном предметном поле научились понимать друг друга и оперируя одними и теми же терминами не вели речь о содержательно различных феноменах.

Вместе с тем следует признать, что фрагментарность достигнутых социологами и специалистами в теории управления результатов не должны смущать ученых в эпоху постмодерна, необходимо признать существующее строение наук (отсутствие иерархии, плюралистичность) и увидеть в нем неоспоримое преимущество — возможность двигаться вне и меж рамок сложившихся догм, конструкций для объяснения и нахождения новых ракурсов общественных процессов.

Постмодернистские трансформации экономической социологии и теории менеджмента: общее и особенное

Исторически традиционные научные системы всегда создавались по принципу иерархии: начиная с ограниченного числа базовых аксиом или фундаментальных предпосылок к бесчисленному множеству теорем и закономерностей. В такой системе весь процесс накопления знаний представлялся кумулятивным. Наука строила громоздкие пирамиды, накапливая опыт и внедряя все новые “кирпичики”, уровни в относительно единую конструкцию знаний о предмете.

² См. подробнее: *Осипова Н.Г.* Современная социологическая теория. М., 2019. С. 143–144; *Осипова Н.Г.* Социология. М., 2024. С. 153–175.

Так, строилась экономическая социология на начальных этапах своего развития, завершив попытки создания универсальных построений концепцией Т. Парсонса. Принципиально важным для дальнейшего переструктурирования поля экономической социологии было и то, что Т. Парсонс³ вместе Л. Роббинсом⁴ в 1930-х осуществили попытку демаркации предметных полей между экономикой и социологией (ее многие пытались произвести еще с момента институционализации социологии), установив консенсус относительно их предназначения: экономика сконцентрировала внимание на рациональном выборе средств для достижения поставленных целей, а социология — на объяснении социального происхождения этих целей или задач. Это определило разделение труда между двумя дисциплинами, которое просуществовало вплоть до 1970-х гг. Возникли две независимые и, как казалось, самодостаточные иерархии идей. Их коренное отличие состояло в отношении к человеку как субъекту экономической деятельности. В экономической теории он представал как “человек экономический” (*homo economicus*), исключительно ориентированный на максимизацию своего дохода при минимизации усилий. Фактически человек становился неким абстрактным калькулятором прибылей и убытков. В противоположность этому экономическая социология создавала свою иерархию идей, исходя из того, что человеком могут управлять разные, а отнюдь не только материальные стимулы — эмоции, механизм подражания, внутренние неденежные мотиваторы и др.

Нечто подобное происходило и на ранних этапах развития теории менеджмента. Что тейлоризм, что пришедшая как его альтернатива теория школы человеческих отношений претендовали на универсализм своего подхода, содержали совокупности аксиом (причем, школой человеческих отношений они создавались во многом в противоположность тейлористским принципам). Д. МакГрегор, подобно Т. Парсонсу в социологии, подвел черту под противостоянием этих двух иерархий идей, создав свои концепции X и Y⁵. И опять же различие между ними заключалось в понимании человека (в данном случае подчиненного). Концепция X исходила из того, что труд человеку в тягость и его нужно постоянно контролировать. Фактически при этом менеджмент превращался в управление производством или управление технологией, в рамках которого важно было минимизировать

³ *Parsons T., Smelser N. Economy and society: a study in the integration of economic and social theory.* Glencoe, 1956.

⁴ *Robbins L. The subject-matter of economics // Robbins L. An Essay on the Nature and Significance of Economic Science.* L., 1935. P. 1–23.

⁵ *Макгрегор Д. Человеческий фактор и производство // Социологические исследования.* 1995. № 1. С. 146–151.

ошибки людей, часть даже превращая их в нечто, подобное роботам. Концепция У в свою очередь обозначала менеджмент как управление людьми. Подчиненный воспринимал труд как процесс естественный, он сам хотел трудиться, мог использовать самодисциплину и самоконтроль. Важнейшей задачей менеджера при таком понимании человека было дать возможность ему “раскрыться”, поощрять его инициативу, создавать условия для высокой удовлетворенности трудом.

К началу 80-х гг. XX в. в обоих научных направлениях был принят курс, отличный от предыдущих попыток систематизировать концепции в строгую иерархическую схему, началось мощное интеллектуальное движение по созданию основ для совершенно нового строения в области социо-экономических и управленческих знаний. Идеи, ранее укладывавшиеся в иерархическую структуру, теперь трансформировались в инновационную архитектуру знаний (“вставку идей”).

Разные по силе влияния и фундаментальности факторы обуславливали это движение, но одним из ключевых выступил пересмотр прогрессистской идеологии. Идея прогресса во многом сделала индустриальное общество таким, каким оно было. Прогрессизм определил облик индустриального общества, заставил государства, организации и людей расставлять приоритеты и реализовать стратегии по одному образцу, с опорой на единообразие критериев, во многом игнорируя разнообразие траекторий развития. А само структурирование реальности, заложенное и воспроизводимое в рамках классической науки, неявно обуславливало не только возможность, значимость, но и необходимость прогресса. Постмодернистское мировоззрение не только выступило против “тотального прогрессизма”, но и определило поиск альтернатив⁶. Постепенно снижение притягательности идеи прогресса способствовало замещению конкурсного мышления и непрерывных соревнований на выставочное мышление и экспозицию (выставку) культур, идей, экономик, где начинают превалировать не единые критерии, а оригинальность, самобытность. Идея развития не отменяется, но его критерием становится повышение разнообразия всего — образов жизни (социальных взаимодействий, жизненных стратегий, стилей жизни), социальных практик, подходов, объясняющих их появление и востребованность.

Как уже отмечалось, при всей схожести факторов, детерминирующих движение к “выставочной” системе научного поля, был и ряд специфических особенностей, предопределивших особый ландшафт предметных областей экономической социологии и теории менеджмента.

⁶ Подробнее см.: Барков С.А., Зубков В.И. Монологи и диалоги о постмодерне и постмодернизме. М., 2019. С. 189–220.

Во-первых, движение теории менеджмента от стройной системы идей, вписывающейся в каноны традиционной системы научного знания, к постмодернистской выставке концепций было гораздо более “легким”, чем у экономической социологии (в том плане что не было сопряжено с ожесточенной внутренней борьбой внутри академического сообщества). И этому есть объяснение. Теория менеджмента в целом институализировалась гораздо позднее и отчасти была лишена фундаментального (классического) бэкграунда, как это было у социологов⁷. Теория менеджмента — прикладная наука, которая создавалась не только, а, может быть, и не столько учеными, сколько самими менеджерами и консультантами по управлению. Да и ученые, специализирующиеся в области менеджмента, совсем не похожи на рафинированных “научных мужей”, которые видят свое призвание в развитии фундаментальной науки. Теоретики менеджмента постоянно взаимодействуют с бизнесменами, выполняют исследования по их заказу, стараются своими интеллектуальными изысканиями помочь решить конкретные проблемы компаний.

В отличие от этого экономическую социологию двигали вперед именно ученые. Им было очень трудно отказываться от “классиков”, чьи методологии и научные достижения долгое время выступали как эталоны научного знания, определяли облик этой науки. Трудно им было и отказываться от той мысли, что любая развитая наука должна в своем строении напоминать математику или физику.

Кроме того, теория менеджмента, выросшая «органически» из экономики (даже сейчас спустя столетие стремление к экономическим моделям, к использованию математического аппарата и терминологии до сих характерно для нее) была лишена необходимости проводить демаркационные линии с экономической теорией, не участвовала в конкурентной битве социологов и экономистов за главенство своего подхода в объяснении экономической реальности. Статус и самостоятельность экономической социологии, начиная с 70-х гг. XX в. определялись через борьбу, с одной стороны, с “экспансией” экономистов в объяснении социальных сфер, с другой — с социологами в попытке разорвать связь со доминировавшей традицией изучения экономики в рамках самой социологии. Фактически, была поставлена амбициозная задача — предложить новый подход (основанный на приверженности социологической дисциплине)

⁷ В определенном смысле вся социология (прим. особенно в начале своего становления) — это экономическая социология. Сложно представить хотя бы одного ведущего теоретика, который в той или иной мере не обращался к экономическим проблемам или феноменам (см.: Экономическая социология: теория и история / Под ред. Ю.В. Веселова, А.Л. Кашина. СПб., 2012).

к анализу экономической жизни и осуществить разрыв со “старой” экономической социологией, прежде всего с традицией Т. Парсонса и Н. Смелсера.

Вторая особенность — это действующие субъекты, которые были и остаются активными участниками конструирования научного поля.

“Выставочное пространство” теории менеджмента сформировалась и поддерживается двумя типами рынков: консультантов и гуру менеджмента. Особые характеристики их функционирования, взаимовлияния формируют “ландшафт” современных управленческих идей. Сегмент консультантов являясь во многом скрытым сегментом, где “отпиариваются” имена и названия фирм, а не сами идеи, своим появлением обязан сложностям в процессе передачи информации. Информационная эпоха с, казалось бы, растущей демократизацией и доступностью информации, благодаря различными цифровым решениям не очень изменила ситуацию. Сложности не исчезают, а лишь трансформируются, создавая лакуны, где востребованное и актуальное знание по-прежнему скрыто внутри консалтинговых фирм. Востребованность консалтинга объясняется и особыми компетенциями в рассмотрении проблем и поиске решений, и тем обстоятельством, что ориентирован на те явления, на анализ которых и на работу с которыми у менеджмента компаний просто не хватает времени и ресурсов. Кроме того, консалтинговые фирмы имеют важное преимущество в виде неограниченной возможности передавать информацию от компании к компании, обеспечивая весьма полезный в современных условиях процесс трансляции знаний.

История McKinsey наглядный тому пример. Этот знаковый для консалтинга флагман индустрии, начиная с 20-х гг. XX в. смог не только тесно вплестись в процессы корпоративного и государственного управления в самых разных странах от США и Британии до Китая, но и по сути выйдя за пределы просто совершенствования системы управления, способствовал распространению по всему миру того, что мы считаем американским капитализмом. Компания создала мощную систему нетворинга, когда у управленцев в разных уголках мира стала вырабатываться “настолько сильная привычка к присутствию сотрудников McKinsey, что без этих людей они не могут работать”, переходя из одной корпорации в другую, боссы тянут за собой полюбившихся им консультантов. Ключевым фактором ее успеха, безусловно, стало скрытое знание в виде уникальной и дорогостоящей Базы знаний⁸.

⁸ Макдональд Д. The Firm. История компании McKinsey и ее тайного влияния на американский бизнес. М., 2014.

Рынок гуру функционирует по другим законам. В отличие от рынка консультантов здесь реализуются не просто имена, а идеи. Различение двух сегментов теории менеджмента условно (часто гуру одновременно выступают в качестве консультантов). Но стать гуру без оригинальной идеи невозможно. Если на рынке консультантов главными брендами служат названия фирм, то на рынке гуру брендами являются идеи, имена их авторов: “Ромб Портера”, “Бирюзовая организация Лалу”, “Код Адизеса” — все эти бренды совмещают название идеи и автора. Рынок гуру охватывает все многочисленные стороны и функциональные направления современного менеджмента. При этом безусловно, одни из идей носят более общий характер, другие — нацелены лишь на отдельные элементы управления компаниями. При этом и те, и другие во многом равноценны. Никто сегодня не может претендовать на подлинную всеобщность, требовать для своего творения глобального применения. Искусство топ-менеджера во многом заключается в том, чтобы на своем предприятии создать индивидуальную комбинацию внедренных концепций, сильно разбавленную результатами своих собственных интеллектуальных усилий.

“Ландшафт” современной экономической социологии создавался по классическим канонам, под сенью ведущих академических институций (сначала американских — Гарвардский, Чикагский, Мичиганский, Колумбийский университеты, Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, Университет Беркли и др. позже такими центрами стали европейские университеты — например, Болонский), и в большей степени не отдельными учеными, а исследовательскими коллективами. Объединённые в различные временные и/или постоянные исследовательские коллективы разные поколения социологов создали принципиальные точки отсчета для определения и легитимации экономической социологии в ее современной ипостаси.

Это классический пример — как искусство построения и управления образовательными и профессиональными сетями (нетворкинг) может играть ключевое значение в формировании научного направления. Следует отметить, и для теории менеджмента умение плести сети весьма важный элемент: консультанты и гуру в совершенстве им владеют. Но в отношении экономической социологии интересно то, что инициаторы создания сети не всегда остаются определяющими в структуре сети в последующем. Они дают импульс к созданию, запускают процесс мобилизации участников, а затем уже возникают самопроизвольные эффекты ее расширения и реструктурирования. Хотя среди современных экономсоциологов можно выделить знаковые фигуры с ориги-

нальными подходами, идеями (Х. Уайт, М. Грановеттер, В. Зелизер, П. Димаджо и др.), главное их значение не столько в самих концепциях и/или идеях, а в том, как они привлекали под “свои знамена” исследователей из самых разных сфер. Они выступали не столько “создателями” концепций, сколько пропагандистами, менторами, наставниками, чьи программные заявления рождали отклик среди специалистов в самых разных странах. Так, из 31 ключевых авторов новой экономической социологии в начале ее возрождения пять являлись научными подопечными, аспирантами Х. Уайта (М. Грановеттер, М. Юсим, М. Шварц, П. Димаджо, Р. Иклес), и еще пять являлись учениками его учеников – М. Шварца и М. Грановеттера (В. Минц, М. Мизраки, М. Аболафия, Л. Стернз, П. Макгуайр)⁹.

Важно, что широкая постановка задачи инициаторами создания сети способствовала формированию поля, привлекающего в экономическую социологию людей из самых разных предметных областей, с разным научным бэкграундом. Значительная часть современных исследований делается проектными командами и коллективами, объединяющих специалистов из разных наук — математиков, историков, культурологов, экономистов, социологов¹⁰. Например, призыв М. Грановеттера вернуться к объяснению проблемы “укорененности” экономического действия¹¹ способствовал проведению оригинальных исследований в самых разных уголках мира и выявлению все большего числа форм укорененности (технологической, культурной укорененности и др.), наполняя термин все новым и новым содержанием. Это обеспечило данной проблематике статус центрального организующего принципа современной экономической социологии.

Сегодня экономическая социология представляет собой, образно выражаясь, “зонтичный бренд”, объединяющий разные интеллектуальные традиции и течения, противостоящие неоклассическим постулатам экономической теории. Эта “идеологическая

⁹ Конвер Б., Хайлброн Й. Откуда появилась новая экономическая социология? // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 5. С. 32–34.

¹⁰ В рамках исследований по структурированию авторских коллективов, выявлению “канона” экономической социологии подробно изучались биографии современных экономсоциологов, их творческого пути (подробнее см.: Конвер Б., Хайлброн Й. Откуда появилась новая экономическая социология? // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 5. С. 28–51; Dan Wang. Is there a canon in economic sociology? // Accounts: The Economic Sociology Newsletter. 2012. Vol. 11(2). P. 1–16. DOI: 10.17323/1726-3247-2013-2-111-122. URL: <http://www.asanet.org/sectionecon/documents/accounts12sp.pdf> (accessed: 10.06.2024).

¹¹ Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 44–58.

установка” — избежать и преодолеть диктант неоклассики — является системообразующим, “склеивающим” элементом научного поля. При этом внутри поля не происходит активная борьба за лидерство той или иной позиции. Отсутствие жесткой внутренней конкуренции, сконцентрированность объединенных внутри “зонтика” концепций на себе, оттачивание собственной методологии сформировали структуру науки с ядром (мейнстримом) и множеством отдельных направлений, находящихся на его периферии.

Периферия не воспринимается и не интерпретируется как “худшее”, “отсталое” или менее значимое, это лишь отражение того, что разрабатываемые в ней темы, способы изучения реальности, идеи интригуют и привлекают меньшее количество исследователей. Важно и то, что это пространство (тем, идей, исследовательских оптик) в духе постмодерна “гибкое”, непрерывно переструктурирующееся. Так, то, что еще не так давно мыслилось, как периферийное, может постепенно превращаться в мейнстрим. Это, в частности, имело место с социокультурным подходом в экономической социологии.

“Ядро” этой науки представлено сетевым, новым институциональным и социокультурным подходами. Внутри каждого подхода складывается особый категориальный аппарат, проблематика, существуют связующие фигуры (М. Грановеттер, К. Гирц, В. Зелизер и др.), задающие направления возможной интеграции разных подходов и традиций¹². Но это “ядро” и фигуры, обладающие знаково-стью для этих направлений, очень далеки от фигур классиков — они не отстаивают неприкосновенность своей концепции, не заставляют входящих в поле специалистов присягать на “верность” подходу. Оттого столь характерным для науки становится интеллектуальное перемещение ученых между подходами: одни и те же специалисты и/или коллективы вносят вклад в разные мейнстримные или периферийные подходы.

Как уже отмечалось, мейнстримные направления доминируют по количеству работающих в рамках подходов исследователей, по наукометрическим показателям их работ и т.д., но не узурпируют все исследовательское пространство, давая возможность развиваться как классическим, так и новым, оригинальным исследовательским подходам. Среди них выделяются как продолжающие традиции классического этапа экономической социологии, сравнительно-исторический и антропологический подходы, так новаторские, как например, экономика качеств и перформативных исследования.

¹² *Dan Wang*. Is there a canon in economic sociology?

Третья особенность в структурировании научного знания напрямую связана маркетинговыми и PR-технологиями, используемыми ключевыми игроками поля для продвижения идей.

Теория менеджмента, будучи дисциплиной прикладной, сформированной людьми и организациями, априори имеющими продвинутый управленческий опыт, использовала на 100% весь имеющий потенциал PR и маркетинговых технологий для продвижений научных идей. Ранее уже говорилось о том, что эта наука была создана людьми, непосредственно сопряженными с развитием отдельных бизнесов и компаний. Они активно заимствовали опыт бизнеса в формировании “эффективного рынка” идей.

Умение “грамотно упаковать” идею, создать особый “флер” общенности к тайне, широкие возможности адаптации идеи под задачи тех, кто берет ее “на вооружение” (кастомизация идеи) — все это позволяет персональным брендам консультантов (людей и организаций) и гуру быть путеводными звездами для управленцев на местах, давая импульс к развитию организаций. Имена создателей современных концепций менеджмента узнаваемы и чтимы в современном обществе.

Современная экономическая социология несмотря на то, что в период ее институционализации стало характерным совмещение работы ученых в академических институтах с преподаванием в бизнес-школах (многие из специалистов, оказавших влияние на становление направления имеют такой профессиональный опыт) использовать маркетинговый инструментарий и технологии должным образом не смогла. Так, управленцы, да и более широкие аудитории понимают значение “слабых связей”¹³ для социальных взаимодействий в самых разных контекстах, но вряд ли кто-то за пределами академических аудиторий назовет имя Марка Грановеттера. В то же время говоря о каких-либо актуальных для современного управленческого знания понятиях — эмоциональном интеллекте, моделях конкуренции — люди прямо ассоциируют их с именами Д. Гоулмана или М. Портера.

Заметны различия и в популяризации языка науки, который играет важную роль в продвижении идей. Менеджмент всегда был ориентирован на активную пропаганду своих идей в массах, поэтому в совершенстве освоил умение говорить на языке целевой аудитории. Социологи в противовес этому часто сознательно избрели элитарный язык науки. Так, неподготовленному челове-

¹³ Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.

ку часто сложно прорваться через тернии языковых конструкций, чтобы понять пространство миров (градус) нового французского институционализма или оценить изящество перформативной концепции о влиянии экономических моделей на сознание управленцев и трансформацию экономической реальности.

Специалисты по менеджменту взяли на вооружение активную пропаганду, создав целый пласт управленческой терминологии. Задача одних терминов была направлена на то, чтобы сделать сам менеджмент чем-то возвышенным, а приобщение к нему — неким таинством. Но все-таки в отличие от языка социологической науки категориальный аппарат рождался с прицелом на то, чтобы быть понятными для управленцев. Такие термины возникают буквально ежегодно с появлением новых идей у гуру менеджмента. Это и аджайл, и клиентократия, и флексибизация, и коучинг, и пикселизация работ, и многое, многое другое. Совокупность подобного рода терминов и контекстов формирует особого рода нарратив, приобщение к которому становится для широкой общественности, бизнесменов, политиков, ученых не только языком профессионального делового общения, но и индикатором компетентности, и даже некоей, почти религиозной, “избранности”.

Есть в управленческой терминологии и другой тип значимых терминов¹⁴, которые гораздо более важные, они должны быть понятны не только руководителям, но и работникам. Поэтому должны стать обиходными, широко распространяться (в рыночном смысле), а значит, хорошо “пиариться”, быть яркими знаками в сознании миллионов людей. Так, за последние десятилетия целое созвездие положительно окрашенных управленческих терминов стали общепотребимыми — стратегия, лидер и лидерство, мотивация, риск, команда, цель и результат, видение, миссия, инновации и др. Это было необходимо, чтобы обеспечивать успешную коммуникацию между сотрудниками и руководителями.

Экономическая социология таким направленным на широкие аудитории терминологическим арсеналом пока не обладает. Имея дело с разными социальными и экономическими феноменами, которые содержательно должны быть понятны людям как потребителям и участникам экономических процессов, экономсоциологи, не научились создавать доступные пониманию термины и трактовки явлений, не создали стимулов к их распространению и закреп-

¹⁴ Барков С.А., Земляков Д.Н. Современная теория менеджмента — парадоксальный симбиоз психологии, социологии и риторики // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2021. № 1. С. 151–167. DOI: 10.33983/2075-1826-2021-1-151-167.

плению в обыденном языке. В эпоху постмодерна для науки, как и для многих других сфер деятельности — владение маркетинговым инструментарием и отчасти даже “маркетинговым мышлением” приобретает принципиально важное значение. Сколь бы глубокими и оригинальными не были идеи, их нужно делать “видимыми” и привлекательными.

Завершая анализ структурирования научных полей экономической социологии и теории менеджмента, можно сказать, что обе науки восприняли постмодернистские принципы организации знания и воплотили их в жизнь, но каждая по-своему. Характеризуя современное состояние экономической социологии Дж. Ходжсон сравнил ее с художественной лавкой¹⁵, где продаются уникальные картины и скульптуры, ряд из которых являются впечатляющими по художественной ценности и креативности, но права на которые не защищены или даже оспариваются, часть предметов искусства находится вне здания на заднем дворе, а само здание, в котором размещены экспонаты, выглядит «шатким», что вызывает беспокойства о долгосрочной сохранности произведений искусства. Если использовать аналогию с торговыми пространствами, то теория менеджмента сейчас — это мультибрендовый премиальный “концепт-стор” с яркими и запоминающимися образами, с наградами, поддерживающими статус брендов (*Нашими услугами воспользовались флагманы российского и зарубежного бизнеса!*), призванными убедить “покупателя” в правильности выбранного решения. Это арт-пространство, досуговый центр и магазин в одном флаконе, предлагающий управленцам широкие возможности реализовать самые разные стратегии: оставаться апологетом отдельного подхода, миксовать представленные бренды (идеи), создавать нечто свое. Это, в духе времени, новое концептуальное пространство, порождающее непрерывные эксперименты, интересные для аудитории возможности для коллаборация идей.

Кафедра экономической социологии и менеджмента: что сделано и что впереди?

Юбилей — это всегда возможность не только подвести итоги, но поставить цели и задачи на будущее. Используя в названии данного раздела слова из названия программной статьи Р. Сведберга¹⁶ об

¹⁵ Hodgson G. Prospects for economic sociology // *Philosophy of the Social Sciences*. 2008. Vol. 38(1). P. 133–149.

¹⁶ Сведберг Р. Новая экономическая социология: что сделано и что впереди // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2002. Т. V. № 2. С. 13–35 (перевод статьи: Swedberg R. *New economic sociology: what has been accomplished, what is ahead* // *Acta Sociologica*. 1997. Vol. 40. P. 161–182).

основных направлениях и задачах экономической социологии на рубеже XX–XXI в., в юбилейный для Университета год хотелось бы очертить ключевые достижения, приоритеты и исследовательские задачи кафедры экономической социологии и менеджмента.

Среди разнообразия актуальных и востребованных научно-прикладных тем на ближайшую перспективу научный потенциал кафедры концентрируется вокруг трех ключевых тематических блоков:

- 1) институциональные изменения и институциональный контекст социально-экономических и управленческих процессов;
- 2) старение населения и цифровизация как ключевые факторы трансформации экономики и управления;
- 3) социально-экономические процессы и явления в зеркале цифровой коммуникации.

Рассмотрим эти темы подробно и по порядку.

Институциональный подход во всем своем существующем многообразии (от неоинституционализма до новой институциональной экономики) дает пространство для формирования самых разных исследовательских оптик изучения влияния институциональных факторов, “укорененности” экономических и социальных процессов. И применительно к различным явлениям (рынкам, организациям, формальным или альтернативным экономическим институтам) есть возможность соединять подходы и традиции, создавая оригинальные дизайны исследований и способствуя поиску инновационных решений.

Формирующееся пространство современного понимания институтов, изучение конвенциональной природы их формирования, а также культурных и социальных особенностей, приводящих к выработке этих конвенций, предоставляет качественно новые возможности в объяснения складывающихся в России и за рубежом моделей капитализма.

Так, взгляд на развитие экономики и общества (социально-го устройства) сквозь призму формирования института иерархии и разного рода инноваций, которые на протяжении долгого времени поддерживали и укрепляли этот институт, дают нам новое понимание того, как “пирамидальное устройство” проникало и закреплялось в самых разных сферах, достигнув своего апогея в классическом индустриальном обществе. Самый “дерзкий” — советский — инновационный проект по переустройству общества в индустриальную эпоху был на практике нацелен на укрепление института иерархии, придание ему той силы, которой он обладал ранее только в утопических творениях социальных мыслителей. В современном цифровом обществе целая серия инноваций, связанных с информационно-коммуни-

кационными технологиями, работает на уменьшение социально-экономического значения института иерархии, формирует жизнь людей, влияет на их мировоззрение. Управление социальными процессами все в большей степени подчиняются, правилам, противоположным тем, которые оттачивались в рамках доминирования института иерархии в общественном развитии.

Происходит постоянное “распредмечивание” сетевых технологий, основанных на абсолютном приоритете горизонтальных связей между людьми. Мысли и жизненные стратегии людей начинают структурироваться особым способом, часто просто недоступным или доступным в очень незначительной степени предыдущим поколениям. Разные поколения людей с абсолютно разным отношением к институту иерархии сегодня живут в одном пространстве взаимодействий, что привносит новое содержание в межпоколенческие конфликты.

Институциональный контекст экономического поведения и принятия управленческих решений неразрывно связан с культурой. Культура как нередуцируемый элемент любых экономических или управленческих процессов неизбежно становится объектом самого внимательного изучения (перефразируя лозунг одного из зарубежных социальных движений — “Культура имеет значение!”). И чем дальше мы двигаемся в логике глобализационных процессов (безусловно, несколько снизивших свой темп с началом пандемии и серии политических конфликтов последних лет, но все-таки определяющих развитие современных обществ), тем больше понимаем и можем продемонстрировать важность этого утверждения. Так, только учет особенностей российской ментальности (воспитанной на недоверии к формальным институтам, бесконечного поиска быстрого и эффективного решения без длительных усилий и др.) позволит понять столь масштабный “отклик” на кибермошенничества, и экспоненциальный рост (гораздо выше, чем во в многих странах мира) инфоцыганства, а также высокий уровень эмоционального потребления с циклами ажиотажного спроса (от гречки до покупки цифровых валют), и столь низкую востребованность различных форматов “распределенного” лидерства и “бирюзового” управления в современных российских организациях.

В качестве приоритетных тем исследования в рамках институциональной проблематики выступают:

- социокультурный и цифровой контекст развития современной экономики и управления: традиции и инновации;
- трансформация занятости и профессиональной структуры в постиндустриальной экономике;

– модернизация системы профессионального образования и обучения в постиндустриальной экономике.

В каждой из выделенных тем профессорско-преподавательский состав кафедры уже наработал определенный потенциал. Так, изучение институционального контекста рынка труда и сопряженных социально-экономических феноменов (трудовой мобильности, безработицы, карьерных стратегий, систем профессионального ориентирования и содействия занятости и т.д.) было основой пятилетнего взаимодействия кафедры с Университетом Прикладных трудовых исследований Федеральной службы занятости Германии в рамках совместного научно-образовательного проекта¹⁷. Взаимодействия преподавателей и студентов в рамках проекта позволили сформировать не только понимание механизмов работы рынков труда двух стран, но и выявить ограничения прямого заимствования отдельных управленческих технологий и инструментов по решению сложившихся проблем рынка труда.

Также в рамках данной проблематики сформулированы оригинальные идеи о “парадоксе социального времени специалиста”, а также особенностях складывающихся в разных институциональных контекстах системах управления человеческими ресурсами и отдельных видах практик HR-менеджмента¹⁸.

Вопросы институциональной конфигурации современных образовательных систем и их связка с изменяющимися стратегическими приоритетами как общественного развития, так и развития отдельной личности в эпоху постмодерна, последствия многочисленных реформ системы профессионального образования в нашей стране (развитие инновационной бюрократии, имитации деятельности

¹⁷ Результаты исследований нашли отражения в российских и зарубежных публикациях, в частности: *Барков С.А., Шарпф М.* Институциональные контексты развития рынка труда в России и Германии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 2. С. 40–65 (и другие статьи специальной тематической рубрики данного выпуска журнала); *Bernd-Joachim E., Barkov S., Kondurov R., Scharpf M.* et all. Project studies as a transborder didactic tool in higher education (the case of the German Russian study project) // Theory and Practice of Project Management in Education: Horizons and Risks 2020. SHS Web of Conferences, France. 2020. Vol. 79. P. 02005. Результаты исследований были апробированы на российских и международных форумах и конференциях.

¹⁸ Подробнее см.: *Ксенофонтова Е.Г.* Система высокой производительности труда”: трудности и позитивный опыт организаций разных стран // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 4. С. 125–148; *Юрасова М.В.* Рейтинги и индексы как инструмент социального управления // Социология. 2016. № 4. С. 135–144; *Осеев А.А., Рудакова А.С.* Материальные и нематериальные формы стимулирования труда персонала на высокотехнологичных предприятиях (на примере АО АВТОВАЗ) // Социология. 2020. № 3. С. 148–161.

и др.)¹⁹ — все это и многое другое, позволяет показать, что управление образованием связано с институциональным видом управленческого воздействия — не с административными приказами, а с установлением правил. На наш взгляд, данная тематика будет еще более востребованной в силу нового витка модернизации российской системы высшего образования, вызванного выходом из Болонского процесса и поиском новых точек развития отечественной высшей школы.

Современная геополитическая ситуация еще более актуализирует проблему изучения институтов в контексте стоящих перед нашей страной задач в формировании “новых экономических интеграций” со странами бывшего постсоветского пространства и во многом еще не до конца “открытыми” для нас в научном и практическом плане странами Восточной и Юго-Восточной Азии, прежде всего Китая. Глубокое понимание институционального оформления их экономик и практик управления может стать основой для налаживания эффективных взаимодействий на всех уровнях и во всех сферах.

Интересный ракурс работы кафедры связан с изучением трендов цифровизации и старения. Необратимое воздействие цифровых технологий на социальные структуры, институты и повседневные практики заставляет социологов заново ставить вопросы о складывающихся экономических режимах, о новых формах и способах реализации управленческого контроля, о ключевых ставках и точках приложения цифровой трансформации нашей жизни. В настоящий момент исследовательские темы социологического факультета МГУ в целом тесно сопряжены с дискурсом цифровизации. В частности, кафедрой современной социологии подробно изучается проблема цифрового неравенства и способы ее преодоления²⁰, в рамках ис-

¹⁹ Подробнее см.: *Барков С.А., Зубков В.И.* Высшее образование: непреодолимый институциональный разрыв с рынком труда // ЭКО. 2022. № 4. С. 8–30; *Барков С.А., Маркеева А.В.* Пожизненное обучение как императив реформирования государственно-частной системы образования в России // ЭКО. 2022. № 12. С. 106–126; *Барков С.А., Маркеева А.В., Гавриленко О.В.* Инновационная бюрократия в управлении высшим образованием // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 58–72; *Ilina I. Y., Oseev A. A., Vinichenko M. V.* et al. Transformation of social status of teachers of Russian universities // *Modern Journal of Language Teachers Methods*. 2018. Vol. 8(3). P. 381–392; и др.

²⁰ Подробнее см.: *Осипова Н.Г., Елишев С.О.* Социальное неравенство и молодежь: ключевые тренды 2020 г. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 2. С. 7–25; *Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е.* Социальное неравенство в эпоху общественного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171–192; и др.

следований кафедр социологии государственного управления и социальных технологий акцент делается на цифровой трансформации государственного управления²¹ и формировании цифрового социального контроля²².

Цифровая трансформация экономики и управления со всем многообразием сопряженных с ней макро- (формирование “датаистической” идеологии, радикальное изменение институтов и рынков, появление новых экономических акторов, изменение жизненных стратегий и т.д.) и частных эффектов становятся предметом изучения специалистами кафедры экономической социологии. Можно констатировать, что в той или иной мере вся кафедральная проблематика последних лет преломляется через призму цифровых процессов.

Появление проблематики старения в орбите наших исследований обусловлено двумя обстоятельствами — стремлением кафедры по-новому подойти к реализации важной для современных исследовательских коллективов функции нетворкинга и “счастливым случаем”. Желание найти новых партнеров по исследовательским проектам и открытый грант БРИ и РГНФ по проблемам профессиональных стратегий и социализации пожилых способствовал налаживанию сотрудничества с коллективом Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Тема, которая предполагалась (при всей ее актуальности) как проектная, временная, переросла в одну из центральных проблематик кафедры, задав импульс внутри коллектива к новым ракурсам ее изучения, поиску сотрудниками кафедры своих “исследовательских ниш”: цифра и пожилые, молодые и пожилые на рынке труда и в организационной иерархии, жизненные и трудовые стратегии пожилых россиян, образование старших возрастов и т.д.

Важно, что тема стала благодатной почвой для дальнейшей интеграции кафедры с ведущими российскими специалистами по

²¹ Подробнее см.: *Холоденко Ю.А.* Цифровая трансформация государственного управления: возможности и риски // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 43–78; *Васильев В.П.* Электронное правительство в цифровой реальности // Информационное общество. 2019. № 6. С. 4–11; и др.

²² Подробнее см.: *Гавриленко О.В.* Социальные технологии в эпоху “надзорного капитализма”: цифровизация и власть алгоритмов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 3. С. 157–178; *Gavrilenko O.V., Markeeva A.V.* Digital colonization: development of digital platforms in the context of a pandemic // *Postmodern Openings*. 2020. Vol. 11. N 1. Sup 12. P. 65–73; и др.

проблеме старения, из Санкт-Петербургского, Нижегородского, Уральского федерального и других университетов, организации совместных научных событий²³ и общих исследований²⁴.

Изучение тренда старения населения и его социально-экономических последствий позволило создать научную основу для модернизации социальной практики, обеспечивать связь науки и бизнеса, академического сообщества и государственных органов в реализации эффективных социальных решений. Сегодня идеи по созданию эффективных инструментов расширения занятости пожилых россиян, развитию способов реверсивного и прямого наставничества в трудовых процессах и др. не остаются только предметами академических дискуссий и споров, но благодаря площадке научно-экспертного сообщества Института долголетия Проекта “Московского долголетия” (с которым взаимодействует кафедра) становятся базой для развития городских программ для москвичей старших возрастов.

В контексте данной проблематики ключевыми исследовательскими задачами на ближайшую перспективу становятся:

- факторы формирования и условия реализации “серебряной экономики”, трансформация текущих индустрий под воздействием тренда старения и появление новых (AgeTech, “серебряный туризм”, “серебряное предпринимательство” (olderpreneur) и др.);
- инструменты и технологии продления “трудовой жизни”;
- направления и способы адаптации систем управления персоналом российских компаний с учетом требований “стареющей” рабочей силы;

²³ Международный демографический форум “Демография и глобальные вызовы” (Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, Россия, 23–25 мая 2024), Международная научно-практическая конференция “Жизнь старшего поколения в современном обществе: социокультурные и экономико-демографические аспекты” (Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, Россия, 15 марта 2022), Международная научно-практическая конференция “Старшее поколение современной России” (Нижний Новгород, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, 13–14 октября 2021), Международный круглый стол “Межпоколенческие взаимодействия и конфликты на современном рынке труда” (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Социологический факультет, в дистанционном формате, Россия, 10 декабря 2020), III Сибирский социологический форум “Социальные практики и управление: проблемное поле социологии” (Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия, 31 октября 2020 г.) и др.

²⁴ Подробнее см.: Старшее поколение в постиндустриальных реалиях / Под общ. ред. С.А. Баркова, И.В. Кузнецовой, А.В. Маркеевой. М., 2022.

– межпоколенческие конфликты внутри организаций и на рынке труда и технологии их превенции и разрешения.

Есть в спектре научных исследований кафедры направления, обусловленные актуальностью момента, есть направления, в рамках которых заказчик — государственные структуры, научный фонд или бизнес-организация — формирует, говоря языком практики, параметры “технического задания” исследования, сдерживая научный поиск, “полет фантазии” своими требованиями. А есть темы инициативные, интерес к ним основан на умении удивляться происходящему в обществе и продиктован скорее внутренним желанием понять новые и старые феномены, противоречия социальной практики. Такие темы “задают драйв” научной деятельности, являются источником творческого вдохновения. Перефразируя слова хита нулевых — *“Это то, что не трудно. Это по любви!”* Именно из такого инициативного исследовательского проекта под общим названием “Наблюдая за виртуальными русскими”, запущенного в 2019 г. и выросло третье ключевое направление научно-исследовательской деятельности кафедры. Стремление понять природу виртуального пространства и цифровой коммуникации, отражение в них различных экономических и управленческих процессов, характер взаимодействия цифрового и нецифрового контекстов, направлений и способов их конвергенции — все это предопределяло на протяжении пяти лет выбор более узкой тематики исследований и главное расширяло спектр применяемых методов, стимулировало непрерывный поиск по определению совместимости классических социологических методов и новых цифровых инструментов.

За время реализации проекта в спектр изучения вошло сетевое отражение как общих экономических проблем (деньги, бедность и богатство, безработица), так и частных тем (санкции и импортозамещения, дауншифтинг, нестандартные формы занятости и др.)²⁵, на основе сочетания классического исследовательского инструментария и качественно-количественного контент-анализа сетевой коммуникации выявлены различные артефакты организационной культуры, составляющие повседневный быт современных российских организаций²⁶. Текущий этап проекта связан со сложной и амбициозной задачей изучения мифотворчества сети применительно к отдельным экономическим событиям и персонам в истории нашей страны.

²⁵ Виртуальные русские и их экономические реалии: Коллект. монограф. / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова, А.В. Маркеевой. М., 2019.

²⁶ Артефакты организационной культуры. М., 2023.

Данное исследование в пространстве анализируемых исторических событий российского прошлого (от политико-экономических реформ Петра I до недавних бифуркаций развала СССР) направлено на то, чтобы понять как взаимодействия человека и, в терминологии Б. Латура, “нечеловеков” (цифровых технологий, устройств, алгоритмов) закрепляют и трансформируют события прошлого (делают их более или менее героическими, ностальгическими и т.д.), как и почему различные сетевые сообщества и пользователи потребляют, транслируют, оценивают этот контент. Кроме того, важность исследования отражения истории в интернете обусловлена тем, что в обществе будущего только эта “цифровая память” и ее отпечатки в виде постов, мнений и интернет-публикаций будет единственным вариантом фиксации нашего прошлого и настоящего.

Цифровая память “не продукт индивидуальных или коллективных воспоминаний, а результат потока контактов, который происходит между людьми, цифровыми технологиями и медиа”²⁷. Скорость и интенсивность обмена и контактов, непрерывная доступность цифровых архивов для пользователей создает особые режимы темпоральности (“непрерывного настоящего”)²⁸, в рамках исследований мы пытаемся “нащупать” и понять механизмы невероятно динамичной “изменчивости истории”, описать, как происходит процесс непрерывного редактирования цифровых артефактов прошлого и настоящего и что это несет для нас, как для общества. А в контексте расширяющего алгоритмического управления цифровыми платформами и власти ИИ пытаемся идти дальше и понять роль алгоритмов как новых посредников памяти в конструировании нашего прошлого и трансляции этих идей существующим и будущим поколениям, выявить последствия активного процесса “геймификации прошлого”.

Решение таких задачи невозможно без помощи самих цифровых платформ, именно поэтому в 2024 г. одна из частей проекта “Экономические события и персоны в истории социальных сетей” была реализована с применением инструментов Медиалогии, платформы мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей. Стоит упомянуть, что данный проект реализует не только научные задачи, но выполняет важную социальную функцию — он обеспечивает связь молодых и старших поколений исследователей, создавая плат-

²⁷ *Hoskins A.* 7/7 and connective memory: interactional trajectories of remembering in post-scarcity culture // *Memory Studies*. 2011. Vol. 4(3). P. 269–280.

²⁸ *Schwarz O.* The past next door: Neighbourly relations with digital memory-artefacts // *Memory Studies*. 2013. Vol. 7(1). P. 7–21.

форму для межпоколенческого диалога по актуальным социально-экономическим проблемам. К исследованиям на протяжении всех лет привлекаются магистры, специализирующиеся по программе “Социальные технологии современного управления”.

Цифровая трансформация общественных и экономических процессов формирует новые вызовы. В части профессиональных сообществ, особенно связанных с новыми информационными технологиями, популяризируется отказ от любых социальных наук. Он воплощается в идеологическом лозунге современных цифровизаторов, которые активно подхватываются управленческими элитами: “Долой теории человеческого поведения — от лингвистики до социологии. Забудьте онтологию и психологию. Новая доступность огромных объемов данных наряду со статистическими инструментами, позволяющими сжимать эти цифры, предлагает совершенно новый способ понимания мира. Пришло время спросить: чему наука может научиться у Google?”²⁹ На этот вызов необходимо ответить, демонстрируя цифровым гуру ограниченность и пагубность превращения всего многогранного и сложного пространства социальных взаимодействий в глобальную цифровую лабораторию. Но это не означает и отказ от возможностей цифры, наоборот, необходимо не закрываться (к сожалению, часто сейчас происходит) от цифровых технологий, а интегрировать их в свою деятельность, тестируя их возможности для социологических исследований. GPT или синтетические респонденты должны стать помощниками и рабочими инструментами социологов, а не восприниматься как технологии, “уничтожающие” нашу науку и профессию.

Цифровая реальность уже стала частью реальности социальной. Вне этой реальности невозможно понять современную экономику и современный менеджмент. И социологи должны быть открытыми обществу в любых его проявлениях. Как говорил еще в первой половине прошлого века П. Лазерфельд: важно “задавать социальной реальности такие вопросы, которые ей самой интересны, и она — живая! — откликается на них живейшим участием, обнаруживая в статистических распределениях чудесные зависимости”³⁰.

²⁹ Anderson C. The end of theory: the data deluge makes the scientific method obsolete // *Wired*. 2008.06. URL: <https://www.wired.com/2008/06/pb-theory/> (accessed: 20.02.2024).

³⁰ Цит. по: Батыгин Г.С. Ремесло Пауля Лазерфельда: введение в его научную биографию // *Вестник АН СССР*. 1990. № 8. С. 94–108; Lazarsfeld P. The art of asking why in marketing research // *National Marketing Review*. 1935. Vol 1(1). P. 26–38.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артефакты организационной культуры. М., 2023.
- Барков С.А., Земляков Д.Н. Современная теория менеджмента — парадоксальный симбиоз психологии, социологии и риторики // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2021. № 1. С. 151–167. DOI: 10.33983/2075-1826-2021-1-151-167.
- Барков С.А., Зубков В.И. Высшее образование: непреодолимый институциональный разрыв с рынком труда // ЭКО. 2022. № 4. С. 8–30. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-4-8-30.
- Барков С.А., Зубков В.И. Монологи и диалоги о постмодерне и постмодернизме. М., 2019.
- Барков С.А., Маркеева А.В. Пожизненное обучение как императив реформирования государственно-частной системы образования в России // ЭКО. 2022. № 12. С. 106–126. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-12-106-126.
- Барков С.А., Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Инновационная бюрократия в управлении высшим образованием // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 58–72. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-58-72.
- Барков С.А., Шариф М. Институциональные контексты развития рынка труда в России и Германии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 2. С. 40–65. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-2-40-65.
- Батыгин Г.С. Ремесло Пауля Лазерфельда: введение в его научную биографию // Вестник АН СССР. 1990. № 8. С. 94–108.
- Васильев В.П. Электронное правительство в цифровой реальности // Информационное общество. 2019. № 6. С. 4–11.
- Виртуальные русские и их экономические реалии: Коллект. монограф. / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова, А.В. Маркеевой. М., 2019.
- Гавриленко О.В. Социальные технологии в эпоху “надзорного капитализма”: цифровизация и власть алгоритмов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 3. С. 157–178. DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-145-165.
- Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.
- Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 44–58.
- Конвер Б., Хайлброн Й. Откуда появилась новая экономическая социология? // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 5. С. 28–51.
- Ксенофонтова Е.Г. Система высокой производительности труда”: трудности и позитивный опыт организаций разных стран // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 4. С. 125–148. DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-4-125-148.
- Макгрегор Д. Человеческий фактор и производство // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 146–151.
- Макдональд Д. The Firm. История компании McKinsey и ее тайного влияния на американский бизнес. М., 2014.
- Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мони-

торинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171–192. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1807.

Осеев А.А., Рудакова А.С. Материальные и нематериальные формы стимулирования труда персонала на высокотехнологичных предприятиях (на примере АО АВТОВАЗ) // Социология. 2020. № 3. С. 148–161.

Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. М., 2019.

Осипова Н.Г. Социология. М., 2024.

Осипова Н.Г., Елишев С.О. Социальное неравенство и молодежь: ключевые тренды 2020 г. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 2. С. 7–25. DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-7-25.

Сведберге Р. Новая экономическая социология: что сделано и что впереди // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 2. С. 13–35.

Старшее поколение в постиндустриальных реалиях / Под общ. ред. С.А. Баркова, И.В. Кузнецовой, А.В. Маркеевой. М., 2022.

Холоденко Ю.А. Цифровая трансформация государственного управления: возможности и риски // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 43–78. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-3-43-78.

Юрасова М.В. Рейтинги и индексы как инструмент социального управления // Социология. 2016. № 4. С. 135–144.

REFERENCES

Anderson C. The end of theory: the data deluge makes the scientific method obsolete // Wired. 2008.06. URL: <https://www.wired.com/2008/06/pb-theory/> (accessed: 20.02.2024).

Artefakty organizatsionnoi kul'tury [Artefacts of organizational culture]. М., 2023 (in Russian).

Barkov S.A., Markeeva A.V. Pozhiznennoe obuchenie kak imperativ reformirovaniya gosudarstvenno-chastnoi sistemy obrazovaniya v Rossii [Lifelong learning as an imperative for reforming the public-private education system in Russia] // EKO. 2022. N 12. P. 106–126. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-12-106-126 (in Russian).

Barkov S.A., Markeeva A.V., Gavrilenko O.V. Innovatsionnaya byurokratiya v upravlenii vysshim obrazovaniem [Innovative bureaucracy in the management of higher education] // Vest. RUDN. Ser. Sotsiologiya. 2024. T. 24. N 1. P. 58–72. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-58-72 (in Russian).

Barkov S.A., Sharpf M. Institutsional'nye konteksty razvitiya rynka truda v Rossii i Germanii [Institutional contexts of labor market development in Russia and Germany] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. T. 25. N 2. P. 40–65. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-2-40-65 (in Russian).

Barkov S.A., Zemlyakov D.N. Sovremennaya teoriya menedzhmenta — paradoxal'nyi simbioz psikhologii, sotsiologii i ritoriki [Modern theory of management — a paradoxical symbiosis of psychology, sociology and rhetoric] // Menedzhment i biznes-administrirovanie. 2021. N 1. DOI: 10.33983/2075-1826-2021-1-151-167 (in Russian).

Barkov S.A., Zubkov V.I. Monologi i dialogi o postmoderne i postmodernizme [Monologues and dialogues about postmodernity and postmodernism]. М., 2019 (in Russian).

Barkov S.A., Zubkov V.I. Vysshee obrazovanie: nepreodolimyie institutsional'nyi razryv s rynkom truda [Higher education: insurmountable institutional gap with the labor market] // EKO. 2022. N 4. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-4-8-30 (in Russian).

Batygin G.S. Remeslo Paulya Lazerfel'da: vvedenie v ego nauchnyu biografiyu [The craft of Paul Lazerfeld: Introduction to his scientific biography] // Vestnik AN USSR. 1990. N 8 (in Russian).

Bernd-Joachim E., Barkov S., Kondurov R., Scharpf M. et al. Project studies as a transborder didactic tool in higher education (the case of the German Russian study project) // Theory and Practice of Project Management in Education: Horizons and Risks 2020. SHS Web of Conferences, France. 2020. Vol. 79. P. 02005.

Conover B., Heilbron Y. Otkuda poyavilas' novaya ekonomicheskaya sotsiologiya? [Where did the new economic sociology come from?] // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2005. T. 6. N 5 (in Russian).

Dan Wang. Is there a canon in economic sociology? // Accounts: The Economic Sociology Newsletter. 2012. Vol. 11(2). P. 1–16. DOI: 10.17323/1726-3247-2013-2-111-122. URL:<http://www.asanet.org/sectionecon/documents/accounts12sp.pdf> . (accessed: 10.06.2024).

Gavrilenko O.V. Sotsial'nye tekhnologii v epokhu “nadzornogo kapitalizma”: tsifrovizatsiya i vlast' algoritmov [Social technologies in the era of “supervisory capitalism”: digitalization and the power of algorithms] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2023. Vol. 29. N 3. P. 145–165 (in Russian). DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-145-165.

Gavrilenko O.V., Markeeva A.V. Digital colonization: development of digital platforms in the context of a pandemic // Postmodern Openings. 2020. Vol. 11. N 1. Supl. 2. P. 65–73. DOI: 10.18662/po/11.1sup2/141.

Granovetter M. Ekonomicheskoe deistvie i sotsial'naya struktura: problema ukorenennosti [Economic action and social structure: the problem of embeddedness] // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2002. Vol. 3. N 3. P. 44–58 (in Russian).

Granovetter M. Sila slabykh svyazei [The Power of Weak Ties] // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2009. Vol. 10. N 4. P. 31–50 (in Russian).

Hodgson G. Prospects for economic sociology // Philosophy of the Social Sciences. 2008. Vol. 38(1). P. 133–149. DOI: 10.1177/0048393107311458.

Hoskins A. 7/7 and connective memory: interactional trajectories of remembering in post-scarcity culture // Memory Studies. 2011. Vol. 4(3). P. 269–280. DOI: 10.1177/1750698011402570.

Ilina I.Y., Oseev A.A., Vinichenko M.V., et al. Transformation of social status of teachers of Russian universities // Modern journal of language teachers methods. 2018. Vol. 8(3). P. 381–392.

Kholodenko Yu.A. Tsifrovaya transformatsiya gosudarstvennogo upravleniya: vozmozhnosti i riski [Digital transformation of public administration: opportunities and risks] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2022. Vol. 28. N 3. P. 43–78. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-3-43-78 (in Russian).

Ksenofontova E.G. Sistema vysokoi proizvoditel'nosti truda”: trudnosti i pozitivnyi opyt organizatsii raznykh stran [The system of high labor productivity”: difficulties and positive experience of organizations of different countries] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2023. T. 29. N 4. P. 125–148. DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-4-125-148 (in Russian).

Lazarsfeld P. The art of asking why in marketing research // National Marketing Review. 1935. Vol. 1(1). P. 26–38.

Martynenko T.S., Dobrinskaya D.E. Sotsial'noe neravenstvo v epokhu iskusstvennogo intellekta: ot tsifrovogo k algoritmicheskomu razryvu [Social Inequality in the Age of Algorithms: From Digital to Algorithmic Divide] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2021. N 1. P. 171–192. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1807 (in Russian).

McDonald D. Istoriya kompanii McKinsey i ee tainogo vliyaniya na amerikanskiy biznes [The Firm. The history of McKinsey and its secret influence on American business]. M., 2014 (in Russian).

McGregor D. Chelovecheskii faktor i proizvodstvo [Human Factor and Production] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1995. N 1. P. 146–151 (in Russian).

Oseev A.A., Rudakova A.S. Material'nye i nematerial'nye formy stimulirovaniya truda personala na vysokotekhnologichnykh predpriyatiyakh (na primere AO AVTOVAZ) [Material and non-material forms of personnel labor stimulation at high-tech enterprises (on the example of AVTOVAZ JSC)] // Sotsiologiya. 2020. N 3. P. 148–161 (in Russian).

Osipova N.G. Sovremennaya sotsiologicheskaya teoriya [Modern sociological theory]. M., 2019 (in Russian).

Osipova N.G. Sotsiologiya [Sociology]. M., 2024 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O. Sotsial'noe neravenstvo i molodezh': klyucheveye trendy 2020 g. [Social inequality and youth: key trends of 2020] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2021. Vol. 27. N 2. P. 7–25. DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-7-25 (in Russian).

Parsons T., Smelser N. Economy and society: a study in the integration of economic and social theory. Glencoe, 1956.

Robbins L. The subject-matter of economics // Robbins L. An Essay on the Nature and Significance of Economic Science. L., 1935. P. 1–23.

Schwarz O. The past next door: Neighbourly relations with digital memory-artefacts // Memory studies. 2013. Vol. 7(1). P. 7–21. DOI:10.1177/1750698013490591.

Starshee pokolenie v postindustrial'nykh realiyakh [Senior Generation in Postindustrial Realities] / Ed. by S.A. Barkov, I.V. Kuznetsova, A.V. Markeeva. M., 2022 (in Russian).

Swedberg R. Novaya ekonomicheskaya sotsiologiya: chto sdelano i chto vpered [New Economic Sociology: What Has Been Accomplished, What Is Ahead] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2002. Vol. 5. N 2. P. 13–35 (in Russian).

Vasiliev V.P. Elektronnoe pravitel'stvo v tsifrovoi real'nost [E-government in the digital reality] // Informatsionnoe obshchestvo. 2019. N 6. P. 4–11 (in Russian).

Virtual'nye russkie i ikh ekonomicheskie realii: kollektivnaya monografiya [Virtual Russians and their economic realities: a collective monograph] / Ed. by S.A. Barkov, V.I. Zubkov, A.V. Markeeva. M., 2019 (in Russian).

Yurasova M.V. Reitingi i indeksy kak instrument sotsial'nogo upravleniya [Ratings and indices as a tool of social management] // Sotsiologiya. 2016. N 4. P. 135–144 (in Russian).

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-234-263

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Е.В. Дорцева, старший преподаватель социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Данная статья подготовлена коллективом авторов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках серии мероприятий, посвященных 270-летию Московского университета. В основу статьи легли обработанные и проанализированные данные социологического исследования “Социальная коммуникация в современном обществе: сущность и особенности”, проведенного сотрудниками социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством декана социологического факультета МГУ, профессора Н.Г. Осиповой в апреле–мае 2024 г. В рамках исследования было опрошено в общей сложности 401 студент социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Особый акцент в исследовании был сделан на изучении особенностей осмысления студентами социологического факультета самого факта перехода человечества в своем развитии в новую для него стадию — электронно-цифровую эпоху, а также особенностей социальной коммуникации и тех возможностей, которые они приобрели, благодаря наступлению данной эпохи.

В рамках исследования было выявлено в целом положительное отношение студентов к процессу становления электронно-цифрового общества, активному внедрению цифровых технологий в повседневную жизнь современного человека, без которых молодые люди уже не мыслят свое существование. В то же время, их активное погружение в виртуальную реальность, которую обеспечивают и фактически создают новые СМИ, особенно социальные сети

* Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

** Дорцева Елена Владимировна, e-mail: edortseva@mail.ru

и мессенджеры, закономерно привели к возникновению у них интернет-зависимости, гаджето-зависимости, а также к некритичному осмыслению той информации, которую они получают из этих источников. Естественно, что это очень негативно сказывается на формировании их жизненных установок, ориентиров, в значительной степени, носящих потребительский характер, а также делает их очень удобным объектом для деструктивной пропаганды и манипулятивного воздействия.

Ключевые слова: электронно-цифровая эпоха, цифровизация, цифровые технологии, интернет-зависимость, гаджето-зависимость, потребление, социальная коммуникация, формирование жизненных установок.

SOCIAL COMMUNICATION IN MODERN SOCIETY: EXPERIENCE OF EMPIRICAL RESEARCH

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

Dortseva Elena V., Senior Lecturer at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: edortseva@mail.ru

This article was prepared by a team of authors of the sociological faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov as part of a series of events dedicated to the 270th anniversary of Moscow University. The article was based on the processed and analyzed data of the sociological study “Social Communication in Modern Society: Essence and Features”, conducted by employees of the Sociological Faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov under the guidance of the Dean of the Sociological Faculty of Moscow State University, Professor N.G. Osipova in April–May 2024. As part of the study, a total of 401 students of the sociological faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Particular emphasis in the study was placed on the study of the features of the understanding by students of the sociological faculty of the very fact of the transition of mankind in its development to a new stage for it — the electronic-digital era, as well as the features of social communication and the opportunities that they acquired, thanks to the onset of this era.

The study revealed a generally positive attitude of students to the process of the formation of an electronic-digital society, the active introduction of digital technologies into the daily life of a modern person, without which young people can no longer imagine their existence. At the same time, their active immersion in virtual reality, which is provided and actually created by new media, especially social networks and instant messengers, naturally led to the emergence of Internet addiction, gadget addiction, as well as to uncritical comprehension of the information that they receive from these sources. Naturally, this has a very negative effect on the formation of their life attitudes, landmarks, which are largely consumer in nature, and also makes them a very convenient object for destructive propaganda and manipulative influence.

Key words: *electronic-digital era, digitalization, digital technologies, Internet dependence, gadget dependence, consumption, social communication, formation of life attitudes.*

В настоящее время одним из значимых направлений современных социологических исследований является изучение роли, сущности, особенностей осуществления социальной коммуникации в современном обществе в условиях становления электронно-цифровой цивилизации, т.е. перехода человечества к “новой, цифровой стадии своего развития, затрагивающей все сферы его жизнедеятельности, включая социальный мир и ценностную сферу человека”¹.

Вполне естественно, что данный переход сопряжен с электронно-цифровой трансформацией самых разнообразных сфер социальной жизни, внедрением в повседневный режим человеческого бытия и новых цифровых коммуникационных технологий, «способных конструировать “реальную виртуальность”, когда становится трудно отделить реальные факты и события от специально созданных фейковых образов. Это предоставляет огромные возможности для манипулирования сознанием отдельных социальных групп и особенно молодежи»², а также актуализирует необходимость масштабного изучения данной проблематики.

В этом ключе, а также в контексте предстоящего 270-летия Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, особый интерес представляют данные социологического исследования, проведенного сотрудниками социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в апреле-мае 2024 г. “Социальная коммуникация в современном обществе: сущность и особенности” с целью выявления восприятия студентами социологического факультета МГУ сущности и особенностей коммуникативного воздействия на современную молодежь в условиях становления электронно-цифрового общества.

Всего был опрошен 401 студент социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, из них — 73,32% бакалавров и 26,68% магистров, что соответствует структуре студенческого состава социологического факультета.

Среди опрошенных студентов 70,07% являлись лицами женского пола, а 29,93% — мужского, что в целом соответствует общему гендерному составу студентов факультета.

¹ *Осипов Г.В.* Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. М.; СПб., 2020. С. 12.

² *Осипова Н.Г., Елишев С.О.* Молодёжь в системе социально-гуманитарных наук. М., 2022. С. 4.

65,75 % опрошенных (т.е. почти две трети опрошенных) составили молодые люди в возрасте от 19 до 22 лет, 19,5% — от 23 до 26 лет, 14,75% — от 14 до 18 лет.

59,35% опрошенных составили студенты бакалавриата по направлению подготовки “Социология”. 13,97% опрошенных — студенты бакалавриата по направлению подготовки “Публичная политика и социальные науки”. 26,68% — студенты-магистры по направлению подготовки “Социология”.

49,62% опрошенных оценивают уровень своей материальной обеспеченности как средний, 16,79% — выше среднего, 16,04% — ниже среднего, 6,02% — как низкий, 6,27% — как высокий, 5,26% — затруднились дать ответ на поставленный вопрос.

19,05% опрошенных не имели доходов в 2023 г., 4,76 — имели доходы от 0 до 2000 рублей, 9,02 — от 2000 до 5000 рублей, 12,28 — от 5000 до 15000 рублей, 19,3 — от 15000 до 30000 рублей, 13,78 — от 30000 до 45000 рублей, 21,8% имели доход свыше 45000 рублей. То есть, в целом, более половины студентов социологического факультета имеют более высокий уровень доходов, чем их сверстники из других регионов и живут явно не на одну только стипендию.

Среди опрошенных респондентов только четверть (25,88%) имеют собственное жилье (квартиру(ы), дачу или дома), а три четверти (74,12%) — собственного жилья не имеют.

Из числа опрошенных 4,27% респондентов ответили, что являются членами политических партий, движений, организаций. Подавляющее большинство молодых людей (95,73%) не состоят в какой-либо партии или общественно-политической организации.

Особое место в проведенном исследовании занимал блок вопросов, связанных с особенностями осмысления студентами социологического факультета самого факта перехода человечества в своем развитии в новую для него — электронно-цифровую эпоху, выделением признаков, свидетельствующих о наступлении такого рода эпохи, специфических черт социальной коммуникации в данную эпоху, а также возможностей, которые они приобрели благодаря её наступлению.

Анализ результатов ответов студентов на вопросы данного блока показал, что подавляющее большинство молодых людей (97,51% студентов) выразили своё согласие с утверждением о том, что человечество в настоящее время “вступило в новый период своей истории — электронно-цифровую эпоху”, 1,5% опрошенных не согласились с ним, 1% респондентов затруднились с ответом на данный вопрос (см. рис. 1).

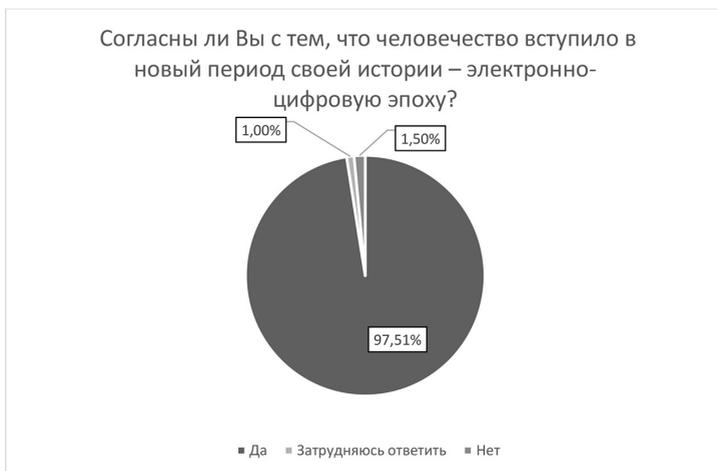

Рис. 1. Ответ на вопрос анкеты “Согласны ли Вы с тем, что человечество вступило в новый период своей истории — электронно-цифровую эпоху?” (в %)

При этом к главным признакам “электронно-цифровой эпохи” студенты социологического факультета, прежде всего, отнесли: “максимально быструю передачу информации (текста, изображения, звука)” (42,25% ответов); “умение пользоваться цифровыми технологиями, электронными сетями” (36,25% ответов) (см. рис. 2).

По 7,5% студентов социологического факультета к главным признакам “электронно-цифровой эпохи” также отнесли: “возможность играть разные роли, общаясь разными именами и создавая различные виртуальные образы”; “неограниченный доступ к любой информации и развлечениям”. Чуть меньше (3,75% ответов) — “хранение и передачу информации в электронном виде”.

При этом по мнению двух третей молодых людей (69,67%) “человечество все больше становится зависимым от цифровых технологий”. С таким утверждением также скорее согласились, чем не согласились 20,5% опрошенных. Скорее не согласились — 7,02% опрошенных. Совсем не согласился только 1% респондентов. 2,26% опрошенных — затруднились с ответом на данный вопрос (см. рис. 3).

Характерно при этом и то, что у большинства студентов социологического факультета (86,28% ответов) сложилось устойчивое мнение о появлении дополнительных жизненных шансов и возможностей у людей, которые эффективно используют цифровые технологии. Только 4,99% респондентов придерживаются противоположного мнения. 8,73% опрошенных — затруднились с ответом на данный вопрос (см. рис. 4).

Рис. 2. Ответ на вопрос анкеты «Люди по-разному понимают, что такое «электронно-цифровая эпоха», а как Вы считаете, каковы главные признаки цифровой эпохи?» (в %)

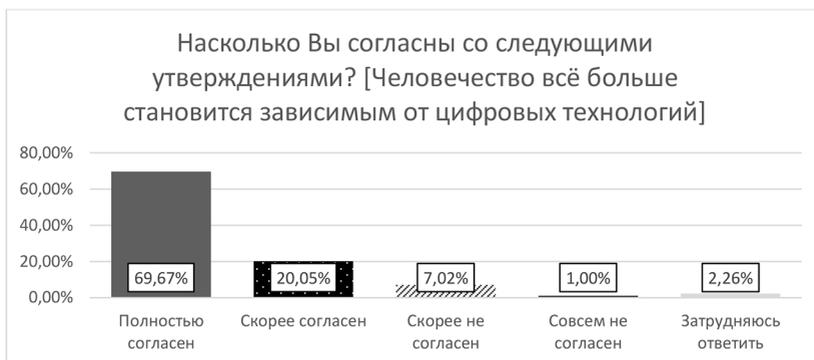

Рис. 3. Распределение ответов студентов на вопрос о согласии / несогласии с утверждением: «Человечество все больше становится зависимым от цифровых технологий»

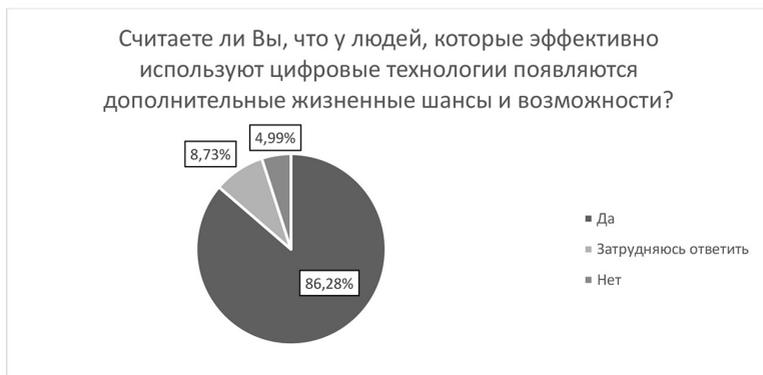

Рис. 4. Распределение ответов студентов на вопрос “Считаете ли Вы, что у людей, которые эффективно используют цифровые технологии появляются дополнительные жизненные шансы и возможности?”

По мнению большинства студентов социологического факультета МГУ новые цифровые коммуникативные технологии, связанные с интернетом, дают им возможность активно создавать профили в социальных сетях (94,46% ответов); создавать личные блоги, вести интернет-страницы (91,39% ответов), расширять круг общения, способы социальной коммуникации (89,65% ответов).

Чуть более двух третей опрошенных отметили также возможность получать неограниченный доступ к необходимой информации (71,79% ответов); менее половины респондентов – возможность выражать собственные политические взгляды (45,57% ответов положительных ответов) (см. рис. 5).

Рис. 5. Мнение студентов о возможностях, которые дают новые цифровые коммуникативные технологии, связанные с интернетом

Иными словами, основная и полезная для них возможность, которую они приобрели с наступлением электронно-цифровой эпохи, на их взгляд, сводится, прежде всего к активному использованию социальных сетей и мессенджеров, в которых они проводят достаточно большое количество времени (рис. 6).

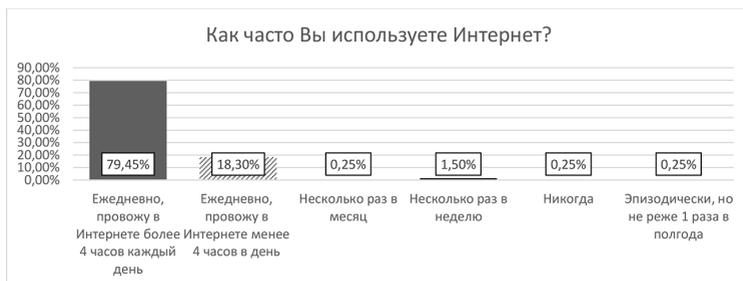

Рис. 6. Распределение ответов студентов на вопрос “Как часто вы используете интернет?”

Подавляющее большинство молодых людей (97,75%) являются активными пользователями интернета (ежедневно пользуются интернетом более 4-х часов 79,45% респондентов, менее 4-х часов — 18,3%). Несколько раз в неделю Интернетом пользуется 1,5% опрошенных, а несколько раз в месяц, эпизодически, но не реже одного раза в полгода или, никогда — по 0,25% студентов). Таким образом, у большинства опрошенных студентов можно констатировать наличие определённой интернет-зависимости, что большая часть из них, судя по всему осознает, хотя и не хочет открыто это признавать, если исходить из анализа результатов ответа на вопрос анкеты “Для каких целей Вы, прежде всего, пользуетесь интернетом?” (рис. 7).

Рис. 7. Распределение ответов студентов на вопрос “Для каких целей Вы, прежде всего, пользуетесь интернетом?”

В частности, по утверждению большинства опрошенных студентов, Интернет они прежде всего используют для учебы (81,36% ответов), затем — для общения (8,31% респондентов), для игр — 7,3% студентов, а для работы — всего 1,76%. При этом из проведенного исследования известно, что значительная часть студентов подрабатывает или работает.

Также можно констатировать наличие определенной гаджетозависимости у большинства студентов. Подавляющее большинство молодых людей (98,25%) являются активными пользователями социальных сетей и мессенджеров, что в целом неудивительно с учетом оценки ими своих главных возможностей, которые они приобрели с наступлением электронно-цифровой эпохи (рис. 8).

Рис. 8. Распределение ответов студентов на вопрос “Пользуетесь ли Вы социальными сетями, мессенджерами и т.п.?”

Ежедневно социальными сетями и мессенджерами пользуются 92,98% респондентов, несколько раз в месяц — 5,76% (рис. 9).

Зависимость молодых людей от социальных сетей и мессенджеров подтвердилась ими самими при ответе на вопрос о времени, которое они тратят на социальные сети и мессенджеры в течении одного дня (рис. 10). 17,75% студентов фактически выпадают из учебного процесса, поскольку по их же словам находятся в постоянном режиме общения в социальных сетях и мессенджерах, т.е. пребывают не в реальном, а в виртуальном мире, в том числе и во время учебных занятий.

Рис. 9. Распределение ответов студентов на вопрос “Если Вы пользуетесь социальными сетями, мессенджерами и т.п., то как часто?”

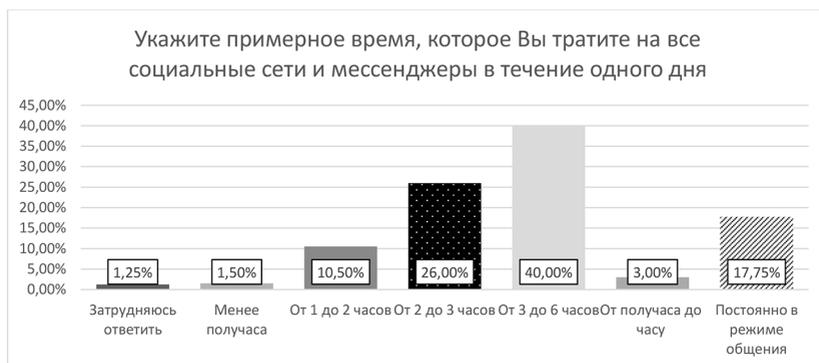

Рис. 10. Распределение ответов студентов на вопрос “Укажите примерное время, которое Вы тратите на все социальные сети и мессенджеры в течение одного дня?”

40% молодых людей признались, что они тратят в течение одного дня на социальные сети и мессенджеры от 3 до 6 часов. Тут не сложно догадаться, что значимая часть этого времени должна приходится также на учебные занятия.

26% студентов тратят на социальные сети и мессенджеры в течение одного дня от 2-х до 3-х часов, а 10,5% студентов тратят на социальные сети и мессенджеры в течение одного дня от одного до 2-х часов. От получаса до часа в течение дня тратят на социальные сети и мессенджеры 3% студентов, менее получаса — 1,5% опрошенных. Затруднились с ответом — 1,25% молодых людей.

Отсутствие критического мышления в отношении самих себя и своих занятий, к сожалению просматривается у значительной части студентов при ответе на вопрос о контенте, который преобладает в их социальной сети.

57,61% молодых людей отметили преобладание в своей любимой социальной сети, прежде всего развлекательного контента, что никак не коррелируется с утверждениями большей части студентов об использовании интернета преимущественно для учебы.

16,75% студентов заявили о преобладании в своей любимой социальной сети образовательного контента, 15,48% — новостного контента. В меньшей степени, на взгляд студентов, в их любимых социальных сетях преобладает политический (3,81% ответов) и аналитический (1,52% ответов) контент (см. рис. 11).

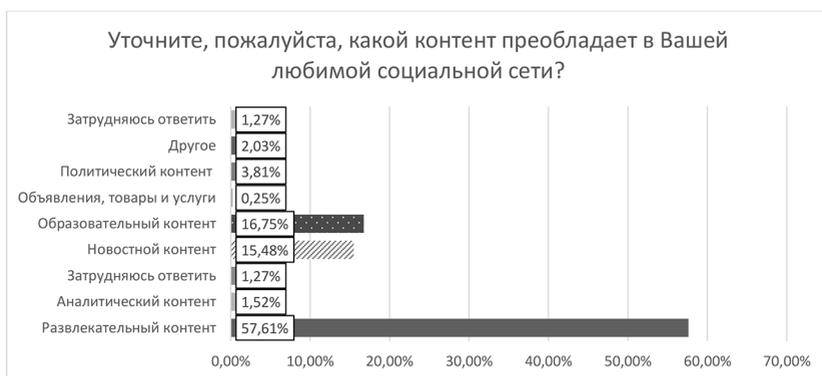

Рис. 11. Распределение ответов студентов на вопрос “Уточните, пожалуйста, какой контент преобладает в Вашей любимой социальной сети?”

Зависимость молодых людей от социальных сетей и мессенджеров, а также некритичное их отношение к себе и своим занятиям, проявилась в их ответе на вопрос о пользе или вреде социальных сетей. На вопрос анкеты о вреде или пользе социальных сетей, более трети опрошенных (37,41% студентов) заявили, что социальные сети приносят больше пользы. Почти половина респондентов (45,14%) уклончиво ответили, что социальные сети приносят и вред и, пользу в равной степени. И только 7,73% студентов отметили, что они приносят больше вреда, чем пользы; при этом 4,99% молодых людей затруднились с ответом на данный вопрос.

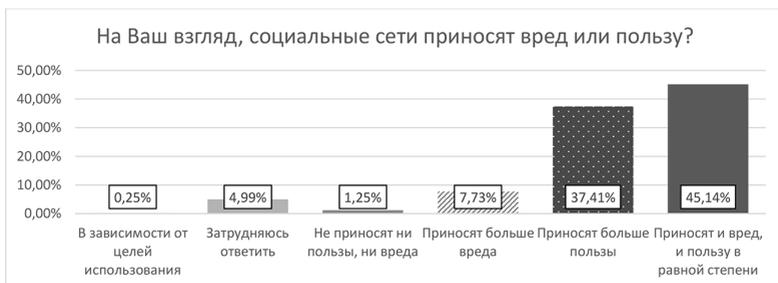

Рис. 12. Распределение ответов студентов на вопрос “На Ваш взгляд, социальные сети приносят вред или пользу?”

На наш взгляд, в данной связи характерным является тот факт, что молодые люди в целом признали огромное влияние, которое оказывают социальные сети на процесс формирования ценностей и жизненных приоритетов современной молодежи. Более двух третей опрошенных (73,5%) заявили, что социальные сети в разной степени повлияли на их ценности и ценностные приоритеты. Чуть менее половины из них (44,25% опрошенных) утверждают об их однозначном влиянии на формирование их ценностей и жизненных приоритетов. Однако почти треть студентов (29,25%) не дали четкого ответа. 19,75% молодых людей ответили, что социальные сети скорее не повлияли, чем повлияли на их ценности и жизненные приоритеты. 6,75% опрошенных утверждают об отсутствии такого влияния вовсе.

Значимость влияния социальных сетей, мессенджеров и интернета на формировании ценностей и установок студенческой молодежи подтверждается также результатами их ответов на вопрос о влиянии на данный процесс различных социальных институтов и средств массовой информации. Среди социальных институтов и СМИ наиболее сильное влияние на ценности и установки современной студенческой молодежи по мнению студентов социологического факультета МГУ, прежде всего, оказывают: новые СМИ (блогосфера, социальные сети, виртуальные сообщества, другие веб-ресурсы) — 38,72% ответов; органы государственной власти и местного самоуправления — 26,26% ответов; общественные объединения и организации — 16,6% ответов. В существенно меньшей степени: традиционные для России религиозные конфессии (православие, ислам, буддизм, иудаизм) и организации — 6,06% ответов, традиционные СМИ (печать, радио, телевидение) — 5,72% ответов, семья — 4,04% ответов, нетрадиционные для России религиозные объединения, организации (секты) — 2,02% ответов, система — образования — 1,01% ответов. (см. рис. 14).

Рис. 13. Распределение ответов студентов на вопрос “Как Вы считаете, повлияли ли социальные сети на Ваши ценности и жизненные приоритеты?”

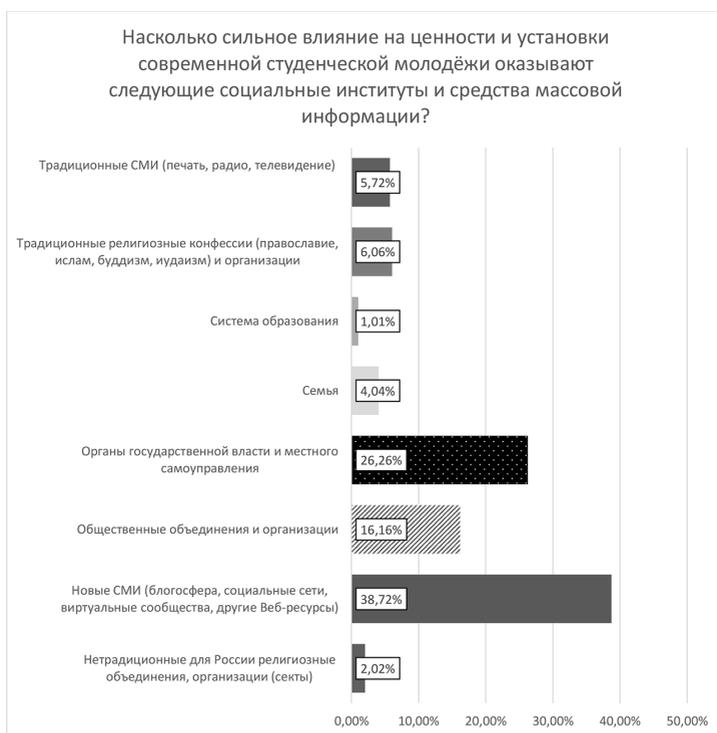

Рис. 14. Распределение ответов студентов на вопрос “Насколько сильное влияние на ценности и установки современной студенческой молодежи оказывают следующие социальные институты и средства массовой информации?”

Результаты исследования также выявили в значительной степени критическое отношение и недоверие молодежи к традиционным средствам массовой информации (печати, радио и телевидению). 40,85% студентов заявили о своем полном недоверии к ним. О своем доверии к ним высказалась только почти треть опрошенных (31,08% ответов). 28,07% молодых людей — затруднились с ответом на данный вопрос (см. рис. 15).

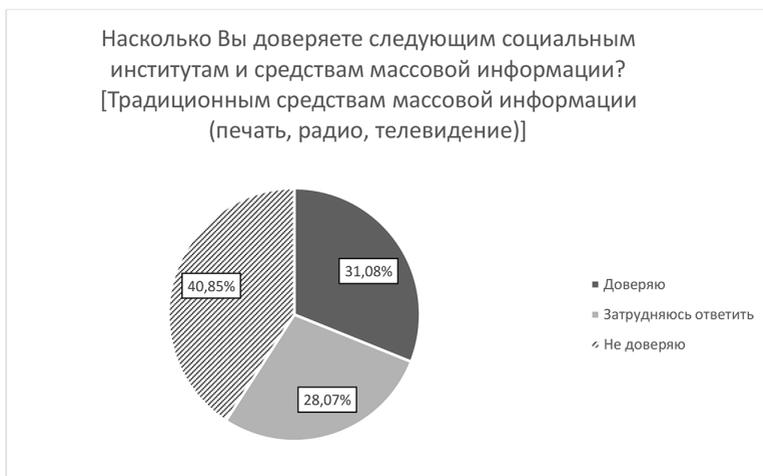

Рис. 15. Распределение ответов студентов на вопрос об их доверии к традиционным средствам массовой информации (печать, радио, телевидение)

В то же время, чуть более четверти молодых людей (26,43%) высказались о своем недоверии к нетрадиционным средствам массовой информации (блогосфере, социальным сетям, виртуальным сообществам, другим веб-ресурсам). При этом практически каждый четвертый из десяти опрошенных (38,9%) в свою очередь доверяют данным средствам массовой информации. 34,66% молодых людей — затруднились с ответом на данный вопрос (или таким образом уклонились от прямого ответа) (см. рис. 16).

При этом характерно, что новые средства массовой информации (блогосфера, социальные сети, виртуальные сообщества, другие Веб-ресурсы), по мнению молодых людей, пытаются формировать у современной российской молодёжи достаточно противоречивые жизненные ориентиры как: патриотизм (30,3% ответов), веру в Бога (14,14% ответов), культ денег (14,14% ответов), доброту (13,89% ответов), атеизм и безбожие (11,11% ответов), трудолюбие (9,85% ответов) (см. рис. 17).

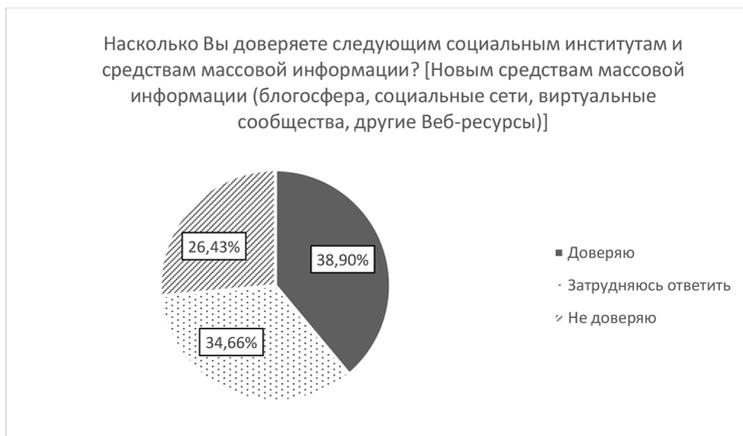

Рис. 16. Распределение ответов студентов на вопрос об их доверии к нетрадиционным средствам массовой информации (блогосфере, социальным сетям, виртуальным сообществам, другим веб-ресурсам)

Рис. 17. Распределение ответов студентов на вопрос “Какие ценностные ориентиры, на Ваш взгляд, пытаются формировать новые средства массовой информации у современной российской молодёжи?”

Факт влияния социальных сетей и мессенджеров на жизнедеятельность современной студенческой молодежи нашел свое подтверждение при анализе ответов на вопрос, из каких источников студенты узнают главные новости о политических событиях в России и за рубежом чаще всего. Половина опрошенных (50,62%) студентов назвала в качестве основных источников, из которых

молодые люди узнают главные новости о политических событиях в нашей стране и мире чаще всего, социальные сети и блоги. 19,2% — телевидение, 14,46% — различные мессенджеры. Официальные новостные и аналитические сайты (интернет-медиа) в качестве таких источников обозначили 6,73% опрошенных, печатные издания (газеты и журналы) — 3,24% респондентов. Радио — 1,25% молодых людей. То есть, фактически две трети молодых людей получают информацию о политических событиях в России и мире из социальных сетей и мессенджеров (см. рис. 18).

Рис. 18. Распределение ответов студентов на вопрос “Из каких источников Вы узнаете главные новости о политических событиях в нашей стране и мире чаще всего?”

Исследование показало, что современную студенческую молодёжь также характеризует весьма не критичное восприятие информации, которую они черпают из интернета, социальных сетей и мессенджеров. Только 23,75% опрошенных выразили свое полное несогласие с утверждением, что “большая часть информации в интернете является достоверной и объективной”. Большая часть студентов колеблется с выражением степени своего согласия/ несогласия с данным утверждением.

Так, 40,25% студентов социологического факультета заявили, что они скорее не согласны с данным утверждением. 20,5% скорее согласились, чем не согласились с ним. 7% опрошенных — затруднились с ответом на данный вопрос. Полностью согласились только 8,5% респондентов (см. рис. 19).

Выявленные колебания очевидно свидетельствуют о подверженности студенческой молодежи влиянию той информации, которую они черпают из интернета.

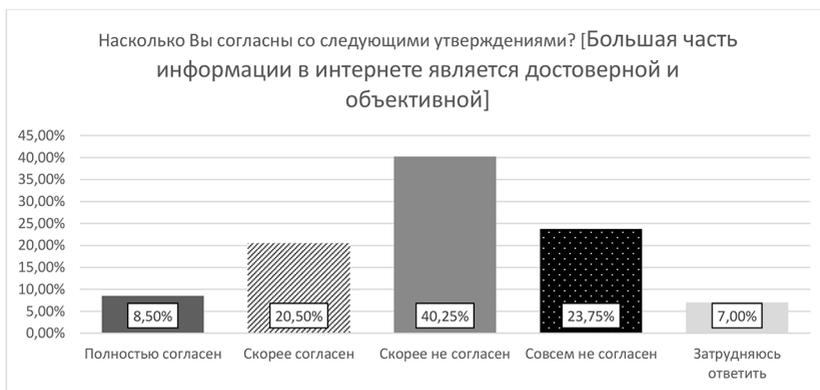

Рис. 19. Распределение ответов студентов на вопрос о согласии / несогласии с утверждением: “Большая часть информации в интернете является достоверной и объективной”

При этом к основным источникам, из которых молодые люди узнают главные новости о политических событиях в нашей стране и мире чаще всего, половина студентов (50,62%) отнесла социальные сети и блоги. 19,2% респондентов — телевидение; 14,46% — различные мессенджеры. Официальные новостные и аналитические сайты (интернет-медиа) в качестве таких источников обозначили 6,73% опрошенных, печатные издания (газеты и журналы) — 3,24% респондентов. Радио — 1,25% молодых людей (см. рис. 20).

В то же время, и это следует особо подчеркнуть, что молодые люди в значительной степени понимают определенные опасности и угрозы, которые могут исходить от интернета. Например, 52,25% студентов социологического факультета полностью согласны с утверждением, что “Интернет является эффективным инструментом ведения информационной войны”. Скорее согласны с этим утверждением — 27% опрошенных. Скорее не согласны — 10,75% молодых людей. Совсем не согласны — только 1,25% респондентов. 8,75% опрошенных — затруднились с ответом на данный вопрос (см. рис. 21).

Рис. 20. Распределение ответов студентов на вопрос “Из каких источников Вы узнаете главные новости о политических событиях в нашей стране и мире чаще всего?”

Рис. 21. Распределение ответов студентов на вопрос о согласии / несогласии с утверждением: “Интернет является эффективным инструментом ведения информационной войны”

61,75% студентов социологического факультета полностью согласны с утверждением, что “Интернет является эффективным инструментом социального манипулирования”. Скорее согласны с этим утверждением — 27,25% опрошенных. Скорее не согласны — 6,5% молодых

людей. Совсем не согласны — только 1% респондентов. 3,5% опрошенных — затруднились с ответом на данный вопрос (см. рис. 22).

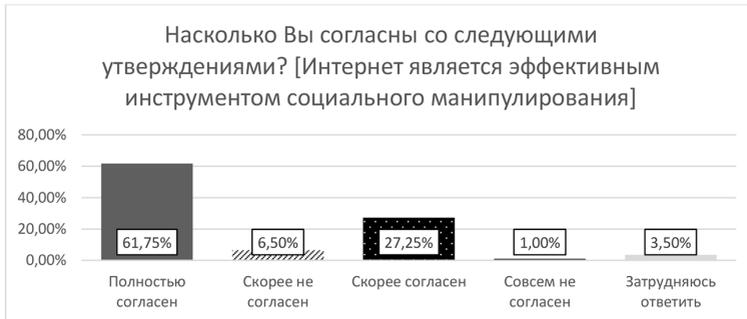

Рис. 22. Распределение ответов студентов на вопрос о согласии / несогласии с утверждением: “Интернет является эффективным инструментом социального манипулирования”

Однако осознание студентами обозначенных угроз на словах отнюдь не говорит о наличии у студенческой молодежи ясных представлений о том, как им противостоять.

Об этом очевидно свидетельствует анализ результатов ответов на вопрос о возможных отрицательных последствиях активного внедрения цифровых технологий в повседневную жизнь. Так, при ответе на данный вопрос, почти половина студентов социологического факультета (49,62%) к отрицательным последствиям активного внедрения цифровых технологий в повседневную жизнь, прежде всего, отнесли “перегруженность ненужной информацией”. Затем — “сложности с адаптацией к новой работе, рабочим местам, требующим специальных цифровых навыков” (22,06%); “серьезный рост безработицы” — 14,04%; “интернет-зависимость” (11,53%) (см. рис. 23).

Иными словами, по факту, большая часть молодых людей очевидно не допускает наличие у себя самих интернет-зависимости, гаджето-зависимости или, того, что они выступают для популярных у них новых СМИ объектом манипулятивного или информационно-пропагандистского воздействия, которое они сами же теоретически допускают (что в данном случае однозначно свидетельствует об эффективности такого рода воздействия).

Между тем, негативный характер такого рода воздействия легко просматривается при анализе ответов студентов на вопросы исследования о факте наличия или отсутствия в молодежной, студенческой среде, а также степени распространенности в ней ряда позитивных и негативных социальных явлений.

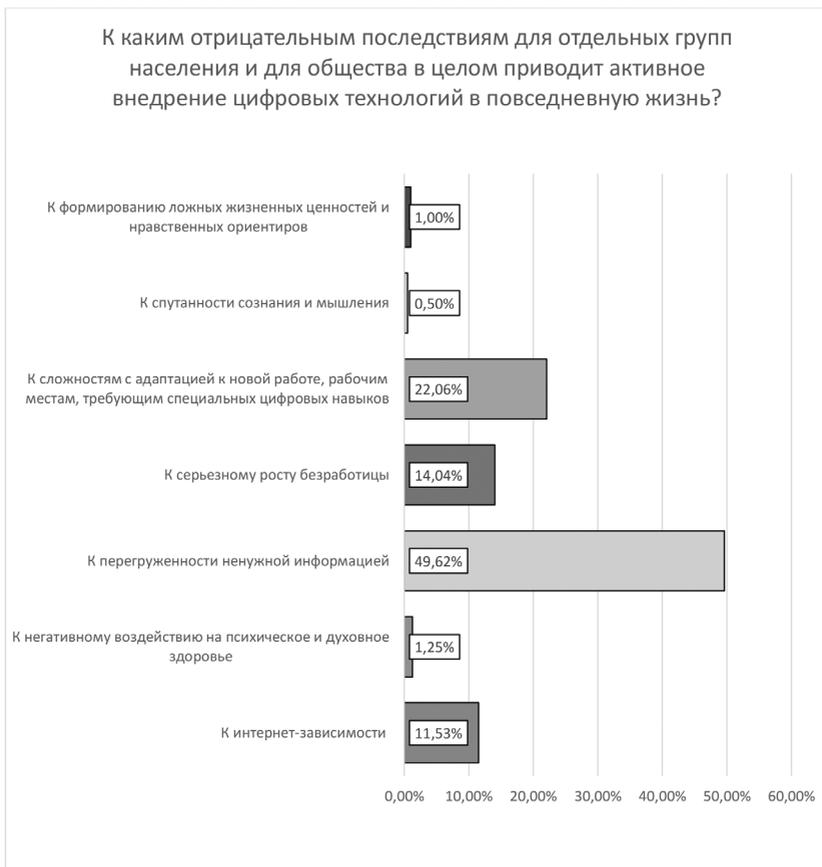

Рис. 23. Распределение ответов студентов на вопрос об отрицательных последствиях активного внедрения цифровых технологий в повседневную жизнь

В частности, исследование показало, что всего около четверти (23,81%) студентов социологического факультета МГУ считают, что патриотизм наиболее распространен в студенческой среде, распространён, но не сильно — 48,62% ответов; практически не распространён (20,55% ответов), а 7,02% — затруднились с ответом (см. рис. 24).

При этом большая часть студентов (76,38% ответов) позитивно оценивают феномен патриотизма в молодежной среде. 6,03% — негативно, а 17,59% — затруднились с ответом (см. рис. 25).

Рис. 24. Мнение студентов о степени распространённости патриотизма в студенческой среде

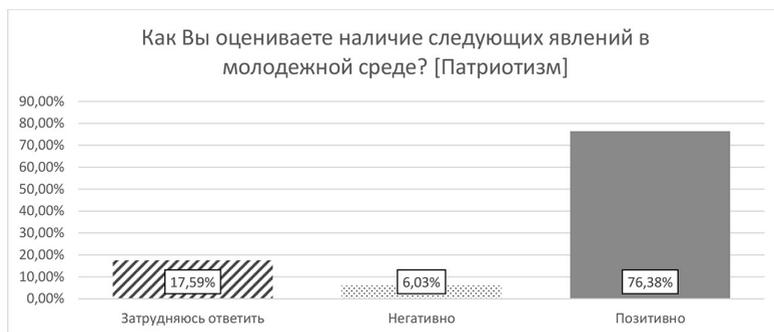

Рис. 25. Оценка студентами патриотизма в молодежной среде

Среди позитивных социальных явлений, распространенных, по мнению студентов, в студенческой среде ими были отмечены следующие явления (по степени убывания распространенности):

- занятия физической культурой и спортом (наиболее распространены — 53,5% ответов; распространены, но не сильно — 37,5% ответов);
- доброта (наиболее распространены — 51,13% ответов; распространены, но не сильно — 36,34% ответов);
- здоровый образ жизни (наиболее распространены — 47,63% ответов; распространены, но не сильно — 39,4% ответов);
- отзывчивость (наиболее распространены — 47,13% ответов; распространены, но не сильно — 38,15% ответов);
- стремление к учебе знаниям (наиболее распространены — 38,9% ответов; распространены, но не сильно — 46,38% ответов);

- трудолюбие (наиболее распространены — 40,65% ответов; распространены, но не сильно — 39,65% ответов);
- волонтерство (наиболее распространены — 32,75% ответов; распространены, но не сильно — 46,75% ответов);
- высокий уровень нравственности (наиболее распространены — 29,82% ответов; распространены, но не сильно — 46,87% ответов);
- высокий уровень правосознания (наиболее распространены — 31,5% ответов; распространены, но не сильно — 42,75% ответов);
- крепкие семейные ценности (наиболее распространены — 30,58% ответов; распространены, но не сильно — 42,36% ответов);
- патриотизм (наиболее распространены — 23,81% ответов; распространены, но не сильно — 48,62% ответов);
- традиционные ценности и установки (наиболее распространены — 19% ответов; распространены, но не сильно — 42,5% ответов);
- религиозность (наиболее распространены — 6,5% ответов; распространены, но не сильно — 28,1% ответов).

Среди негативных явлений, распространенных, по мнению студентов, в студенческой среде ими были отмечены следующие явления (по степени убывания распространенности):

- карьеризм (наиболее распространены — 62,09% ответов; распространены, но не сильно — 23,69% ответов);
- потребительство (наиболее распространены — 51,88% ответов; распространены, но не сильно — 30,58% ответов);
- подражание западному образу жизни (наиболее распространены — 39,25% ответов; распространены, но не сильно — 41,5% ответов);
- внебрачные половые отношения (наиболее распространены — 53,25% ответов; распространены, но не сильно — 21,25% ответов);
- праздный образ жизни (наиболее распространены — 36,5% ответов; распространены, но не сильно — 37,25% ответов);
- эгоизм (наиболее распространены — 33,33% ответов; распространены, но не сильно — 39,35% ответов);
- приспособленчество (наиболее распространены — 24,87% ответов; распространены, но не сильно — 36,93% ответов);
- равнодушие (наиболее распространены — 17,3% ответов; распространены, но не сильно — 37,28% ответов);
- беспринципность (наиболее распространены — 16,75% ответов; распространены, но не сильно — 32,75% ответов);
- иждивенчество (наиболее распространены — 20,25% ответов; распространены, но не сильно — 27,75% ответов);
- гомосексуализм, половые девиации (наиболее распространены — 13% ответов; распространены, но не сильно — 28,75% ответов);

В меньшей степени, на взгляд студентов, распространены:

- нарушения общественного порядка (наиболее распространены — 10,25% ответов; распространены, но не сильно — 26% ответов)
- коррупция, незаконное обогащение (наиболее распространены — 10,72% ответов; распространены, но не сильно — 24,69% ответов);
- шовинизм (наиболее распространены — 3,53% ответов; распространены, но не сильно — 14,61% ответов);
- экстремизм (наиболее распространены — 3,76% ответов; распространены, но не сильно — 13,28% ответов).

К сожалению, достаточно серьезную обеспокоенность вызывает осуществленная студентами оценка различных социально-негативных явлений в молодежной среде. В сопоставлении с результатами социологического мониторинга 2013–2019 гг., четко просматривается устойчивая тенденция положительной оценки молодыми людьми целого ряда традиционно негативных явлений (например, карьеризма, внебрачных половых отношений, приспособленчества, праздного образа жизни, потребительства).

Анализ результатов социологического мониторинга 2013–2019 гг.³, свидетельствует о позитивной динамике оценки молодыми людьми целого ряда традиционно негативных явлений, например, карьеризма (66,67% ответов), внебрачных половых отношений (42% ответов), подражания западному образу жизни (28,07% ответов), приспособленчества (25,31% ответов), праздного образа жизни (24,56% ответов), потребительства (16,58% ответов). Распространение в молодежной среде идеологии потребительства закономерно привело

³ См., например: *Елишев С.О., Таланова К.С.* Результаты социологического исследования Ценностные ориентации современной российской молодежи, особенности процесса их формирования и осуществления молодежной политики // Социологические исследования социальных проблем современного российского общества. Т. 1. М., 2014. С. 64–129; *Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н.* Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи и осуществления молодежной политики в Российской Федерации (результаты социологического исследования). М., 2016; *Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н.* Представления студенческой молодежи о процессах и институтах социализации и субъектах молодежной политики в современной России (по результатам социологического мониторинга 2013–2017 гг.) // Труд и социальные отношения. 2017. № 5. С. 98–118; *Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б.* Динамика представлений российской студенческой молодежи о социально-политических процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в период с 2013 по 2017 г. М., 2018; *Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б.* Представления студенческой молодежи московских вузов о процессах, институтах социализации, социальном неравенстве и субъектах осуществления молодежной политики в Российской Федерации: Аналитический отчет по результатам социологического исследования. М., 2021; *Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б.* Представления студентов московских вузов о социальном неравенстве в России и в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 3. С. 7–23.

к тому, что значимая часть молодых людей по-прежнему не понимает негативной смысловой нагрузки, например, такой категории как “карьеризм”, очевидно считая ее лишь способом успешного продвижения по службе и воспринимает положительно (см. рис. 26).

Рис. 26. Распределение ответов студентов на вопрос “Как Вы оцениваете наличие следующих явлений в молодежной среде?”

Активное продвижение новыми СМИ стандартов общества потребления и идеологии неолиберализма, западничества, закономерно привели к тому, что студенческая молодежь успешно усваивает такого рода установки, воспроизводит на практике и не критично их воспринимает. Поэтому не вызывает удивления, например то, что более половины студентов социологического факультета МГУ считают соответствующим своим жизненным ориентирам следующее утверждение “Мерилом успеха каждого человека в обществе является уровень его материального достатка”. О том, что данное утверждение “полностью отвечает” их жизненным ориентирам заявили 18,7% опрошенных; “скорее отвечает” — 34,91% респондентов. О том, что данное утверждение “совсем не отвечает” их жизненным ориентирам высказались всего 13,97% молодых людей, “скорее не отвечает” — 24,19%. 8,23% респондентов затруднились ответить на данный вопрос (см. рис. 27).

Рис. 27. Распределение ответов студентов на вопрос «Насколько (в какой степени) утверждение о том что “Мерилом успеха каждого человека в обществе является уровень его материального достатка” отвечает Вашим жизненным ориентирам?»

Также большая часть молодых людей считает не соответствующим своим жизненным ориентирам утверждение о том, что “Брак и семья — пережитки прошлого”. О том, что данное утверждение “совсем не отвечает” их жизненным ориентирам заявили 53,62% молодых людей, “скорее не отвечает” — 25,19%. О том, что данное утверждение “совсем отвечает” их жизненным ориентирам заявили 6,73% опрошенных; “скорее отвечает” — 7,73% респондентов. 6,73% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос (см. рис. 28).

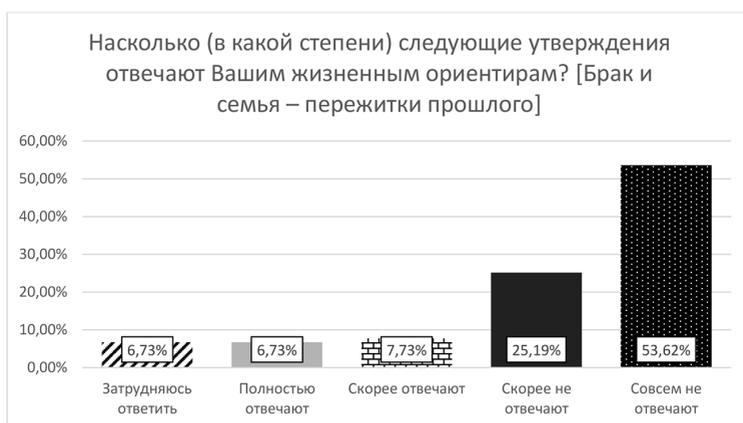

Рис. 28. Распределение ответов студентов на вопрос «Насколько (в какой степени) утверждение о том что “Брак и семья — пережитки прошлого” отвечает Вашим жизненным ориентирам?»

20,25% молодых людей уверены, что утверждение о том, что «главное для меня карьера, личная жизнь, семья и дети могут «подождать»» полностью отвечает их жизненным ориентирам. Чуть меньше (17,75%) студентов заявили, что оно «скорее отвечает» их жизненным ориентирам, 26,5% — о том, что «скорее не отвечает». О том, что оно «совсем не отвечает» их убеждениям заявили только 24% опрошенных, а 11,5% респондентов затруднились ответить на данный вопрос (см. рис. 29).

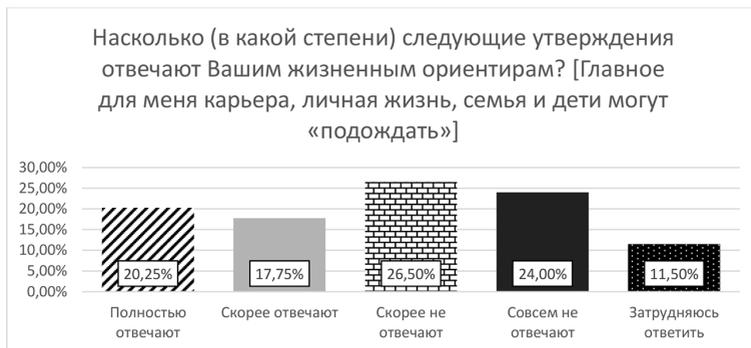

Рис. 29. Распределение ответов студентов на вопрос «Насколько (в какой степени) утверждение о том, что «Главное для меня карьера, личная жизнь, семья и дети могут «подождать»» отвечает Вашим жизненным ориентирам?»

Только 21,25% молодых людей уверены, что утверждение о том, что «исполнение воинской обязанности, защита отечества — долг каждого российского гражданина» полностью отвечает их жизненным ориентирам. Чуть больше (21,5%) студентов заявили, что оно «скорее отвечает» их жизненным ориентирам, 22% — о том, что «скорее не отвечает». О том, что оно «совсем не отвечает» их убеждениям заявили только 18% опрошенных, а 17,5% респондентов затруднились ответить на данный вопрос (см. рис. 30).

При этом 13,5% молодых людей выразили полное согласие с утверждением о том, что «половая распущенность, гомосексуализм и т.п. — вполне безобидные для общества современные явления». 15% студентов заявили, что они «скорее согласны» с этим утверждением, 18,5% — о том, что «скорее не согласны». О том, что оно «совсем не согласны» заявила чуть более трети (36,25%) опрошенных, а 16,75% респондентов затруднились ответить на данный вопрос (см. рис. 31).

Рис. 30. Распределение ответов студентов на вопрос «Насколько (в какой степени) утверждение о том, что “Исполнение воинской обязанности, защита отечества — долг каждого российского гражданина” отвечает Вашим жизненным ориентирам?»

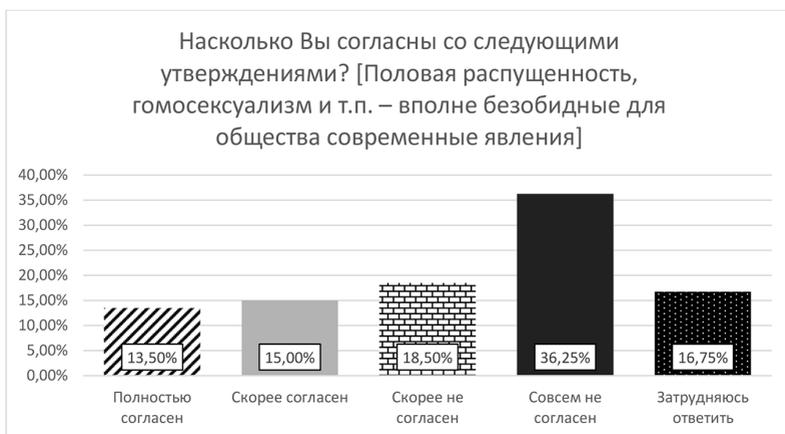

Рис. 31. Распределение ответов студентов на вопрос «Насколько Вы согласны с утверждением о том, что “Половая распущенность, гомосексуализм и т.п. — вполне безобидные для общества современные явления”?»

24,75% студентов полностью согласны с тем, что “Социальный порядок и сильная власть — основное условие процветания российского общества”. 29,25% молодых людей — “скорее согласны” с таким утверждением, 13,25% — “скорее не согласны”. “Совсем не согласны” с такого рода утверждением лишь 13,75% опрошенных, а 19% респондентов затруднились ответить на данный вопрос (см. рис. 32).

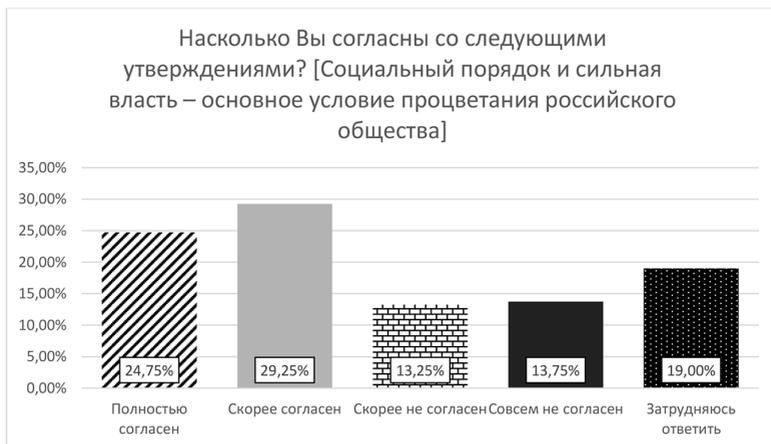

Рис. 32. Распределение ответов студентов на вопрос «Насколько Вы согласны с утверждением о том, что “Социальный порядок и сильная власть — основное условие процветания российского общества”»?

На наш взгляд, распространение такого рода потребительских установок, в сочетании с антигосударственной, антипатриотичной и антисистемной пропагандой в новых СМИ закономерно приводит к снижению патриотических настроений, а также уровня социальной ответственности молодых людей, способствуя возможному превращению их не в граждан и патриотов России, а в потребителей-космополитов, совершенно не осознающих, что они являются объектом манипулятивного воздействия со стороны деструктивных субъектов, осуществляющих руководство деятельностью этих новых СМИ.

Данная ситуация вызывает особую тревогу, требует дальнейшего изучения данной проблематики, а также выработки научно-обоснованных предложений по противодействию такого рода воздействию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Елишев С.О., Таланова К.С. Результаты социологического исследования Ценностные ориентации современной российской молодёжи, особенности процесса их формирования и осуществления молодёжной политики // Социологические исследования социальных проблем современного российского общества. Т. 1. М., 2014. С. 64–129.

Осинов Г.В. Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. М.; СПб., 2020.

Осипова Н.Г., Елишев С.О. Молодёжь в системе социально-гуманитарных наук. М., 2022.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Динамика представлений российской студенческой молодежи о социально-политических процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в период с 2013 по 2017 г. М., 2018.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студенческой молодежи московских вузов о процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в Российской Федерации (по результатам исследования 2019 г.) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 1. С. 46–69.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студентов московских вузов о социальном неравенстве в России и в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 3. С. 7–23.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студенческой молодежи московских вузов о процессах, институтах социализации, социальном неравенстве и субъектах осуществления молодежной политики в Российской Федерации: Аналитический отчет по результатам социологического исследования. М., 2021.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Восприятие студенческой молодежью социально-политических процессов, институтов социализации и субъектов молодежной политики в современной России (результаты социологического мониторинга) // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 8(86). С. 50–63.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи и осуществления молодежной политики в Российской Федерации (результаты социологического исследования). М., 2016.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Представления студенческой молодежи о процессах и институтах социализации и субъектах молодежной политики в современной России (по результатам социологического мониторинга 2013–2017 гг.) // Труд и социальные отношения. 2017. № 5. С. 98–118.

REFERENCES

Elishev S.O., Talanova K.S. Rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya Cennostnye orientacii sovremennoj rossijskoj molodyozhi, osobennosti processa ih formirovaniya i osushchestvleniya molodyozhnoj politiki [Results of the sociological study Value orientations of modern Russian youth, features of the process of their formation and implementation of youth policy] // Sociologicheskie issledovaniya social'nyh problem sovremennogo rossijskogo obshchestva. T. 1. M., 2014. S. 64–129 (in Russian).

Osipov G.V. Social'nye nauki i obrazovanie v usloviyah stanovleniya elektronno-cifrovoj civilizacii [Social sciences and education in the context of the formation of an electronic-digital civilization] // Social'nye nauki i obrazovanie v usloviyah stanovleniya elektronno-cifrovoj civilizacii. M.; SPb., 2020 (in Russian).

- Osipova N.G., Elishev S.O.* Molodyozh' v sisteme social'no-gumanitarnyh nauk [Youth in the system of social and humanitarian sciences]. M., 2022 (in Russian).
- Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B.* Dinamika predstavlenij rossijskoj studencheskoj molodezhi o social'no-politicheskikh processah, institutah socializacii i sub'ektah osushchestvleniya molodezhnoj politiki v period s 2013 po 2017 g. [Dynamics of Russian student youth's views on socio-political processes, institutions of socialization and subjects of youth policy implementation in the period from 2013 to 2017]. M., 2018 (in Russian).
- Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B.* Predstavleniya studencheskoj molodezhi moskovskih vuzov o processah, institutah socializacii i sub'ektah osushchestvleniya molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii (po rezul'tatam issledovaniya 2019 g.) [Perceptions of Moscow University Students on the Processes, Institutions of Socialization, and Subjects of Youth Policy Implementation in the Russian Federation (Based on the Results of a 2019 Study)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2020. T. 26. N 1. S. 46–69 (in Russian).
- Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B.* Predstavleniya studentov moskovskih vuzov o social'nom neravenstve v Rossii i v sovremennom mire [Perceptions of students of Moscow universities about social inequality in Russia and in the modern world] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2020. T. 26. N 3. S. 7–23 (in Russian).
- Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B.* Predstavleniya studencheskoj molodyozhi moskovskih vuzov o processah, institutah socializacii, social'nom neravenstve i sub'ektah osushchestvleniya molodyozhnoj politiki v Rossijskoj Federacii: Analiticheskij otchet po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya [Perceptions of student youth of Moscow universities about the processes, institutions of socialization, social inequality and subjects of youth policy implementation in the Russian Federation: Analytical report based on the results of a sociological study]. M., 2021 (in Russian).
- Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monahov D.N.* Vospriyatie studencheskoj molodezh'yu social'no-politicheskikh processov, institutov socializacii i sub'ektov molodezhnoj politiki v sovremennoj Rossii (rezul'taty sociologicheskogo monitoringa) [Perception by student youth of socio-political processes, institutions of socialization and subjects of youth policy in modern Russia (results of sociological monitoring)] // Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura. 2015. N 8(86). S. 50–63 (in Russian).
- Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monahov D.N.* Osobennosti processa formirovaniya cennostnyh orientacij sovremennoj rossijskoj molodezhi i osushchestvleniya molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii (rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya) [Features of the process of formation of value orientations of modern Russian youth and the implementation of youth policy in the Russian Federation (results of a sociological study)]. M., 2016 (in Russian).
- Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monahov D.N.* Predstavleniya studencheskoj molodezhi o processah i institutah socializacii i sub'ektah molodezhnoj politiki v sovremennoj Rossii (po rezul'tatam sociologicheskogo monitoringa 2013–2017 gg.) [Perceptions of student youth about the processes and institutions of socialization and subjects of youth policy in modern Russia (based on the results of sociological monitoring in 2013–2017)] // Trud i social'nye otnosheniya. 2017. N 5. S. 98–118 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-264-277

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ О СУЩНОСТИ, ВИДАХ И МЕТОДАХ ПРОПАГАНДЫ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.В. Дорцева, старший преподаватель социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Данная статья посвящена сопоставлению и анализу ряда результатов социологических исследований, проведенных на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в феврале 2024 г. и в апреле-мае 2024 г. В рамках пилотного исследования февраля 2024 г., проведенного методом стандартизированного интервью были выбраны 42 студента бакалавриата (48%) и магистратуры (52%) социологического факультета. Возраст 36% опрошенных находился в интервале 17–18 лет, 52% от 19 до 22 лет, 12% — от 23 до 26 лет.

В рамках проведенного на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в апреле–мае 2024 г. социологического исследования “Социальная коммуникация в современном обществе: сущность и особенности” в общей сложности 401 студент социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Исследование было проведено методом анкетного опроса. Были опрошены 401 студент социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, из них — 73,32% бакалавров и 26,68% магистров, что соответствует структуре студенческого состава социологического факультета. Среди опрошенных студентов 70,07% являлись лицами женского пола, а 29,93% — мужского, что в целом соответствует общему гендерному составу студентов факультета. 65,75% опрошенных (т.е. почти две трети опрошенных) составили молодые люди в возрасте от 19 до 22 лет, 19,5% — от 23 до 26 лет, 14,75% — от 14 до 18 лет.

В рамках этих исследований студентам были заданы ряд вопросов, направленных в том числе и на выявление их представлений о сути феномена пропаганды, видах пропаганды, восприятии пропаганды, о деструктивной и конструктивной пропаганде. Результаты исследований показали, что в студенческой среде в целом преобладают неверные и смутные представления о сути феномена пропаганды, различных ее видах и методах, а также негативное отношение опрошенных к самому феномену пропаганды, что четко просматривается в ряде данных ими развернутых определений данного феномена. Значимая часть студентов прежде всего ассоциирует понятие пропаганды с понятиями “навязывание”, “манипулирование”, прежде всего, из-за господствующих в социальных сетях и мессенджерах, популярных у молодежи неolibеральных идеологов, что

* Дорцева Елена Владимировна, e-mail: edortseva@mail.ru

сами молодые люди не особенно и осознают. Тем не менее они констатируют факт наличия острой идеологической борьбы в Российской Федерации и, активное не-либеральной идеологии в современной России.

Ключевые слова: электронно-цифровая эпоха, пропаганда, виды пропаганды, конструктивная пропаганда, деструктивная пропаганда, навязывание, манипулирование, методы пропаганды.

IDEAS OF RUSSIAN STUDENTS ABOUT THE ESSENCE, TYPES AND METHODS OF PROPAGANDA: BASED ON THE RESULTS OF EMPIRICAL RESEARCH

Dortseva Elena V., Senior Lecturer at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: edortseva@mail.ru

This article is devoted to the comparison and analysis of a number of results of sociological studies conducted at the sociological faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov in February 2024 and in April–May 2024. As part of a February 2024 pilot study conducted by standardized interview method, 42 undergraduate (48%) and graduate (52%) students of the Faculty of Sociology were selected. The age of 36% of respondents was in the range of 17–18 years, 52% from 19 to 22 years, 12% — from 23 to 26 years.

As part of a sociological study conducted at the Faculty of Sociology of Moscow State University named after M.V. Lomonosov in April–May 2024, a sociological study “Social communication in modern society: essence and features” a total of 401 students of the sociological faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. The study was conducted by questionnaire. 401 students of the sociological faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, of which 73,32% of bachelors and 26,68% of masters, which corresponds to the structure of the student body of the sociological faculty. Among the surveyed students, 70,07% were female, and 29,93% were male, which generally corresponds to the overall gender composition of the faculty students. 65,75% of respondents (i.e. almost two thirds of respondents) were young people aged 19 to 22 years, 19,5% — from 23 to 26 years, 14,75% — from 14 to 18 years.

As part of these studies, students were asked a number of questions, including those aimed at identifying their ideas about the essence of the phenomenon of propaganda, types of propaganda, perception of propaganda, destructive and constructive propaganda. Research results have shown that in the student environment as a whole, incorrect and vague ideas about the essence of the phenomenon of propaganda, its various types and methods, as well as the negative attitude of respondents to the phenomenon of propaganda itself prevail, which is clearly visible in a number of detailed definitions of this phenomenon given by them. A significant part of students primarily associates the concept of propaganda with the concepts of “imposition”, “manipulation”, primarily because of the prevailing neoliberal ideologies in social networks and instant messengers, popular among young people, that young people themselves are not particularly aware

of. Nevertheless, they state the fact that there is an acute ideological struggle in the Russian Federation and an active neoliberal ideology in modern Russia.

Key words: *electronic-digital era, propaganda, types of propaganda, constructive propaganda, destructive propaganda, imposition, manipulation, propaganda methods.*

В настоящее время в условиях становления электронно-цифровой цивилизации, т.е. перехода человечества к “новой, цифровой стадии своего развития, затрагивающей все сферы его жизнедеятельности, включая социальный мир и ценностную сферу человека”¹, особую актуальность приобретает изучение особенностей деструктивного пропагандистского и манипулятивного воздействия на современную российскую молодежь со стороны различных субъектов общественной жизнедеятельности, активно использующих факт тотального погружения молодежи в виртуальную реальность, ее интернет- и гаджето-зависимость, а также цифровые технологии для продвижения своих корыстных целей, направленных, естественно, отнюдь не на успешную социализацию, социальное становление и развитие молодежи.

Молодежь в представлении этих субъектов, представляет собой определенного рода объект и ресурс, которые они хотят использовать, зная ее уязвимость и слабые стороны, часто для разжигания различных видов “социальной вражды, обострения социальных конфликтов, содействия пробуждению противоречий в обществе и низменных инстинктов у людей, а также их разобщения”².

Такого рода деструктивное пропагандистское воздействие, как полная противоположность конструктивной пропаганде, закономерно приводит к «созданию мнимой иллюзорной, параллельной реальности с “перевернутой” системой убеждений, ценностей и взглядов»³, в которую, к сожалению, часто погружаются молодые люди, что в свою очередь, в негативном контексте сказывается на формировании жизненных установок, ориентиров молодежи, которые приобретают антисистемный, асоциальный и потребительский характер.

При этом обозначенная ситуация в значительной степени усугубляется тем, что молодые люди имеют очень смутные представле-

¹ *Осипов Г.В.* Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. М.; СПб., 2020. С. 12.

² *Патрухина Т.Н., Шламова Д.А.* Пропаганда: сущность научной дефиниции, подходы к классификации // Молодой ученый. 2015. № 3 (83). С. 305–306.

³ См.: *Цуладзе А.* Большая манипулятивная игра. М., 2000. С. 100–101.

ния о сути такого рода пропаганды, как, впрочем, и о самом феномене пропаганды и, о технология манипулировании, применяемых в ходе его осуществления.

В рамках проведенного на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в апреле–мае 2024 г. социологического исследования “Социальная коммуникация в современном обществе: сущность и особенности”⁴, с целью выявления восприятия студентами социологического факультета МГУ сущности и особенностей коммуникативного воздействия на современную молодежь в условиях становления электронно-цифрового общества, студентам были заданы ряд вопросов, направленных в том числе и на выявление их представлений о сути феномена пропаганды.

Результаты данного исследования, как и результаты ранее проведенного среди студентов социологического факультета МГУ в феврале 2024 г. пилотного исследования⁵, показали, что в студенческой среде преобладают в целом неверные представления о сути феномена пропаганды.

При предложении студентам дать определение понятию пропаганды, как и в пилотном исследовании, было выявлено, что более четверти из них (28%) трактует суть пропаганды, как определённого рода “навязывание” чего-либо (например, взглядов, мнений, идей, ценностей, типа мышления, установок, типа мышления, идеологии). Естественно, что такого рода оценка сути пропаганды автоматически означает и негативное отношение опрошенных к самому феномену пропаганды, что четко просматривается в ряде более развернутых определений данного феномена. В частности, в таких определениях пропаганды, как:

– активного навязывания определенной идеологии в любой сфере жизнедеятельности;

⁴Исследование было проведено методом анкетного опроса. Были опрошены 401 студент социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, из них — 73,32% бакалавров и 26,68% магистров, что соответствует структуре студенческого состава социологического факультета. Среди опрошенных студентов 70,07% являлись лицами женского пола, а 29,93% — мужского, что в целом соответствует общему гендерному составу студентов факультета. 65,75 % опрошенных (т.е. почти две трети опрошенных) составили молодые люди в возрасте от 19 до 22 лет, 19,5% — от 23 до 26 лет, 14,75% — от 14 до 18 лет.

⁵См., подробнее: *Дорцева Е.В.* Современная российская молодежь как целевая аудитория деструктивной пропаганды // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. Исследование было проведено методом стандартизированного интервью среди 42 студентов бакалавриата (48%) и магистратуры (52%). Возраст 36% опрошенных находился в интервале 17–18 лет, 52% от 19 до 22 лет, 12% — от 23 до 26 лет.

- длительного навязывания своих ценностей и идей другим лицам;
- навязывания определенного мнения обществу;
- навязывания ложной информации с целью формирования определенного вида мировоззрения;
- навязывания собственных идей латентным или иным образом, касаясь той или иной ситуации, в особенности резонирующих политических;
- навязывания убеждений и установок, выгодных правительству, с целью нивелировать другие мнения и манипулирования людьми;
- навязывания определенной точки зрения, мнения и видения, относительно какого-либо явления. Не всегда являющаяся истиной, информация. Призыв к действию;
- навязывания определенной парадигмы взглядов с выставлением другой парадигмы в негативном ключе;
- навязывания определенного мнения через освящение новостей с выгодной (для распространителя) стороны;
- навязывания определенных взглядов на событие, социальный процесс, с целью формирования необходимого отношения к личности, событию, организации;
- навязывания убеждений и установок, выгодных правительству, с целью нивелировать другие мнения и манипулирования людьми;
- навязывания своих интересов и ценностей;
- навязывание определенной точки зрения в больших (государственных) масштабах)
- навязывания определенных взглядов на событие, социальный процесс, с целью формирования необходимого отношения к личности, событию, организации.

Существенно меньшее число студентов (6% респондентов) напрямую отождествляют пропаганду с манипулированием и не осознают, что это совершенно различные по своей природе феномены. Они определяют пропаганду как:

- манипуляцию информацией чтобы манипулировать социумом;
- комплекс мероприятий манипулятивного характера, направленный на навязывание ценностей, норм;
- донесение информации с целью формирования определенных взглядов и манипулирование общественным мнением;
- насильственное давление путем ограничения возможности доступа к альтернативным источникам (редко), манипулятивное идеологическое воздействие с целью навязывания своего мнения;

- продвижение необходимых субъекту ценностей манипулятивными методиками с целью извлечения собственной выгоды;
- продвижение какой-либо идеи, нередко с применением манипуляций, искажением фактов, агрессивной реакции иных мнений и очернением оппонентов;
- систематическое распространение информации, мнений или убеждений с целью воздействия на массовое сознание и манипуляции;
- распространение заведомо ложной информации с целью формирования определенных убеждений у индивида (общества, манипулирования обществом);
- информационное манипулятивное воздействие с целью дискредитации образа соперника в информационном пространстве;
- целенаправленная подмена понятий и искажение действительных фактов;
- целенаправленное воздействие на человека или группу для достижения своих целей, которые или в ходе которых человеку наносится вред.

Часть студентов, как и в пилотном исследовании, попыталась дать нейтральную, хотя и достаточно размытую трактовку феномена пропаганды. Так, по их мнению пятой части из них (21%), понятие “пропаганда” можно определить, как составную часть коммуникационного и информационного процесса, заключающегося, прежде всего в распространении определенной информации, идей и убеждений.

К такого рода трактовкам сути пропаганды можно в частности отнести, такие, как:

- распространение какой-либо информации для формирования определенного общественного мнения;
- систематическое распространение определенных идей, убеждений или информации с целью воздействия на мнения, восприятие или поведение аудитории;
- умышленное распространение информации в целях привлечения и убеждения аудитории;
- метод выражения информации, специально разработанный для решения конкретной проблемы, он распространяет определенные концепции посредством распространения различных значимых символов, чтобы влиять на мысли людей и направлять их действия;
- систематическое распространение идеологических концепций, направленное на формирование или изменение общественного мнения и поведения определенном направлении для достижения конкретных политических целей;

- распространение заведомо ложной информации с целью формирования определенных убеждений у индивида (общества, манипулирования обществом);
- распространение знаний, фактов, аргументов и слухов информации с целью формирования необходимого общественного мнения;
- распространение идей, заведомо ложных с целью формирования нужного общественного мнения;
- распространение информации или заведомо ложной информации с целью формирования общественного мнения;
- распространение информации с целью управлять разумом людей;
- распространение, передача информации (не редко ложной) с целью формирования общественного мнения с определенной удобной для распространения целью.

Как видно из приведенных вариантов определений, часть из них также имеют негативную коннотацию.

Часть студентов (около 20%) определяют содержание пропаганды, как разновидность определённого рода деятельности, воздействия на общественное мнение или аудиторию, как позитивного, так и негативного характера. Например, как:

- способ воздействия на массы;
- целенаправленное воздействие на мнение людей, с целью убеждения в правильности конкретной точки зрения;
- целенаправленное воздействие на человека или группу для достижения своих целей, которые или в ходе которых человеку наносится вред;
- целенаправленное давление на сознание масс;
- это умышленное воздействие для навязывания определенного мнения;
- целенаправленное воздействие на общественное мнение;
- принудительное информационное воздействие;
- совокупность методов, направленных на воздействие на массовое сознание и навязывание определенных ценностей;
- целенаправленное воздействие на мировоззрение и взгляды человека, осуществляемое с целью убедить в безоговорочной правоте канала, передающего пропаганду.

Таким образом, конкретные попытки студентов дать определение понятию пропаганда, как и в пилотном исследовании, показали, что они в известной степени искажают суть этого, в целом нейтрального феномена, придавая ему в большей степени сугубо негативный оттенок. При этом, что весьма характерно, более двух

третьей студентов социологического факультета МГУ (69,44%) на вопрос “Сталкивались ли Вы с такими явлениями как пропаганда и контрпропаганда?” ответили, что сталкивались с такими явлениями, 16,67% — что не сталкивались с этими феноменами. 13,89% — затруднились с ответом на данный вопрос (см. рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов студентов на вопрос “Сталкивались ли Вы с такими явлениями как пропаганда и контрпропаганда?”

Иными словами, несмотря на очевидную разногласию среди студентов при попытках определении феномена пропаганды, они тем не менее, считают, что они сталкивались с ним и понимают суть данного феномена.

Характерным является и то, что столь же самоуверенно студенты отвечают на вопросы, о на их взгляд, наиболее эффективных видах и методах пропагандистского воздействия. В частности, к наиболее эффективным видам пропагандистского воздействия студенты социологического факультета МГУ отнесли: позитивную пропаганду (44,65% ответов), политическую пропаганду (17,65% ответов), социальную пропаганду (14,71% ответов), деструктивную пропаганду (8,02% ответов), черную пропаганду (6,68% ответов), серую пропаганду (5,35% ответов), белую пропаганду (2,94% ответов) (см. рис. 2).

Наиболее эффективными методами пропагандистского воздействия студенты социологического факультета МГУ считают: манипулирование (39,09% ответов), внушение (19,04% ответов), социальное мифотворчество (14,72% ответов), убеждение (27,16% ответов) (см. рис. 3).

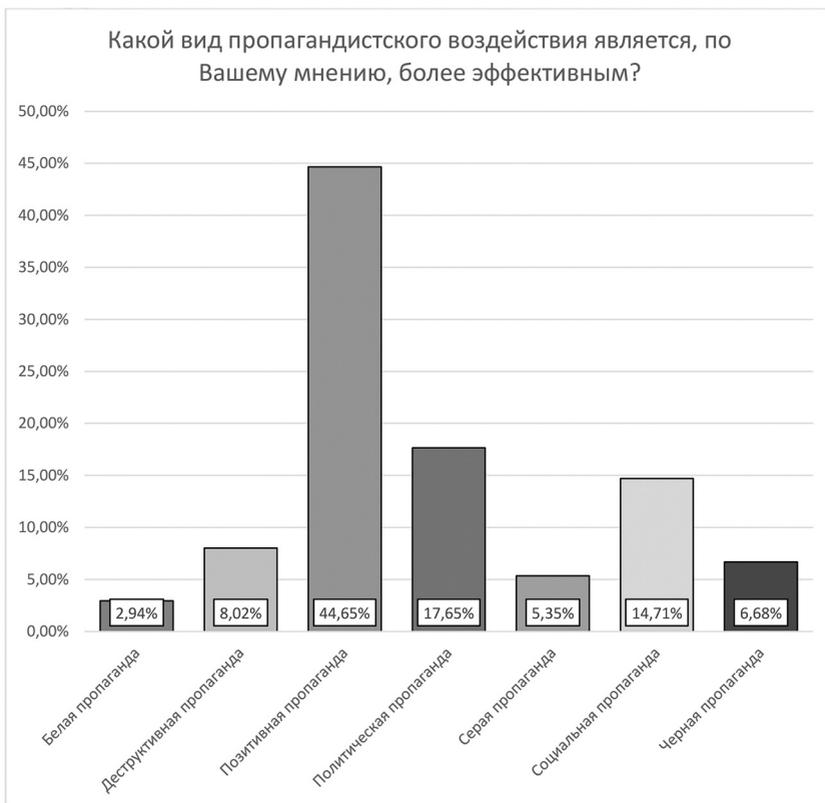

Рис. 2. Распределение ответов студентов на вопрос “Какой вид пропагандистского воздействия является, по Вашему мнению, более эффективным?”

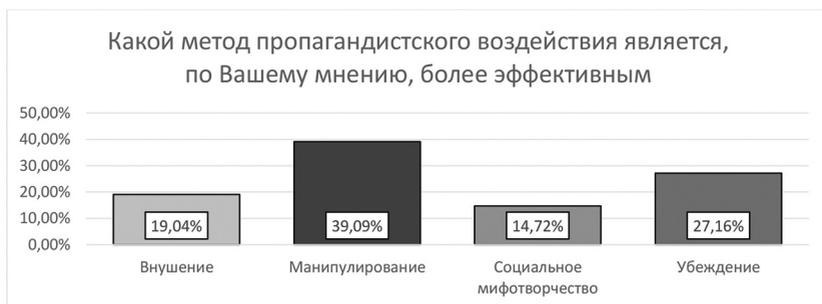

Рис. 3. Распределение ответов студентов на вопрос “Какой метод пропагандистского воздействия является, по Вашему мнению, более эффективным?”

Анализ ответов на вышеупомянутые вопросы, в целом показывает, что студенты социологического факультета в большей степени сталкивались, хотя и не осознавали этого, с пропагандой, прежде всего, деструктивного толка. Косвенно это подтверждает и анализ ответов на вопрос “Приходилось ли Вам за последний год видеть в интернете сообщения, призывающие к опасному или противоправному поведению?”, который показал, что значительная часть опрошенных (44,22%) постоянно и регулярно за последний год видели сообщения в интернете, призывающие к опасному или противоправному поведению. 47,99% молодых людей утверждают, что не видели такого рода информацию. 7,79% опрошенных — затруднились с ответом на данный вопрос (см. рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов студентов на вопрос “Приходилось ли Вам за последний год видеть в интернете сообщения, призывающие к опасному или противоправному поведению?”

При этом, по мнению более половины молодых людей (60,5% ответов) в настоящее время в России активно ведется идеологическая борьба, а значит имеет место и пропаганда соответствующих идеологий. Только 15,5% опрошенных выразили свое несогласие с фактом наличия идеологической борьбы. Такое же количество респондентов (15,5%) респондентов затруднились с ответом на данный вопрос (см. рис. 5).

К идеологиям, наиболее активно используемым в идеологической борьбе в современной России, студенты социологического факультета МГУ отнесли: неолиберализм (46,9% ответов), социализм и коммунизм (20,54% ответов), национализм (17,44% ответов), феминизм (9,3% ответов), нацизм (1,94% ответов), экологизм (1,94% ответов), анархизм (1,16% ответов), либерализм (0,39% ответов) (см. рис. 6).

Рис. 5. Распределение ответов студентов на вопрос “Как Вы считаете, ведется ли в настоящее время в России идеологическая борьба?”

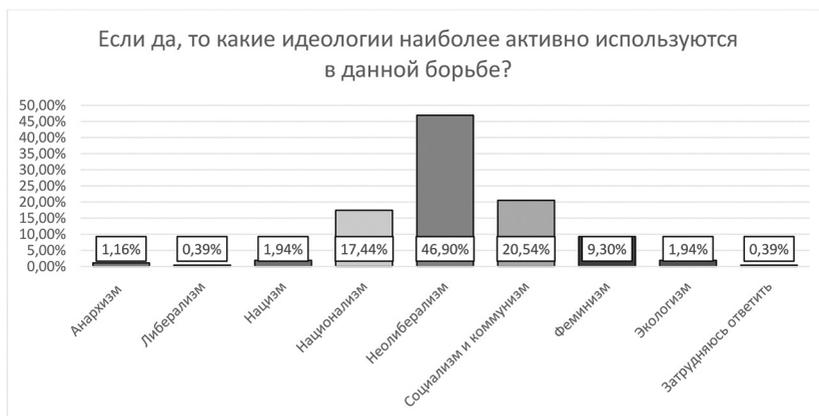

Рис. 6. Распределение ответов студентов на вопрос “Если да, то какие идеологии наиболее активно используются в данной борьбе?”

На основании вышеизложенного, можно констатировать, что молодые люди имеют очень смутные представления о самом феномене пропаганды, а также о различных ее видах и методах, в частности о деструктивной пропаганде. При этом в большей степени, она оценивается как негативный феномен, по-видимому, из-за гос-

подствующих в социальных сетях и мессенджерах, популярных у молодежи неолиберальных идеологов, что сами молодые люди практически не осознают. Тем не менее они признают факт наличия острой идеологической борьбы в Российской Федерации и, активное участие в ней, как сторонников неолиберальной идеологии, так и представителей просоциалистических и националистических идеологических доктрин.

Осознание данного факта, в свою очередь, требует продолжения изучения данной проблематики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дорцева Е.В. Современная российская молодежь как целевая аудитория деструктивной пропаганды // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 114–136.

Елишев С.О., Таланова К.С. Результаты социологического исследования Ценностные ориентации современной российской молодёжи, особенности процесса их формирования и осуществления молодёжной политики // Социологические исследования социальных проблем современного российского общества. Т. 1. М., 2014. С. 64–129.

Осипов Г.В. Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. М.; СПб., 2020.

Осипова Н.Г., Елишев С.О. Молодежь в системе социально-гуманитарных наук. М., 2022.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Динамика представлений российской студенческой молодежи о социально-политических процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в период с 2013 по 2017 г. М., 2018.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студенческой молодежи московских вузов о процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в Российской Федерации (по результатам исследования 2019 г.) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 1. С. 46–69.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студентов московских вузов о социальном неравенстве в России и в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 3. С. 7–23.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студенческой молодежи московских вузов о процессах, институтах социализации, социальном неравенстве и субъектах осуществления молодежной политики в Российской Федерации: Аналитический отчет по результатам социологического исследования. М., 2021.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Восприятие студенческой молодежью социально-политических процессов, институтов социализации и субъектов молодежной политики в современной России (результаты социологического мониторинга) // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 8(86). С. 50–63.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи и осуществления молодежной политики в Российской Федерации (результаты социологического исследования). М., 2016.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Представления студенческой молодежи о процессах и институтах социализации и субъектах молодежной политики в современной России (по результатам социологического мониторинга 2013–2017 гг.) // Труд и социальные отношения. 2017. № 5. С. 98–118.

REFERENCES

Dorceva E.V. Sovremennaya rossijskaya molodyozh' kak celevaya auditoriya destruktivnoj propagandy [Modern Russian youth as a target audience of destructive propaganda] // Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2024. T. 30. N 2. S. 114–136 (in Russian).

Elishev S.O., Talanova K.S. Rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya Cennostnye orientacii sovremennoj rossijskoj molodyozhi, osobennosti processa ih formirovaniya i osushchestvleniya molodyozhnoj politiki [Results of a sociological study Value orientations of modern Russian youth, features of the process of their formation and implementation of youth policy] // Sociologicheskie issledovaniya social'nyh problem sovremenogo rossijskogo obshchestva. T. 1. M., 2014. S. 64–129 (in Russian).

Osipov G.V. Social'nye nauki i obrazovanie v usloviyah stanovleniya elektronno-cifrovoj civilizacii [Social sciences and education in the context of the formation of an electronic-digital civilization] // Social'nye nauki i obrazovanie v usloviyah stanovleniya elektronno-cifrovoj civilizacii. M.; SPb., 2020 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O. Molodyozh' v sisteme social'no-gumanitarnyh nauk [Youth in the system of social sciences and humanitarian sciences]. M., 2022 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Dinamika predstavlenij rossijskoj studencheskoj molodezhi o social'no-politicheskikh processah, institutah socializacii i sub'ektah osushchestvleniya molodezhnoj politiki v period s 2013 po 2017 g. [Dynamics of Russian student youth's views on socio-political processes, socialization institutions and youth policy implementation entities in the period from 2013 to 2017]. M., 2018 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Predstavleniya studencheskoj molodezhi moskovskih vuzov o processah, institutah socializacii i sub'ektah osushchestvleniya molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii (po rezul'tatam issledovaniya 2019 g.) [Views of Moscow university student youth on the processes, socialization institutions and youth policy implementation entities in the Russian Federation (based on the 2019 study)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2020. T. 26. N 1. S. 46–69 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Predstavleniya studentov moskovskih vuzov o social'nom neravenstve v Rossii i v sovremennom mire [Moscow University Students' Perceptions of Social Inequality in Russia and in the Modern World] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2020. T. 26. N 3. S. 7–23 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Predstavleniya studencheskoj molodyozhi moskovskih vuzov o processah, institutah socializacii, social'nom

neravenstve i sub'ektah osushchestvleniya molodyozhnoj politiki v Rossijskoj Federacii: Analiticheskij otchet po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya [Moscow University Students' Perceptions of Social and Political Processes, Institutions of Socialization, Social Inequality, and Youth Policy Subjects in the Russian Federation: Analytical Report Based on the Results of a Sociological Study]. M., 2021 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monahov D.N. Vospriyatie studencheskoj molodezh'yu social'no-politicheskikh processov, institutov socializacii i sub'ektov molodezhnoj politiki v sovremennoj Rossii (rezul'taty sociologicheskogo monitoringa) [Student Youth's Perceptions of Socio-Political Processes, Institutions of Socialization, and Youth Policy Subjects in Modern Russia (Results of Sociological Monitoring)] // *Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura*. 2015. N 8(86). S. 50–63 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monahov D.N. Osobennosti processa formirovaniya cennostnyh orientacij sovremennoj rossijskoj molodezhi i osushchestvleniya molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii (rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya) [Features of the process of formation of value orientations of modern Russian youth and the implementation of youth policy in the Russian Federation (results of a sociological study)]. M., 2016 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monahov D.N. Predstavleniya studencheskoj molodezhi o processah i institutah socializacii i sub'ektah molodezhnoj politiki v sovremennoj Rossii (po rezul'tatam sociologicheskogo monitoringa 2013–2017 gg.) [Student youth's ideas about the processes and institutions of socialization and subjects of youth policy in modern Russia (based on the results of sociological monitoring in 2013–2017)] // *Trud i social'nye otnosheniya*. 2017. N 5. S. 98–118 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-278-292

МЕДИАТИЗАЦИЯ МЕДИЦИНЫ И ЗДОРОВЬЯ: ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ*

А.А. Белов, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В настоящей статье, на базе результатов эмпирических исследований, проведенных сотрудниками социологического факультета, доктором социологических наук, доцентом Т.В. Семиной и аспирантом А.А. Беловым рассматривается деструктивное влияние электронно-цифровых СМИ на здоровье российских граждан. По сути речь идет о “медиаатизации медицины”, под которой понимают “процесс, вызванный появлением средств цифровой коммуникации, в результате которого массы получили свободный доступ к медицинской информации, многие все вопросы, связанные со здоровьем человека и общества, так или иначе опосредуются электронными СМИ”.

Автор подчеркивает, что достаточно часто СМИ практикуется неконтролируемая подача квазимедицинской информации, признаки экономической ангажированности, присутствующие в СМИ, выражаются в том, что главным источником дохода для средств массовой информации является реклама, особенно лекарственных и фармацевтических препаратов. При этом самыми эффективными по воздействию на аудиторию являются ролики, рекламирующие лекарственные препараты на телевидении.

В 2019 г. доктором социологических наук, доцентом социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Т.В. Семиной была доказана деструктивная роль СМИ в генезисе социального конфликта в системе “врач-пациент”. В апреле–июле 2024 г. автором также было предпринято эмпирическое социологическое исследование, посвященное проблемам конструирования общественного здоровья в Российской Федерации, в частности, эффективности воздействия рекламных материалов, размещаемых в СМИ, на здоровьесберегающие установки россиян, результаты которого представлены в статье. В целом результаты эмпирических исследований, проведенные Т.В. Семиной и подтвержденные авторским исследованием убедительно доказывают дисфункциональность СМИ в отношении здоровьесбережения граждан России, их отрицательное влияние на сознание как здоровых, так и больных людей.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-28-01081, <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

** Белов Антон Александрович, e-mail: pochtabelov@gmail.com

Автор подчеркивает, что беречь здоровье не так сложно, но, к сожалению, многие люди даже и не пытаются это сделать, руководствуясь определенными стереотипами, навязываемыми СМИ. Например, что после определенного возраста абсолютно все имеют повышенное давление, избыточную массу тела, гормональные и прочие расстройства и должны регулярно принимать соответствующую (широко рекламируемые) лекарственные препараты или биологически активные добавки, польза от которых научно не доказана. Самое главное, необходимы изменения в развитии самосохранительного поведения у населения. Основная задача государства не только в развитии эффективной системы здравоохранения, но и в пропаганде ответственного отношения граждан к собственному здоровью, которое подразумевает регулярные медицинские обследования, отказ от вредных привычек, ведение здорового образа жизни, предполагающего “жизнь в движении”, полноценный сон и когнитивную активность.

Ключевые слова: медиатизация, опосредование СМИ, квазимедицинская информация, агрессивная реклама, лекарственные препараты, самолечение, здорвьесбережение.

MEDIATIZATION OF MEDICINE AND HEALTH: DYSFUNCTIONAL ASPECTS***

Belov Anton A., Postgraduate Student of the Department of Modern Sociology of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: pochtabelov@gmail.com

In this article, based on the results of empirical research conducted by employees of the Faculty of Sociology, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor T.V. Semina and graduate student A.A. Belov, the destructive influence of electronic and digital media on the health of Russian citizens is considered. In fact, we are talking about the “mediatization of medicine”, which is understood as “the process caused by the emergence of digital communication tools, as a result of which the masses have free access to medical information, and all issues related to human and social health are somehow mediated by electronic media”. The author emphasizes that quite often the media practices uncontrolled submission of quasi-medical information, signs of economic bias present in the media are expressed in the fact that the main source of income for the media is advertising, especially medicines and pharmaceuticals. At the same time, commercials advertising medicines on television are the most effective in influencing the audience. In 2019, T.V. Semina, Doctor of Sociology, Associate Professor of the Faculty of Sociology at Lomonosov Moscow State University, proved the destructive role of the media in the genesis of social conflict in the doctor–patient system. In April–July 2024, the author also undertook an empirical sociological study on the problems of constructing public health in the Russian Federation, in particular, the effectiveness of the impact of advertising materials placed in the media on the health-saving attitudes of Russians,

*** The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-01081, <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

the results of which are presented in the article. In general, the results of empirical studies conducted by T.V. Semina and confirmed by the author's research convincingly prove the dysfunctionality of the media in relation to the health of Russian citizens, their negative impact on the consciousness of both healthy and sick people. The author emphasizes that it is not so difficult to protect health, but, unfortunately, many people do not even try to do this, guided by certain stereotypes imposed by the media. For example, that after a certain age, absolutely everyone has high blood pressure, overweight, hormonal and other disorders and should regularly take appropriate (widely advertised) medications or dietary supplements, the benefits of which have not been scientifically proven. Most importantly, the author notes, changes are needed in the development of self-preservation behavior among the population. The main task of the state is not only to develop an effective health care system, but also to promote a responsible attitude of citizens to their own health, which implies regular medical examinations, giving up bad habits, leading a healthy lifestyle involving "life on the move", full sleep and cognitive activity.

Key words: *mediatization, media mediation, quasi-medical information, aggressive advertising, medicines, self-medication, health care.*

Как отмечает профессор Н.Г. Осипова, “в современном мире средства массовой информации и пропаганды осуществляют интенсивную обработку общественного мнения, занимаются его формированием, распространяют, популяризируют образцы, стили, нормы поведения, моделируют, пропагандируют и внедряют в массовое и групповое сознание образ реальности, к которому необходимо стремиться”¹.

В настоящее время мало кто из ученых подвергает сомнению тот факт, что в электронно-цифровую эпоху имеет место активное, целеустремленное и эффективное воздействие СМИ на аудиторию с помощью широкого набора технологий явно манипулятивного характера². При этом все чаще речь идет о медиатизации — процессе внедрения медиа во все сферы общественной жизни, важнейшей из которых является сфера здоровьесбережения населения и связанные с ней социальные институты здравоохранения и медицины. Все чаще исследователи стали фиксировать новое явление — “медиатизацию медицины”, под которой понимают “процесс, вызванный появлением средств цифровой коммуникации, в результате которого массы получили свободный доступ к медицинской информации, медицинское знание стало менее сакральным, личность конкретного актора и его коммуникативные навыки получили решающее зна-

¹ Осипова Н.Г. Социология. М., 2024. С. 326–327.

² Осипова Н.Г. Теории влияния СМИ // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь справочник / Отв. ред. М.И. Панов. М., 2005. С. 679.

чение во взаимодействии”³. При этом многие все вопросы, связанные со здоровьем человека и общества, диалоги специалиста и пациента как потребителя не только медицинских услуг, но и медицинской информации, так или иначе опосредуются электронными СМИ.

С одной стороны, цифровая коммуникация в медицине, осуществляемая с помощью электронно-цифровых СМИ, стала обыденностью, а реальные практики цифрового взаимодействия в ее области на порядок превосходят официальную статистику. В частности, В.В. Смеюха полагает, что “все стороны взаимодействия находят для себя положительные аспекты в виде экономии времени, оптимизации структуры взаимодействия в целях получения наилучшего результата. Например, упрощаются формы взаимодействия, врач становится более достижимым. Несмотря на недостатки удаленного (цифрового) взаимодействия, врачи признают его высокую пользу и эффективность”⁴. С другой стороны, достаточно часто СМИ практикуется неконтролируемая подача квазимедицинской информации, а негативные репортажи о состоянии сферы здравоохранения служат провокатором стрессовых ситуаций для больших групп людей, вызывают ухудшение их состояния, а, в конечном счете, пагубно сказываются на доверии к врачебному сообществу и медицине в целом⁵.

Более того, учеными доказано, что “в деятельности современных СМИ явно присутствуют признаки экономической заинтересованности, а сам процесс распространения информации все больше приобретает прагматичный и корыстный характер. Главным источником дохода для средств массовой информации стала реклама, особенно лекарственных и фармацевтических препаратов. Различные компании рекламируют свою продукцию, а средства массовой информации не только окупают материально-технические затраты, но и получают солидную прибыль”⁶.

В арсенале современных СМИ, особенно электронно-цифровых, имеется множество способов навязчивой рекламы лекарственных препаратов. В их числе рекламные объявления в прессе, в интернете, по радио, посредством наружной рекламы — с ис-

³ *Shutova M.V., Rocheva Y.S. Digital media and new patient-clinic-doctor interaction patterns // Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar (2021 ComSDS). 2021. April 14. P. 82–85.*

⁴ *Смеюха В.В. Медиатизация общества: проблемы и последствия // Научные Ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 18 (215). Вып. 27. С. 38–48.*

⁵ *Семина Т.В. Медицина и общество: солидарность и конфликт. М., 2020. С. 113.*

⁶ Там же. С. 129.

пользованием плакатов, раздачей листовок и т.п. Однако самыми эффективными по воздействию на аудиторию являются ролики, рекламирующие лекарственные препараты на телевидении. Ролики в рекламных блоках на телевидении внезапно прерывают сюжет фильма или телепередачи, которые просматривают миллионы зрителей, и воздействуют на них за счет ярких, “постановочных” картинок и сюжетов, сопровождаемых увеличением звука, повышающего индекс внимания⁷.

Так, в 2019 г. доктором социологических наук, доцентом социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Т.В. Семиной доказана деструктивная роль СМИ в генезисе социального конфликта в системе “врач — пациент”⁸. В частности, ей был проведен детальный анализ рекламы лекарственных препаратов на основе данных двух телеканалов — телеканала Россия–1 и 5-го канала ТВ, посредством анализа информации во время рекламных пауз на каналах. Время проведения исследования было разделено на два временных интервала: 09:00–18:00 и 12:00–20:00.

При исследовании рекламы на телевидении в обозначенные отрезки времени учитывалось, что у экранов находится больше зрителей, и, соответственно, аудитория значительно больше. Анализу подвергались: 1) количество рекламных роликов лекарственных и фармацевтических препаратов; 2) распределение их частоты по времени; 3) названия лекарственных препаратов, в отношении которых составлялись подробные описания по применению.

Проведенное исследование показало, что на Телеканале Россия–1 реклама лекарственных препаратов осуществлялась очень интенсивно — практически каждые полчаса (24 раза) с 12 до 20 часов. При этом наряду с относительно безобидными препаратами, таким, как например, белый уголь, активно рекламировались препараты, которые имеют серьезные побочные эффекты и требуют специальных врачебных назначений (де-нол, одестон, лиотон и др.).

На 5-м канале реклама лекарственных препаратов также осуществлялась крайне интенсивно — 81 раз с 9 до 18 часов. Широко рекламируемыми и дорогостоящими препаратами являлись: вено-тонизирующие (флебодиа — 8 раз, венарус — 4 раза), антимикробные (мирамистин — 4 раза, гексорал — 2 раза, банеоцин — 2 раза),

⁷ Там же. С. 130.

⁸ См.: *Семина Т.В.* Деструктивная роль СМИ в генезисе социального конфликта в системе “врач–пациент” // *Солидарность и конфликт в социальной системе “врач — пациент” в современном российском обществе: Дисс. ... докт. социол. наук.* М., 2019. С. 142–169.

противогрибковые (экзодерил — 7 раз, микодерил — 4 раза, лоцерил — 2 раза), желудочные (эссенциале форте — 3 раза, гевискон — 3 раза, мезим-форте — 5 раз) препараты.

В целом проведенное Т.В. Семиной исследование показало, что “подобная частота показа рекламных роликов, так и способы их подачи, не может не воздействовать на аудиторию и серьезно подталкивает зрителей человека к самостоятельному назначению себе того или иного, далеко небезопасного лекарственного препарата”⁹.

В апреле–июле 2024 г. в рамках научно-исследовательской работы по гранту Российского научного фонда № 23-28-01081 “Социальное конструирование здоровья молодежи в условиях цифровизации” автором также было предпринято эмпирическое социологическое исследование, посвященное проблемам конструирования общественного здоровья в Российской Федерации, в частности, эффективности воздействия рекламных материалов, размещаемых в СМИ, на здоровьесберегающие установки россиян.

На первом этапе автором был проведен детальный анализ рекламы лекарственных препаратов на основе данных телеканалов — Первого канала, телеканала Россия–1 и телеканала Матч ТВ. Исследование проводилось три раза в неделю — по средам, четвергам и воскресеньям, а время проведения исследования было разделено на два временных интервала: 07:00–12:00 и 12:00–20:00, когда аудитория зрителей достигает своего максимума.

Анализу, как и в исследовании Т.В. Семиной, подвергались: 1) количество рекламных роликов лекарственных и фармацевтических препаратов; 2) распределение их частоты по времени; 3) названия лекарственных препаратов, которые “быстро и эффективно решают возникшую проблему” с желудком, сосудами, болью, печенью, суставами и т.п.

Результаты исследования показали, что на Первом канале в среду (10.04.2024) в интервале 12:00–20:00 лекарственные препараты рекламировались 33 раза, на канале Россия 1–48 раз (два раза с помощью выступлений “врачей”). В четверг (02.05.2024) на Первом канале с 7 до 12 часов лекарственные препараты рекламировались 27 раз, при том, что два раза с их рекламой также выступали “врачи”. На канале Россия–1 в этот же день и это же время лекарственные препараты рекламировались 25 раз, один раз с помощью “врача”. В воскресенье (14.04.2024) с 12:00 до 20:00 на канале Россия–1 лекарственные препараты рекламировались уже 95 раз, а на Первом

⁹ *Семина Т.В.* Медицина и общество: солидарность и конфликт. С. 130–131.

канале — 40 раз. Иногда, но достаточно редко, по сравнению с рекламой лекарственных препаратов рекламировались устройства спортивного характера — от 1 до 3 раз в обозначенные промежутки времени.

В числе лекарственных препаратов, рекламу которых можно назвать агрессивной (от 3 до 9 раз), — средства для лечения желудочно-кишечных расстройств (алмагель А, омез, аципол, эскузан, хилак-форте, тримедат, энтерумин) слабительные (фибралакс, слабикам) спазмолитические (пенталгин, тримедат), противовоспалительные (лонгидаза), обезболивающие (салвисар, пенталгин, долгидлок), венотонизирующие (флебодиа, детралекс, венарус, троксактив), нейротропные и нейропротекторные (ноопет), противодиабетические (дибикор), антигистаминные и успокоительные (новопассит), а также противогрибковые средства (мизол, фунгодерил), витамины (компливит) и биоактивные добавки (Омега-3, Магнелис В6, магний Эвалар). Часть рекламы занимали фитопрепараты на основе лекарственных растений. Например, нефростен — растительный препарат от заболеваний почек и мочевыводящих путей. Всего на телеканале Россия-1 было прорекламировано 54 препарата, а на Первом канале — 37 препаратов (см. рис. 1, табл.).

Рис. 1. Количество показов рекламных роликов “медицинские препараты” (15 препаратов с наибольшим количеством показов)

Динамика изменений частоты запросов

№	Наименование препарата	Кол-во показов рекламных роликов за время наблюдения	Частотности запросов в поисковом сервисе 01.07.2022 – 30.06.2024 (Среднее значение в месяц за 2022–2024 года)	Частотности запросов в поисковом сервисе 01.04.2024 – 01.06.2024 (Значение в период показа рекламных роликов)	Динамика изменений частоты запросов
1	Долгит блок	17	97 748	99 558	+1,9%
2	Мизол	15	22 678	34 761	+53,3%
3	Пенталгин	15	219 660	236 135	+7,5%
4	Флюковак/ Флукостат	15	95 496	100 981	+5,7%
5	Амелотекс	13	146 464	160 518	9,6%
6	Диклофенак Акос	12	655 024	693 756	5,9%
7	Фибралакс	12	7 190	16 229	+125,7%
8	Венарус	9	130 522	162 082	+24,2%
9	Гепатромбин Г	9	106 658	113 754	+6,7%
10	Гинкоум	9	53 544	49 285	-8,0%
11	Нефростен	9	45 880	54 983	+19,8%
12	Фосфоглив	9	203 018	200 095	-1,4%
13	Аскофен П	8	75 019	84 240	+12,3%
14	Гасит	8	117 821	138 456	+17,5%
15	Ноопет	8	126	130	+3,2%

Об агрессивном характере рекламы, наносящем вред как здоровому, так и больному человеку, на наш взгляд, свидетельствуют два обстоятельства.

Во-первых, многие лекарственные препараты имеют достаточно узкий спектр применения и не могут быть использованы без специальных обследований. К таковым можно отнести, например, глазные капли тауфон, назначаемые при дистрофиях роговицы, старческих, травматических, лучевых и других видах катаракт,

а также травмах роговицы в качестве стимулятора репаративных процессов. Или афобазол — транквилизатор широкого спектра применения для лечения генерализованных тревожных расстройств, неврастии и различных соматических заболеваний от бронхиальной астмы, ишемической болезни сердца до системной красной волчанки, дерматологических, онкологических и других заболеваний.

Во-вторых, во время рекламы акцент делался исключительно на эффективном, почти немедленном действии лекарственного препарата, хотя многие из них рассчитаны на курсовой прием, а многочисленные и опасные (например, аллергические реакции) побочные эффекты намеренно замалчивались и просто заменялись надписью: “имеются противопоказания, проконсультируйтесь со специалистом”.

Таким образом, исследование показало, что такая агрессивная реклама подталкивает зрителей к самостоятельному назначению себе того или иного, далеко небезопасного лекарственного препарата, провоцирует его на активное занятие самолечением. В результате просмотра телепередач, в которые включено множество роликов справочно-информационного характера, но на самом деле агрессивно и навязчиво рекламирующих лекарственные препараты, пациентом, “без какой-либо профессиональной диагностики, устанавливается диагноз, и назначается самолечение на основании лишь содержания передаваемой информации”¹⁰.

На втором этапе авторского исследования анализировалось среднее значение рекламы медицинских препаратов за час эфира. Так было установлено, что в будние дни на Первом телеканале и телеканале Россия–1 реклама этих препаратов осуществлялась 4,88 раз, а в выходные достигала 7,25 раз. На телеканале Матч ТВ подобная реклама практически отсутствовала (достигала нулевых значений), но иногда (относительно редко) рекламировались устройства спортивного характера (0,11 раз в час в будние дни и 0,10 раз в час в выходные дни). На двух других обозначенных выше каналах устройства спортивного характера также рекламировались, но во много раз реже, чем лекарственные препараты (см. рис. 2, 3). Полученные результаты свидетельствуют о том, что объем рекламы инвентаря для самостоятельных занятий физкультурой и спортом в разы меньше, чем объем рекламы, по существу, самолечения.

¹⁰ Селезнев Е.Ф., Чайцев В.Г. Медико-фармацевтические, информационно-образовательные проблемы биоэтики (окончание) // Экономический вестник фармации. 2005. № 3. URL: <https://www.lawmix.ru/med/2880> (дата обращения: 23.07.2024).

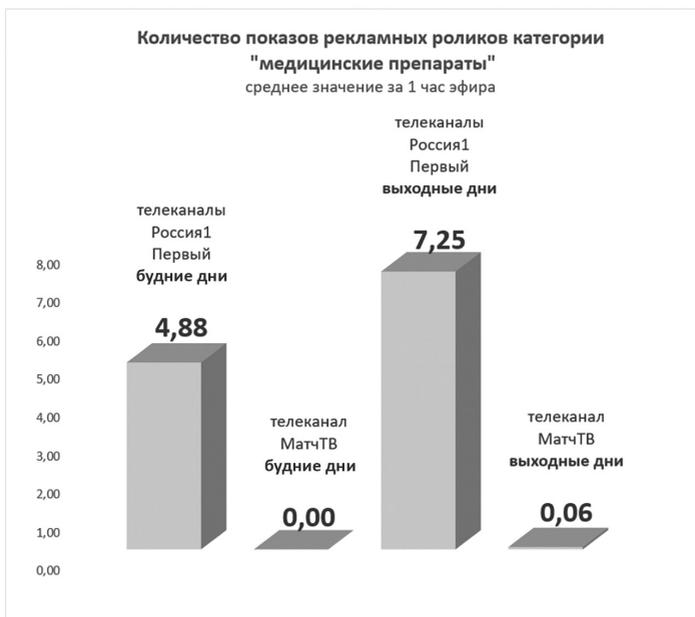

Рис. 2. Количество показов рекламных роликов в категории “медицинские препараты” (среднее значение за один час эфира)

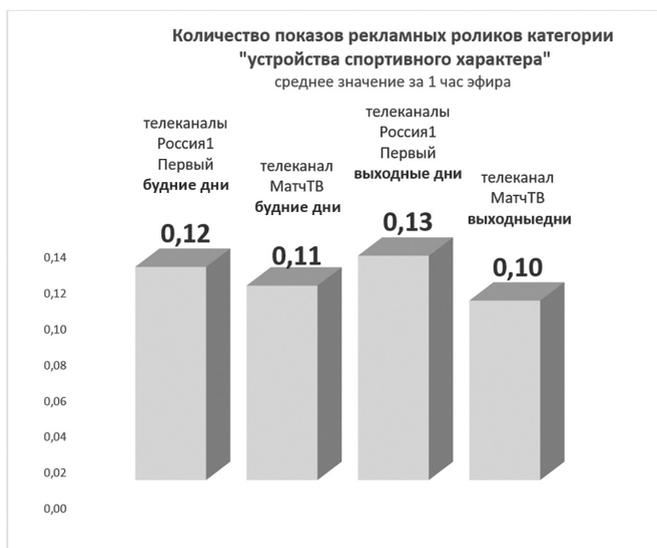

Рис. 3. Количество показов рекламных роликов в категории “устройства спортивного характера” (среднее значение за один час эфира)

На третьем этапе авторского исследования анализу подверглась динамика запросов в поисковые системы интернета (Яндекс Вордстат) по поводу лекарственных препаратов (с июля 2022 г. по июнь 2024 г.). Результаты анализа показали, что число запросов в отношении целого ряда препаратов (тримедат, долгит, гинкоум, пенталгин, афобазол, детралекс и др.) хотя и колеблется по месяцам года, в целом имеет существенную тенденцию к росту. Например, в июле 2022 г. было зафиксировано 477 997 запросов по поводу венотонизирующего препарата детралекс, в марте 2023 г. — 498 904 запроса, а в июне 2024 г. — 517 890 запросов. При этом установлена корреляционная зависимость между частотой рекламы препарата и число запросов в поисковых системах.

Кроме того, автором было установлено, что число запросов в поисковых системах по поводу лекарственных препаратов существенно превышает число запросов в отношении оздоровления посредством здорового образа жизни. Так, число запросов по ключевому слову “лекарства” стабильно превышало цифру в 4,5 млн, периодически колеблясь от 4 584 197 в мае 2022 г. до 5 599 670 (пиковое значение) в декабре 2022 г. и 5 273 025 в декабре 2023 г. Такие же высокие цифры дает динамика запросов по теме “здоровье” — от 4 564 197 в мае 2022 г., 6 398 051 в феврале 2023 г. и 5 268 283 в апреле 2024 г.

В то же время, число запросов в отношении “здорового питания”, “закаливания”, “отказа от курения” в среднем в 8–9 раз меньше, чем в отношении “здоровья” и “лекарственных препаратов”. При этом показателен тот факт, что число запросов в отношении “похудения” существенно превышает число запросов по поводу здорового питания. Так, по поводу “похудения” в ноябре 2023 г. было сделано 2 157 793 запроса, то по поводу здорового питания в этот же период — всего 106 598. При этом число запросов как в отношении диспансеризации, так и особенно здоровьесбережения нельзя назвать значительным. Так, насчет диспансеризации в марте 2024 г. к поисковым системам обратилось 282 239 человек, то к здоровьесбережению интерес проявили всего 1 473 человека.

В целом результаты исследования, проведенного автором, свидетельствуют о том, что главным механизмом и средством поддержания здоровья является лечение с помощью соответствующих препаратов, в то время как здоровьесбережение и сопутствующие ему технологии отступают далеко на задний план.

Как отмечают специалисты, сегодня с помощью СМИ «косметические и фармацевтические кампании зарабатывают миллионы на стремлении людей к красоте, молодости и здоровью, а за “эликсирами молодости” выстраиваются очереди. Но нельзя всю жизнь

курить, употреблять алкоголь и лежать на диване, а потом, приняв таблетку, вернуть былое здоровье»¹¹. Так, «согласно статистике без серьезных проблем со здоровьем средний россиянин доживает только до 60 лет»¹².

Именно в молодости начинают развиваться неинфекционные заболевания (НИЗ), которые длятся много лет, приводя к преждевременной смерти либо потере трудоспособности. НИЗ являются причиной почти 2/3 всех смертей в мире, в России 68,59% умерших ушли из жизни именно после НИЗ, хотя интенсивность смертности от разных НИЗ различна. Вероятность заболеть и умереть от НИЗ различна для разных заболеваний: например, почти половина всех смертей от НИЗ приходится на сердечно-сосудистые заболевания, хотя доля заболевших не превышает 15% от общего числа зарегистрированных заболеваний, а болезни органов дыхания, диагностируемые ежегодно у каждого четвертого пациента, вносят в общую смертность лишь чуть больше 4%. При этом НИЗ свойственна высокая коморбидность, которая выражается в их взаимодействии и усилении друг друга: диабет провоцирует развитие сердечно-сосудистых заболеваний, тяжелая депрессия наблюдается у трети онкологических больных и пациентов с гипертензией, и четверти больных диабетом¹³.

Исследования Н.Е. Русановой показали, что заболеваемость НИЗ растет быстрее, чем другими болезнями, а прогноз роста общего числа смертей от неинфекционных заболеваний (НИЗ) предполагает их увеличение до 52 млн человек в 2030 г. В России 69,6% всех смертей приходится на НИЗ. Из них 48,7% — болезни системы кровообращения, 15,5% — онкологические заболевания, 4% — болезни органов дыхания, 1,4% — диабет. В целом же от неинфекционных заболеваний в России ежегодно умирает до 1,3 млн человек, что на 119% больше, чем в Европе. Причем главным образом это происходит из-за того, что граждане не заботятся самостоятельно о своем здоровье и не проходят своевременно необходимые диагностические осмотры. Другими словами, они предпочитают перекладывать ответственность за свое здоровье на врачей¹⁴.

Беречь здоровье не так сложно, но, к сожалению, многие люди даже и не пытаются это сделать, руководствуясь определенными

¹¹ Кошкина А. Непреклонный возраст. Как снизить скорость на пути к старости // Профиль. 2020. № 4 (115). С. 15.

¹² Там же.

¹³ Русанова Н.Е. Эпидемия неинфекционных заболеваний и здоровье населения России // Демографический журнал. 2018. № 5. С. 2–4.

¹⁴ Там же.

стереотипами, навязываемыми СМИ. Например, что после определенного возраста абсолютно все имеют повышенное давление, избыточную массу тела, гормональные и прочие расстройства и должны регулярно принимать соответствующие (широко рекламируемые) лекарственные препараты или биологически активные добавки, польза от которых научно не доказана.

В целом результаты эмпирических исследований, проведенные Т.В. Семиной и подтвержденные авторским исследованием убедительно доказывают дисфункциональность СМИ в отношении здоровьесбережения граждан России, их отрицательное влияние на сознание как здоровых, так и больных людей.

К сожалению, сегодня объектом российской социальной политики в сфере общественного здоровья являются массовые заболевания и группы людей, подверженные им¹⁵. Практически здоровый человек и здоровое население в целом находятся вне фокуса внимания современного здравоохранения до тех пор, пока у них не возникнут заболевания. Финансирование для отечественного здравоохранения выделяется исключительно на лечение нездоровых поколений, подверженных серьезной патологии, а также на изучение тех или иных болезней¹⁶. Как отмечают специалисты, “сейчас самая большая проблема здравоохранения в том, что доктора продолжают обманывать людей, зарабатывая на этом. Больницы зарабатывают на различных процедурах — если там не останется людей, то и денег не будет. И никто не говорит о профилактике, это невыгодно”¹⁷.

Кроме того, требует внимания тот факт, что “здоровье и здоровый образ жизни не находятся в списке приоритетов современной молодежи, которая характеризуется низким уровнем здоровья — физического и психического, тяготеет к нездоровому образу жизни, включающему низкую физическую активность и вредные привычки”¹⁸.

На наш взгляд, и это самое главное — необходимы изменения в развитии самосохранительного поведения у населения. Основ-

¹⁵ *Оситова Н.Г.* Социальное конструирование здоровья современной российской молодежи: основные векторы отечественного дискурса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. № 4.

¹⁶ *Гафиатулина Н.Х.* Здоровье молодёжи российского общества: социологический анализ неблагоприятных тенденций // Вестник Института ИАЭ. 2016. № 1. С. 140–143.

¹⁷ Учиться жить, а не доживать // Профиль. 2020. № 4 (115). С. 19.

¹⁸ *Маркова Н.В., Рютин С.Г.* Здоровье студенческой молодежи: современные тенденции // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 3. С. 168–172. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=37961> (дата обращения: 06.04.2023).

ная задача государства не только в развитии эффективной системы здравоохранения, но и в пропаганде ответственного отношения граждан к собственному здоровью, которое подразумевает регулярные медицинские обследования, отказ от вредных привычек, ведение здорового образа жизни, предполагающего “жизнь в движении”, полноценный сон и когнитивную активность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гафиатулина Н.Х. Здоровье молодежи российского общества: социологический анализ неблагоприятных тенденций // Вестник Института ИАЭ. 2016. № 1. С. 140–143.

Кошкина А. Непреклонный возраст. Как снизить скорость на пугик старости // Профиль. 2020. № 4 (115).

Маркова Н.В., Рютин С.Г. Здоровье студенческой молодежи: современные тенденции // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 3. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=37961> (дата обращения: 06.04.2023).

Осипова Н.Г. Теории влияния СМИ // Эффективная коммуникация: история, теория, практика. Словарь справочник / Отв. ред. М.И. Панов. М., 2005.

Осипова Н.Г. Социальное конструирование здоровья современной российской молодежи: основные векторы отечественного дискурса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. № 4.

Осипова Н.Г. Социология. М., 2024.

Русанова Н.Е. Эпидемия неинфекционных заболеваний и здоровье населения России // Демографический журнал. 2018. № 5. С. 2–4.

Селезнев Е.Ф., Чайцев В.Г. Медико-фармацевтические, информационно-образовательные проблемы биоэтики (окончание) // Экономический вестник фармации. 2005. № 3. URL: <https://www.lawmix.ru/med/2880> (дата обращения: 23.07.2024).

Семина Т.В. Деструктивная роль СМИ в генезисе социального конфликта в системе “врач–пациент” // Солидарность и конфликт в социальной системе “врач–пациент” в современном российском обществе: Дисс. ... докт. социол. наук. М., 2019. С. 142–169.

Семина Т.В. Медицина и общество: солидарность и конфликт. М., 2020.

Смеюха В.В. Медиатизация общества: проблемы и последствия // Научные Ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 18 (215). Вып. 27. С. 38–48.

Учиться жить, а не доживать // Профиль. 2020. № 4 (115).

REFERENCES

Gafiatulina N.H. Zdorov'e molodyozhi rossijskogo obshchestva: sociologicheskij analiz neblagopriyatnyh tendencij [Health of the youth of Russian society: a sociological analysis of unfavorable trends] // Vestnik Instituta IAE. 2016. N 1. S. 140–143 (in Russian).

Koshkina A. Nepreklonnyj vozrast. Kak snizit' skorost' na putik starosti [Unyielding age. How to slow down the path to old age] // Profil. 2020. N 4 (115) (in Russian).

Markova N.V., Ryutin S.G. Zdorov'e studencheskoj molodezhi: sovremennye tendencii [Health of student youth: current trends] // Sovremennye naukoemkie

tehnologii. 2020. N 3. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=37961> (data obrashcheniya: 06.04.2023) (in Russian).

Osipova N.G. Teorii vliyaniya SMI [Theories of Media Influence] // Effektivnaya kommunikaciya: istoriya, teoriya, praktika: Slovar' spravochnik / Otv. red. M.I. Panov. M., 2005 (in Russian).

Osipova N.G. Social'noe konstruirovaniye zdorov'ya sovremennoj rossijskoj molodyozhi: osnovnye vektory otechestvennogo diskursa [Social construction of the health of modern Russian youth: the main vectors of domestic discourse] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologia i politologia. 2023. N 4 (in Russian).

Osipova N.G. Sociologiya [Sociology]. M., 2024. S. 326–327 (in Russian).

Rusanova N.E. Epidemiya neinfekcionnyh zabolevanij i zdorov'e naseleniya Rossii [Epidemic of Non-Communicable Diseases and Health of the Population of Russia] // Demograficheskij zhurnal. 2018. N 5. S. 2–4 (in Russian).

Seleznev E.F., Chajcev V.G. Mediko-farmaceuticheskie, informacionno-obrazovatel'nye problemy bioetiki (okonchanie) [Medical, Pharmaceutical, Informational and Educational Problems of Bioethics (end)] // Ekonomicheskij vestnik farmacii. 2005. N 3. URL: <https://www.lawmix.ru/med/2880> (data obrashcheniya: 23.07.2024) (in Russian).

Semina T.V. Destruktivnaya rol' SMI v genezise social'nogo konflikta v sisteme "vrach-pacient" [The destructive role of the media in the genesis of social conflict in the "doctor-patient" system] // Solidarnost' i konflikt v social'noj sisteme "vrach-pacient" v sovremennom rossijskom obshchestve: Diss. ... dokt. sociol. nauk. M., 2019. S. 142–169 (in Russian).

Semina T.V. Medicina i obshchestvo: solidarnost' i konflikt [Medicine and Society: Solidarity and Conflict]. M., 2020 (in Russian).

Shutova M.V., Rocheva Y.S. Digital media and new patient-clinic-doctor interaction patterns // Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar (2021 ComSDS). 2021. April 14. P. 82–85.

Smeyuha V.V. Mediatizaciya obshchestva: problemy i posledstviya [Mediatization of society: problems and consequences] // Nauchnye Vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki. 2015. N 18 (215). Vyp. 27. S. 38–48 (in Russian).

Uchit'sya zhit', a ne dozhivat' [Learn to live, not live out] // Profil'. 2020. N 4 (115) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-293-303

ЦИФРОВОЕ ДОВЕРИЕ В ПРОЦЕССЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КИТАЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Цзо Ци, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена актуальным проблемам цифровой трансформации Китая и роли цифрового доверия в ней. Цифровая трансформация — это долгосрочный всеобъемлющий и быстрый процесс, сопровождаемый резким развитием цифровых технологий, институциональными изменениями и соответствующей адаптацией людей к новым условиям. При этом подчеркивается, что кардинальные изменения, вызванные цифровой трансформацией, приносят много неопределённости и рисков для общества, которые без должной государственной реакции могут привести к социальным беспорядкам и социальным волнениям, понизить доверие к этому процессу.

В процессе цифровой трансформации высокое доверие между людьми способно уменьшить подозрения, сомнения и снизить социальную напряженность в обществе. В данной связи на первый план социологического анализа выходит цифровое доверие — новый комплексный социальный феномен, объединяющий достаточную уверенность в надежности отдельных лиц, процессов и технологий, связанных с безопасностью и преимуществами цифрового мира.

Автор показывает, что структура цифрового доверия многогранна и задает различные объекты для исследования: ими могут выступать технологии, процессы, индивиды и т.д., следовательно, те факторы, которые влияют на эти три компонента структуры доверия, допустимо рассматривать как факторы, влияющие и на цифровое доверие в целом.

Однако тема цифрового доверия еще мало изучена, как с теоретической, так с практической точек зрения, а валидных эмпирических ее исследований явно недостаточно. Действительно, некоторые ученые использовали в своих исследованиях для изучения элементов, влияющих на цифровое доверие, факторный анализ. Однако из-за отсутствия проработанной теоретической базы, механизм взаимодействия между влияющими факторами и характеристиками цифрового доверия не может быть достоверно описан.

В статье представлена оригинальная методология социологического анализа цифрового доверия, основанная на методологии факторного анализа. В резуль-

* * Цзо Ци, e-mail: zq840474927@126.com

тате ее апробации выявлены факторы, влияющие на уровень цифрового доверия, которые имеют теоретическое и практическое значение.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровая трансформация, цифровое доверие, факторный анализ, перспективы цифровой трансформации в Китае.

DIGITAL TRUST IN CHINA'S DIGITAL TRANSFORMATION PROCESS: METHODOLOGY AND RESULTS OF AN EMPIRICAL RESEARCH

Zuo Qi, Postgraduate Student of the Department of Modern Sociology of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: zq840474927@126.com

The article is devoted to the topical issues of China's digital transformation and the role of digital trust in it. Digital transformation is a long — term comprehensive and rapid process, accompanied by rapid development of digital technologies, institutional changes and appropriate adaptation of people to new conditions. At the same time, it is emphasized that the drastic changes caused by digital transformation bring a lot of uncertainty and risks to society, which, without proper government response, can lead to social unrest and social unrest, and reduce confidence in this process. In the process of digital transformation, high trust between people can reduce suspicions, doubts and reduce social tension in society. In this regard, digital trust comes to the fore of sociological analysis — a new complex social phenomenon that combines sufficient confidence in the reliability of individuals, processes and technologies related to the security and benefits of the digital world. The author shows that the structure of digital trust is multifaceted and sets various objects for research: they can be technologies, processes, individuals, etc., therefore, those factors that affect these three components of the trust structure can be considered as factors affecting digital trust as a whole. However, the topic of digital trust has not been studied much, both from a theoretical and practical point of view, and its valid empirical studies are clearly insufficient. Indeed, some scientists have used factor analysis in their research to study the elements that affect digital trust. However, due to the lack of a well-developed theoretical framework, the mechanism of interaction between influencing factors and characteristics of digital trust cannot be reliably described. The article presents an original methodology for the sociological analysis of digital trust, based on the methodology of factor analysis. As a result of its testing, factors affecting the level of digital trust have been identified, which are of theoretical and practical importance.

Key words: digital technologies, digital transformation, digital trust, factor analysis, prospects for digital transformation in China.

Широкое использование цифровых технологий привело к масштабной цифровой трансформации общества, которая охватывает почти все области социальной жизни — от политики, экономики,

культуры, экологии до различных практик повседневности. Сегодня все люди, независимо от пола, возраста или национальности, без ограничений используют такие цифровые интеллектуальные устройства, как смартфоны — в метро, автобусах, кафе, торговых центрах — почти повсюду. Кроме того, цифровизация деятельности национальных правительств, государственных ведомств и промышленных предприятий наглядно доказывает, что цифровые технологии повсеместно вошли в традиционную деятельность людей.

С одной стороны, применение цифровых технологий обогащает культурную жизнь, повышает эффективность использования общественного труда, снижает транзакционные издержки, стимулирует экономическое развитие в целом, что приводит к росту социально-экономического благосостояния общества. Именно потому, что цифровые технологии играют такую важную роль в общественном развитии, многие страны активно способствуют развитию цифровых технологий, проводя радикальные перемены в формате программ цифровой трансформации. Цифровая трансформация — это долгосрочный всеобъемлющий и быстрый процесс, сопровождаемый резким развитием цифровых технологий, институциональными изменениями и соответствующей адаптацией людей к новым условиям. С другой стороны, такие кардинальные изменения, вызванные цифровой трансформацией, приносят много неопределённости и рисков для общества, которые без должной государственной реакции могут привести к социальным беспорядкам и социальным волнениям, понизить доверие к этому процессу.

Известно, что доверие является краеугольным камнем социального развития и основной гарантией для социальных коммуникаций, деловых отношений между людьми. В любую эпоху наличие доверия необходимо для развития страны и общества, при этом его высокий уровень может должным образом поддерживать общественный порядок внутри страны.

В эру цифровых технологий доверие по-прежнему играет ключевую роль. Сейчас некоторые виды деятельности естественным образом переместились из офлайн-режима в онлайн, а цифровое пространство стало важным пространством общения между людьми. В процессе цифровой трансформации высокое доверие между людьми способно уменьшить подозрения, сомнения и снизить социальную напряженность в обществе. Высокий уровень доверия способствует цифровому развитию, и наоборот. Кроме того, разный уровень цифрового доверия людей отражает разные взгляды людей на цифровую трансформацию. В связи с этим необходимо изучать

взгляды разных групп общества на цифровую трансформацию и анализировать состояние цифрового доверия.

Обзор научных, теоретических и эмпирических исследований, посвященных феномену доверия, а также роли цифрового доверия в цифровой трансформации мирового сообщества и Китая, показал, что фокусом многочисленных исследований феномена цифрового доверия является процесс перехода от первоначального, традиционного доверия к доверию цифровому.

Цифровое доверие представляет собой новое и комплексное социальное явление, что подтверждает собирательное его определение, данное российскими учеными: “цифровое доверие — это достаточная уверенность в надежности отдельных лиц (пользователей и специалистов цифровой деятельности), процессов и технологий, связанных с безопасностью и преимуществами цифрового мира”¹.

Цифровое доверие, которое выстраивается в контексте цифровой трансформации общества, призвано не только помогать созданию безопасного и устойчивого цифрового мира, но и сделать цифровую жизнь людей более удобной. Другими словами, цифровое доверие предполагает достаточно высокое доверие к людям, процессам и технологиям, которые создают безопасный и комфортный цифровой мир. Структура цифрового доверия многогранна и задает различные объекты для исследования: ими могут выступать технологии, процессы, индивиды и т.д., следовательно, те факторы, которые влияют на эти три компонента структуры доверия, допустимо рассматривать как факторы, влияющие и на цифровое доверие в целом.

На наш взгляд, и это показал проведенный анализ, тема цифрового доверия еще мало изучена, как с теоретической, так практической точек зрения, а валидных эмпирических ее исследований явно недостаточно. Действительно, некоторые ученые использовали в своих исследованиях для изучения элементов, влияющих на цифровое доверие, факторный анализ. Этот метод позволяет выявить большое количество влияющих на цифровое доверие факторов, которые затем необходимо обобщить и классифицировать в соответствии с заданными характеристиками. Однако из-за отсутствия проработанной теоретической базы, механизм взаимодействия между влияющими факторами и характеристиками цифрового доверия не может быть достоверно описан.

С целью усовершенствования достоверности социологического анализа цифрового доверия автором разработана и апробирована

¹ *Веселов Ю.В., Шипунова О., Поздеева Е. Доверие в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. № 2. С. 134.*

оригинальная методология, суть которой состоит в следующем. На базе теорий традиционного и цифрового доверия, рассмотренных выше, анализа состояния развития социального и сетевого доверия в Китае, для изучения факторов и механизмов, влияющих на цифровое доверие, была определена структура (выявлены компоненты) этого социального феномена: 1) доверие к цифровым технологиям, 2) доверие к цифровому процессу, 3) доверие к людям, включенным в цифровую коммуникацию (сеть). Затем — обобщены факторы, влияющие на компоненты цифрового доверия, в соответствии с которыми выдвинуты группы гипотез, подлежащих проверке эмпирическим путем.

Первым компонентом, подлежащим эмпирическому исследованию, стало доверие к цифровым технологиям. При этом анализ факторов, влияющих на доверие к технологиям, был основан на исследованиях Д. Макнайта и других ученых, по мнению которых доверие людей к ИТ-технологиям в основном определяется двумя — когнитивными и эмоциональными факторами. В частности, они включают в себя: 1) восприятие полезности, 2) восприятие простоты использования, 3) восприятие надежности и 4) восприятие человекоподобности.

По мнению исследователей С. Комиак и И. Бенбазат, продолжительное использование людьми ИТ-технологии в условиях неопределённости можно расценивать как доверие к этой технологии². В цифровой доверии к таким цифровым технологиям относятся интернет, искусственный интеллект, большие данные и интернет вещей. Цифровые технологии являются важной частью ИТ-технологий, поэтому восприятие их полезности, простоты использования, надежности и человечности также должны влиять на доверие к цифровым технологиям в целом и предположительно могут повысить доверие людей к ИТ-технологиям.

Вторым компонентом, подлежащим эмпирическому исследованию, послужило доверие к цифровому процессу. В частности, российские ученые определили цифровой процесс как процесс внедрения цифровых технологий в экономическую и социальную деятельность общества. При этом цифровой процесс относится ко всем аспектам процесса сбора, обработки и защиты данных граждан, предприятий и государственных ведомств. Доверие людей к этому процессу зависит от восприятия надежности и безопасности самого процесса, что, в частности, включает в себя три аспекта: конфиден-

² *Komiak S.Y.X., Benbasat I. The effects of personalization and familiarity on trust and adoption of recommendation agents // MIS Quarterly. 2006. N 4. P. 956.*

циальность, онлайн-безопасность и подотчетность³. Что касается конфиденциальности, то она относится к личному пространству и персональным данным, которые используются отдельными лицами в интернете, а также к их правам, подлежащим защите. Строго говоря, помимо физических лиц, организации и государственные ведомства также имеют обязательства и несут ответственность за защиту персональных данных. Тем не менее в контексте возможностей по использованию больших данных коммерческие организации и государственные ведомства отслеживают, контролируют и используют персональные данные граждан, что, с одной стороны, способствует развитию цифровизации, но с другой — может подорвать доверие людей к цифровым технологиям. Таким образом, защита конфиденциальности данных пользователей может потенциально повысить доверие людей к использованию цифровых технологий. Кроме того, результаты предыдущих исследований позволяют предположить, что повышение безопасности онлайн-среды, вероятно, увеличит позитивное восприятие людьми цифровых процессов.

Подотчетность (или нормативный контроль — *Прим. Ц.Ц.*) — это, главным образом, жесткий институциональный механизм, используемый для защиты личной жизни и безопасности в интернете, который включает различные законы и положения, направленные на защиту прав и интересов людей в интернете. Подотчетность — это гарантия для людей, когда они сталкиваются с проблемами в цифровой деятельности. Восприятие конфиденциальности, безопасности и подотчетности будет влиять на уровень доверия людей к цифровым процессам.

Третьим компонентом, подлежащим эмпирическому исследованию, выступило межличностное доверие (доверие к людям). Так, большинство ученых, изучающих цифровое доверие, рассматривают специалистов по кибербезопасности, которые создают и поддерживают безопасность цифрового мира, как важную часть механизма повышения цифрового доверия. Однако при изучении общего цифрового доверия в силу особенностей цифровизации люди вступают в контакт с разнообразными группами людей в интернете, что решительно влияет на построение безопасного и комфортного цифрового мира. Следовательно, межличностное цифровое доверие должно быть доверием между людьми в интернете. Исследователи Чжао Цзиньлун, Чэнь Чаочэнь, Се Инсян и другие доказали, что

³ The journey to digital trust. URL: <https://www.pwc.com/sg/en/publications/assets/the-journey-to-digital-trust-2019.pdf> (accessed: 15.03.2024).

репутация, качество информации, взаимная эмпатия и общие ценности влияют на состояние межличностного доверия в интернете. Людям с хорошей репутацией больше доверяют, как в онлайн, так и в оффлайн-коммуникациях⁴.

Известно, что качество информации обычно характеризуется точностью, актуальностью и полезностью. Качество информации веб-сайтов и пользователей в интернете, удовлетворяет различным требованиям субъектов (по социальному взаимодействию, развлечению, получению информации, обучению навыкам и т. д.), что положительно влияет на формирование межличностного доверия. Корейские учёные Хён Шик Юн и ряд других отмечают, что качество информации существенно влияет на удовлетворенность клиентов от посещения веб-сайтов и на их будущие намерения по его использованию⁵. Высококачественная информация помогает снизить неопределенность и риски, связанные с проведением транзакций в электронной коммерции. Если пользователи обнаружат, что личная информация, предоставленная веб-сайтом или отдельными лицами, имеет высокое качество, они будут полагать, что продавец надежен и будущие транзакции заслуживают доверия.

Взаимность в сетевой среде — это характеристика, способная удовлетворить интересы обеих сторон при взаимодействии объекта и субъекта доверия. Восприятие взаимности позволяет людям просить что-то взамен, и одновременно проявлять готовность помочь. Это взаимодействие отражает готовность к сотрудничеству, формирует уверенность людей и доверие друг к другу и, как правило, подкрепляется эмоциями. Так, ученые обнаружили, что успешная работа виртуальных сообществ в основном зависит от сообщений участников с просьбами о помощи и ответов с сочувствием или дальнейшим оказанием помощи⁶.

Общие ценности обычно считаются основанием для формирования общих моральных принципов общества и основой для консенсуса между его членами⁷. Так, ученые М. Морган и Д. Хант

⁴ Чжао Цзиньлун. Исследование факторов влияния межличностного доверия в социальных сетях путем введения модулирующего эффекта офлайн-знакомства: Дисс. ... канд. ист. Наук. Пекин, 2015. С. 32.

⁵ Hyun Shik Yoon, Luis G. Osoya. Influencing factors of trust in consumer-to-consumer electronic commerce with gender and age // International Journal of Information Management. 2015. N 3. P. 354.

⁶ Ridings C.M., Gefen D., Arinze B. Some antecedents and effects of trust in virtual communities // The Journal of Strategic Information Systems. 2002. N 11. P. 271.

⁷ Жернов Е.Е., Нехода Е.В., Редчикова Н.А. Этические аспекты концепции создания общих ценностей // Российское предпринимательство. 2018. № 12. P. 40–80.

считают, что общие ценности являются прямым предшественником доверия, которое представлено принципами, в рамках которых стороны договариваются о намерениях и действиях, достигают соглашений по вопросам поведения, целей и политики⁸. Исследователи Ф. Дуайер и Р. Лягас также утверждают, что общие ценности способствуют развитию доверия и приверженности договоренностям⁹.

Для того чтобы гарантировать эффективное достижение цели измерения отобранных переменных, автор сначала рассмотрел результаты предыдущих исследований традиционного и цифрового доверия, затем составил шкалы измерения, связанные с теоретической моделью этого исследования, и объединил их с традиционным и цифровым доверием в современном китайском обществе, для чего в шкалы были внесены практические корректировки. Для элементов измерения, которым не удалось найти подходящую сопоставимую шкалу, автор составил свои собственные вопросы, основанные на результатах предыдущих исследований, по которым и были приняты соответствующие измерения.

Методом исследования послужил онлайн-опрос граждан Китая с помощью онлайн-анкеты. Для этого была использована платформа “Квэштионер стар” для разработки окончательной версии анкеты онлайн-опроса. Анкеты распространялись через пять крупнейших онлайн-платформ Китая (WeChat, QQ, Douyin, Kuaishou и Weibo). Всего была собрана 331 анкета, из них 312 полных и действительных, с процентом восстановления 94,25%. Для обработки информации автор сначала использовал SPSS 26, чтобы отсортировать все данные и провести тест на надежность, валидность и факторный тестовый анализ. Автор также использовал программное обеспечение Smart PLS 4.0 для проверки взаимосвязи и степени влияния между множеством влияющих факторов и цифровым доверием.

Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить ряд факторов, влияющих на уровень цифрового доверия, которые имеют теоретическое и практическое значение.

Во-первых, уровни цифрового доверия тесно связаны с восприятием людей полезности, простоты использования и надежности цифровых технологий. Хотя полезность является важным влияющим фактором, ее влияние на повышение доверия к цифровым технологиям ограничено, поэтому в центре внимания должна

⁸ *Morgan R.M., Hunt S.D.* The commitment-trust theory of relationship marketing // *Journal of Marketing*. 2002. N 3. P. 25.

⁹ *Dwyer F.R., LaGace R.* On the nature and role of buyer-seller trust // *AMA Summer Educators Conference Proceedings* / ed. by T. Shimp et al. Chicago, 1986. P. 21.

быть их надежность. В последние годы участились аварии, связанные с цифровыми технологиями, представляющие серьезную угрозу для жизни людей и безопасности их имущества. Поэтому, улучшая функциональность и разнообразие цифровых технологий, как проектировщики, так и ответственные учреждения должны уделять больше внимания надежности, стабильности и безопасности самих цифровых технологий.

Во-вторых, повышение простоты использования также является важным направлением развития цифровых технологий. Развитие цифровых технологий пока находится на начальной стадии, а стандарты внедрения технологий, конкуренция и противостояние производителей и т.д. делают использование цифровых технологий обременительным и сложным. Это может не только снизить эффективность использования цифровых технологий, но и создать препятствия для принятия и использования людьми цифровых технологий. Установление унифицированных и стандартизированных отраслевых стандартов, осуществление более строгого надзора и проверки, а также повышение целостности проектирования цифровых технологий являются важными направлениями для людей, направленными на повышение цифрового доверия и содействие цифровой трансформации общества в будущем.

Процесс цифрового доверия относится к процессу, посредством которого страны и предприятия собирают, обрабатывают, используют и защищают личные данные граждан. Этот процесс представляет собой сложную систему, в которой участвуют не только страны и предприятия, но внутренние системы, институты и отдельные лица, связанных с ними, а также сети извне. Поэтому вопросы кибербезопасности, подотчетности и конфиденциальности являются важными факторами, влияющими на доверие к процессу, что и подтверждают результаты проведенного эмпирического исследования.

Вопросы конфиденциальности оказывают меньшее влияние на доверие к процессам, чем кибербезопасность и нормативная подотчетность, но к ним все равно следует относиться серьезно. Развитие цифровизации неотделимо от цифровых данных, а использование цифровых данных неизбежно связано с конфиденциальностью данных реальных людей. На наш взгляд, решение этой проблемы требует рассмотрения как технических, так и социальных аспектов. Например, с социальной точки зрения, все слои общества должны быть уверены в развитии цифровых технологий, а также проявлять терпимость и понимание к деятельности соответствующих лиц, предприятий и правительств. Только таким образом можно эф-

фективно решать проблемы конфиденциальности данных граждан и повысить уровень цифрового доверия.

В интернете межличностное доверие является основой всей социальной деятельности, а также предпосылкой и сутью всех сетевых отношений, имеющих существенное значение. Однако “дефицитный товар” онлайн-межличностного доверия не является врожденной сущностью, а постепенно накапливается обеими сторонами в онлайн-социальном взаимодействии в течение долгого времени, на которое влияет множество сложных факторов. Результаты проведенного эмпирического исследования показали, что репутация, качество информации, взаимность и общие ценности являются важными факторами, влияющими на межличностное доверие в интернете. Среди них более существенное влияние оказывают репутация, качество информации и взаимность.

Проведенное исследование также показало, что и общие ценности существенно влияют на межличностное доверие в интернете, но их влияние не так сильно, как качество информации. Это означает, что этика по-прежнему играет определенную роль в эпоху цифровых технологий. Поэтому повышение уровня цифрового доверия в Китае неотделимо от строительства культурной сферы. Повышение морального уровня онлайн-граждан будет способствовать повышению межличностного доверия в интернете и будет способствовать развитию цифровой трансформации. Поэтому в будущем, хотя китайское общество будет полностью продвигать цифровую трансформацию, оно также должно уделять внимание построению культурной этики.

Процесс социальной цифровой трансформации можно трактовать как процесс интеграции технологий и деятельности общества, который содержит много неопределенностей из-за недостаточной проработанности базовой логики цифровых технологий, проблем общества и различных неизвестных условий, с которыми сталкивается социум в процессе и после интеграции. В результате люди озабочены проблемами цифровой трансформации. Формирование и повышение цифрового доверия может восстановить уверенность людей и устранить их тревогу. Следовательно, интеграция развития цифровых технологий с обществом — необратимый процесс. Разделить технологии и общество практически невозможно. Развитие и совершенствование технологий — это процесс, который требует от людей большей толерантности к цифровым технологиям на ранних стадиях. Укрепление доверия — лучший способ обеспечить инклюзивность социальной цифровой трансформации.

Цифровая трансформация имеет важное практическое значение для решения текущих проблем большой численности населения

Китай и нехватки ресурсов в китайском обществе. Однако Китай находится на ранних стадиях цифровой трансформации, и существует множество неопределённостей и проблем, которые необходимо решать. Китайское общество всегда было страной с высоким уровнем доверия. Благодаря инерции доверия в цифровую эпоху сохраняется доверие людей к национальному правительству, социальным институтам и между людьми. Поэтому высокий уровень цифрового доверия поможет китайскому обществу успешно преодолеть трудности цифровой трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Веселов Ю., Шипунова О., Поздеева Е.* Доверие в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. № 2.
- Жернов Е.Е., Нехода Е.В., Редчикова Н.А.* Этические аспекты концепции создания общих ценностей // Российское предпринимательство. 2018. № 12.
- Чжао Цзиньлун.* Исследование факторов влияния межличностного доверия в социальных сетях путем введения модулирующего эффекта офлайн-знакомства: Дисс. ... канд. ист. наук. Пекин, 2015.

REFERENCES

- Chzhao Czin'lun.* Issledovanie faktorov vliyaniya mezhlichnostnogo doveriya v social'nyh setyah putyom vvedeniya moderiruyushchego effekta oflajn-znakomstva [A Study of the Factors Influencing Interpersonal Trust in Social Networks by Introducing the Moderating Effect of Offline Dating]: Diss. ... kand. ist. nauk. Pekin, 2015 (in Russian).
- Dwyer F.R., LaGace R.* On the nature and role of buyer-seller trust // AMA Summer Educators Conference Proceedings / Ed. by T. Shimp et al. Chicago, 1986.
- Hyun Shik Yoon, Luis G. Oсеña.* Influencing factors of trust in consumer-to-consumer electronic commerce with gender and age // International Journal of Information Management. 2015. N 3.
- Komiak S.Y.X., Benbasat I.* The effects of personalization and familiarity on trust and adoption of recommendation agents // MIS Quarterly. 2006. N 4.
- Morgan R.M., Hunt S.D.* The commitment-trust theory of relationship marketing // Journal of Marketing. 2002. N 3.
- Ridings C.M., Gefen D., Arinze B.* Some antecedents and effects of trust in virtual communities // The Journal of Strategic Information Systems. 2002. N 11.
- The journey to digital trust. URL: <https://www.pwc.com/sg/en/publications/assets/the-journey-to-digital-trust-2019.pdf> (accessed: 15.03.2024).
- Veselov Yu.V., SHipunova O., Pozdeeva E.* Doverie v cifrovom obshchestve [Trust in a Digital Society] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya. 2020. N 2 (in Russian).
- Zhernov E.E., Nekhoda E.V., Redchikova N.A.* Eticheskie aspekty koncepcii sozdaniya obshchih cennostei [Ethical Aspects of the Concept of Creating Common Values] // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2018. N 12 (in Russian).